

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 1 (52) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: РИНЦ, Google scholar,
список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,58 усл. п.л. Заказ № 495.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/ fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание 1•2017

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая политика

- 7 Подберезкин А.И. - От «стратегии противоборства» к «стратегии управления»
- 21 Бордачёв Т.В., Казакова А.В. - Современная Европа и национальный интерес России
- 36 Шишков В.В. - Кризис глобальной гегемонии: перенапряжение гипердержавности США в XXI в.
- 57 Пименова Е.В. - Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power.
- 67 Корво П. - Биосоциальные продовольственные риски: международные аспекты

Ближний Восток

- 83 Федорченко А.В. - Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс?
- 101 Костенко Ю.И. - «Новая периферийная стратегия» Израиля

История политических идей и практик

- 119 Нурулла-Ходжаева Н.Т. - «Танцующие» купцы вне империй на шёлковом пути
- 140 Сардарян Г.Т. - Модернизм и католическая политическая доктрина
- 152 Шелепова Ю.А. - Развитие идей классической геополитики в Чили (XIX-XX вв.)

Международная политическая экономия

- 162 Долгова А.Ю. - Международный финансовый центр и глобальный город: взаимосвязь понятий
- 173 Пахомов Н.В. - Энергетическая безопасность как глобальное общественное благо
- 187 Захаров А.Н. - Глобальная энергетическая проблема: новые вызовы и угрозы, возможности их преодоления
- 201 Зубкова Я.Н. - Значение иностранных инвесторов для электроэнергетики России в перспективе энергетической революции
- 212 Ревенко Л.С. - Использование зарубежного опыта продвижения сельскохозяйственных товаров на внешние рынки для формирования российской экспортной стратегии
- 227 Афян А.И. - Особенности становления и этапы развития мирового рынка гражданского авиастроения

РЕЦЕНЗИИ

- 239 Сидоров А.Ю. - Дипломатия Мадрида в период постфранкизма. Рецензия на: Анিকেева Н.Е. Внешняя политика Испании в конце XX— начале XXI века». М.: МГИМО-Университет, 2016. 490 с.
- 243 Харкевич М.В. - Сохраняя традиции. Рецензия на книгу: Шестопап А.В. МГИМО: лица и поколения. М.: МГИМО-Университет, 2016.

Table of Contents 1• 2017

RESEARCH ARTICLES

World politics

- 7 Podberezkin A.I. – Security Strategy: Governing the Future instead of Detering It.
- 21 Bordachev T.V., Kazakova A.V. – Europe and Russia’s National Interests.
- 36 Shishkov V.V. – Crisis of Global Hegemony: the Overstretch of US Hyperpower in the 21st Century.
- 57 Pimenova E.V. – The Decline of Soft Power?
- 67 Corvo P. – Biosocial Risks of Food: International Aspects.

Middle East

- 83 Fedorchenko A.V. – The Arab World: Is The Economic Renaissance Possible?
- 101 Kostenko Y.I. – “New Periphery Strategy” of Israel.

History of Political Ideas and Practices

- 119 Nurulla- Khodjaeva N.T. – “Dancing” Merchants beyond the Empires On The Silk Road.
- 140 Sardaryan G.T. – Modernism and Catholic political doctrine.
- 152 Shelepova Y.A. – The Development of the Ideas of Classical Geopolitics in Chile (19-20 Centuries).

International Political Economy

- 162 Dolgova A.Y. – International Financial Centre and Global City.
- 173 Pakhomov N.V. – Global Energy Security as Global Public Good.
- 187 Zakharov A.N. – The Global Energy Challenge: New Challenges and Threats, the Ways to Overcome Them.
- 201 Zubkova Y.N. – Importance of Foreign Investors for Russian Power Industry In Prospect of Energy Revolution.
- 212 Revenko L.S. – Implementing International Experience in Promoting Agricultural Products to Foreign Markets: The Russian Export Strategy.
- 227 Afyan A.I. – Evolution of Civil Aircraft Industry Development.

BOOK REVIEWS

- 239 Sidorov A. Yu. – Diplomacy of Madrid after Franco.
- 243 Kharkevich M.V. – Preserving Traditions.

ОТ «СТРАТЕГИИ ПРОТИВОБОРСТВА» К «СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ»

А.И. Подберёзкин
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-7-20

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предпринята попытка представить новое видение стратегического развития Российской Федерации. Автор отмечает, что необходим поиск стратегии на метауровне анализа, которая бы учитывала не только военно-политический контекст обеспечения национальной безопасности, но и интересы развития России, что рассматривается как элемент долгосрочного сокращения неопределённости в процессе стратегического планирования.

Автор отмечает, что нынешняя военно-политическая стратегия России базируется на достаточно старой идее сдерживания. Эта стратегия реактивна по своей природе и подразумевает реагирование на внешние вызовы и угрозы в международно-политической среде. Между тем мировой политической ландшафт претерпевает существенные трансформации, в рамках которых ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности станет связанность широкого спектра политических возможностей с дальнейшим развитием государства и общества.

Ещё один недостаток стратегии сдерживания или стратегии противоборства заключается в том, что в данной концептуальной рамке не проводится различие между угрозами в отношении национальных интересов и угрозами в отношении политических целей. Автор предлагает свой вариант концептуализации данного терминологического и сущностного различия, приводит оценку последствий непонимания таких различий.

В качестве альтернативы стратегии сдерживания предлагается «стратегия управления», которая нацелена на системное формирование перспективных направлений развития общества. Ключевым элементом этой стратегии является формирование и поддержание национального человеческого капитала, который обеспечивает связанность, адаптивность и инновационность различных подходов к противодействию внешним вызовам. «Стратегия управления» подразумевает интенсификацию государственной политики в области науки, культуры, поощрения духовного развития и опережающего производства инноваций.

Ключевые слова: стратегия, сдерживание, стратегия управления, национальный человеческий капитал, интерес, политическая цель.

УДК 35

Поступила в редакцию 02.11.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

Стремительно меняющаяся международная обстановка (МО) во втором десятилетии XXI в. ставит совершенно по-новому важнейшие вопросы, связанные с формированием соответствующей политики стратегии национальной безопасности не только России, но и других ведущих государств-участников, формирующих систему международных отношений. Следует в этой связи, прежде всего, понимать, что эти изменения – во многом следствие ещё более масштабных изменений в развитии всей человеческой цивилизации и отношений между её частями – локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). Они вызваны переходным периодом от одной общественно-экономической формации и технологического уклада к другой.

Естественно, для любого периода в мировом развитии и развитии отдельных государств необходима стратегия – комплексное видение развития, учитывающее цели, а также имеющиеся силы и средства. Д. Джорджиу и Л. Харпер полагают, что для выработки такой стратегии необходим технологический анализ, ориентированный на будущее (англ. Future-oriented Technological Analysis). Сущность такого анализа состоит в определении перспективных отраслей развития и в параллельном обеспечении развития интеллектуального потенциала, соответствующего поставленным задачам [8]. В. Келлер отмечает, что в будущем важнейшей социальной, экономической и политической характеристикой, над которой необходимо будет работать любому государству, станет способность к усвоению и освоению инноваций и новых подходов [10]. М. Белл полагает, что такую способность общества обеспечивают так называемые «системы знания», то есть комплекс научных, культурных, духовных и иных основ развития личности [6]. Это актуально и для военной стратегии, где происходит постепенный пересмотр содержательных аспектов обеспечения безопасности, размывание существующих подходов ведущих держав к формированию долгосрочной военно-политической стратегии [7; 11].

Переходный период неизбежно ведёт к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку (МО и ВПО). Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведёт к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности.

Причём, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился положительно, но до этого – в начале тысячелетия, – в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался, чему справедливо соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная). Другими словами, от

качества правящих элит и эффективности управления, видимо, зависит сама возможность перехода цивилизаций из одного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и России в частности.

Во-вторых, такой переход неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений – экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает роль силовых инструментов, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер.

Всё это означает, что правящие элиты государств должны тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития [4]. Примечательно, что о последнем, самом важном в условиях переходного периода документе (принятом одновременно с другими) до сих пор почти ничего не говорилось. А зря, ведь именно от успеха его реализации, как увидим ниже, в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России в условиях переходного периода от одной экономической, технологической и общественно-политической формации к другой, ибо условия такого перехода будут предопределяться научно-технологическими особенностями.

Стратегия национальной безопасности России конкретизируется в целом ряде документов, которые, как известно, концептуально именно так и выстраивают последовательность принятия и логику этих документов, предполагая максимально полные, конкретные ответы на основные вопросы обеспечения безопасности. Так, в новой редакции Концепции внешней политики России говорится о том, что «В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов... внешнеполитическая деятельность направлена на выполнение следующих основных задач:

- а) обеспечение безопасности страны, её суверенитета и территориальной целостности, укрепления правового государства и демократических институтов;
- б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России... и т.д., вплоть до подпункта «л» [1].

Между тем это традиционное определение приоритетов вызывает вопросы принципиального характера, непосредственно влияющие на приоритеты национальной безопасности. Вот лишь некоторые из них:

1. В условиях борьбы за сохранение национальной идентичности и системы ценностей не являются ли они наиболее приоритетными целями?

2. Так ли уж важен приоритет «укрепления правового государства» и «демократических институтов» для целей национальной безопасности? Не важнее ли «традиционные ценности» и «национальные институты»?

3. Вряд ли можно согласиться, когда на самом высоком по приоритетности месте внешней политики ставятся задачи «устойчивого роста» и «конкурентоспособности».

Именно поэтому представляется важным рассмотреть некоторые наиболее сложные вопросы обеспечения национальной безопасности в комплексе, системно, прежде всего, потому, что они выступают наиболее общими и системными вопросами. К числу таких наиболее актуальных вопросов, относящихся не только собственно к Стратегии национальной безопасности, но и вытекающим из неё концепциям и доктринам, на мой взгляд, следует отнести следующие:

– формирование стратегии национальной безопасности базируется на оценке и прогнозе только внешних и внутренних угроз и внешних опасностей или на анализе и долгосрочном прогнозе национальных интересов? Насколько обоснованы интересы национальной безопасности и их приоритетность с точки зрения необходимости их безусловной защиты?

– защита от внешних угроз (или отстаивание интересов) происходит исключительно ответными средствами противоборства (стратегического сдерживания) или выбором такой стратегии поведения, при которой реакция на эти опасности и угрозы может быть самая разная, вплоть до игнорирования некоторых мнимых опасностей и потребностей противоборства? Иначе говоря, стратегическое сдерживание может включать в себя набор не только оборонительных, но и наступательных действий, активных мероприятий и других шагов для защиты интересов безопасности?

– каким образом эффективно защититься России от внешних опасностей и угроз (или отстоять национальные интересы), обладая заведомо более слабыми ресурсами и возможностями, когда анализ соотношения сил в настоящее время и в будущем категорически не в нашу пользу? И какие интересы являются наиболее приоритетными, требующими защиты прежде всего?

– наконец, что будет означать в будущем для России успешная (эффективная) стратегия национальной безопасности? Только ли, как это говорится в Стратегии, защита суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод, или, прежде всего, национальной идентичности и системы ценностей?

Стратегическое сдерживание или стратегическое управление в условиях переходного периода?

Сегодня Стратегия национальной безопасности Российской Федерации основана на концепции стратегического сдерживания, предполагающей своевременные и эффективные ответные действия с использованием всего спектра средств – политических, экономических информационных и военных для

предотвращения и отражения агрессии [13]. Эта концепция, безусловно, отражает определённый уровень современного состояния МО и ВПО и современное понимание правящей элитой поведения России в этих условиях. В течение почти двух десятилетий в мире сохранялась одна (не слишком ответственная) сверхдержава, нарастали региональные противоречия, размывались традиционные военно-политические союзы, но большой прогресс в сборе информации и нехватка новых подходов к стратегическому планированию в какой-то мере сдерживали негативные тенденции [9, с. 249-257]. Но классическое сдерживание уже невозможно: появились малые «ядерные державы», которые действуют в абсолютно другой логике, да и у России недостаточное число военных союзников, чьё присутствие позволяет снижать угрозу прямого нападения в условиях сдерживания [7, с. 48-50]. Наконец, ситуация в мире стремительно осложняется, что подтверждается её опасным и стремительным развитием в последние годы, позволяя делать вывод о сползании к военно-силовому сценарию уже сегодня.

Ситуация меняется качественно в самых различных областях, осложняя традиционные и создавая новые опасности и угрозы, что хорошо видно на примере такого ставшего уже традиционной угрозой феномена как международный терроризм, который в действительности в последние годы превратился в средство политики западной военно-политической коалиции и локальной цивилизации (ЛЧЦ). Причём если прежде такие специальные операции тщательно скрывались, то сегодня они стали политической реальностью, о которой говорят (например, как о поддержке США ИГИЛ) открыто официальные лица на уровне госсекретаря и министра обороны США.

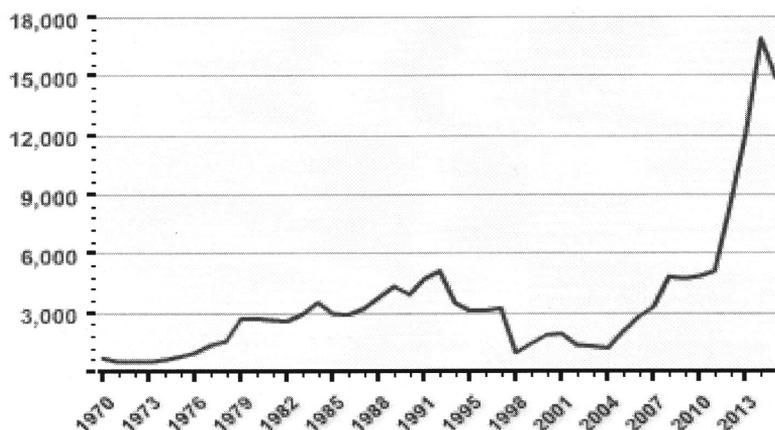

Рис. 1. Количество террористических атак за 1970-2015 гг.

Fig. 1. Number of terrorist attacks, 1970-2015.

К сожалению, надо исходить из того, что примеров международного сотрудничества, даже по наиболее актуальным проблемам, становится всё меньше, а

причин для военно-силовой конфронтации – всё больше. Соответственно и вероятность военно-силовых сценариев стремительно растёт. Другое дело, какие конкретные формы приобретают эти сценарии в условиях одновременного усиления рисков использования военной силы в прямой форме. Предупреждения экспертов относительно современной стратегии «удушения» России, которые, к сожалению, пока не стали поводом для серьёзной публичной дискуссии о стратегии развития и национальной безопасности России в XXI в. Дискуссии в СМИ ограничились незначительными спорами о социально-экономической политике России и бюджете страны. Из них стало ясно, что военный бюджет России будет сокращён в 2017 г. на 190 млрд рублей (что не коснётся программ ВВСТ), а поддержка военных возможностей в будущем, по словам В.В. Путина и С.К. Шойгу, сохранится на современном уровне [2].

Между тем остались в стороне многие вопросы, от которых зависит само будущее существование нации и государства. Не случайно в Послании Президента Федеральному Собранию России 1 декабря 2016 г. В.В. Путин сделал многозначительное заключение: «...мы создали базу для дальнейшего движения вперед... мы думали над повесткой развития и обеспечивали её. И сегодня именно эта повестка становится главной, выходит на первый план» [3]. Значение этих вопросов обостряется при сохранении абсолютного экономического и технологического превосходства западной ЛЧЦ, которое не только превышает современные возможности России в десятки раз, но и;

- прогнозируемо сохранится в обозримом будущем;
- может увеличить ещё больше при сокращении военных издержек западной ЛЧЦ относительно своего ВВП;
- будет сопровождаться продолжающимся увеличением научно-технологического отставания России.

В этих условиях продолжение стратегии противоборства в форме стратегического сдерживания представляется малоперспективным. Меняется содержание и понимание безопасности, старые стратегии не охватывают новые стратегические вопросы [11, с. 223-227]. Необходима такая стратегия, которая смогла бы обеспечить выживание и развитие нации в переходный период. Такой стратегией может стать «стратегия управления», в основе которой лежат не ответные меры на внешние вызовы, опасности и угрозы, а защита и продвижение базовых интересов и ценностей нации. Стратегии «стратегического сдерживания» и «стратегического управления» принципиально отличаются друг от друга. В том числе и своими базовыми моделями, которые подробнее рассмотрим ниже.

Модель традиционной политики стратегического сдерживания

Модель политики стратегического сдерживания представляет собой традиционную, классическую модель политики, существующую в мире уже не одно

столетие. Её главной характерной чертой является соотношение политических целей и средств политики (а также способов их использования), которые достаточно субъективно определяются правящими элитами государств.

Именно таковой является современная стратегия противоборства России, получившая название «стратегическое сдерживание». Эта стратегия предполагает, что в зависимости от степени внешней угрозы формируется Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина и Концепция внешней политики, хотя в тексте самого документа и признается, что под угрозой национальной безопасности понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам». Другими словами, внешние опасности и угрозы политическим целям нередко воспринимаются как угрозы национальным интересам.

Провести различия между угрозами интересам и политическим целям принципиально важно – далеко не всегда то, что кажется серьёзной угрозой, может оказаться таковой. Так, с точки зрения реальных национальных интересов, многие политические цели окажутся второстепенными: если исходить из приоритета развития национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, то структура бюджетов всех уровней власти должна быть, как минимум, изменена в их пользу. Но не только финансовые, но и другие ресурсы должны быть перераспределены в пользу наиболее важных приоритетов, среди которых в современной Стратегии называют «укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности»,... и только в самом конце этого длинного перечня указываются приоритеты НЧК и институтов его развития («... повышения качества жизни, укрепления здоровья населения, обеспечения стабильного демографического развития страны...») [8].

Оценки масштабов опасностей и угроз являются критически важными для принимаемых решений и выбора средств и способов противодействия. Именно такие оценки и прогнозы лежат в основе современной политики стратегического сдерживания, а не интересы, выстроенные в строго приоритетном порядке.

Стратегия управления

Совершенно по-иному происходит со стратегией управления, которая основывается не на приоритете опасностей и угроз, а на приоритете защиты и продвижения национальных интересов и ценностей. Приоритетное развитие и продвижение интересов и ценностей является высшей целью политики, и главным «потребителем» национальных ресурсов, а также в конечном счёте главным средством влияния на формирование МО. Политика государства превращается в политику нации.

В любой стратегии, как известно, ключевое значение имеют доступные и потенциальные ресурсы. При этом в разные периоды развития человечества и

в разных условиях значение тех или иных ресурсов в политике меняется. В современных условиях огромное значение для обеспечения безопасности нации и государства, например, имеют не только военные возможности, но и силовые средства экономического, политико-дипломатического, информационного и иного характера. Большое значение в формировании таких средств играют не только производственные системы, но и «системы знания», которые на системном уровне позволяют реагировать на вызовы, обновлять «несущие конструкции» экономики, заимствовать успешный опыт, оценивать возможности и развилки на пути развития государств, обществ и экономик [6, с. 1722-1727; 12, с. 67-72]. В этой связи принципиально важно понимать, что распределение в соотношении сил стран и коалиций по их политическим, военным, информационным и экономическим потенциалам в мире в будущем будет зависеть, прежде всего, от двух групп факторов:

– от **качества национального человеческого капитала**, который, в свою очередь преимущественно формируется:

- уровнем образования;
- уровнем творческих возможностей (креативности);
- уровнем науки, технологии;
- уровнем душевого ВВП;
- продолжительностью жизни;

– от **качества институтов развития человеческого капитала** во всех секторах деятельности и управления, а именно:

- в государственном управлении;
- бизнес-управлении;
- управлении и степени развития общественных институтов;
- развитием самоуправлении личности.

К сожалению, нынешняя стратегия социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности не соответствует этим требованиям. Развитие НЧК и его институтов не является главным интересом ни стратегии социально-экономического развития, ни стратегии национальной безопасности. Более того, и первая, и вторая делают опережающее развитие этих групп факторов недостижимой мечтой.

Не является решением и политика «импортозамещения», основанная на закупке иностранных технологий. Покупая, например, иностранную компьютерную программу или технологическое оборудование вы покупаете не технологию, а зависимость от иностранного производителя. Настоящие технологии создаются в стране или передаются от человека к человеку. Так было, например, в 30-е гг. прошлого века, когда западные специалисты приезжали в Советскую Россию и передавали свой опыт советским инженерам и рабочим.

Традиционные показатели и критерии влияния субъектов МО (ВВП, численность населения, Вооруженные силы и т.д.) будут занимать постепенно всё менее важное место.

Прогнозируя будущее соотношение сил в мире, требуется учитывать стремительно усиливающееся влияние именно этих факторов, которое к 2030 г. разделит всех субъектов и акторов МО в мире на три неравные группы:

Группа субъектов и акторов МО № 1: группа стран, обладающих развитой национальной научно-инновационной системой, способной самостоятельно развивать основные направления науки, техники и технологий, в которую смогут войти несколько стран-лидеров.

Группа субъектов МО № 2: группа стран, способных использовать достижения научно-технического прогресса (приобретая, покупая, воруя и пр.).

Группа субъектов МО № 3: группа стран, не использующая либо слабо использующая достижения техники и технологии субъектов из группы № 2.

Соответственно основное внимание в социально-экономическом развитии и стратегии национальной безопасности требуется уделить именно двум группам факторов: способность самостоятельно развивать и использовать основные направления науки, техники и технологий. Именно в этих направлениях должны быть сконцентрированы все основные финансовые, материальные, информационные и административно-организационные ресурсы. Впервые категорично об этом президент России заявил 1 декабря 2016 г. в послании Федеральному Собранию.

Примечательно, что именно такую стратегию избрали Соединённые Штаты в период второго срока управления Б. Обамы.

Так, если рассмотреть все расходы федерального бюджета США, то собственно на безопасность планируется потратить 25% из 3 трлн долл. расходов федерального бюджета, а подавляющая часть так или иначе направляется на развитие НЧК США – прямо (образование, здравоохранение и т.п.), либо косвенно (пенсии и т.п.). При этом собственно военная доля этих расходов относительно ВВП постоянно снижается.

Традиционная стратегия отношений между государствами в МО и ВПО на протяжении тысячелетий исходила из базовых положений силового, прежде всего военного противоборства. На первое место, как правило, выносилось соотношение сил (военных, финансовых, экономических), которое и предопределяло исход противоборства. В соотношение сил вносило поправку умение политиков и военное искусство военачальников, которые могли повлиять на результат противоборства.

В XX в. Россия прошла несколько этапов в развитии стратегии противоборства, которые отличались друг от друга прежде всего инициативой и выбором места, средств и способов противоборства. Так, русско-японская и Первая мировая война явились для России по своей сути вынужденными, она была спровоцирована и втянута в эти войны, получив отрицательный результат.

Наоборот, активная политика СССР в 30-е и 40-е гг. в мире, которая определялась собственной, а не навязанной, стратегией, дала фантастические результаты – формирование просоветской политико-экономической системы в мире. Со

второй половины 70-х гг. СССР и его союзники вновь вступили в фазу «пассивного противоборства» – борьбы за права человека и т.п., – которая в итоге привела М. Горбачёва и Б. Ельцина к окончательному подчинению воле противника.

К сожалению, и сегодня мы медленно отходим от этого алгоритма поведения, выстраивая свою стратегию, прежде всего, из оценок внешних опасностей и угроз, а не национальных интересов.

В XXI в. для России наступило время, когда необходимо перейти от «стратегии противоборства» к «стратегии управления», от состояния постоянной борьбы и противостояния с вызовами и угрозами противника, к стратегии улучшения условий для выживания и опережающего развития нации. Разница между этими двумя стратегиями – принципиальная, хотя «стратегия управления», безусловно, и включает в себя весь спектр средств и способов противоборства. Но – и в этом её принципиальное отличие – «стратегия управления» ими не ограничивается и не исходит из их приоритетности.

Ключевое отличие двух стратегий заключается в том, что при противоборстве сила, средствам и способам противника противопоставляются свои, а при управлении субъект создает и развивает свою систему приоритетов, выбирая свои средства и способы. Управление, как принцип стратегии, исходит из отрицания абсолютизации не только военного, но и силового превосходства. Использование искусства «парадокса», т.е. создание своей системы национальной безопасности и соответствующей стратегии, которая не основывается на необходимости поддержания равновесия или даже асимметричности в ВВСТ и ВС или других областях использования силы государством.

«Победа» в результате противоборства всегда связана с огромными жертвами и потерями. Колоссальные победы СССР в XX в. – включали его огромные демографические и материальные потери, которые рассматривались в качестве неизбежной платы. В любом смысле такая «победа» не в интересах России и её главного приоритета – национального развития.

Управление – как альтернативная стратегия

«Стратегия управления» основана на чётком представлении о национальных приоритетах и соответствующих целях, а не на внешних вызовах и угрозах, которые нередко не имеют прямого (а, иногда, даже косвенного) отношения к национальным интересам, либо могут иметь отсроченный, второстепенный характер. Более того, такая стратегия ориентирована на перспективу – на поддержание и поощрение тех технологических секторов и «систем знания», которые в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут дать существенные преимущества [8]. Примеров ложных вызовов и угроз, как и примеров недооценённых интересов в истории России можно привести немало. Так, на мой взгляд, не в интересах России были ложно понятые Александром I угрозы со стороны Наполеона после его изгнания из России. Кутузов был прав, когда не спешил переходить границу

и отправляться в «европейский поход», спасая Австро-Венгрию и Пруссию, которые во время Крымской войны оплатили России неблагодарностью. Если бы Россия поступила иначе, то, вероятно, Англия и Франция ещё долго воевали бы друг с другом, развязав руки России в Средиземном море и Средней Азии.

На мой взгляд, И. Сталин также слишком спешил с освобождением Европы, где СССР только в Польше потерял 400 000 человек, а тем более с операцией в Арденнах, помогая союзникам, которые до этого не спешили помогать СССР ни в 1941, ни в 1942 гг.

В современный период абсолютно не соответствовало интересам СССР разрушение Социалистического содружества (СЭВ и ОВД), а затем и самого государства, которые были «мотивированы» угрозами демократии и т.п.

Одно из важных условий «стратегии управления» заключается в том, чтобы рассматривать потенциальную внешнюю опасность или угрозу как благоприятную предпосылку или даже возможность для повышения эффективности собственной стратегии. Речь идёт не просто об асимметричности ответных действий, а о возможностях использования гораздо более широкого диапазона средств и действий:

- ответных действий;
- нейтрального отношения;
- «включения» в процесс.

При выборе любого вида действий, однако, необходимо обязательно исходить не из необходимости автоматического ответа, а из собственных интересов и собственной стратегии. Так, например, с этой точки зрения далеко не все переговоры по ограничению и сокращению вооружений являются благом для России. Если исходить из того, что затраты на СНВ и ВКО составляют не более 20% военного бюджета, а гарантируют сохранение суверенитета и контроля, то необходимы ли нам вообще эти переговоры?

Можно допустить, что переговоры могут быть полезны в области ограничения вооружённых сил на море, но именно там наши потенциальные противники их никогда и не будут вести потому, что их превосходство, как минимум, в несколько десятков раз больше.

«Стратегия управления» и ликвидация неравенства в соотношении сил российской и других ЛЧЦ

«Любая политика начинается с анализа соотношения сил» – это классическое высказывание приписывается В.И. Ленину. В определённой степени оно сохраняет свою актуальность и сегодня, если только его не абсолютизировать и не рассматривать в качестве принципа для количественных сравнений и сопоставлений (что очень любят делать современные экономисты, наивно полагающие, что наука начинается с попыток количественного анализа). Для политических целей такой метод опасен потому, что нередко вводит сознательно в

заблуждение: почему-то то и дело побеждают слабейшие, а то и вообще те, кого и в расчёт не принимали.

Если исходить из интересов «стратегии управления», то для России высшим приоритетом является развитие национального человеческого капитала (НЧК). Развитие данной разновидности политического капитала позволит выровнять ситуацию в технологической сфере, повысить инновационность страны в целом [10, с. 220-221]. Следует в обязательном порядке и Стратегию национальной безопасности России формировать исходя не из опасностей и угроз (как это сделано в существующей Стратегии), а из интересов развития НЧК России. В этом случае совершенно по иному будут выглядеть и другие базовые документы, на которых основаны внешняя и военная политика государства – Концепция внешней политики и Военная доктрина России.

С точки зрения стратегии управления, наиболее приоритетными задачами внешней политики являлись бы:

а) сохранение и опережающее развитие нации, её идентичности, системы ценностей и культурного, духовного наследия, национальных институтов, включая государственные и общественные, и качество национального человеческого капитала;

б) обеспечение лидирующих позиций российской науки, культуры, образования и технологий, опережающее развитие на их основе экономики и общественных институтов;

в) содействие российскому культурно-идеологическому лидерству в мире, концентрации вокруг этого лидерства прогрессивных сил;

г) укрепление позиций России в мире в качестве центра силы в области науки, духовности, культуры и образования.

Список литературы

1. Концепция внешней политики внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД России. 01.12.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.02.2017).
2. Прокопенко А. Минфин предлагает сократить военные расходы на 6% // Ведомости. 09.09.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/09/656321-minfin-voennie-rashodi> (дата обращения: 17.02.2017).
3. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // портал СНТР. URL: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock/dc8/Указ%20Президента%20РФ%20о%20Стратегии%20научно-технологического%20развития%20Российской%20Федерации.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г.) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/print> (дата обращения: 17.02.2017).
6. Bell M. Knowledge Systems and Technological Dynamism in Industrial Clusters in Developing Countries // World Development. 1999. Vol. 27. No. 9. Pp. 1715-1734.
7. Freedman L. Framing Strategic deterrence. Old Certainties, New Ambiguities // The RUSI Journal. 2009. Vol. 154. No 4. Pp. 46-50.

8. Georghiou L., Harper J.C. Rising to the challenges — Reflections on Future-oriented Technology Analysis // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013. Vol. 80. No 3. Pp. 467–470.
9. Gray C.S. Deterrence in the new strategic environment // *Comparative Strategy*. 1992. Vol. 11. No 3. Pp. 247-267.
10. Keller W. Absorptive capacity: On the creation and acquisition of technology in development // *Journal of Development Economics*. 1996. Vol. 49. Pp. 199-227.
11. Mihăilă V. Security Branding and National Security. Concepts at Work // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol.187. Pp. 424-428.
12. Rinne M. Technology roadmaps: Infrastructure for innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2004. Vol. 71. No. 1-2. Pp. 67-80.
13. Ven Bruusgaard K. Russian Strategic Deterrence // *Survival*. 2016. Vol. 58. No. 4. Pp. 7-26.

Об авторе:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

CALL FOR A NEW NATIONAL SECURITY STRATEGY: GOVERNING THE FUTURE INSTEAD OF DETERRING IT

A.I. Podbereskin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-7-20

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article attempts to present a new vision for the strategic development of the Russian Federation. The authors note that the search for strategy should be made on the meta-level analysis in order to take into account either the military and political context of national security or the future interests of Russia. This allows one to reduce uncertainty in the strategic planning process.

The author notes that the current military-political strategy of Russia is based on a fairly old idea of deterrence. This strategy is reactive in nature and involves responding to external challenges and threats in the international political environment. Meanwhile, the global political landscape is undergoing a significant transformation, in which a key aspect of national security will be a wide range of connectivity options to further political development of the state and society.

Another disadvantage of deterrence strategy is that the threats are not differentiated from national interests and political goals. The author offers his version of the conceptualization of the terminology and the essential differences of different types of threats and assess the consequences of misunderstanding such differences.

As for the strategy of deterrence, the authors suggest an alternative strategy of “control”, which aims at the formation of a systemic perspective directions of development of the society. A key element of this strategy is the forging and maintenance of the national human capital, which provides connectivity, adaptability and innovationability of various branches

of the governance and dealing with external challenges. "Control" means an intensification strategy of the state policy in the field of science, culture, the promotion of spiritual development and production of advanced innovation.

Key words: strategy, deterrence, management strategy, the national human capital, interest, political goal.

References

1. Kontsepsiia vneshnei politiki vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (Utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyim 30 noiabria 2016 g.). [Russian Foreign Policy Conception]. *MID Rossii*, 01.12.2016. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Accessed 17.02.2017). (In Russian)
2. Prokopenko A. Miñfin predlagaetsokratiť voennye raskhody na 6% [Russian Ministry of Treasury proposes 6% military budget cut]. *Vedomosti*, 09.09.2016. Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/09/656321-minfin-voennie-rashodi> (In Russian)
3. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniuu. 1 dekabria 2016 goda [President's Address to Federal Assembly]. *Prezident Rossii*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (In Russian)
4. Strategiiia nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii [Strategy of Science and Technology Development in Russian Federation]. *SNTR portal*. Available at: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock/dc8/Ukaz%20Prezidenta%20RF%20o%20Strategii%20nauchno-tekhnologicheskogo%20razvitiia%20Rossiiskoi%20Federatsii.pdf> (In Russian)
5. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. (Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabria 2015 g.). *Prezident Rossii*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/print> (In Russian)
6. Bell M. Knowledge Systems and Technological Dynamism in Industrial Clusters in Developing Countries. *World Development*, 1999, vol. 27, no. 9, pp. 1715-1734.
7. Freedman L. Framing Strategic deterrence. Old Certainties, New Ambiguities. *The RUSI Journal*, 2009, vol. 154, no. 4, pp. 46-50.
8. Georghiou L., Harper J.C. Rising to the challenges—Reflections on Future-oriented Technology Analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 2013, vol.80, no. 3, pp. 467–470.
9. Gray C.S. Deterrence in the new strategic environment. *Comparative Strategy*, 1992, vol. 11, no. 3, pp. 247-267.
10. Keller W. Absorptive capacity: On the creation and acquisition of technology in development. *Journal of Development Economics*, 1996, vol. 49, pp. 199-227.
11. Mihăilă V. Security Branding and National Security. Concepts at Work. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol.187, pp. 424-428.
12. Rinne M. Technology roadmaps: Infrastructure for innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2004, vol. 71, no. 1-2, pp. 67-80.
13. Ven Bruusgaard K. Russian Strategic Deterrence. *Survival*, 2016, vol. 58, no 4, pp. 7-26.

About the author:

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС РОССИИ

Т.В. Бордачёв, А.В. Казакова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-21-35

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)

Европейская интеграция – высшее достижение культуры политического компромисса и решения сложнейших вопросов без использования военной силы. Уникальный формат организации политического процесса позволил обеспечить экономическое процветание и рост благосостояния гражданам европейских стран. Однако на современном этапе Европейский союз (ЕС) переживает ряд кризисных явлений политического, экономического и идейно-интеллектуального характера, заставляющих задуматься о переосмыслении концепции проекта «европейского общего дома». Неизбежно встаёт вопрос о соотношении роли институтов в процессе интеграции как независимых посредников, получающих от государств часть суверенитета, и непосредственно национального уровня, межгосударственного взаимодействия в решении возникших проблем.

Такая ситуация создаёт вызовы и для России, для которой не существует возможности просто отгородиться от Европы институционально или мировоззренчески. Европа была, есть и будет частью российского национального интереса – в качестве либо угрозы, либо фактора, способствующего развитию и процветанию. В этой связи авторы статьи задаются вопросом о том, каким может быть обновлённый концепт европейской интеграции с учётом нынешних кризисов, и, соответственно, как в этом отношении будет развиваться внешнеполитическая стратегия России. Используя в качестве теоретико-методологической базы исторический институционализм, авторы приходят к выводу о существовании сдерживающего фактора европейских институтов, когда ранее сделанный институциональный выбор устанавливает границы для поведения национальных государств. Это, в свою очередь, как гарантирует устойчивость институциональной структуры, так и препятствует необходимой трансформации концептуальной составляющей европейской интеграции. И решение проблемы заключается в необходимости обновления существующего политического, экономического и идейно-интеллектуального концепта европейской интеграции.

Ключевые слова: ЕС, отношения ЕС и России, европейская интеграция, Брекзит.

УДК 327; 339.924

Поступила в редакцию 07.11.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

Отправной точкой любого разговора об отношениях России и Европы неизбежно становится то, что русские – это самый многочисленный европейский народ. И уже в силу самого этого факта претендующий на особую роль в региональных делах. И останется таким в перспективе ближайших 30-50 лет. Это неизбежно обуславливает для России важность происходящих в остальной Европе процессов и невозможность просто отгородиться от Европы институционально или мировоззренчески. Сейчас в России постепенно формируется разделяемое властью и населением понимание того, что в ближайшей перспективе наше будущее не вместе, но рядом. Однако Европа была, есть и будет частью российского национального интереса – в качестве либо угрозы, либо фактора, способствующего развитию и процветанию.

Кроме того, Россия явным образом должна соответствовать своей потенциальной роли посредника между Европой и восточной частью Евразии, содействовать усилению здесь прямого континентального взаимодействия. Это предполагает широкую вовлечённость в европейские дела, укрепление экономического сотрудничества и человеческих контактов со странами входящими или не входящими в Европейский союз. Тем более, что в самой Европе разворачиваются процессы, которые в России не могут не вызывать если не озабоченности, то сильного интереса. Центральное место в этих процессах занимают запущенная кризисом зоны евро и выходом Великобритании трансформация Европейского союза – главного института-посредника во взаимодействии народов Европы и их социальных организаций. Тем более что именно существование ЕС (и его предыдущих правовых форм) смогло обеспечить 60 лет мира и спокойствия к западу от российских рубежей [16, с. 10].

Европейская интеграция – высшее достижение культуры политического компромисса и решения сложнейших вопросов без использования военной силы [3, с. 188]. Она позволила создать уникальный в человеческой истории прецедент добровольного отказа значительной группы государств от части суверенитета. Изначально политической задачей интеграции было поместить Германию и Францию в такой формат отношений и обязательств, который сделал бы войну между ними невозможной. Решение [1, с. 7] было найдено в виде фактического объединения основных на то время «индустрий войны» – рынков угля и стали. В итоге создание наднационального контроля предотвращало вероятность того, что одна из сторон вновь может начать готовиться к войне.

Однако несмотря на формируемую в течение нескольких лет структуру институционального и межгосударственного взаимодействия, ЕС переживает сразу несколько кризисных явлений, заставляющих задуматься о переосмыслении концепции проекта «европейского общего дома». Неизбежно встаёт вопрос о соотношении роли институтов в процессе интеграции как независимых агентов и посредников, получающих часть суверенитета от государств, и непосредственно национального уровня и межгосударственного взаимодействия в решении возникших проблем и функционировании ЕС вообще.

В итоге исследуемая проблема заключается в том, что ЕС не справляется с существующими кризисами, и, следовательно, не способен отыскать эффективные механизмы для того, чтобы функционировать в качественно новых условиях. Необходим «обновлённый» концепт функционирования европейской интеграции, способный учесть проблемы как внутреннего институционального порядка, так и вызовы внешней среды.

Проблематике кризисных явлений Евросоюза большое внимание уделяет ряд отечественных и европейских исследователей. Т. Романова выделяет «пять болевых точек ЕС», среди которых кризисы внутривластного лидерства и солидарности, стабильности единой валюты и экономического роста, нормативного лидерства, иммиграции и террористической угрозы и, наконец, легитимности [23, с. 2]. В свою очередь Н. Кавешников, выдвигает четыре возможных сценария развития европейской интеграции [16, с. 8-9], из которых наиболее вероятным оказывается, по мнению исследователя, сочетание стратегии консолидации и гибкой интеграции. Интересно, что оба автора, как Т. Бордачёв в статье «Россия и «Берлинско-Вашингтонский» порядок в Европе» [2] предвещают возвышение и лидерство Германии, способной определять политику еврозоны и всего ЕС.

В публикациях зарубежных исследователей акцент сделан на исследовании причин кризиса с точки зрения, прежде всего, теории. Так, Ю. Хабермас в недавно опубликованной работе [11] объясняет попытки образовать федерацию из сообщества европейских государств ошибкой при помощи конструктивистской логики. По мнению автора, решение сегодняшних проблем кроется в необходимости существенно демократизировать процесс принятия решения и изменить собственное восприятие «себя» – не как международной организации с чёткими и строгими правилами, а как «космополитического сообщества», где институты не создают препятствия «обновлению» ЕС, а, наоборот, всячески ему способствуют.

С этой точки зрения, авторы статьи также считают, что во многом неспособность еврочиновников справиться с существующими кризисами заключается в применении «старых», отработавших инструментов и техник для поиска ответов на качественно новые вызовы. Такая ситуация объясняется логикой исторического институционализма – сформированная структура взаимоотношений институтов между собой, а также наднационального и национального уровней объясняет поведение ЕС и его реакцию на внешние вызовы. Иными словами, сделанный ранее институциональный выбор установил границы для поведения национальных государств, сформировал условия для межправительственного взаимодействия. Так возникает зависимость от выработанной ранее парадигмы (path dependence) [20, с. 253], которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость институциональной структуры, но в то же время препятствует её потенциальным реформам.

Опираясь на метод анализа и прогнозирования, а также историко-системный метод, авторы установили, что логика, позволяющая решать трудности интегра-

ции 10 лет назад, оказывается негодной для ситуации сегодняшнего дня. Поэтому существенное изменение внешнего контекста, произошедшее за последние годы, является как проблемой, так и возможностью для Евросоюза переосмыслить собственное значение и роль институтов.

Это во многом и касается возникшего кризиса во взаимоотношениях с Россией – неспособность иначе взглянуть на партнёра, изменившего свою внешнеполитическую стратегию, приводит к глубинному недопониманию и, соответственно, невозможности отыскать общее решение.

В итоге ответом на исследуемую проблему является необходимость поиска «новой Европы» – обновления институциональной структуры Евросоюза и его идейной составляющей. А для того чтобы понимать, каким должно быть содержание нового концепта, необходимо проанализировать причины формирования ЕС и динамику его развития.

Драйверы интеграции

Проект европейской интеграции в своём развитии прошёл несколько этапов – от группы стран, объединивших отраслевые секторы, [15, с. 350] до уникального политического образования, сумевшего унифицировать многие политики национальных государств.

Становлению интеграции в 1950-е гг. способствовал ряд факторов – необходимость установления долгосрочного мира как залога для послевоенного восстановления социально-экономической жизни в европейских странах, необходимость работать совместно, чтобы предложить гражданам привлекательную альтернативу марксизму, а также стремление заново определить свою роль в условиях возвышения двух полюсов и центров силы в мировой политике. В итоге предложенные в Декларации [21] основы европейского строительства были имплементированы в функционировании непосредственно первых институтов – Европейского объединения угля и стали (ЕУОС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергетике (Евратом).

Постепенное «расползание» интеграции [10, с. 320-340], задуманное Ж. Монне, когда расширение сотрудничества акторов в одной области неизбежно влечёт за собой кооперацию в других, в результате привело к формированию общей сельскохозяйственной политики, таможенного союза, выработке единой позиции к вопросу торговых соглашений с третьими странами (Яундская и Ломейская конвенции), введению «валютной змеи» и появлению первых планов создания валютного союза (план Вернера).

При этом зачастую новое качественное изменение в развитии проекта являлось ответом на тот или иной политический кризис либо влияние внешнего фактора. Так, отказ Франции присутствовать на заседаниях Совета в 1965 г. привёл к принятию «Люксембургского компромисса» - введению права вето для

участниц в случае особо важных вопросов; распад Бреттон-Вудской системы подтолкнул к формированию собственной валютной системы; «нефтяной шок» 1973-1974 гг. заставил государства-члены не только заняться в срочном порядке перестройкой экономики, но и усилить координацию на более высоком уровне, что привело к возникновению Европейского совета, постоянного собрания глав государств, и специального инструмента – Европейского политического сотрудничества (ЕПС), в рамках которого регулярно встречались национальные министры иностранных дел.

Распад СССР как фактор, в своё время крепко сплативший страны европейского проекта, привёл к ещё большей динамике интеграции – не только вглубь (принятие Маастрихтского договора и появлению непосредственно Европейского союза), но и существенному расползанию вширь (большое расширение 2004 – 2007 гг.). Наконец, особый характер отношений ЕС и России, роль постсоветского пространства для обоих акторов, а также «пятидневная война» 2008 г. заставили Евросоюз задуматься о выработке собственной политики в отношении «восточных соседей» – Европейской политики соседства.

Таким образом, политические вызовы требовали и соответствующих, чётко выстроенных стратегических решений. Было бы ошибочно говорить о том, что у европейской интеграции были лишь экономические цели [7, с. 12], хотя этот аргумент часто приводится критиками Евразийского экономического союза, утверждающими, что он, якобы, в отличие от ЕС, является политическим проектом.

И в том, и в другом случае мы имеем дело именно с политикой и геополитическими задачами. Страны-участницы инвестируют в свою безопасность и мир в регионе [13, с. 461]. Однако решается эта задача при помощи не военных, а экономических инструментов: открытия рынков, постепенного устранения нетарифных барьеров и создания единых условий ведения бизнеса. Повышение благосостояния граждан важно в этом контексте не само по себе, а как способ укрепления стабильности политических систем. Но интеграция должна вести к равномерному и справедливому перераспределению благ и обязанностей.

К началу нового века основные задачи европейской интеграцией были, в целом, решены. Десять лет назад, когда отмечалось 50-летие запуска проекта, встречи глав государств и правительств Евросоюза были саммитами победителей. К 2007 г. был завершён процесс строительства Общего рынка, введён в наличное обращение евро, Шенгенские соглашения сделали прозрачными границы внутри союза. Тогда же свершившимся фактом стало самое масштабное расширение союза на 12 государств Восточной Европы и Средиземноморья. Более того, актуальным стал вопрос о следующем шаге – созданию действительно общей экономической политики.

Однако к своему 60-му юбилею европейская интеграция пришла явно не в лучшей форме. Последние годы многие наблюдатели, включая и автора этих строк, испытывали скуку и даже раздражение при необходимости обращать

внимание на Европу. Европейский союз становился всё более сложным партнёром [8], капризным, ограниченным в маневре и обращённым внутрь себя. Как будто чувствующим что с ним очень не ладно, но боящимся в этом себе признаться. Сейчас ситуация начинает меняться. Негативные явления, накопленные годами, стали переходить в новое качество. Политические процессы, происходящие в ЕС, вызывают уже опасения в том, сохранится ли интеграционный проект в принципе.

Предпосылки трансформации

Современная Европа совершенно очевидно сталкивается с кризисом политического, экономического и идейно-интеллектуального характера. Первые его признаки проявились в 2005 г. Тогда фиаско закончилась единственная попытка прорыва к федералистскому будущему – принятие Конституции для Европы. Подготовка этого документа происходила в рамках небывалой по степени демократичности процедуры – широкого европейского Конвента, в котором были представлены не только правительства, но и парламенты, отдельные регионы и общественные движения. В результате отдельные интересы правительств были учтены в недостаточной мере. Президент Франции Жак Ширак инициировал референдум по вопросу ратификации Конституции для Европы. Результатом этого голосования, как и в Нидерландах, стал отказ от введения документа в силу [6].

Это, собственно, было ожидаемо. Европейская интеграция всегда была элитным проектом, и вынесение её важнейших вопросов на всенародное голосование всегда приводило к результату «против». В 2005–2008 гг. последовал новый мучительный процесс уже закрытых межправительственных переговоров. Результатом стал совершенно новый продукт – Лиссабонский договор о внесении изменений в договор о Европейском союзе. Собственно уже на примере истории с Конституцией стало ясно, что о федералистском будущем Европы можно забыть.

Однако уже сразу после вступления нового договора в силу неприятности посыпались на ЕС буквально лавинообразно. Начались тяжелейшие экономические потрясения и замедление роста в отдельных странах союза. Затем последовал кризис зоны евро. Продолжается относительное падение жизни во многих государствах ЕС [29, с. 325]. 2015 г. принёс ожидаемые последствия т.н. «арабской весны», которую в 2011 г. лидеры стран ЕС недальновидно приветствовали. В Европу хлынули потоки беженцев и мигрантов. Начался продолжающийся по сию пору кризис солидарности – демонстративный отказ целой группы стран-членов принимать на себя часть ответственности за решения проблем всего сообщества. Максимум чего смогли добиться лидеры стран ЕС в ходе своей последней встречи – это активизировать создание общей пограничной и береговой стражи.

Новым ударом стал референдум в Великобритании [9, с. 9-11] и решение носительного большинства (при высокой явке) ее жителей выйти из Евросоюза. Такого в истории ЕС ещё не было и этого никто не мог себе представить. Напротив – вся политическая философия единой Европы была построена вокруг тезиса о том, что в ЕС можно только стремиться. И эта философия постоянно подкреплялась очередью желающих, с которыми Брюссель вёл неторопливые и строгие переговоры.

Сейчас ситуация грозит серьёзно измениться и мы не можем быть уверены, что за Великобританией не последует кто-нибудь ещё. Хотя, конечно, положение Соединённого Королевства всегда было достаточно уникальным. И плотно сидящие на игле дотаций из бюджета ЕС нарушители спокойствия в лице Польши или Венгрии вряд ли станут ради политических целей жертвовать таким источником денег. Но это не снимает саму по себе проблему выгоды или невыгоды участия в союзе. Пока европейскую интеграцию цементирует Германия – наиболее сильная экономика Европы и главный бенефициар Общего рынка. Но для тех же Франции, Италии или Испании всё уже гораздо менее очевидно.

Особый интерес вызывает то, что возможное осыпание ЕС не станет препятствием для формирования более углублённых и продвинутых форм экономической интеграции на более широком пространстве северной Атлантики. А другими словами, постепенном «всасывании» европейской экономики в американскую. Хотя этому пока и всячески противодействуют сами США, также потерявшие во многом чувство реальности. При этом, близкое по содержанию соглашение ЕС уже заключил с Канадой, которую связывает с США Северо-американская зона свободной торговли (НАФТА).

ТТИП подразумевает создание зоны свободной торговли между США и ЕС, впервые инициатива была озвучена европейскими властями в 2013 г. По подсчётам экспертов, формирование подобного торгового режима объединит почти половину мирового ВВП и 2/3 международных инвестиций [5, с. 15].

Несмотря на цели снизить количество барьеров в двусторонней торговле товарами и услугами, а также обеспечить правовую защиту прав инвесторов, США и ЕС пока не имеют чёткого представления, как соглашение может быть реализовано – с лета 2015 г. переговоры зашли в тупик. Большое сопротивление ТТИП встретило в странах самого Евросоюза, особенно среди европейских фермеров, представителей национальных аграрных лобби и ряда других компаний. Основные «страхи» касаются положений о защите географических указаний для с/х продукции, санитарных и фитосанитарных мер, возможности снижения стандартов в области продовольственной безопасности и защиты окружающей среды, роста безработицы, снижения зарплаты, а также приватизации сферы социальных услуг крупным бизнесом и урегулирования вопроса доступа к госзакупкам. В то время как США пытаются убедить ЕС сократить список видов услуг, доступ к которым запрещён для иностранных компаний (связь, образова-

ние, транспорт и финансы), сами американские власти не согласны «впускать» европейцев на рынок железных дорог и городского транспортного движения, к контрактам в сфере авиационной безопасности и к закупкам Федерального управления гражданской авиации.

Тем не менее, в случае успеха, устранение административных, нетарифных барьеров и либерализация торгового законодательства, ЕС предсказывают дополнительный рост реального ВВП на душу населения на уровне почти 5% в течение последующих 10 лет [15, с. 13].

На этом фоне большим прорывом стало недавнее подписание соглашения о свободной торговле (СЕТА) между Канадой и ЕС. После ратификации договора парламентами Канады и всех 28-ми стран Евросоюза ожидается отмена практических 99% таможенных пошлин [26, с. 47-49], что увеличит двусторонний товарооборот на 12 млрд евро в год. Однако опасность соглашения заключается в том, что СЕТА защищает права всех корпораций, функционирующих на территории Канады вне зависимости от расположения их головного офиса. В итоге стороной договора могут оказаться уже не только канадские, но и американские мегакорпорации.

Таким образом, с точки зрения экономических выгод оба торгово-инвестиционных режима (ТТП и СЕТА) предоставляют ЕС большое количество возможностей, хотя до конца сложно оценить имеющиеся риски. В принципе ничего смертельно опасного для европейской интеграции в сближении с США нет.

Однако важно другое. В случае с той европейской интеграцией, которую мы знали, в центре внимания находились институты – независимые посредники, получающие от государств часть суверенитета [17, с. 38]. Помимо координации взаимодействия стран-членов институты играли особую политическую роль. Та интеграционная модель, которая заложена в концепции «транс-партнёрств», активной роли институтов не требует. В первую очередь, потому что ведущая держава – США – даже теоретически не может представить делегирование своего суверенитета. Если Европа живёт в пост-современном мире, то её важнейший партнёр в экономике и вопросах безопасности остаётся в эпохе модерна.

Неопределённой может стать и судьба главных носителей интеграционной динамики – пресловутой и ругаемой многими европейской бюрократии. Споры нет, именно брюссельские чиновники были и продолжают быть самыми последовательными сторонниками создания трансатлантического партнёрства. Однако если оно станет реальностью, многие их функции окажутся явно избыточными. Новые правила игры будут требовать эффективных и независимых судов [14], а не тысяч чиновников. Таким образом, будет размываться когорта наиболее заинтересованной в углублении интеграции элиты.

Не идёт на пользу и то, что отдельные вероятные направления сотрудничества приобрели в последнее время просто анекдотический характер. Уже более четверти века разговоры о необходимости создания евроармии повто-

ряются в ЕС с регулярностью выставок именитых художников в Москве или Нью-Йорке. И примерно с тем же эффектом отвлечения общественного мнения и газет от реальных проблем. Особенно пикантно новая порция дискуссий о создании вооружённых сил ЕС звучит в контексте выхода Британии – самой вооружённой страны Старого света.

Несмотря на колоссальную внутреннюю инерцию, накопленную за несколько десятилетий, европейский проект может начать деградировать. Основная причина, видимо, в следующем. Результаты, достигнутые к началу этого века, требовали перехода интеграции на новый этап. То же самое стало необходимым для того, чтобы эффективно ответить на вызов кризиса зоны евро на рубеже десятилетий. В определённом смысле это означало централизацию экономического управления в одних руках. Под диктатом Германии были созданы достаточно эффективные регуляторы. Те страны ЕС, которые не были готовы исполнять свои обязательства, оказались перед выбором – повиноваться или уходить. Задача стабилизации и спасения единой валюты была решена достаточно жёстко.

Аналогично попробовали сначала решить и проблему приёма и размещения сотен тысяч беженцев в 2015–2016 гг. Странам союза предложили распределить нагрузку более-менее равномерно и в соответствии [25, с.8] с объективно оцениваемыми возможностями. Другими словами, и в первом и во втором случае Евросоюз начинал функционировать как единое государство, в котором материальные блага распространяются сверху, а количество обязательств, которые должны нести страны, возросло многократно.

Таким образом, упомянутые выше кризисные явления стали индикатором того, что заложенные ЕС механизмы не пригодны в полной мере для поиска решения сегодняшних проблем. «Вязкость» институтов, формирование многоступенчатого процесса управления и принятия решений, его бюрократизация приводят к появлению вынужденных препятствий для оперативного реагирования Евросоюза.

Решение проблемы заключается в необходимости обновления существующего политического, экономического и идейно-интеллектуального концепта европейской интеграции.

В поисках «новой Европы»

Возможно, европейские элиты и их представители во власти слишком много инвестировали в проект Европейского союза как такового. При этом в наиболее, пожалуй, скучном его прочтении – бюрократического катка, который, действуя медленно, но верно должен постепенно выровнять национальные различия. Институты нужны, но они не должны полностью заменять собой живую политическую жизнь. Европе нужно радикально демократизировать процесс принятия важных решений [31]. Одновременно должны будут обновиться политические элиты, прийти новое поколение лидеров. Эти лидеры не будут стра-

дать от самоуспокоенности или беспомощности, свойственных современной генерации.

Сформированная система управления и установленный процесс выработки решений приводит к снижению степени готовности ЕС как совокупности институтов быстро приспосабливаться к изменяющейся среде, поскольку материальные и институциональные издержки по изменению такой структуры оказываются достаточно высокими. Эта структура устанавливает границы для поведения национальных государств, формирует условия для межправительственного взаимодействия. Отсюда зависимость от выработанной ранее парадигмы (*path dependence*) [20, с. 251-254], которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость институциональной структуры, а с другой – препятствует её потенциальным реформам.

На практике рост внутренних и внешних кризисов приводит к закрытости стран-членов и их сосредоточении на внутренних проблемах (Брекзит), снижению уровня поддержки и веры в способность инструментов ЕС справиться с существующими проблемами, поскольку ещё старая модель реагирования перестаёт быть эффективной. Поэтому необходима большая институциональная интеграция ЕС, перенос межправительственного сотрудничества на уровень институтов, обновление процедуры выработки и принятия решений с меньшим количеством временных и иных затрат, более оперативное реагирование на имеющиеся вызовы, преодоление концептуальной и идеологической консервации проекта европейской интеграции, его большая открытость как нормативной силы к сотрудничеству с другими игроками (ЕАЭС и отдельно Россией).

В то же время необходимо преодоление кризиса солидарности в развитии ЕС. Отсутствие сильных лидеров на уровне институтов ЕС и инертность национальных лидеров стран-членов приводят к возвышению Германии [2] не только как крупной экономической, но теперь и политической силы. А это, в свою очередь, не может не беспокоить других участников Евросоюза, особенно, когда немецкие политики пытаются предложить решение общеевропейских проблем с учётом лишь собственных политических, экономических возможностей и особенностей (политика «открытых дверей» для прибывших беженцев Ближнего Востока).

С сожалением приходится наблюдать, что одним из факторов «реставрации» принципа солидарности является внешняя угроза в лице России [25, с. 14-15] и её внешней политики. Такой подход лишает Европу долгосрочного видения и стратегии решения собственных проблем, поскольку мобилизация сил европейских государств на основе антироссийской риторики даёт эффект лишь в краткосрочной перспективе.

Обозначившийся кризис Еврозоны требует, в свою очередь, большего сближения стран-участниц в сфере конкурентоспособности, согласования их экономических политик. Экономика была и остаётся одним из преимуществ евро-

пейского проекта, а также силой, которую ЕС проецировал в международных отношениях. Отсюда экономические неудачи приводят не только к снижению степени поддержки граждан, которым ЕС обещает повышение благосостояния и постоянный рост ВВП, но и к снижению возможностей и ресурсов действовать как актор мировой политики.

Наконец, разрешение идейного кризиса ЕС влечёт за собой формирование нового мышления – большей открытости и использования собственной нормативной силы как фактора, продвигающего интеграцию внутри и кооперацию с третьими странами, но не создающего препятствия и ограничения. Применяемый подход, при котором нормы и обязательства выполнялись лишь в том объёме, который выгоден и возможен для Европейского союза, ставит под вопрос авторитет ЕС как ценностной и нормативной силы. А это в свою очередь способствует развитию кризиса легитимности европейского проекта, проявляющнгося в росте евроскептических настроений, снижающейся явке на выборах в Европарламент (20% на уровне стран-членов), приходу к власти крайне правых сил (Греция, Австрия, Польша). Такая ситуация свидетельствует о риске появления всё большего количества несогласных с официальной политикой Брюсселя стран-членов, особенно после «живого примера» с Брекзит. Метод гибкой интеграции и мягкого сотрудничества может служить решением проблемы, однако ставится под вопрос его возможность обеспечивать дальнейшее развитие интеграции.

ЕС необходима большая консолидация его стран-членов в условиях роста внешних угроз, и ответственность на себя за объединение участников интеграции должны взять именно институты Евросоюза, наделённые для этого особыми полномочиями. Никто не заинтересован в прекращении уникального европейского эксперимента. Он должен развиваться и подавать пример другим регионам. Нам всем нужно больше Европы – источника новых идей и вечных ценностей. Но это не означает, что гражданам европейских государств и друзьям Европы вовне нужно больше того Евросоюза, который мы знали последние пару десятилетий.

Безусловно, колоссальная институциональная инерция и устойчивость, накопленная ЕС за период, в основном, после подписания Единого европейского акта, не позволяет сколько-нибудь серьёзно говорить о вероятности формального даже не распада, а «осыпания» европейской интеграции. Этому вопросу уже посвящён целый ряд выдающихся работ исследователей из Европы, России и других стран [23, с. 4; 12, с. 7]. Однако не меньше уверенности и в том, что в ближайшие годы Европейский союз будет проходить через период глубокой внутренней трансформации. Внимательное исследовательское отношение к содержанию этой трансформации поможет всем соседям Европы лучше адаптироваться к её образу в будущем и выработать политику, которая внесёт вклад в расширение пространства безопасности, стабильности и роста.

Список литературы

1. Alter K., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community // Working Paper No. 07-001. Buffet Center for International and Comparative Studies, 2007. Pp. 1-18.
2. Bordachev T. Russia and the European Union: Three Questions concerning New Principles in Bilateral Relation // Valdai Discussion Club Report, 2016. P. 18.
3. Brickerton C. Towards a Social Theory of EU Foreign and Security Policy // Journal of Common Market Studies. Vol. 49. No. 1. Pp. 171-190.
4. Esteve-Gonzalez P., Theilen B. European Integration: Partisan Motives or Economic Benefits? // LSE Europe in Question Discussion Paper. 2014. No. 7. 40 p.
5. Haas E. The uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. Stanford: Stanford University Press. 640 p.
6. Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA, Polity Press Publ., 2012. 120 p.
7. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? // Journal of Common Market Studies. No. 48. Issue 3. 2010. Pp. 455 – 474.
8. Joseph F. et al.: Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: An Economic Assessment, CEPR Final Project Report on behalf of the European Commission. London: Centre for Economic Policy Research, 2013. 124 p.
9. Hamilton D., Blockmans S. The Geostrategic Implications of TTIP. Paper No. 5. Centre for European Policy Studies, 2015. 360 p.
10. Kaveshnikov N. Four Scenarios for European Integration. RIAC, 2016. 10 p.
11. Miller V., Lunn J. The European Union: a democratic institution? House of Commons Briefing papers. Research Paper. 2014. No. 25. Pp. 36-49.
12. Moravcsik A. The European Constitutional Compromise and the Neofunctionalist Legacy // Journal of European Public Policy. 2005. No. 12. Pp. 349-389.
13. Nygren B. The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Toward the CIS Countries. Abingdon, UK: Routledge. 2017. 315 p.
14. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94. No. 2. Pp. 251-267.
15. Pollack M. The new institutionalism and European integration // European Integration Theories. 2nd ed. / ed. by W. Antje and T. Diez. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 137-156.
16. Pollack M. Theoretical and comparative insights into EU policy-making // Policy-Making in the European Union / ed. by H. Wallace, W. Wallace, M. Pollack. New York: Oxford University Press, 2011. 380 p.
17. Romanova T. The EU's crises and its future // Valdai Paper. No. 54. Valdai International Discussion Club. 2016. 16 p.
18. Romanova T. Russia and Europe: Somewhat Different, Somewhat the Same? RIAC, 2016. 12 p.
19. Rumer E. Russia and the Security of Europe. Carnegie Endowment for International Peace, 2016. 35 p.
20. Stoll P., Douma W., Sadeleer N. CETA, TTIP and the EU precautionary principle. Legal analysis of selected parts of the draft CETA agreement and the EU TTIP proposals. Foodwatch, 2016. 52 p.
21. Trapero B. The Economic Crisis and its Effects on the quality of life in the European Union // Social Indicators Research. 2005. Vol. 120. Is. 1. Pp. 323 – 343.
22. Bordachev T. Russia and the Berlin-Washington Order in Europe // Valdai International Discussion Club. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-the-berlin-washington-order-in-europe> (дата обращения: 18.11.2016).
23. Dempsey J. The Huge Geopolitical Implications of TTIP // Carnegie Europe, 03.10.2015. . URL: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=61507> (дата обращения: 18.11.2016).
24. Dutch say «devastating no» to EU constitution // The Guardian, 02.06.2005. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jun/02/eu.politics> (дата обращения: 18.11.2016).
25. Grabbe H., Lehne S. How to Build a More Flexible EU after Brexit // Carnegie Europe, 08.09.2016. URL: <http://carnegieeurope.eu/2016/09/08/how-to-build-more-flexible-eu-after-brexith-pub-64507> (дата обращения: 18.11.2016).
26. Gupta M. After the Brexit: Three New Challenges Facing European Security Leader // Security Intelligence, 07.07.2016. . URL: <https://securityintelligence.com/after-the-brexith-three-new-challenges-facing-european-security-leaders> (дата обращения: 18.11.2016).
27. Hix S. The policy successes (and failures) of British MEPs // LSE EUROPP blog, 22.01.2016. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/brexit/2016/01/22/the-policy-successes-and-failures-of-uk-members-of-the-european-parliament/> (дата обращения: 18.11.2016).
28. Investment Court System put to the test. New EU proposal will perpetuate investors' attacks on health and environment. Canadian Centre for Policy

- Alternatives, Corporate Europe Observatory, Friend of the Earth Europe Paper. April 2016. URL: https://www.tni.org/files/publication-downloads/investment_court_system_put_to_the_test.pdf (дата обращения: 18.11.2016).
29. Schuman Declaration, 9 May 1950. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (дата обращения: 18.11.2016).
30. Techau J. Four Predictions on the Future of Europe // Carnegie Europe, 12.01.2016. URL: <http://carnegieurope.eu/strategieurope/?fa=62445> (дата обращения: 18.11.2016).
31. Traynor I. Germany to push for compulsory EU quotas to tackle refugee crisis // The Guardian. 23.10.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/refugee-crisis-germany-push-compulsory-eu-quotas> (дата обращения: 18.11.2016).
32. Zeeb B, Schade D. It is All or Nothing: How to Make the EU more Democratic, Transparent and Efficient // Heinrich Boll Stiftung EU, 25.09.2015. URL: <https://eu.boell.org/en/2015/09/25/its-all-or-nothing-how-make-eu-more-democratic-transparent-and-efficient> (дата обращения: 18.11.2016).

Об авторах:

Тимофей Вячеславович Бордачев – к.полит.н., директор Центра комплексных европейских и международных исследований; доцент Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета. «Высшая школа экономики». (НИУ ВШЭ); Россия, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: tbordachev@hse.ru.

Анастасия Валерьевна Казакова – научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; студентка магистерской программы «Международные отношения: европейские исследования», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Россия, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: akazakova@hse.ru.

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

EUROPE AND RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

T.V. Bordachev, A.V. Kazakova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-21-35

National Research University Higher School of Economics

The article analyzes the prospects of institutional innovation in the European international process. European Union (EU) is going through several crises of political, economic, ideological and intellectual nature. It makes many scholars and researchers as well as policymakers and ordinary people to think about redefining the concept of the «Common European home» for not only European states, but also in a broader sense meaning the post-Soviet space.

The authors present an assessment of weak and strong sides of the existing European integrational institutional architecture by using methods of systemic and probabilistic analysis as well as multi-level approach. It inevitably leads to the question about the relationship between the institutions as independent agents and nation states, and the role of intergovernmental cooperation in solving the current EU's problems.

This EU crisis creates opportunities as well as, challenges for Russia which has no possibility to simply fence off from Europe institutionally or ideologically. Europe was, is and will be a

part of the Russian national interests – either as a threat or as a factor which contributes to its development and prosperity.

Therefore, the authors wonder how the updated concept of European integration can look and, respectively, which impact all these changes can have on Russian foreign policy. Using the historic institutionalism the authors make the conclusion about the existing institutional lock-ins and path-dependent behavior of the EU that does not allow to adapt to the rapidly changing environment. To solve the existing crisis EU needs upgrade the political, economic and intellectual concept of the integration process.

Key words: EU, EU-Russia relation, Brexit, European integration.

References

1. Alter K., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community. *Working Paper No. 07-001*. Buffet Center for International and Comparative Studies, 2007. Pp. 1-18.
2. Bordachev T. Russia and the European Union: Three Questions concerning New Principles in Bilateral Relation. *Valdai Discussion Club Report*, 2016. P.18.
3. Brickerton C. Towards a Social Theory of EU Foreign and Security Policy. *Journal of Common Market Studies*, vol. 49, no. 1, pp. 171–190.
4. Esteve-Gonzalez P., Theilen B. European Integration: Partisan Motives or Economic Benefits? *LSE Europe in Question Discussion Paper*, 2014, no. 7. 40 p.
5. Haas E. *The uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950-1957*. Stanford, Stanford University Press Publ. 640 p.
6. Habermas J. *The Crisis of the European Union: A Response*. Malden, MA, Polity Press Publ., 2012. 120 p.
7. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? *Journal of Common Market Studies*, 2010, no. 48, iss. 3, pp. 455 –474.
8. Francois J., Manchin M., Norberg H., Pindyuk O., Tomberger P. *Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: An Economic Assessment, CEPR Final Project Report on behalf of the European Commission*. London, Centre for Economic Policy Research, 2013. 124 p.
9. Hamilton D., Blockmans S. *The Geostategic Implications of TTIP*. Paper No. 5. Centre for European Policy Studies, 2015. 360 p.
10. Kaveshnikov N. *Four Scenarios for European Integration*. RIAC, 2016. 10 p.
11. Miller V., Lunn J. The European Union: a democratic institution? House of Commons Briefing papers. Research Paper. Research Paper, 2014, no. 25, pp. 36–49.
12. Moravcsik A. The European Constitutional Compromise and the Neofunctionalist Legacy. *Journal of European Public Policy*, 2005, no. 12, pp. 349–389.
13. Nygren B. *The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Toward the CIS Countries*. Abingdon, UK, Routledge Publ., 2017. 315 p.
14. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*, 2000, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
15. Pollack M. The new institutionalism and European integration. *European Integration Theories*. 2nd ed. Ed. by W. Antje and T. Diez. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008. Pp. 137–156.
16. Pollack M. Theoretical and comparative insights into EU policy-making. *Policy-Making in the European Union*, ed. by H. Wallace, W. Wallace, M. Pollack. New York, Oxford University Press Publ., 2011. 380 p.
17. Romanova T. The EU's crises and its future. *Valdai Paper*, no. 54. Valdai International Discussion Club, 2016. 16 p.
18. Romanova T. *Russia and Europe: Somewhat Different, Somewhat the Same?* RIAC, 2016. 12 p.
19. Rumer E. *Russia and the Security of Europe*. Carnegie Endowment for International Peace, 2016. 35 p.
20. Stoll P., Douma W., Sadeleer N. *CETA, TTIP and the EU precautionary principle. Legal analysis of selected parts of the draft CETA agreement and the EU TTIP pro-*

- posals*. Foodwatch, 2016. 52 p.
21. Trapero B., The Economic Crisis and its Effects on the quality of life in the European Union. *Social Indicators Research*, 2005, vol. 120, iss. 1, pp. 323–343.
 22. Bordachev T. Russia and the Berlin-Washington Order in Europe. *Valdai International Discussion Club*. 2016. Available at: <http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-the-berlin-washington-order-in-europe> (Accessed: 18.11.2016).
 23. Dempsey J, The Huge Geopolitical Implications of TTIP. *Carnegie Europe*, 03.10.2015. Available at: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=61507> (Accessed: 18.11.2016).
 24. Dutch say «devastating no» to EU constitution. *The Guardian*, 02.06.2005. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2005/jun/02/eu.politics> (Accessed: 18.11.2016).
 25. Grabbe H., Lehne S. How to Build a More Flexible EU after Brexit. *Carnegie Europe*. 08.09.2016. Available at: <http://carnegieeurope.eu/2016/09/08/how-to-build-more-flexible-eu-after-brexitepub-64507> (Accessed: 18.11.2016).
 26. Gupta M. After the Brexit: Three New Challenges Facing European Security Leader. *Security Intelligence*, 2016. Available at: <https://securityintelligence.com/after-the-brexite-three-new-challenges-facing-european-security-leaders> (Accessed: 18.11.2016).
 27. Hix S. The policy successes (and failures) of British MEPs. *LSE EUROPP blog*, 22.01.2016. Available at: <http://blogs.lse.ac.uk/brexit/2016/01/22/the-policy-successes-and-failures-of-uk-members-of-the-european-parliament/> (дата обращения: 18.11.2016).
 28. *Investment Court System put to the test. New EU proposal will perpetuate investors' attacks on health and environment*. Canadian Centre for Policy Alternatives, Corporate Europe Observatory Friend of the Earth Europe. Paper. 2016. Available at: https://www.tni.org/files/publication-downloads/investment_court_system_put_to_the_test.pdf (Accessed: 18.11.2016).
 29. *Schuman Declaration*, 9 May 1950. Available at: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (Accessed: 18.11.2016).
 30. Techau J. Four Predictions on the Future of Europe. *Carnegie Europe*, 12.01.2016. Available at: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=62445> (Accessed: 18.11.2016).
 31. Traynor I. Germany to push for compulsory EU quotas to tackle refugee crisis. *The Guardian*, 23.10.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/refugee-crisis-germany-push-compulsory-eu-quotas> (Accessed: 18.11.2016).
 32. Zeeb B, Schade D. It is All or Nothing: How to Make the EU more Democratic, Transparent and Efficient. *Heinrich Boll Stiftung EU*, 25.09.2015. Available at: <https://eu.boell.org/en/2015/09/25/its-all-or-nothing-how-make-eu-more-democratic-transparent-and-efficient> (Accessed: 18.11.2016).

About the authors:

Bordachev Timofei – PhD in Political Science, Director of the Center for comprehensive European and International Studies, the National Research University Higher School of Economics. Russian Federation 101000 Moscow, Myasnitskaya st. 20. E-mail: tbordachev@hse.ru.

Kazakova Anastasiia – Research Fellow of the Center for Comprehensive European and International Studies, the National Research University Higher School of Economics. Russian Federation 101000 Moscow, Myasnitskaya st. 20. E-mail: akazakova@hse.ru.

This article is an output of a research project in the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics.

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ ГИПЕРДЕРЖАВНОСТИ США В XXI В.

В.В. Шишков
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье анализируется политика и стратегия США конца XX – начала XXI вв. в контексте изменений системы международных отношений, в результате которых Америка получила возможность приобрести статус единственной сверхдержавы – гипердержавы, глобального центра силы и влияния. Рассматриваются целевые установки политики США, направленной на удержание мирового лидерства, обращения его в гегемонию, разработку и реализацию стратегии односторонних действий. Дается характеристика военно-политическим усилиям США по установлению и распространению своего влияния, удержанию военно-стратегического превосходства. Исследуются действия США по реализации стратегии односторонних действий. Показано, что в конце XX – начале XXI вв. основными объектами применения данной стратегии стали второстепенные державы, не обладающие потенциалом, который позволил бы им конкурировать с США. Реализация данной стратегии в отношении ряда государств даже в таких масштабах, привела к «имперскому перенапряжению» Америки и потребовала серьезного пересмотра стратегического планирования в 2010 и 2015 гг. В условиях продолжающегося снижения мощи США (экономической, технологической и военной) относительно других центров силы, именно политические методы и инструменты в совокупности с «мягкой силой» и военным давлением всё более выходят на первый план в реализации глобальных геополитических устремлений. Новыми императивами политики и стратегии США, при их неизменной ориентации на утверждение американского превосходства, становится ограничение России и Китая, вовлечение в орбиту влияния Вашингтона других региональных держав. Результатом такой «имперской» политики может стать возрастание напряженности и конфликтогенности в мировой политике.

Ключевые слова: постбиполярная система международных отношений, PaxAmericana, унилатерализм, гегемонизм, гипердержава, Стратегия национальной безопасности США 2010, Стратегия национальной безопасности США 2015, Национальная военная стратегия США 2015.

УДК 327
Поступила в редакцию
Принята к публикации

Мировые политические процессы начала второго десятилетия XXI в., связанные с событиями «арабской весны», повлекшей дестабилизацию Ближнего Востока и Северной Африки; образованием на территории Ирака и Сирии квазигосударства террористической организации ИГИЛ, объявившей «священную войну» ряду государств, распространяющей свою террористическую деятельность на всё новые регионы, в том числе Европу; неконтролируемый поток мигрантов в ЕС из ближневосточных и африканских стран, охваченных нестабильностью и конфликтами; кризис на Украине, приведший к вооружённому гражданскому противостоянию, поставивший под сомнение существование данного государства, чуть было не приведший к политико-экономической изоляции России и повлекший рост военно-политической напряжённости в Восточной Европе; наконец, нарастание конфликтности в Тихоокеанском регионе – все эти обстоятельства свидетельствуют о нарастающей эрозии политического миропорядка, формируемого после прекращения существования биполярной (Ялтинско-Потсдамской) системы международных отношений. Приход новой администрации избранного в конце 2016 г. президента США Д. Трампа придаёт новую актуальность исследованию внешней политики и стратегии американского лидерства последних десятилетий. Учитывая, что общего видения международных отношений и политики Америки – большой стратегии, Д. Трамп не представил ни в ходе предвыборной кампании, ни в первые недели своих полномочий [52], востребован анализ стратегических императивов позиционирования США в мире, имеющих определяющее значение для конкретных политических действий.

Если одним из базовых элементов Ялтинско-Потсдамского миропорядка стал баланс сил, выражающийся в стратегии сдерживания, которой на разных этапах холодной войны следовали в большей или меньшей степени обе участвующие в противостоянии мировые силы – США и СССР, то после завершения этого идеологического, политического, экономического и военного глобального противостояния в основу нового миропорядка «победившей» стороной было предложено положить принцип признания лидера современного мира – США – в качестве единственной мировой политической силы – гипердержавы. Данный тезис нашёл наиболее полное выражение в период «военного» президентства Дж. Буша-младшего. Его развернутое обоснование было представлено в Стратегии национальной безопасности (2002 г.), а также в ряде официальных выступлений и публикаций высших должностных лиц США тех лет [46; 42; 9; 50; 40, 41, 33, Р. 42–43.].

Целью настоящей статьи является анализ доктринального и практического выражения гегемонистской политики США в постбиполярный период. Вопрос об изменениях в политике США, при сохранении общего её вектора по утверждению глобального лидерства, в отношении других государств, а также о путях и способах её реализации имеет ключевое значение для понимания современной мировой политики. Определение направлений трансформации внешнепо-

литической стратегии США на протяжении правления нескольких президентов, соотношения декларируемых политических установок и реальных шагов по укреплению сверхдержавного статуса, как представляется, будет способствовать выявлению логики внешнеполитической деятельности Вашингтона в отношении России, а также более определённого прогнозирования дальнейших его действий. Данное обстоятельство тем более актуально, что Д. Трампу и его администрации ещё только предстоит систематизировать и изложить в завершённом виде собственное видение стратегических приоритетов внешней политики США, политики безопасности, форм её выражения и способов реализации.

Следует сказать, что проблема, связанная с лидерством США в постбиполярный период, и стремление Вашингтона конвертировать своё экономическое и военное превосходство в мировую гегемонию неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной политической науке. Наибольшую известность получили работы Э. Басевича, Т. Барнета, Э.Я. Баталова, А.Д. Богатурова, З. Бжезинского, Ф.Г. Войтоловского, Ф. Закарии М.М. Лебедевой, К. Лейна, С. Рича, Р.Н. Лебоу, М.Манна, А.С.Манькина, Е.М. Примакова, В.О.Печатнова, Б.Р. Позена, Э.Л. Росса, А.И. Уткина, С. Уолта, Н. Хомского, Т.А. Шаклеиной и др. В этих трудах исследуются идейные истоки гегемонистской политики США, их роль и цели в формировании современного миропорядка, рассматриваются проблемы соотношения государственной мощи и международного правового порядка, а также взаимосвязи внутренней и внешней политики Вашингтона и другие вопросы. Вместе с тем изменения в мировой политике последних лет определяют необходимость по-новому рассмотреть политику Америки в свете актуального баланса сил между державами, смещения военно-политических усилий США в сторону Тихоокеанского региона и новой напряженности в отношениях с Россией.

На страницах авторитетного американского журнала *Foreign Affairs* М. Торнберри и Э. Крепиневиц ставят вопрос об угрозе безопасности США со стороны «ревизионистских держав» [48]. О необходимости новой стратегии США, соответствующей актуальным вызовам, там же пишет один из видных теоретиков «американской империи» Э. Басевич [31]. Всё большее внимание эксперты США уделяют Китаю, оценивая его перспективы стать доминирующей силой в Евразии [35, 32]. При этом Россия продолжает оставаться в фокусе внимания американского истеблишмента, о чём свидетельствует не только обсуждение её политики во время президентской предвыборной кампании, но анализ геополитики России, её внешнеполитического потенциала, вопросов его использования американским экспертным сообществом¹. И хотя говорить о новой холодной войне, как об идеологизированном военно-политическом противостоянии двух социальных систем нет достаточных оснований, тем не менее, Россия представляется в качестве одной из главных «ревизионистских держав». В связи с этим представленный в данной статье анализ политики США последних лет

¹ см. например: *Foreign Affairs* № 3, центральной темой которого является Россия.

направлен на исследование путей и способов реализации внешнеполитических доктринальных установок США и поиск американским политическим руководством новых методов сохранения своего центрального положения в мировой политике.

Несколько слов следует сказать о применяемой в статье терминологии. Понятие «гегемония» получило различные трактовки в теории международных отношений: реалисты абсолютизируют материальное измерение мощи государства, А. Грамши указывал на консенсусную природу гегемонии, необходимость её признания (легитимации), Р. Кокс говорит о необходимости морального превосходства, а Р. Гилпин уделяет значительное внимание идеологическому лидерству и престижу. Теоретически можно говорить о разных стадиях гегемонии: от материально-силового диктата к использованию престижа в целях легитимации своего превосходства и управления. Но, так или иначе, гегемония означает взаимосвязь материальных и нематериальных факторов, такое превосходство, которое позволяет диктовать правила участникам отношений. В этом плане лидерство США в современном мире по ряду параметров (технологии, военная мощь и др.) является потенциальной, но нелегитимизованной гегемонией.

«Баланс сил» является ещё одним дискуссионным термином современной теории международных отношений [51]. В связи с этим необходимо отметить, что понятие «баланс сил» означает не только равное распределение мощи и влияния между ведущими участникам международных отношений, но и возможность конкурентной политики между ними [43]. Иными словами, это ситуация отсутствия единственного гегемона.

Наконец, следует пояснить использование в статье термина «гипердержава». Применительно к каждой эпохе развития мировой политики её ведущие силы описывались при помощи характерных терминов: «великие державы», «сверхдержавы». Как отмечает Т.А.Шаклеина, «после окончания эпохи биполярного порядка неоднократно поднимался вопрос о том, что же такое Соединённые Штаты для остального мира: империя, одна из ведущих мировых держав, лидер, гегемон» [28, с. 8]. Основной особенностью современного, постбиполярного этапа являются гегемонистские устремления США по формированию мирового порядка, отвечающего их интересам. Данные устремления реализуются в условиях отсутствия уравнивающего противодействия какой-либо иной державы или скоординированных усилий союза держав [1]. В этой связи, как представляется, выбранный термин является достаточно ёмким для того чтобы определить действительные политические устремления США и современные особенности мировой политики.

В центре исследовательского внимания находится стратегическая линия США в мировой политике. С учётом приведённых особенностей современных международных отношений такая политика может быть охарактеризована как гипердержавная. При этом администрации последних лет (Дж. Буша и Б. Обамы) поразному видели пути и способы её реализации, вызовы и угрозы, что на-

ходило выражение в доктринальных документах и политических действиях, рассматриваемых в статье. Учёт данных особенностей позволяет более определённо говорить о политике новой администрации в контексте формирования новой стратегии США и конкретных политических шагов.

Сложившаяся после Второй мировой войны система мировой политики может рассматриваться в качестве своего рода продолжения европейской традиции баланса сил, противодействия наиболее могущественной державе, ограничения её доминирования со стороны других крупных держав. Особенности послевоенного мироустройства состояли в том, что в эпоху холодной войны баланс сил обеспечивался примерным равенством экономической и военной мощи только двух противостоящих блоков. Кроме того, взаимное балансирование и сдерживание во второй половине XX в. приобрело в полной мере глобальный характер. Политика баланса перестала быть составляющей европейской политики, а стала пронизывать в контексте блокового противостояния международные отношения практически во всех регионах мира на глобальном уровне.

С конца XX в. традиция, преобладающая в Европе со времён завершения Тридцатилетней войны, оказалась прервана. Военно-политический, экономический и геополитический баланс оказался разрушен. Оставшаяся «одинокая сверхдержава» – США [см.: 34] – теперь получила возможность не только окончательно закрепить своё положение лидера Западного мира, приобретённое по итогам Второй мировой войны, но и получить признание в качестве гипердержавы – единственной мировой силы, способной к новому пререформатированию международных отношений на основе либеральной идеологии [47; 49]. По сути дела на рубеже XX и XXI вв. мир оказался перед перспективой образования нового имперского пространства – PaxAmericana – создания такой модели международной политики, в которой на все государства распространяются внутриполитические правила и стандарты одной страны, использующей для этого своё экономическое и военно-политическое превосходство. Также существенной чертой формирующейся новой модели стало, с одной стороны, стремление США придать глобальный характер своим национальным интересам, закрепить их потенциальное проявление в любом регионе мира, а с другой стороны, отрицание США и их союзниками права других государств на проецирование своих интересов за пределы собственных государственных границ.

Представляется, что это стало одним из фундаментальных противоречий наряду с прочими: несопоставимостью либерально-демократических принципов и военно-силовых способов их установления, политикой двойных стандартов по ряду других вопросов, подрывающих перспективы стратегии гипердержавы по переходу от лидерства к признанному мировым сообществом доминированию.

Следует отметить, что данные противоречия не были разрешены ни в период президентства Дж. Буша-младшего, ни Б. Обамы. Более того, представляется возможным говорить о том, что в последние годы Вашингтон избегал обсуждения проблемы соотношения национальных и глобальных интересов Америки.

Д. Трамп заявил национальные интересы США в качестве безусловного приоритета, но пока проблематично говорить о том, удастся ли новой администрации предложить своё решение этого и других противоречий политики США.

На протяжении первого десятилетия XXI в. политика США не встречала серьёзного противодействия. Военно-политические акции в период президентства Дж. Буша-младшего, осуществляемые в соответствии с доктриной односторонних действий в отношении угроз США, привели к вторжениям в Афганистан и Ирак. Как отмечает А.Д. Богатуров, «концепции «смены режимов», «упреждающих ударов» и «принудительного разоружения» администраций Дж. Буша были построены на идее легализации, придания статуса международно-правовой нормы прецедентам вооружённых интервенций США в случаях, когда американская администрация находила это нужным и неопасным для Соединённых Штатов» [5, с. 10]. Следует отметить, что в своих концептуальных основах данные положения восходят к комплексу документов стратегического планирования Вашингтона, опубликованных ещё в 1992 г., авторство которых принадлежит Л. Либби, П. Вулфовицу, Р. Чейни. В этих документах закладывались основы односторонних действий Вашингтона по предупреждению появления нового соперника их могуществу [39]. По сути, как отмечал Е.М. Примаков, в концепции односторонних действий закладывался «теоретический фундамент под идею «глобальной гегемонии» Соединённых Штатов после окончания холодной войны» [22, с. 30]. Тем не менее, следует признать, что эти взгляды не нашли полного отражения в официальных доктринальных документах США. Также сложно говорить об их последовательном воплощении во внешнеполитической деятельности Вашингтона.

Вторжение в Ирак так и осталось единственным примером односторонней военно-политической акции в период «военного» президентства Дж. Буша мл. Осуществление военных операций в Ираке и в Афганистане потребовало от США привлечения дополнительных ресурсов. Причём, несмотря на то, что военный бюджет был и так наибольшим в мире, расходы на проведение этих военных операций привели к тому, что перед США встала проблема перенапряжения сил [25, с. 254].

Военно-политическая деятельность США в постиракский период вписывается в рамки доктринальных положений руководящих политических и военно-политических документов США в 2010 г., которые предусматривали отход от политики «силовой гегемонии» предыдущей администрации и обращение к «всеобъемлющему вовлечению». Новая редакция Стратегии национальной безопасности, обнародованная в 2015 г., представляет собой 29-страничный документ, основным лейтмотивом которого выступает идея нового лидерства Америки в XXI в. [38].

Существенным отличием СНБ-2015 стало выражение в этом документе идей о том, что несмотря на сохраняющееся лидерство США в мире, их возможности становятся всё более ограниченными, что вынуждает Америку выбирать поли-

тические приоритеты и следовать принципу стратегического терпения (*strategic patience*). Ещё одной особенностью документа 2015 г. стало более пристальное внимание к России (15 упоминаний) и Китаю (13 упоминаний). Если в СНБ-2010 г. эти государства рассматривались как одни из центров влияния мира XXI в., то в документе 2015 г. Россия по большей части упоминается как государство, осуществившее акт агрессии (государство-правонарушитель (*transgressor*)), а в отношении Китая можно увидеть призыв к отказу от девиантного, с точки зрения Вашингтона, поведения [4, с. 59]. В целом же СНБ-2015 хотя и указывает на то, что залогом сохранения лидерства США в мире выступают внутренние экономико-технологические трансформации, Америка готова к новому сдерживанию возможных конкурентов.

В 2015 г. была также принята новая Национальная военная стратегия США [45], которая также содержит посыл о готовности Америки отстаивать своё мировое лидерство, в том числе и военными средствами. В центре внимания авторов данного документа находятся факторы, препятствующие американскому лидерству как основе международного порядка, залогом глобального процветания и распространения общечеловеческих ценностей.

Несмотря на то, что этот 17-старничный документ является наименее конкретным и детализированным по целям и задачам в сравнении с предыдущими его вариантами [18, с. 3], всё же в нём, как и в СНБ-2015, нельзя не увидеть прямых указаний на готовность Вашингтона противодействовать в том числе и военными средствами попыткам подорвать лидерство Америки в глобальном масштабе и политический авторитет США на региональном уровне. В документе говорится, что хотя вероятность военного конфликта США с другой крупной державой маловероятна, но она постоянно возрастает. Россия напрямую обвиняется в подрыве региональной безопасности и нарушении международных договорённостей, в том числе Договора о РСМД. В отношении Китая говорится, что его действия в Южно-Китайском море противоречат международному праву и могут привести к контролю над важнейшими морскими путями.

Америка представлена в качестве оплота глобальных процессов демократизации и экономического процветания. США находятся в центре сети союзников и партнёров, безопасность которых гарантирована мощью США. Ведущие позиции среди них занимают государства НАТО, Австралия, Япония и Южная Корея. Также подтверждается переориентация военной мощи США в АТР при сохранении приверженности союзническим обязательствам в Европе.

Актуальные документы в сфере обеспечения безопасности США сохраняют приверженность принятому администрацией Б. Обамы подходу «стратегии вовлечения» при возрастающем внимании противодействию росту геополитического влияния со стороны России и Китая в тех регионах, которые данные государства рассматривают в качестве приоритетных сфер своих национальных интересов. С учётом того, что положения рассмотренных документов не явля-

ются просто декларациями, а сопровождаются наращиванием военной, и, в том числе стратегической инфраструктуры вблизи границ России (развертывание ПРО и реализация инициативы по постоянному размещению военной техники США в Восточной Европе) и Китая (расширение военного присутствия в Юго-Восточной Азии), следует говорить о том, что концептуальные основы политики США, заложенные ещё в начале 1990-х гг., вновь находят своё применение.

Здесь следует более подробно рассмотреть военно-политические усилия США по проецированию своей мощи, их соотнесение с положениями доктринальных документов. В этом плане показательны военные расходы и система военного базирования.

По разным оценкам расходы на войну в Ираке и Афганистане составили от 1,6 трлн долл. (по данным доклада Исследовательской службы конгресса) [8], до 4 трлн долл., причем 1,7 трлн ушло непосредственно на финансирование военных операций в Ираке, а 490 млрд – на различные выплаты ветеранам войны, по данным исследования *Costs of War*, проведённого Институтом международных исследований при Брауновском университете [26]. За тринадцать лет в Ираке погиб 4 491 гражданин США, а более 32 тыс. получили ранения, в Афганистане погибли 2 356 американцев, а свыше 20 тыс. были ранены. Кроме того, более 128 тыс. американских военных, служивших в Ираке и Афганистане, получили серьёзные психологические травмы, вызванные сильным стрессом [8].

В целом же за восемь лет президентства Дж. Буша мл. военные расходы увеличились почти в два раза с 316 млрд долл. в 2001 г. до 667 млрд долл. в 2008 г. При этом доля Соединённых Штатов в мировых военных расходах к 2008 г. достигла своего максимума 42–46% (1994 г. – 34%, 1986 г. – 28%) [23, с. 36].

С приходом администрации Б. Обамы ситуация мало изменилась. Общие военные расходы США в 2009 г. составили 666 млрд долл. [14, с. 100], а численность вооружённых сил достигала 2,2 млн человек. К 2010 г. доля США в военных расходах стран мира сохранялась на уровне 43% [7].

Как отмечают исследователи В.Н. Кобышев и А.А. Сергунин, только к 2012 г. удалось перейти к запланированному сокращению военных расходов. Данное сокращение достигалось главным образом свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане. Основные же военные программы, такие как создание систем для нанесения быстрого глобального удара, обеспечение американского превосходства в сухопутных и военно-морских силах, а также в космосе и в киберпространстве сокращению не подверглись [14, с. 109]. В 2013 г. военные расходы США составили уже 37% от общего размера таких расходов в мире, которые достигли \$1,75 трлн [7]. Отметим здесь, что предвыборная риторика Д. Трампа исходила из целесообразности наращивания вооружений США, значительное внимание уделяя увеличению ВМС. Данное обстоятельство указывает на то, что вооружённые силы рассматриваются новым президентом в качестве одного из основных инструментов внешней политики и поддержания гипердержавного статуса.

Даже сокращение военных расходов, связанное со свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане, сохраняет за США лидирующее положение в военной сфере. Как видно из планов по разработкам вооружения, Вашингтон стремится к качественному военно-техническому превосходству в военной сфере над всеми остальными странами, особенно в отношении новых современных стратегических вооружений. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что военно-технические разработки опять же связаны с совершенствованием ядерного оружия, а также направлены на поиск адекватной замены ядерным стратегическим наступательным вооружениям (быстрый глобальный удар) и формирование эффективной системы защиты, препятствующих их применения другими государствами в отношении самих США и их союзников (система ПРО). В целом же речь идёт не о сокращении военных расходов США, а о приведении их в соответствие со стратегическими интересами и приоритетами.

Одновременно с мерами по повышению сбалансированности военных расходов США осуществляют переориентацию своего военного присутствия за рубежом. США располагают почти 800 военными базами, размещёнными за пределами их территории. Эти военные базы размещаются в 160 странах мира [44]. С начала второго десятилетия XXI в. США, по мере завершения военных операций на Ближнем Востоке и Центральной Азии, осуществляют перенос своих военно-политических усилий в Азиатско-Тихоокеанский регион. «Возвращение» США в АТР предусматривает целый комплекс политических, дипломатических, экономических и военных мер, направленных на противодействие росту геополитического влияния Китая. В политико-дипломатическом отношении США заявляют о своём лидерстве в регионе и принятии на себя гарантий безопасности в отношении государств-союзников. В экономическом отношении Вашингтон выступил с инициативой «Тихоокеанское партнёрство» (Trans-Pacific Partnership) – торгового соглашения, охватывающего тихоокеанские страны Азии и Америки [17]. В военном плане США наращивают своё присутствие в регионе с 2011 г. Отправной точкой этих действий можно считать визит Б. Обамы 16-17 ноября 2011 г. в Австралию, в ходе которого было подписано соглашение об американском военном присутствии в Дарвине и сделано заявление о расширении военного присутствия США в АТР [2]. Сокращение Вашингтоном военных расходов, о котором было сказано выше, не должно сказаться на военном присутствии США в регионе [24]. Скорее следует говорить о наращивании военного присутствия вооружённых сил Америки в регионе. Прежде всего, это выражается в расширении существующей системы военного базирования.

Так, в 2014 г. было подписано «Соглашение по расширенному оборонному сотрудничеству» между США и Филиппинами, позволяющее Америке расширить своё военное присутствие на островах [13]. Показательным является то, что США намерены открыть в Южной Корее новую военную базу – крупнейший зарубежный военный объект США. На работы по её созданию потрачено в общей сложности более 13 млрд долл. Новая база будет расположена в районе южноко-

рейского города Пхентхэк, в 70 км к югу от Сеула. Официальное открытие крупнейшей в мире военной базы США должно состояться в 2017 г. [6]. В целом же документы военного планирования США предусматривают, что к 2020 г. более 60% кораблей и самолётов из общего состава ВМС и ВВС США будут дислоцироваться в АТР. Здесь будут размещены самые современные вооружения, в том числе корабельные средства ПРО, подводные лодки, а также самолёты разведки, наблюдения, распознавания и целый ряд других систем [10]. Уже сейчас непосредственно в регионе находится около 60 военных кораблей [3, с. 12], а всего в подчинении Тихоокеанского командования находятся 2/3 сил морской пехоты США, около 200 кораблей, включая 41 атомную ударную подводную лодку и пять авианосных ударных групп [10]. С учётом того, что руководящие документы Пентагона всё большее внимание уделяют морской мощи как основному инструменту военной политики США (A Cooperative Strategy For 21st Century Seapower), заявления представителей высшего политического руководства США о смещении фокуса политического влияния в АТР находят реальное подтверждение.

Все эти действия США направлены на противодействие росту экономического и геополитического влияния Китая. Китайские аналитики отмечают, что развитие событий может пойти по двум основным вариантам: сдерживание или вовлечение Китая [16, с. 136-138]. Последние события, связанные с ростом напряжённости в Южно-Китайском море вокруг возводимых Китаем искусственных островов (архипелаг Спратли), показывают, что США также не рассматривают дружеские отношения с Китаем в качестве неперемennого вектора своей тихоокеанской политики [20].

Необходимо отметить, что в последнее время происходит и наращивание военного присутствия США и в Восточной Европе, в том числе и в странах непосредственно граничащих с Россией. Хотя эти шаги сложно рассматривать в качестве полномасштабного военного развертывания, они направлены на подтверждение обязательств США перед НАТО, восточноевропейскими странами блока и сдерживание России. При этом обращает на себя внимание тот факт, что администрация Д. Трампа оставила в силе данные решения.

Исходя из рассмотренного материала, следует говорить о том, что военные средства достижения политических целей остаются приоритетными для США при реализации гегемонистских устремлений. При этом распределение военной мощи и конфигурация военного присутствия в мире меняются вслед за изменением взглядов и оценок в отношении вызовов и угроз политике США.

Рассмотрение политической и военной стратегии Вашингтона убеждает с одной стороны, в том, что разработанная в своих основах после распада СССР стратегия односторонних действий, направленных на противодействие образованию глобальных и региональных центров силы, способных конкурировать по своей мощи и влиянию с США, продолжает определять действия высшего политического руководства Америки. На протяжении всего постбиполярно-

го периода США не только декларировали незыблемость своего лидерства, но и направляли свои политические, экономические, дипломатические и военные усилия на его поддержание и укрепление. Об этом в частности свидетельствуют меры по поддержанию не просто мирового военного лидерства, а формированию такого военно-стратегического потенциала, который свидетельствовал бы о существенном превосходстве США над силами любого другого государства или теоретически возможной коалиции. О сохранении данной тенденции, как показывает проведённый анализ, можно говорить и после объявленного сокращения военных расходов США, связанного преимущественно со свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане.

С другой стороны, при реализации своих гегемонистских устремлений США проявили определённую непоследовательность. Основными объектами стратегии односторонних действий должны были стать государства – потенциальные центры силы, способные бросить вызов глобальному доминированию Америки. В практике политики США данная стратегия оказалась направлена против так называемых «государств-изгоев» («государств-ретроградов», «недобропорядочных государств»). В их числе оказались страны, мощь и влияние которых заведомо были несопоставимы с могуществом США (например, Югославия, Ирак, не говоря уже о Сомали и Гаити). На протяжении 1990-х и 2000-х гг. политика США оказалась направлена не столько на противодействие новым центрам силы, сколько на их вовлечение в процессы глобализации, прежде всего в финансово-экономическом плане.

Исключением здесь выглядят действия, предпринимаемые в отношении России, включающие в себя расширение НАТО и развертывание районов ПРО в Европе. Отметим, что хотя Дж. Миршаймер и указывает на то, что расширение НАТО не направлено против России. Тем не менее, он вынужден признать, что российское руководство не могло воспринимать эти действия иначе как угрожающие «ключевым стратегическим интересам» [37]. При этом полноценная институционализация вовлечения России в процессы экономической глобализации состоялось только в 2012 г. с её принятием в ВТО. Тем не менее, следует признать, что даже в отношении России – государства, располагающего стратегическим потенциалом, способным нанести неприемлемый ущерб Америке и стремящегося к реализации собственного интеграционного проекта в Евразии, стратегия односторонних действий не применялась последовательно и в полном масштабе. До 2014 г. в отношениях между Россией и США можно выделять периоды большего или меньшего тесного взаимодействия, хотя в последние годы общий тренд состоял в нарастании напряжённости.

Несмотря на то, что основной фокус геополитического внимания и приложения сил США был смещён на Ближневосточный регион, их политика, декларирующая необходимость повсеместной демократизации, в соответствии с американскими либеральными стандартами сопровождается действиями, вполне соответствующими классическим положениям политического реализма.

Это выразилось в расширении НАТО и подготовке к размещению района ПРО в Восточной Европе – действиях, вполне определённо несущих опасность для России. Наконец поддержка США новой украинской власти привела к открытой конфронтации с Россией, введению против неё экономических санкций и наращиванию военного присутствия у её границ. Всё это может рассматриваться в рамках предложенной в начале 1990-х гг. стратегии недопущения нового глобального конкурента влиянию США.

Стратегия односторонних действий США имеет ещё один аспект. Как уже отмечалось, объектами её политики стали «государства-изгои», не обладающие военно-политическим потенциалом, который давал бы им возможность сколько-нибудь эффективно противостоять военной мощи США. Сокрушение сопротивления Югославии и Ирака заняло у военной коалиции, возглавляемой США, 78 и 21 день соответственно. Тем не менее, последовавшие после вторжения в Ирак и Афганистан события продемонстрировали, что участие в двух локальных противопартизанских конфликтах приводит Америку к не допустимому перенапряжению ресурсов. В целом же вся политика Вашингтона в отношении «Большого Ближнего Востока», проводимая в первые годы XXI в., привела не к декларируемой демократизации режимов, а к нарастанию межгосударственных и этнорелигиозных противоречий.

Всё это в совокупности указывает не столько на неспособность США к гегемонистской, «имперской» политике, сколько демонстрирует результат неудачного совмещения в рамках политической доктрины неоконсерватизма либеральных и реалистических представлений о международных отношениях. Данное совмещение привело к противоречивому результату. С одной стороны, принудительная демократизация, наиболее последовательно проводимая в Ираке, Афганистане, а затем в некоторых государствах, охваченных «арабской весной», не дала положительного результата. С другой стороны, идеологизация политики под знаком ценностей либеральной демократии при одновременном использовании силового инструментария привела к тому, что распространилась практика двойных стандартов, а доверие к США со стороны других участников международных отношений оказалось подорвано.

М. Манн в своей работе «Непоследовательная империя» применяет основы своей исследовательской методологии, направленной на изучение империй прошлого, к современным США. Исследователь рассматривает четыре составляющих американской мощи – военную, экономическую, политическую и идеологическую. Ни по одному из параметров США не могут претендовать на доминирование в современном мире. Неформальная империя США управляла посредством местных имущих классов. Теперь же Америке всё труднее находить поддержку особенно среди демократий развивающихся стран. [36, р. 88]. М. Манн приходит к выводу о том, что ей нечего предложить современному миру для утверждения своего господства, можно опираться только на моральные догмы и неосуществимые угрозы.

Тем не менее, сколько бы некоторые американские политические эксперты не пытались отрицать факт «имперского перенапряжения» [1, с. 132], оно всё больше сказывается на политике Америки, вызывая острые противоречия в политической элите США [19]. Военные и политические усилия США по сдерживанию СССР были оправданы в глазах американского общества, необходимостью защищать национальные интересы и ценности. В то время как реализация гегемонистских устремлений и поддержание глобальной военной инфраструктуры в современных условиях дискуссионна для немалой части американцев, в том числе экспертов. Всё чаще раздаются голоса в пользу отказа от избыточных гегемонистских устремлений и пересмотра стратегии либеральной гегемонии в сторону её большей гибкости [21, с. 116, 124]. Нельзя исключать того, что впечатление о необоснованных тратах ресурсов на вмешательство, в том числе военное, в разных регионах мира сыграли свою роль в формировании американского общественного мнения на последних выборах. Эти и другие, подобные, мнения звучат на фоне не прекращающихся усилий США навязать свою политическую линию как своим союзникам (ведущим государствам Европы в рамках НАТО), так и конкурентам на макрорегиональном уровне (Китай). Более того, хотя за последние годы США не осуществляли военных вторжений наподобие иракской войны, их военная активность не была значительно снижена. Прямо (как в Ливии) или косвенно (например, в Сирии) США осуществляют поддержку сил псевдодемократии, реализуя свои геополитические интересы. Наглядным свидетельством этому является политика США на Украине, состоящая в поддержке радикальных политических сил в этом государстве, и использовании в антироссийской политике государств Европы (Германии, Франции, Польши и др.).

Последние события, связанные с сирийским кризисом, также свидетельствуют, что политика США направлена на смещение режима Б. Асада, его свержение руководством Белого дома рассматривает как неперемное условие разрешения гражданского конфликта в Сирии [12]. Вашингтон, отказавшись от непосредственного вовлечения в кризис и использования крупных контингентов вооружённых сил, стремится к благоприятному для себя развитию событий посредством всё большего вовлечения в кризис государств региона – Турции, Саудовской Аравии и других.

Безусловно, данные государства преследуют в сирийском кризисе и собственные геополитические интересы, тем не менее, их действия в значительной степени обусловлены поддержкой США и НАТО. Вовлечённость этих государств в кризис связана не столько с борьбой против «Исламского государства», сколько направлена против режима Б. Асада, а развертывание их вооружённых сил на границе с Сирией [27, 30, 11, 29] следует рассматривать как давление в отношении не только сирийского правительства, но и России, осуществляющей в Сирии свою операцию против «Исламского государства».

Такая стратегия напоминает предложения Э. Люттвака по формированию и реализации «имперской» политики США по аналогии с Византией [15], подразу-

мевающей широкое привлечение сил союзников и сателлитов для выполнения миссий в интересах гегемона. Но всё же, если говорить об аналогиях при оценке современного положения США, то больше подходит сравнение не с Византией или популярная аналогия с Британской империей, а с «Испанской империей» XVI-XVII вв. Для Европы того времени она тоже может быть охарактеризована как «единственная сверхдержава», так же как США Испания приняла на себя обязанности по обеспечению безопасности, только в европейском масштабе, и от угроз того времени – натиска Османской империи и распространения протестантизма. Подобно современным США Испания обладала неиссякаемым источником ресурсов – американским серебром (для США такой ресурс – финансовая зависимость от них большинства стран мира). Испания также вела военные действия на нескольких фронтах, в разных уголках мира, но не смогла преодолеть имперского перенапряжения и нарастающего противодействия набирающих мощь других центров силы.

Анализ политики и стратегии США в постбиполярный период позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, политические устремления США направлены на установление такой системы международных отношений, которая бы обеспечила незыблемый характер их гегемонии. После прекращения существования СССР в основу стратегии США был положен тезис о необходимости препятствовать появлению новой глобальной державы, способной бросить вызов США. Однако в конце XX в. США, оказавшись в положении одинокой сверхдержавы – гипердержавы, не имели достойных конкурентов, которые могли бы рассматриваться в качестве объектов такой стратегии.

Во-вторых, уже в начале XXI в. концепция унилатерализма получила новую интерпретацию, в которой были более полно и последовательно выражены неоконсервативные взгляды её авторов. Идеология и практика новой глобальной «империи» оказались обусловлены необходимостью содействовать повсеместной демократизации путём силового установления либерально-демократических режимов. Основным объектом применения новой стратегии стали страны «Большого Ближнего Востока». Такая стратегия привела к перенапряжению ресурсов США и подрыву их авторитета в мире.

В условиях продолжающегося снижения мощи США (экономической, технологической и военной) относительно других центров силы, именно политические методы и инструменты, в совокупности с «мягкой силой» и военным давлением всё более выходят на первый план в реализации глобальных геополитических устремлений. При этом отсутствуют достаточные основания для того, чтобы говорить о том, что США в обозримой перспективе полностью утратят своё влияние на фоне подъёма других центров силы. Проведённый в статье анализ позволяет указывать на то, что Вашингтон находится в поиске оптимальной (с точки зрения возможных затрат не только материальных ресурсов, но и репутационных издержек) политики и стратегии достижения своих внешнеполитических целей. США, избегая прямого вовлечения в наиболее острые конфликты

последних лет, активно применяя так называемую «мягкую силу» и дипломатию, стремятся занять положение арбитра в международных отношениях.

Императивом остаётся сохранение ситуации, при которой обеспечивается недопустимость появления государства-соперника глобальной мощи и амбициям США. В то же время стратегия глобального лидерства имеет выраженную гегемонистскую составляющую, содержание которой состоит в необходимости определять «правила игры» в мировой политике. Данные правила всё больше связаны со стремлением контролировать распределение экономических ресурсов (проекты трансатлантического партнёрства) и применение силы (расширение НАТО, поиск союзников в Тихоокеанском регионе и других регионах). На деле идейно-политическое (далеко не безусловное) и экономико-технологическое лидерство США всё более обеспечивается гегемонистскими притязаниями, поиском своей легитимации в качестве «гегемона» хотя бы в системе сформированных союзов.

При этом военно-силовой фактор остаётся значимым инструментом политики США и его усиление, как уже отмечалось, станет одним из приоритетов новой администрации.

Для Д. Трампа «возвращение величия Америки» стало одним из основных лозунгов его избирательной кампании, и обеспечение заявленной цели будет иметь и внешнеполитическое выражение. В терминах данной статьи гипердержавность останется императивом для действий Вашингтона в международных отношениях. Другое дело, что в отсутствие доктринальных установок эта деятельность приобретет менее предсказуемый характер, а военно-силовые инструменты могут начать использоваться чаще и с меньшей оглядкой на мировое общественное мнение. В итоге Д. Трамп может реализовывать не менее «имперскую» политику, чем администрация Дж.Буша-младшего.

События вокруг Украины, нарастание напряжённости в Южно-Китайском море являются своего рода маркерами, отражающими возвращение США к политике противодействия центрам силы в Евразии. После завершения ближневосточных авантур, связанных с силовым насаждением либеральной демократии, Вашингтон вновь обращает внимание на недопустимость образования сфер политического влияния другими государствами. Данный подход с высокой долей определённости нашёл отражение в СНБ-2015 и Национальной военной стратегии-2015. Таким образом, вполне вероятной выглядит возможность продолжения роста напряжённости в отношениях США, их союзников с Россией и Китаем, а также возрастание конфликтности в регионах, прилегающих к границам указанных государств.

В начале статьи указывалось, что после завершения холодной войны традиция поддержания баланса сил в международных отношениях оказалась прервана. США заняли имперское положение гипердержавы, единственного глобального центра силы. Как показывает исторический опыт, противодействие единственному центру силы оказывается связано с масштабным кризисом. Тем не менее,

нарастание кризисных и конфликтных ситуаций в современных международных отношениях само по себе не гарантирует перехода к многополярности. Необходимым условием является взаимное признание новых центров силы в рамках сложившейся геополитической конфигурации и системы распределения ресурсов. В XVII в. основы такого миропорядка были закреплены Вестфальским миром и воспроизводились последующими моделями международных отношений. Перспективы такого всеобъемлющего соглашения в современных условиях выглядят неопределёнными. По крайней мере до тех пор, пока США будут следовать идеологизированным представлениям о международных отношениях, своей роли в них и располагать возможностями по их реализации.

Список литературы

1. Айкенберри Дж, Брукс С., Уолфорд У. Назад пути нет // Россия в глобальной политике. 2013. №1. С. 130 – 145.
2. Акишев М. Возмутители тихоокеанского спокойствия. «Expert Online» 18.11.2011. URL: <http://expert.ru/2011/11/18/vozmutiteli-tihookeanskogo-sпокойstviya/> (дата обращения: 28.01.2016).
3. Американская стратегия «перебалансировки» сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4 (31). С. 9-43.
4. Бартенев В. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1(48). С. 48-66.
5. Богатуров А. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. № 2. Т. 6. С. 4-15.
6. В Южной Корее появится крупнейшая в мире военная база США // Российская газета. 15.12.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/15/baza-site-anons.html> (дата обращения: 28.01.2016).
7. Военный бюджет США. Что может себе позволить Америка // Вести экономика. 21.04.2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/41963> (дата обращения: 28.01.2016).
8. Войны в Ираке и Афганистане обошлись США в \$1,6 трлн // Интерфакс. 19.12.2014. URL: <http://www.interfax.ru/world/414170> (дата обращения: 28.01.2016).
9. Строкань С. Кондолиза Райс назвала врагов человечества. Это Северная Корея, Иран и многополярность // Коммерсантъ. 28.06.2003. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/392129> (дата обращения: 28.01.2016).
10. Иванов В. Тихоокеанская поступь Белого дома // Независимое военное обозрение. 19.06.2015 URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2015-06-19/1_pentagon.html (дата обращения: 28.01.2016).
11. Катар объявил о готовности участвовать в наземной операции в Сирии // Лента.ру. 15.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/15/> (дата обращения: 28.01.2016).
12. Керри: Пока Асад находится у власти, остановить войну невозможно // РИА Новости. 05.12.2015. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20151205/1336675913.html (дата обращения: 28.01.2016).
13. Кирьянов О. США расширят военное присутствие на Филиппинах // Российская газета. 28.04.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/28/filippini-site-anons.html> (дата обращения: 28.01.2016).
14. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3 (12). С. 98-113.
15. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 664 с.
16. Мамонов М. Возможна ли война между Америкой и Китаем // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2 (29). С. 135-142.
17. Мамонов М. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Observer. 2012. № 11. С. 88-96.
18. Марин А. Стратегия национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение. 2015. №6. С. 3-10.
19. Мигранян А. Внутривосточная ситуация в Соединенных Штатах // Россия в глобаль-

- ной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/docs/migranyan.pdf> (дата обращения: 28.04.2013).
20. МИД КНР: США наращивают военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 03.11.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2403278> (дата обращения: 28.01.2016).
 21. Поузен Б. Умерить пыл // Россия в глобальной политике. 2013. №1. С. 116 – 128.
 22. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.
 23. Сизов В. Фактор силы в политике США // Международные процессы. 2009. № 2. С. 33-40.
 24. Сушенцов А. Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2(29). С.130-134.
 25. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов / отв. ред. А.Д.Богатуров М.: МГИМО-Университет, 2013. 249 с.
 26. США потратили на войну в Ираке \$2 трлн. // РБК. 14.03.2013. URL: <http://www.rbc.ru/economics/14/03/2013/849254.shtml> (дата обращения: 28.01.2016).
 27. Турция и Саудовская Аравия начали совместные военно-воздушные учения // Интерфакс. 15.02.2016. URL: <http://www.interfax.ru/world/494791> (дата обращения: 28.03.2016).
 28. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4. С. 6-19.
 29. Эксперты: усиление восточного фланга НАТО может развязать руки Турции // РИА Новости. 11.02.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160211/1372907003.html> (дата обращения: 28.03.2016).
 30. Эр-Рияд заявил о готовности снабдить сирийскую оппозицию мощным оружием // Лента.ру. 16.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/16/saudiarabiaarms> (дата обращения: 28.03.2016).
 31. Vacevich A.J. Ending Endless War. A Pragmatic Military Strategy // Foreign Affairs. 2016. № 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war> (дата обращения: 28.03.2016).
 32. Brooks S.G. and Wohlforth W.C. America Abroad: The United States Global Role in the 21st Century. Oxford University Press, 2016. 288 p.
 33. Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N.Y., 1998. 590 p.
 34. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2. Pp. 35–49.
 35. Kaplan R.D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness // Foreign Affairs. 2016. No. 3. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy> (дата обращения: 28.03.2016).
 36. Mann M. Incoherent Empire. London: Verso, 2005. 278 p.
 37. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (дата обращения: 28.01.2017).
 38. National Security Strategy. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 28.01.2016).
 39. «Prevent the Reemergence of a New Rival» The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991-1992. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm#1> (дата обращения: 28.01.2016).
 40. Rice C. Rethinking the National Interest // Foreign Affairs July/August 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest> (дата обращения: 28.01.2016).
 41. Rice C. US must recall it is not just any country // FT. 26.07.2012. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/f4837046-d67b-11e1-ba60-00144feabdc0.html#axzz3ssMzreyc> (дата обращения: 28.01.2016).
 42. Secretary Rumsfeld Interview // The New York Times. 12.10.2001.
 43. Sheehan M. The balance of power. History and theory. London: Routledge, 2000. 226 p.
 44. The Nation: США – рекордсмены по числу вредоносных военных баз // РИА Новости. 16.09.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150916/1255446694.html> (дата обращения: 28.01.2016).
 45. The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 28.03.2016).
 46. The National Security Strategy of the United States of America // The White House. Washington, September, 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 28.03.2016).
 47. To Paris, U.S. Looks Like a «Hyperpower» // The New York Times. 05.02.1999. URL: http://www.nytimes.com/1999/02/05/news/05iht-france.t_0.html (дата обращения: 28.03.2016).

48. Thornberry M., Krepinevich A.F. Jr. Preserving Primacy A Defense Strategy for the New Administration // Foreign Affairs. № 5. September/October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy> (дата обращения: 03.08.2016).
49. Védrine H. Face à l'hyperpuissance: Textes et discours (1995-2003) Paris: Fayard, 2003. 384 p.
50. Vice President Richard Cheney. Remarks at the 2006 Vilnius Conference. 04.05.2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (дата обращения: 28.01.2016).
51. Wohlforth W.C., Kaufman S. Testing Balance-of-Power Theory in World History // European Journal of International Relations. 2007. №13 (2).
52. Zenko M., Fellow S., Lissner R. F. Trump Is Going to Regret Not Having a Grand Strategy // Foreign Policy. 13.01.2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (дата обращения: 10.02.2017).

Об авторе:

Василий Валерьевич Шишков – к.полит.н., доцент Института права и безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Российская Федерация 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1. E-mail: fh55@mail.ru.

CRISIS OF GLOBAL HEGEMONY: THE OVERSTREACH OF US HYPERPOWER IN THE 21ST CENTURY

V.V. Shishkov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The structural change of international relations system at the end of the Cold war has resulted in US becoming the sole superpower or hyperpower. The US took advantage of this position and strived to build a hegemonic world order based on US military-strategic superiority and soft-power. Implementation of this strategy results in "imperial overstrain" a serious revision of US strategic planning in 2010 and 2015. In the context of the continuing decline in the power of the United States (economic, technological and military) relative to other centers of power, it is nonmilitary political methods and instruments that, together with "soft power" and military pressure, increasingly come to the fore in US realizing global geopolitical aspirations. The new imperative of US strategy is deterrence of Russia and China, which could result only in the crisis of global hegemony and the rise of conflicts in world politics.

Key words: post-bipolar system of international relations, Pax Americana, unilateralism, hegemonic, hyperpower, the US National Security Strategy 2010, the US National Security Strategy of the 2015 National Military Strategy of the USA in 2015.

References

1. Brooks S., G. Ikenberry J., and Wohlforth W. Lean Forward. *Foreign Affairs*. January/February 2013 No.1. (Russ. ed.: Aikenberri Dzh, Bruks S., Uolfort U. Nazad puti net. Rossiia v global'noi politike, 2013, no. 1, pp. 130 – 145.). (In Russian).
2. Akishev M. Vozmutiteli tikhookeanskogo spokoistviia [Disturbers of the peace of the Pacific]. *Expert Online*, 18.11.2011. Available at: <http://expert.ru/2011/11/18/vozmutiteli-tihookeanskogo-spokojstviya/> (Accessed: 28.01.2016). (In Russian).
3. Amerikanskaia strategiiia "perebalansirovki" sil v ATR i interesy natsional'noi bezopasnosti Rossii [The American strategy of "rebalancing" of forces in the Asia-Pacific region and the interests of national security of Russia]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2015, no. 4 (31), pp. 9-43. (In Russian).
4. Bartenev V. «Strategiiia natsional'noi bezopasnosti SShA» 2015 goda: ot vseob'emliushchego k selektivnomu vovlecheniiu i sderzhivaniuu ["The national security strategy of the USA" in 2015: from comprehensive to selective engagement and deterrence]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, no. 1(48), pp. 48-66. (In Russian).
5. Bogaturov A. Kontrrevoliutsiia tsenozhnykh i mezhdunarodnaia bezopasnost' [The counter-revolution of values and international security] // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2008, no. 2, vol. 6, pp. 4-15 (in Russian).
6. V Iuzhnoi Koree poiavitsia krupneishaiia v mire voennaia baza SShA [South Korea will have the world's largest U.S. military base]. *Rossiiskaia gazeta*, 15.12.2015. Available at: <http://www.rg.ru/2015/12/15/baza-site-anons.html>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
7. Voennyi biudzhzet SShA. Chto mozhet sebe pozvolit' Amerika [The US military budget. Can afford America]. *Vesti ekonomika*, 21.04.2014. Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/41963>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
8. Voiny v Irake i Afganistane oboshlis' SShA v \$1,6 trln. [The war in Iraq and Afghanistan has cost the U.S. \$1.6 trillion]. *Interfaks*, 19.12.2014. Available at: <http://www.interfax.ru/world/414170>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
9. Strokan' S. Kondoliza Rais nazvala vragov chelovechestva. Eto Severnaia Kor-eia, Iran i mnogopoliarnost' [Speech by C. Rice at the International Institute for strategic studies London.]. *Kommersant*, 28.06.2003. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/392129>. (Accessed: 28.01.2016). (In Russian).
10. Ivanov V. Tikhookeanskaia postup' Belogo doma [Pacific upstaged by White house]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 19.06.2015. Available at: http://nvo.ng.ru/gpolit/2015-06-19/1_pentagon.html. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
11. Katar ob"iavil o gotovnosti uchastvovat' v nazemnoi operatsii v Sirii [Qatar has announced its willingness to participate in a ground operation in Syria]. *Lenta.ru*, 15.02.2016. Available at: <https://lenta.ru/news/2016/02/15/1/> (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
12. Kerri: Poka Asad nakhoditsia u vlasti, ostanovit' voinu nevozmozhno [Kerry: as long as Assad is in power, to stop the war is impossible]. *RIA Novosti*, 05.12.2015. Available at: http://ria.ru/syria_chronicle/20151205/1336675913.html. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
13. Kir'ianov O. SShA rasshiriat voennoe prisutstvie na Filipinakh [U.S. to expand military presence in the Philippines]. *Rossiiskaia gazeta*, 28.04.2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/28/filippini-site-anons.html>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
14. Konyshev V.N., Sergunin A.A. O novoi voennoi doktrine B. Obamy [About the new military doctrine of Barack Obama]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2012, no. 3 (12), pp. 98-113. (In Russian).
15. Luttwak E.N. *The grand strategy of the Byzantine Empire*. Massachusetts/London, Belknap Press of Harvard University Press Publ., 2009. 512 p. (Russ. ed.: Lutvak E. Strategiiia Vizantiiskoi imperii. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2010. 664 p.). (in Russian).

16. Mamonov M. Vozmozhna li voina mezhdu Amerikoi i Kitaem [Can there be a war between America and China]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 2(29), pp. 135-142. (In Russian).
17. Mamonov M. Politika SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [U.S. policy in the Asia-Pacific region]. *Observer*, 2012, no. 11, pp. 88-96. (In Russian).
18. Marin A. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti SShA (2015) [The national security strategy of the USA (2015)]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2015, no. 6, pp.3-10. (In Russian).
19. Migranian A. Vnutripoliticheskaia situatsiia v Soedinennykh Shtatakh [The internal political situation in the United States]. *Rossia v global'noi politike*. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/docs/migranyan.pdf>. (Accessed 28.04.2013). (In Russian).
20. MID KNR: SShA narashchivaiut voennoe prisutstvie v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Chinese foreign Ministry: US increasing military presence in the Asia-Pacific region]. *TASS*, 03.11.2015. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2403278>. (Accessed 28.01.2016).
21. Pouzen B. Umerit' pyl [Moderate heat]. *Rossia v global'noi politike*, 2013, no.1, pp. 116 – 128. (In Russian).
22. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaia blizorukost'* [World without Russia? The consequences of political myopia]. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2009. 239 p.
23. Sizov V. Faktor sily v politike SShA [The power factor in U.S. policy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2009, no. 2. pp. 33-40. (In Russian).
24. Sushencov A. Strategiiia voennogo prisutstviia SShA v Azii [The strategy of the US military presence in Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 2(29), pp.130-134. (In Russian).
25. Sushencov A.A. *Ocherki politiki SShA v regional'nykh konfliktakh 2000-h godov* [Essays on U.S. policy in regional conflicts of the 2000s years]. Ed. by Bogaturov A.D. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. 249 p. (In Russian).
26. SShA potratili na voynu v Irake \$2 trln. [The U.S. spent on the Iraq war \$2 trillion]. *RBK*, 14.03.2013. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/14/03/2013/849254.shtml>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
27. Turtsiia i Saudovskaia Araviia nachali sovместnye voenno-vozdushnye ucheniia [Turkey and Saudi Arabia have launched a joint military air exercises]. *Interfaks*, 15.02.2016. Available at: <http://www.interfax.ru/world/494791> (Accessed 28.03.2016). (In Russian).
28. Shakleina T.A. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and the modern world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 6-19. (In Russian).
29. Eksperty: usilenie vostochnogo flanga NATO mozhet razviazat' ruki Turtsii [Experts: strengthening of the Eastern flank of NATO can untie the hands of Turkey]. *RIA Novosti*, 11.02.2016. Available at: <http://ria.ru/world/20160211/1372907003.html> (Accessed 28.03.2016). (In Russian).
30. Er-Riad zaiavil o gotovnosti snabdit' siriiskuiu oppozitsiiu moshchnym oruzhiem [Riyadh has said it is ready to supply the Syrian opposition a powerful weapon]. *Lenta.ru*, 16.02.2016. Available at: <https://lenta.ru/news/2016/02/16/saudiarabiaarms/> (Accessed: 28.03.2016). (In Russian).
31. Bacevich A.J. Ending Endless War. A Pragmatic Military Strategy. *Foreign Affairs*, 2016, no. 5. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war> (Accessed: 28.03.2016).
32. Brooks S.G. and Wohlforth W.C. *America Abroad: The United States Global Role in the 21st Century*. Oxford University Press, 2016. 288 p.
33. Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. New York, 1998. 590 p.
34. Huntington S. The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 2, pp. 35–49.
35. Kaplan R.D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness. *Foreign Affairs*, 2016, no. 3. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/>

- articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy (Accessed: 28.03.2016).
36. Mann M. *Incoherent Empire*. London, Verso Publ., 2005. 278 p.
 37. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*, 2014. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (Accessed 28.01.2017).
 38. National Security Strategy. *The White House*. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (Accessed 28.03.2016).
 39. «Prevent the Reemergence of a New Rival». *The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991-1992*. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm#1>. (Accessed 28.01.2016).
 40. Rice C. Rethinking the National Interest. *Foreign Affairs*, 2008. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest>. (Accessed 28.03.2016).
 41. Rice C. US must recall it is not just any country. *FT*, 26.07.2012. Available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/f4837046-d67b-11e1-ba60-00144feabdc0.html#axzz3ssMzreyc>. (Accessed 28.03.2016).
 42. Secretary Rumsfeld Interview. *The New York Times*, 12.10.2001.
 43. Sheehan M. *The balance of power. History and theory*. London, Routledge, 2000. 226 p.
 44. The Nation: SShA – rekordsmeny po chislu vredonosnyh voennyh baz. *RIA Novosti*, 16.09.2015. Available at: <http://ria.ru/world/20150916/1255446694.html>. (Accessed 28.01.2016).
 45. *The National Military Strategy of the United States of America 2015*. Available at: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (Accessed 28.03.2016).
 46. The National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. Washington, September, 2002. Available at: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (Accessed 28.03.2016).
 47. To Paris, U.S. Looks Like a «Hyperpower». *The New York Times*, 05.02.1999. Available at: http://www.nytimes.com/1999/02/05/news/05iht-france.t_0.html. (Accessed: 28.03.2016).
 48. Thornberry M., Krepinevich A.F. Jr. Preserving Primacy A Defense Strategy for the New Administration. *Foreign Affairs*, 2016, no. 5. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy> (Accessed: 28.12.2016).
 49. Védrine H. *Face à l'hyperpuissance: Textes et discours (1995-2003)*. Paris, Fayard Publ., 2003. 384 p.
 50. *Vice President Richard Cheney. Remarks at the 2006 Vilnius Conference*. 04.05.2006. Available at: <http://georgewebush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (Accessed 28.01.2016).
 51. Wohlforth W.C., Kaufman S. Testing Balance-of-Power Theory in World History. *European Journal of International Relations*, 2007, no. 13(2), pp. 155-185.
 52. Zenko M., Fellow S., Lissner R. F. Trump Is Going to Regret Not Having a Grand Strategy. *Foreign Policy*, 13.01.2017. Available at: <http://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (Accessed 10.02.2017).

About the author:

Vasily Valerievich Shishkov – PhD in Political Science, assistant professor of Institute of Law and Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119606. E-mail: fh55@mail.ru.

ЗАКАТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»? ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ SOFT POWER

Е.В. Пименова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-57-66

ОАО «Газета Известия»

Статья посвящена истокам и этапам эволюции концепции «мягкой силы» в политической практике ключевых государств мира. Данная концепция является одновременно теоретическим и прикладным продуктом, поскольку систематизирует и обозначает направления применения имеющихся у государств социально-политических ресурсов. С учетом её практической направленности определённый интерес представляет трансформация взглядов создателя термина «мягкая сила» Дж. Ная на основные элементы и механизмы функционирования «мягкой силы».

Автор рассматривает концепцию «мягкой силы» как элемент стратегии США, направленной на поддержание собственного лидерства в мире. В этой связи, для остальных государств использование «мягкой силы» для достижения собственных политических целей может оказаться менее эффективным, поскольку концепция заточена под конкретные политические характеристики США. Более того, по мере изменения внешнеполитической среды Вашингтон модернизировал данную концепцию, обратившись к идее «умной силы». Автор обращает внимание на то, что условия использования «мягкой силы», вероятно, изменились и для других государств.

Изучение концепции «мягкой силы» должно включать сравнительный аспект, то есть изучение исторических форм других практик и подходов к сохранению глобального лидерства. В этой связи большой потенциал для дальнейших исследований представляет так называемая «внешняя культурная политика», которая реализовывалась рядом европейских государств в XIX столетии.

Автор отмечает, что с учётом современных реалий мировой политики и международных отношений назрела необходимость пересмотреть имеющиеся теоретические подходы к имиджу государств на международной арене, выработать новый инструментарий, который будет комплексно учитывать культурные, туристические, образовательные возможности и достижения государств.

Ключевые слова: «мягкая сила», американское лидерство, внешняя культурная политика, «умная сила».

УДК 327

Поступила в редакцию 20.09.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

«Soft power» или «мягкая сила» в общепринятом русском переводе - понятие, уже прочно вошедшее в лексикон политиков, экспертов, журналистов и всех тех, кто, так или иначе соприкасается с международной проблематикой. За последнее десятилетие этот термин стал настолько популярен, что его смысл кажется уже очевидным и не требующим долгих объяснений. Он постепенно входит в основополагающие внешнеполитические документы и стратегические концепции ряда стран. Например, в 2012 г. понятие «мягкая сила» вошло в новую редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации; ещё в 2001 г. оно официально зафиксировано в Стратегии по продвижению имиджа Польши. В целом формируется пул профильных рейтинговых агентств, специализирующихся на разработках шкалы оценок и количественном измерении «мягкой силы» государств в мировом масштабе. Можно даже сказать, что идея soft power постепенно наделяется свойствами глобального дискурса, и начинает казаться неотъемлемым атрибутом внешней политики.

Теория «мягкой силы» представляет собой сравнительно молодое направление, ставшее, тем не менее, одним из наиболее «трендовых» в рамках современных политологических исследований. Серьёзное внимание учёных данная тема привлекла в 90-е гг. Это было временем коренных изменений и глубинных трансформаций на геополитической карте мира, когда во главу угла встала необходимость поиска принципиально иных, подчёркнуто неконфронтационных подходов к развитию международных отношений. Именно тогда в США впервые появилась и была озвучена концепция «мягкой силы» как нового формата взаимодействия внешнеполитических игроков.

Пик интереса к «мягкой силе» и даже своего рода моды на эту идею в научном сообществе Европы и России пришёлся на период со второй половины 90-х до конца первого десятилетия 2000-х гг., на время стабилизации постбиполярного миропорядка, уверенного роста ведущих мировых экономик, «перезагрузки» российско-американских отношений - словом, эпохи, когда убеждённости в подлинной эффективности этого инструментария не вызывала сомнений.

Пионерами теоретических построений в сфере «мягкой силы» стали американские политологи. В этой связи современная историография по данной проблематике оперирует методологией и понятийным аппаратом, разработанными в США. Factum notorium, что «отцом-основателем» этой концепции считается политолог, эксперт по вопросам национальной безопасности США и политик Джозеф Най¹. Именно он ввел термин «soft power» в научный оборот в конце 80-х гг. В его, ставшем уже классическим, определении «мягкая сила» трактуется как «способность привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путём демонстрации культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов страны» [8].

¹ В 1994—1995 гг. Дж.Най был заместителем министра обороны по вопросам международной безопасности

Сам Дж.Най в качестве основных инструментов «мягкой силы» определял три главных составляющих: это внешняя культурная политика, аттрактивность политических ценностей/идеологии и успешные действия на международной арене [9]. С течением времени в своих работах политолог развивал, дополнял и детализировал понятийный аппарат собственной теории, тем самым предоставляя своим последователям возможность расширять область научных изысканий, делая акцент на её различных составляющих. Таким образом, ряд исследователей полагает, что главным инструментом «мягкой силы» является внешняя информационная политика государств и так называемый «внешний PR» или брендинг [5; 6], для некоторых учёных ключевым пунктом служит развитие транснациональных горизонтальных связей посредством структур гражданского общества [4]. Весьма значительная часть экспертов вслед за Дж.Наем предпочитает фокусировать внимание на продвижении культурных ценностей как главном факторе привлекательности страны на международной арене.

В литературе бытует мнение о том, что «мягкая сила» и внешняя культурная политика, как одна из её основных составных частей, трансформировались в осознанную государственную стратегию, имеющую солидную концептуальную, научную и законодательную базу, лишь в XX в. Однако, представляется, что это не совсем так.

Основные принципы внешней культурной политики как инструмента влияния на международную повестку стали изобретением гораздо более раннего периода. По большому счёту прообраз «мягкой силы» в нашем нынешнем понимании сложился в колониальную эпоху, когда перед метрополиями впервые встала долгосрочная задача формирования местной лояльной элиты на покорённых территориях. Её подготовка и воспитание осуществлялись посредством экспорта образовательных стандартов, культурных норм, языка, ключевых принципов государственного управления. Элементы целенаправленной внешней культурной политики можно усмотреть и в ещё более раннюю эпоху – примером доколониальной «мягкой силы» может служить христианское миссионерство в VII-XIV вв. Тогда речь шла о расширении ареала христианской веры, а, соответственно, и сфер политического влияния Рима и Константинополя.

Ряд исследователей полагают, что феномен современной внешней культурной политики является изобретением и прерогативой Франции [2, с. 15]. Именно Франция, как ни одна страна мира, стремилась к сохранению, поддержке и продвижению своего культурного и языкового наследия. А XIX в. стал её поистине золотой эпохой – французская высокая культура служила мировым эталоном, французский язык вплоть до начала Первой мировой войны оставался не только языком официальной дипломатии, но и одним из основных средств коммуникации и в Европе.

Уже в 1883 г. был создан «Альянс Франсез» – частная неправительственная организация по распространению французской культуры за рубежом [2, с. 188]. Не в последнюю очередь его появление было обусловлено заботой об имидже

страны в мире: Франция стремилась отыграть репутационные потери, вызванные неудачей во франко-прусской войне 1870-1871 гг. Кроме того, одним из серьёзных элементов мягкой силы для Франции стало явление «Франкофонии»², которое конституировалось в общемировое движение и окончательно сформировалось в конце 60-х гг. XX в., в эпоху бурной деколонизации.

Франция была культурным гегемоном Европы до того момента, когда политико-экономическое влияние Великобритании и стремительное развитие Германской империи не начало создавать для неё серьёзной конкуренции на международной арене, в том числе и в продвижении культурно-гуманитарного потенциала. Культурное соперничество двух колониальных держав – Великобритании и Франции – на рубеже веков стимулировало развитие внешнего измерения культурной политики. Однако первый английский культурный институт за рубежом появился много позже своего французского *vis-à-vis*. Британский совет (имевший изначально название «Британский комитет по отношениям с другими странами») был создан лишь в 1934 г. Тем не менее, уже тогда цели и задачи его деятельности формулировались вполне в русле нынешних идей Дж.Ная. Цель Совета заключалась в том, чтобы «создать за рубежом основу для дружественного знакомства и понимания народа нашей страны, его философии и образа жизни, которое приведёт к принятию и поддержке внешней политики Великобритании, какой бы эта политика ни была и из каких бы политических предпосылок не исходила» [11].

Германия значительно отставала в вопросе продвижения собственного имиджа в мире. Но после объединения в 1871 г. также активно включилась в этот процесс. Уже к концу XIX в. страна заняла ведущие позиции в международной научной среде как по целому ряду достижений в ключевых областях знания, так и с точки зрения системы организации науки. Гумбольдтовская идея соединения преподавания и исследования, традиционно привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора – всё это стало ориентиром и примером для многих стран. А создание в 1911 г. Общества Кайзера Вильгельма — системы специализированных научно-исследовательских учреждений с решающей ролью государства при участии крупных промышленников — воспринималось многими современниками, в том числе В.И. Вернадским и К.А. Тимирязевым, как прообраз оптимальной модели организации наук [1].

Итак, основным компонентом германской мягкой силы на рубеже XIX-XX вв. были образование и наука. Правительство уделяло большое внимание развитию немецких школ за рубежом. Так, например, в 1870 г. в мире насчитывалось 96 школ с немецким языком преподавания, к 1900 г. этот показатель вырос до 438, а к 1913 достиг 700 [10, с. 268]. В 1925 г. была основана успешно функционирующая и по сей день Германская служба академических обменов – DAAD.

² «Франкофония» – международная неправительственная организация сотрудничества франкоязычных и имеющих обширные культурные связи с Францией стран.

Важно отметить, что для Германии после Первой мировой войны культура стала фактически одним из немногих оставшихся инструментов внешней коммуникации, так как по Версальскому мирному договору страна лишилась армии, флота и возможности оказывать политическое влияние в целом.

Бойкот немецкой науки в первой половине 1930-х гг. стал ключевым фактором утраты Германией и немецким языком как средством научного обмена тех позиций в международном гуманитарном сотрудничестве, которые были достигнуты к началу XX в. Лишь только после Второй мировой войны в двух разделённых Германиях началось постепенное восстановление культурных институтов. Самым значительным шагом во внешней культурной политике стало создание в 1951 г. Гёте-института – организации, призванной работать в сфере продвижения немецкого языка и немецкой культуры за рубежом, активно работающей и сегодня³.

Ряд вышеприведённых отдельных примеров наглядно демонстрирует, что культурная политика, направленная на формирование положительного образа государства на международной арене и поддержку его внешнеполитического курса, системно и продуманно реализовывалась в мировой практике на протяжении не одного столетия. Почему же именно теоретические построения Дж.Найя стали столь популярны, а теория «мягкой силы» стала во многом американским глобальным дискурсом?

Безусловно, Дж.Наю удалось систематизировать и описать базовые принципы и подходы, используемые в международном гуманитарном сотрудничестве. Однако принципиально важным представляется следующий момент. Стоит подчеркнуть, что изначально теория *soft power* создавалась американскими экспертами не как научная дисциплина, а, в первую очередь, в качестве прикладного инструментария для реализации целей американской внешней политики с опорой на тот экономический, культурный, научный и финансовый потенциал, которым располагают именно США. Основной целью формирования данной концепции служила разработка способов воздействия на общественное мнение в странах бывшего Варшавского блока и вновь образованных постсоветских республиках. Главной задачей в этом смысле стало противопоставление логике «железного занавеса» идей диалога, обмена, развития и взаимопроникновения культур. И в течение определённого периода эти инструменты демонстрировали свою безусловную эффективность.

Однако в то время как мир всерьёз увлекся идеями *soft power*, найдя в них набор теоретически прозрачных критериев и простых рецептов по улучшению имиджа и привлекательности государств, в США начался обратный процесс. Переломным моментом стала знаковая и трагическая дата в современной аме-

³ При этом, стоит отметить, что ГДР стремилась не отставать от ФРГ в этом вопросе. В 1956 г. в Лейпциге на базе Университета Карла Маркса был создан Гердер-институт (Herder-Institut). Гердер-институт задумывался как полный аналог Гёте-института, противопоставляя при этом свою деятельность «культурному империализму», пропагандируемому ФРГ.

риканской истории – 11 сентября 2001 г. После тех страшных событий новым принципом, которому призвана была подчиняться внешняя политика США, была провозглашена борьба с глобальным терроризмом.

Этот вектор стал определяющим и с точки зрения пересмотра теории «мягкой силы». В течение нескольких лет американские политологи искали новые концептуальные формы, которые могли бы, исходя из внешнеполитических приоритетов США, в полной мере соответствовать сложившимся международным реалиям. И в скором времени подходящий ответ на вызов времени был найден: в 2004 г. Дж. Най в своём исследовании *The Means to success in World politics* предложил отныне оперировать понятием «умная сила». Новый термин, по признанию автора, был применён для того, чтобы скорректировать неверное восприятие того, что только одна «мягкая сила» может выдавать эффективную внешнюю политику: «Я определил «умную силу» как способность сочетать ресурсы твёрдой и «мягкой силы», – отмечал Най [3, с. 59]. Иными словами, на смену понятию *soft power* пришло более сложное, многокомпонентное определение, имеющее множество разных оттенков в зависимости от вектора и точки приложения самой силы.

В специальном докладе, подготовленном в 2007 г. для экспертных слушаний Центром стратегических и международных исследований под руководством Дж. Наю, прямо отмечалось, что глобальной задачей для США является, ни много ни мало «обеспечение условий, которые народы и правительства по всему миру не смогли бы достичь без американского влияния». Ключевой целью в этом смысле служит формирование хорошей репутации и положительного имиджа, так как они «помогают усилить доброжелательность и обеспечить позитивное отношение к рискованным и непопулярным акциям» [7, с. 5].

Важно отметить, что «умная сила» мыслится её идеологами как исключительно американская прерогатива: ««Умная сила» – это комбинация *soft* и *hard power*, которая подразумевает интегрированную стратегию, ресурсную базу и набор инструментов для достижения Америкой своих целей путём применения обоих видов силы» [7]. Несколько утрируя, можно сказать, что в соответствии с новой теорией, США, исходя из внешнеполитической целесообразности, могут теперь решать, в какой точке мира стоит провести серию семинаров для неправительственного сектора, а куда сбросить «умные бомбы». И всё это в рамках одной целостной интегрированной концепции.

Такой подход, по мнению его создателей, «позволяет избежать чрезмерной милитаризации, но в то же время создаёт надёжные инвестиции в альянсы, партнёрства и институты с целью распространения американского влияния и легитимизации внешнеполитических действий». Главная задача – позиционировать США как партнёра для лучшей жизни [7, с. 7].

Итак, после терактов 11 сентября американским политикам и экспертам стало ясно, что механизмы «мягкой силы» не могут в полной мере обеспечивать достижение внешнеполитических целей США. При этом стоит задаться вопросом,

а смог ли в принципе этот инструментарий обеспечить истинную поддержку действий Америки на международной арене со стороны зарубежной общественности? Достаточно вспомнить, насколько часто в различных точках планеты сжигается в знак протеста флаг США, как часто в мире проходят масштабные антиамериканские акции (взять хотя бы то, с каким массовым сопротивлением в Европе сталкивается лоббируемая США идея ТТIP) или, к примеру, какими серьёзными внешними системами безопасности оборудованы американские посольства по всему миру.

Сегодня становится всё более очевидно, что теория «мягкой силы» в её американской версии – это не стройная научная концепция, а утилитарный набор инструментов, сочетающий в себе элементы коллективной психологии (система «кнута и пряника», воздействие на массовое сознание), маркетинговых и PR-технологий, идей культуртрегерства как чувства своей особой цивилизаторской миссии. А главное – этот набор инструментов гибко адаптируется под конкретные внешнеполитические задачи страны (читай: США).

И как только эти инструменты оказываются неэффективными, на смену им приходят новые идеологемы, что и произошло в 2004 г., когда идеи «умной силы» были признаны в США более соответствующими внешнеполитическим реалиям. Практические последствия смены смысловых акцентов не заставили себя ждать. Следствием последовательной реализации новой концепции стала череда «цветных революций» на постсоветском пространстве, «арабская весна» на Ближнем Востоке, майдан и раскол Украины, всплеск кровавого террора ИГИЛ (организация запрещена в России), беспрецедентный поток миграции в Европу.

США уже давно пережили моду на «мягкую силу» и сконцентрировали интеллектуальные усилия на формировании новых концепций (к слову, пока нет ответа на вопрос, каким же образом вписываются в эти концептуальные поиски планы по модернизации американского ядерного оружия).

Однако, несмотря на это, идеи soft power завоевали немалую популярность во всём мире. Государства наперегонки всё ещё стремятся осваивать эту методологию. Престижным для стран, в особенности для развивающихся, считается попасть в тот или иной рейтинг «мягкой силы», получить высокий индекс имиджевой привлекательности государства и т.п.

Не так давно и Россия была включена в очередной такой рейтинг. Британское PR-агентство Portland впервые поместило Россию на 27-е место в список 30 наиболее влиятельных стран в сфере «мягкой силы». Это было расценено как показатель признания усилий по развитию гуманитарного инструментария во внешней политике. Однако представляется, что подобные рейтинги носят во многом умозрительный, теоретический, а нередко даже и манипулятивный характер. Например, в ситуации с рейтингом Portland его создатели напрямую увязали включение в список России с тем, что она «справилась» с удерживанием от эскалации конфликта на Донбассе, а также оказала немалое влияние на борьбу с ИГИЛ в Сирии.

В целом, думается, что вся теория «мягкой силы» не может претендовать на универсализм именно по причине своей конкретно-исторической утилитарности, «заточенности» под американские задачи и ресурсы. Не говоря уже о том, что теракты 11 сентября заставили американский истеблишмент в корне пересмотреть эту теорию. Именно поэтому не стоит всерьёз ориентироваться на разного рода рейтинги и условные замеры уровня «мягкости» силы той или иной страны.

Продвижение собственных интересов посредством самого широкого спектра гуманитарных программ – естественная практика государств, которая на протяжении не одного столетия приносила свои плоды. И эти способы становятся эффективными тогда, когда они базируются на объективных, исторически сложившихся условиях и реализуются посредством концептуально приемлемых и органичных для той или иной страны методов.

Ведь независимо от того, как назвать совокупность действий государств по продвижению собственной культуры, имиджа, экономической, туристической, инвестиционной привлекательности – «мягкой силой», гуманитарным сотрудничеством, культурным обменом – все эти существенные составные элементы, которые на протяжении всей истории в разных формах образуют ткань сложного процесса международных отношений, останутся неизменными.

А вот теория *soft power* уже не сможет стать «глобальным продуктом». Ибо за три десятилетия своего существования и применения она привела к весьма печальным результатам.

И сегодня главная задача, которая стоит перед мировым экспертным сообществом, заключается в поиске тех концепций, которые бы в условиях неизбежных геополитических трансформаций способствовали бы истинному взаимопониманию, компромиссам и стабилизации международных отношений, а не являлись лишь одним из инструментов глобальной борьбы.

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: образованный человек в социальных представлениях и действительности. М: ИВИ РАН, 2001. С. 269-335.
2. Косенко С. Мягкое могущество в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции. М: МГИМО-Университет. 2011. 416 с.
3. Най Д. Будущее власти. М.: АСН, 2014. 448 с.
4. Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике ФРГ. М.: Наука, 2007. 207 с.
5. Смирнова А.Г. Образ государства во внешней политике и международных отношениях. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 230 с.
6. Федякин А.В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. М.: МИИТ, 2009. 256 с.
7. Armitage R.L, Nye J.S. Jr. CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. Washington, DC: The CSIS Press, 2007. 88 p.
8. Nye J. The Means to success in World politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
9. Nye J. Foreword // *Soft Power Super-powers. Cultural and national assets of Japan and the US.* Ed. by Y. Watanabe, D.L. McConnel. New York: M.E. Sharpe, 2008. pp. IX-XIV.

10. DUEWELL K. Deutschlands auswaertige Kulturpolitik 1918-1932. Grundlinien und Dokumente. Koeln/Wien: Böhlau, 1976. 402 p.
11. 1940-41 Annual Report British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/organisation/history> (дата обращения: 21.02.2017).

Об авторе:

Елена Владимировна Пименова – политолог, обозреватель газеты «Известия». 115093 г. Москва, переулок Партийный, д. 1 корпус 57 строение 3. E-mail: pimminito14@gmail.com.

THE DECLINE OF SOFT POWER?

E.V. Pimenova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-57-66

«Izvestia»

The article deals with the origins and stages of the evolution of the concept of “soft power” in the political practice of the key countries in the world. This concept is both theoretical and practical product since it synthesizes and represents the direction of the application by a state its of social and political resources. It is significant to trace the transformation of the views of the author of the term J. Nye on the essential elements and mechanisms of “soft power”.

The author examines the concept of “soft power” as an element of the US strategy to maintain its leadership in the world. In this regard, for other countries the use of “soft power” may be less effective for their own political purposes, because the concept is tuned to the specific characteristics of US policy. Moreover, with change in the international environment, Washington modernizes the concept, of “smart power”. The author draws attention to the fact that the conditions for the use of turning it in “soft power” are likely to have been changed for the other states.

The author concludes that there is a need to revise the existing theoretical approaches to the image of the state in the international arena and to develop new tools that can take into account the complex cultural, tourism, educational opportunities and achievements of every state.

Key words: soft power, American leadership, foreign cultural policy, smart power.

References

1. Dmitriev A.V. Mobilizatsiia intellekta: Per-vaia mirovaia voina i mezhdunarodnoe nauchnoe soobshchestvo [Mobilization of mind: World War I and interantional academia]. *Intelligentsiia v istorii: obrazovannyi chelovek v sotsial'nykh predstavleniakh i deistvitel'nosti*. [Intelligentsia in history: educated person in social understanding and reality]. Moscow, IVI RAN Publ., 2001. Pp. 269-335. (In Russian)
2. Kosenko S. *Kosenko S. Miagkoe mogushchestvo v tverdoi upakovke. Osobennosti kul'turnoi politiki Frantsii* [Soft power in hard package. Cultural policy of France]. Moscow, MGIMO Universitet Publ., 2011. 416 p. (In Russian)
3. Naj D. *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow, CAN Publ., 2014. 448 p. (In Russian)
4. Pogorel'skaja S.V. *Pogorel'skaia S.V. Nepravitel'svennye organizatsii i politicheskie fondy vo vneshnei politike FRG* [Non-governmental organizations and political funds in German foreign poli-

- cy]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 207 p. (In Russian)
5. Smirnova A.G. *Obraz gosudarstva vo vneshnei politike i mezhdunarodnykh otnosheniakh* [State's image in foreign policy and international relations]. St. Petersburg, SPBGU Publ., 2011. 230 p. (In Russian)
 6. Fediakin A.V. *Zarubezhnyi opyt politiki formirovaniia pozitivnogo obraza gosudarstva: sravnitel'nyi analiz teorii i praktiki* [Foreign experience of forging positive state image: comparative analysis of theory and practice]. Moscow, MIIT Publ., 2009. 256 p. (In Russian)
 7. Armitage R.L., Nye J.S. *CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America*. Washington, DC, The CSIS Press Publ., 2007. 88 p.
 8. Nye J. *The Means to success in World politics*. New York, Public Affairs Publ., 2004. 192 p.
 9. Nye J. Foreword. *Soft Power Super-powers. Cultural and national assets of Japan and the US*. Ed. by Y. Watanabe, D.L. McConnell. New York, M.E. Sharpe Publ., 2008. Pp. IX-XIV.
 10. Duewell K. *Deutschlands auswaertige Kulturpolitik 1918-1932. Grundlinien und Dokumente*. Koeln/Wien, Böhlau Publ., 1976. 402 p.
 11. *1940-41 Annual Report British Council*. Available at: <https://www.britishcouncil.org/organisation/history> (Accessed: 21.02.2017).

About the author:

Elena Vladimirovna Pimenova –political expert, columnist of «Izvestia» newspaper. 115093 Moscow, Party Lane, building 1/57/3. E-mail: pimminito14@gmail.com.

БИОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ РИСКИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ¹

П. Корво
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-67-82

Университет гастрономических наук г. Полленцо (Италия)

На процесс потребления продуктов питания влияет целый ряд факторов, затрагивающих как отдельных людей, так и целые культуры в разных частях света. Заслуживают внимания биосоциальные риски, которые порой имеют самые драматические последствия: заболевания, связанные с едой (ожирение, анорексия и булимия); недоедание и голод, которым подвержены более 800 млн человек, на фоне увеличения количества пищевых отходов – реальный парадокс глобального мира; захват сельскохозяйственной земли. Все эти явления имеют разный генезис и динамику развития, однако все они требуют существенных изменений: большей осведомлённости относительно пищевого поведения, образовательных мероприятий на тему еды, вмешательства регулирующих институтов как на локальном, так и международном уровне, чтобы гарантировать справедливый рынок продуктов питания и продовольственную независимость.

Ключевые слова: биосоциальные риски, голод, пищевые отходы, продовольственная независимость, захват сельскохозяйственной земли.

УДК 392.81
Поступила в редакцию 11.11.2016 г.
Принята к публикации 10.02.2017 г.

¹ Подготовка публикации и перевод зав. кафедрой социологии МГИМО, профессора С.А. Кравченко.

В современных обществах возникли принципиально новые проблемы здорового и вкусного питания, обретающие глобально новый характер. Они вошли в сферу мировой политики, порождающие как блага в виде роста производства еды, так и новые рукотворные риски, обусловленные распространением продуктов питания, содержащих явный и латентный вред для здоровья человека.

Диетическое благополучие и риски заболеваний, обусловленные питанием

Принятие пищи – это не только процесс, связанный с получением удовольствия и положительных эмоций, он может также стать источником рисков, болезней, превращающих трапезу в едва ли приятный опыт. Самые деликатные вопросы касаются не только набора избыточного веса, который может способствовать ожирению, но и приобретению негативных привычек питания, которые имеют отношение к психологическим и социальным проблемам и ведут к таким результатам, как анорексия.

Эти риски в основном затронули западные общества, в которых широкое распространение получили фаст-фуд и нездоровые практики питания, поддерживаемые не только вводящей в заблуждение пищевой рекламой, но и модельным бизнесом, превозносящим удобу. С одной стороны, нас побуждают употреблять гиперкалорийную пищу, а с другой – превозносят худое тело: это широко распространённое противоречие вызывает большие риски особенно для наиболее подверженных воздействию молодых потребителей.

Давайте сосредоточимся на рекламных роликах снежков, транслируемых во время детских телевизионных передач, усиливающих уже присутствующую потребность у юных зрителей, которую их родители вынуждены удовлетворять. Вместе с тем взрослые в свою очередь подвержены рекламе и часто упускают из виду значимость фруктов и овощей в диетическом рационе их детей. Мы должны учитывать и то, что дети придают большой символический смысл еде, поэтому сам тип продуктов питания весьма значим. Особое внимание нужно уделить включению новых продуктов питания в их диету, чего дети, как правило, не любят, если только новые продукты не имеют сладкий вкус. Это все касается формирования привычки к новым вкусам, ароматам, эмоциям, что будет сопровождать ребенка по мере его взросления.

Образование важно для риск-менеджмента: оно помогает выработать неприятие к испорченным или опасным продуктам питания [20]. Такая динамика должна быть принята во внимание в контексте различных культур, каждая из которых представляет свой подход к еде с определённой восприимчивостью и вкусами, обусловленными традициями и кулинарными привычками [3]. Более того, распространение многонациональной кулинарии и пищевой гибридизации ведёт к смешению, так что обучение новым вкусам становится всё более и более сложным и многогранным. Рекомендуются образовательные кампании,

привлечение средств массовой информации к распространению здорового образа жизни и предотвращению опасных дисфункций.

Образование также играет важную роль как в противодействии негативным практикам питания, распространённым среди молодёжи, так и в использовании примера школьных столовых, которые могут стать образцом разнообразного и более здорового диетического стиля. Институциональные структуры весьма значимы в обеспечении высокого стандарта школьного питания, учитывающего культурные и региональные особенности детей. В последние годы наблюдается сочетание высоких стандартов с большим присутствием местных и органических продуктов питания в ежедневном рационе учащихся начальной и средней школы. Заслуживает распространения опыт взаимодействия добросовестных поставщиков еды с учителями и семьями детей во имя общей цели обеспечения здорового питания. Курсы для учителей имеют основополагающее значение для минимизации рисков и развития этих полезных практик, а ответственные учреждения должны обеспечить пунктуальное и точное соблюдение ассортимента продуктов.

Подростки нуждаются в особом внимании из-за их привычки потреблять неполноценную пищу, которую легко можно приобрести в торговых автоматах. В этом случае мы имеем дело со стилем жизни, который должен быть видоизменён: жизнь подростка часто подвержена неистовому темпу, не предполагающему достаточного времени для обстоятельного качественного питания, которое вытесняется перекусами.

Доступность калорийной пищи в сочетании с гораздо меньшей физической активностью может привести к избыточной массе тела и ожирению, что предполагает значительные социальные и медицинские издержки. Ожирение связано с рисками ряда заболеваний (сахарный диабет, сердечнососудистые расстройства, инфаркт миокарда) и является второй причиной смертности после курения. Эти риски в основном относятся к беднейшим слоям населения, которые не охвачены образовательными кампаниями здорового питания и в силу экономических причин, часто прибегают к фаст-фуду, употребляя продукты с высоким содержанием жиров и сахара. Это характерно не только для Японии или США, но также для развивающихся стран. В Индии, например, насчитывается 41 млн больных сахарным диабетом, а в Китае количество подростков с избыточным весом выросло в три раза за последние годы. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в мире насчитывается 1,4 млрд взрослых людей с избыточным весом и более 1 млрд страдающих ожирением.

Ожирение представляет собой сложное явление, в котором био-социальные, экономические и культурные риски накладываются друг на друга, что требует к ним комплексного подхода [2]. Многое зависит от обучения здоровому питанию, позволяющему людям адекватно определять риски пищевых продуктов, достигая лучшей осведомлённости относительно потребительского выбора. Эта

функция в основном относится к институциональным структурам и их роли в поддержании здоровья граждан с помощью рекомендаций о преимущественном рационе питания. Данное воздействие экономически целесообразно, поскольку информационная кампания обходится дешевле, чем лечение патологий, таких как диабет и сердечнососудистые заболевания. Столь же важную роль могут играть те общественные движения и объединения, целью которых является распространение культуры качественного и здорового питания путём продвижения разнообразной местной еды и сезонных продуктов. По мнению ряда авторов, наука тоже должна сыграть свою роль, не позволяя диетологам в одиночку устанавливать правила здорового питания, принимая во внимание, что их оценки зачастую определяются количественной, а не качественной стороной [17,18] и не учитывают их происхождения (промышленно произведенные vs. естественные продукты). М. Поллан считает, что диетология скорее является идеологией, чем наукой и подозревает, что она может поддерживаться пищевой промышленностью, в которой продукты, произведённые с использованием химических удобрений и добавок, превалируют над натуральными. Наука о питании должна иметь целостное представление о еде и учитывать потребности каждого. Он предлагает не употреблять продукты с более чем пятью ингредиентами, содержащие неизвестные субстанции [18]. Другое предложение состоит в том, чтобы поощрять закупки у Сообщества поддержки аграриев, благодаря чему потребители могут выбирать свежие продукты по доступным ценам. Такое же качество можно найти на фермерских рынках, где сами производители продают свою продукцию, за счёт чего обеспечивается прямой контакт между производителями и потребителями.

В 2010 г. ФАО выпустила документ, содержащий основы диеты, ориентированной на устойчивое развитие и призванной обеспечить хорошее самочувствие и здоровье, в частности, предполагающей: минимальное воздействие на окружающую среду, защиту и внимание к биоразнообразию и экосистемам, безопасность продуктов, развитие человеческих и природных ресурсов.

Эти показатели очень важны, особенно когда они внедряются в повседневную жизнь и становятся привычкой. Есть также и некоторые культурные проблемы, относящиеся к еде, которые могут привести к отрицательным, если не сказать драматическим последствиям.

В этой связи мы должны учесть ту важность, которую тело приобрело в современном обществе с акцентом на здоровье, что может иметь благотворные последствия, но также может и вести к рискам орторексии² и одержимости едой. Несомненно, внимание к здоровью и лучшему образу жизни увеличивает разнообразие рынка продуктов, включая содержащие биологически активные добавки и энергетические напитки. Особенно востребованы продукты, которые обещают людям сохранение молодости и стройности. Это миф о вечной молодости.

² Расстройство, обусловленное навязчивым стремлением к здоровому питанию, приводящее к значительному ограничению выбора продуктов питания. – Прим. переводчика.

сти, которая-де возможна благодаря чрезмерно утонченному и изысканному образу жизни. Рациональный и научный подход к питанию, кажется, вытесняется иррациональными и почти магическими типами поведения.

Худое тело представляет сегодня идеал красоты; те же, кто не соответствуют этим стандартам, рискуют стать жертвами унижения и дискриминации, жизни с комплексом неудачника и последующей потерей самоуважения [7; 22]. Люди зачастую следуют диетам не по медицинским показаниям, а чтобы привести свой вес к общепринятым нормам. Исходя из этого, фармацевтическая индустрия воспользовалась открывшейся перспективой и превратила рынок таблеток для похудения в большой бизнес. Иногда эти препараты могут иметь опасные побочные эффекты, отложенные во времени. Очевидно, что в силу этих социальных и экономических факторов удовольствие от еды исчезает, уступая место прогрессирующей медикализации.

После ряда диет иногда может возникнуть нервная анорексия как результат неудовлетворенности своим телом. Это ужасное явление также представляет собой соматизацию психологического страдания, попытку обрести контроль над собой, которая может привести к раздражительности [15]. Худоба становится идеалом, ибо она нивелирует формы тела и маскирует половые различия. Мы сталкиваемся с искажениями в восприятии самих себя, обусловленными обретением способности контроля даже над голодом и смертью. Пациенты почти гордятся этим контролем над самыми естественными инстинктами и живут так, как будто это бунт против властей и общепринятых социальных норм. В наиболее серьезных случаях (около 10%) этот процесс является прогрессирующим, что может привести к саморазрушению и смерти. В других случаях (30%) эта патология переходит в хроническую форму, сохраняющуюся на протяжении всей жизни пациента с моментами крайней тяжести и периодами балансирования и спокойствия. К счастью, 50% пациентов удаётся преодолеть болезнь, несмотря на то, что на это требуется порядка 5-10 лет.

С анорексией связаны риски нервной булимии. Она характеризуется потреблением большого количества пищи с последующей попыткой избавиться от неё посредством рвоты, промывки желудка или приёма слабительных препаратов. Булимия и анорексия часто наблюдаются с проявлениями, которые трудно идентифицировать. Эти патологии следует рассматривать с разных точек зрения на институциональном, социальном и семейном уровнях соответственно.

Еда также может представлять самостоятельную рискогенную проблему в силу её космополитизации. Безопасность пищевых продуктов обусловлена реалиями общества риска [1], в котором качество пищи должно соответствовать санитарно-гигиеническим нормам, лежащими в основе её производства. Фальсифицированные продукты широко распространены и являются причиной серьезных болезней. Такие инциденты как коровье бешенство вызывают тревогу и недоверие к еде, превращая источник жизни в причину смерти [19; 12]. Что-

бы избежать ситуации, в которой еда становится фактором риска, необходим серьёзный международный контроль. Экономическая рецессия способствует определённому девиантному поведению, так как самые бедные потребители склонны покупать более дешёвые рискованные продукты, часто менее полезные и с отсутствием гарантий их гигиеничности.

Маркировка продуктов питания является другим ключевым фактором безопасности. Возможно, лишь немногие покупатели проверяют этикетки перед покупкой продуктов, но если данные на них будут понятны и разборчивы, то число обращений к ним значительно увеличится. Знание о происхождении продукта, его составе и калорийности позволяет покупателям минимизировать риски за счёт большей осведомленности при совершении покупки. Институциональные структуры на местном и международном уровнях должны выпускать точные рекомендации по маркировке продукции и контролировать их выполнение [9]. Производители и массовые розничные сети также должны следовать требованиям пищевого кодекса, который нацелен на устойчивое производство полезной для здоровья пищи, а также обращать внимание на качество продаваемых продуктов.

Риски голода и роста пищевых отходов: парадокс в глобализированном мире

Риски голода всегда были и остаются проблемой в нашем мире: несмотря на то, что в последние годы наблюдаются значительные улучшения, 850 млн людей по-прежнему страдают от голода и неполноценного питания, из них 25% дети в возрасте до 5 лет. Наиболее значительным является тот факт, что 10% детей, рождённых в развивающихся странах, умирают от болезней, вызванных плохим питанием.

В наибольшей степени заслуживает внимания аспект, связанный с причинами недоедания: в большинстве случаев, вопреки обыденному мнению, недоедание связано не с отсутствием пищи как таковой, а с бедностью, которая не позволяет приобрести продукты питания. В некоторых случаях небольшое количество ресурсов и орудий труда (семена, плуг, земельные участки) были бы достаточными для развития сельского хозяйства и получения необходимого количества продуктов для жизнеобеспечения.

В периоды с 2007 по 2008 и с 2010 по 2011 гг. можно было наблюдать общий рост цен на сельскохозяйственное сырьё, в результате чего ситуация, сложившаяся во многих странах Азии и Африки, стала ещё более тяжёлой для населения. Рост цен на хлеб был одной из причин, повлекших за собой колоссальные социальные и политические потрясения в Северной Африке, которые привели к «арабской весне» и трагическому концу давно существовавших режимов. Несмотря на то, что некоторые из этих стран так и не достигли политической стабильности и социальной консолидации, события «арабской весны» показывают важность минимизации рисков, связанных с доступом к продуктам питания.

По данным ФАО (2011г.), следующие факторы обусловили рост цен: рост населения; производство биотоплива; увеличение доходов в странах с переходной экономикой (с последующими изменениями в привычном рационе питания; например, увеличилось потребление мяса); низкий курс доллара; коммерциализация производства сельскохозяйственной продукции.

ФАО также отметила, что неэффективность распределения продуктов питания, недостаточность сельскохозяйственных инвестиций, низкий рост производительности труда, торговые барьеры, засуха и плохие погодные условия в наиболее важных сельскохозяйственных районах, повышение цен на электроэнергию могли стать причинами кризиса. Неблагоприятные погодные условия в некоторых регионах мира способствовали распространению голода с последующей потерей основных источников снабжения. Кроме того, изменения климата, в том числе глобальное потепление, могут привести к дальнейшим негативным последствиям, если вовремя не взять их под контроль. По оценкам экспертов, при повышении температуры на 1 градус в год потеря урожая составит почти 10%. Большее повышение температуры приведёт к ещё большим потерям. Вода может стать дефицитным ресурсом с риском утраты контроля над её поставками со стороны частных компаний. Следует также упомянуть о возможности заражения урожая вирусами, бактериями, грибами и болезнями домашних животных.

Экономическая рецессия способствует быстрому решению проблем, связанных с голодом и воздействиями на окружающую среду. Несмотря на все усилия международных организаций и неправительственных движений, из-за дефицита инвестиций в сельскохозяйственную деятельность слишком мало делается для решения проблем людей, страдающих от недоедания [6; 7]. К сожалению, всё, что было сделано до сих пор, не имело значительного успеха в силу того, что фермеры и другие сельскохозяйственные акторы не были включены в процесс развития. В беднейших странах деятельность наднациональных организаций и международных объединений привела к прямо противоположным результатам – способствовала обогащению господствующих классов вместо помощи голодающим. Чрезмерная бюрократизация, недостаточное знание территории и местных культур, неуважение к достоинству бедных людей породили эти порочные последствия. По мнению Вандана Шивы, бедственное положение и продовольственный кризис обусловлены тремя факторами: в целях поддержания промышленного сельскохозяйственного бизнеса корпорации захватили и завладели природными земледельческими ресурсами (почвой, водой, землей под посевами); неэффективная и вредная система промышленного производства продуктов, функционирующая на основе интенсивного использования химических веществ и горючих материалов, тем самым, подвергаящая риску уничтожения как природный, так и человеческий капиталы; глобализация и овеществление еды [24]. Целью вмешательства развитых стран должно стать обеспечение права на еду, как основного права человека, а не поощрение получения прибыли [11]. Данная деятельность уходит своими корнями в основополагающие принципы прав

человека и направлена на поддержание форм производства, сообразующихся с местными традициями, согласно которым фермеры сами разрабатывают стратегию развития и владеют правами на землю. Необходимы смелые реформы, нацеленные на становление многофункционального сельского хозяйства и открытие новых средств обеспечения справедливых и устойчивых торговых отношений [4]. Устранение проблемы голода требует системного взгляда на мир.

В течение первой половины этого века мировой спрос на продовольствие, корм для скота и отруби увеличится почти в два раза, в основном за счёт роста населения (ожидаемая численность населения в 2030 г. составит 8 млрд человек, а в 2050 г. – 9 млрд). Существует вероятность, что производство зерновых культур всё больше и больше будет ориентировано на непродовольственные цели. К тому же меняются отношения между городскими и сельскими территориями, особенно в Африке, где сельскохозяйственные земли захватываются ради создания новых городских структур. Другим весьма важным аспектом является развитие женского труда и его возрастающая роль в африканской действительности. Женщины часто представляют собой наиболее активный и динамичный элемент африканских сообществ, и новые образовательные стратегии должны быть разработаны с целью предоставления им значительных преимуществ на политическом, экономическом и социальном уровне.

В западных странах кризис повлёк за собой увеличения числа обездоленных людей, так что риск голодания затронул и эту часть мира, правда, лишь в малой степени по сравнению с другими регионами. Всё увеличивающееся число людей – безработные, мигранты, одинокие родители с маленькими детьми – прибегает к благотворительным столовым, ищет бесплатную или недорогую еду. Это явление известно большинству населения в данных странах, и ситуация будет ухудшаться, если в экономике не произойдут улучшения. Само собой разумеется, что нам необходимо действовать на опережение посредством поощрения политики, направленной на создание рабочих мест, особенно для молодёжи. Кризис также касается людей, имеющих работу, и мы видим, что их покупательная способность падает. Предпринимаются усилия, чтобы ответить на возникшие вызовы: цены на продукты питания за последние годы выросли лишь незначительно, постоянно увеличиваются специальные предложения и акции, хотя их качество и выгода нуждаются в проверке. В ряде стран потребление продуктов питания увеличивается в супермаркетах, которые предлагают низкую цену, в то время как приобретение продуктов у розничных продавцов снижается. Ещё один способ экономии денег заключается в покупке продуктов в местных магазинах, на открытых и фермерских рынках.

После рассмотрения рисков голода, необходимо также проанализировать обратное явление, которое заключается в резкой дифференциации потребления продуктов питания в разных странах мира. Мы уже упоминали о том, что более 800 млн человек страдают от недоедания, особенно в развивающихся странах. Более же богатая часть мира, наоборот, выбрасывает огромное количество еды,

в силу того, что люди просто не доедают продукты или чтобы избежать рисков, связанных с их порчей. Пищевые отходы часто являются функцией самой системы производства, ибо чем больше люди расточают, тем более увеличивается производство. Западный образ жизни характеризуется расточительством природных ресурсов. Ежедневно мы тратим большое количество воды и энергии, начиная с простых, но важных фактов: краны с водой открыты слишком долго, свет остается включённым, даже если в помещениях нет людей. По данным ФАО в США, Великобритании и Италии на каждого человека приходится 110 кг пищевых отходов в год. Эти впечатляющие цифры вызывают беспокойство и должны заставить нас задуматься.

Риски пищевых отходов оказывают влияние на систему производства, распределения и приобретения продуктов [16; 14; 11]. Пищевые отходы возникают не только в процессе потребления, но и на протяжении всего производственного процесса. Главные потери происходят, когда еда утилизируется, даже если немного повреждается упаковка. Перепроизводство также влечёт за собой утилизацию. То же самое происходит и в розничной торговле и торговых центрах, если упаковка повреждается во время транспортировки. Некоторое время назад я руководил работой одного из студентов, посвящённой теме фриганистского движения³. Фриганы ведут антипотребительский и антикапиталистический образ жизни, стремясь к сокращению, насколько это возможно, традиционных покупок еды путём восстановления продуктов, выброшенных в мусорные контейнеры, особенно расположенных рядом с торговыми центрами. Данная работа студента показала, насколько большое количество продуктов питания выкидывается, будучи ещё в хорошем состоянии (хлеб, макаронные изделия, рис) – фриганы могут ежедневно питаться продуктами, найденными в мусорных контейнерах. Фактически, отбраковываются не только продукты с производственными дефектами, но и продукты, чей срок годности истёк. Это представляет собой извращённый коммерческий механизм, приводящий к огромному количеству пищевых отходов. В основном это происходит из-за потребительской спирали, смысл которой в том, что любой объект предназначен для одноразового использования и не предусматривает многократного применения. В последние годы ряд общественных движений и объединений пытается ограничить негативные последствия такого поведения. Они восстанавливают продукты из супермаркетов и торговых центров, распределяя их по бесплатным столовым для бедных и пожилых людей, получающих скромные пенсии. Это крайне важные начинания, демонстрирующие общественную реакцию на экономически вредное и этически аморальное явление, принимая во внимание тот факт, что везде в мире есть голодающие люди.

Последняя фаза отходов имеет место в домохозяйствах. Отчасти это связано с тем, что люди зачастую покупают больше, чем им на самом деле нужно для удо-

³ Новое общественное движение, представители которого выступают за сбор и использование продовольственных товаров, выброшенных супермаркетами, но, возможно, ещё годных к употреблению. – Прим. переводчика.

влетворения своих потребностей. Они часто соблазняются специальными предложениями – три продукта по цене одного – таким образом, их буфеты донельзя заполнены разнообразными товарами. Вследствие этого скоропортящиеся продукты вскоре оказываются непригодными, а нес Скоропортящиеся забытыми до тех пор, пока их срок годности не истечёт. Во время приёма пищи люди склонны выбрасывать остатки, и никто не помнит крестьянскую традицию превращать несъеденное в новые и вкусные блюда. Это происходит, несмотря на возможности холодильников и другой бытовой техники сохранять продукты в течение более длительного времени, нежели в прошлом. А если принять во внимание пабы и рестораны, можно осознать, как много продуктов выбрасывается впустую. В нынешних реалиях многие повара заново открывают для себя традиционные рецепты и фирменные блюда, тем самым улучшая ситуацию.

Пищевые отходы – это болезнь, которую нужно лечить или, по крайней мере, минимизировать. В этом смысле экономическая рецессия подталкивает к некоторым размышлениям относительно потребления продуктов, включая большее внимание к сокращению пищевых отходов. В больших городах многие люди стали покупать хлеб предыдущего дня – нечто немыслимое ещё несколько лет назад. Рестораны в Европе начали предлагать контейнеры, предоставляя своим клиентам возможность доест пищу дома; такая практика уже в течение некоторого времени осуществляется в США. Люди ужинают тем, что не съели в обед, сводя к минимуму, таким образом, количество отходов [25].

Пищевые отходы неравномерно связаны с правом на еду и здоровое питание. Институциональные и коммерческие акторы, наряду гражданами, должны выступать за 25-ю статью Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи». В 2004 г. ФАО выпустила руководящие принципы для реализации права на еду. Это упорядоченный свод рекомендаций правительствам и гражданскому обществу. 19 руководящих принципов касаются развития экономики, правовых и организационных вопросов, сельскохозяйственной и продовольственной политики, питания, продовольственной безопасности и защиты прав потребителей, образования и осведомлённости, социальной сетевой безопасности, вопросов чрезвычайных ситуаций и международного сотрудничества. Они представляют собой отправной момент для выработки национальной комплексной политики, нацеленной на обеспечение продовольственной безопасности.

Таким образом, можно утверждать, что голод и пищевые отходы обусловлены широким спектром взаимозависимых социальных, экономических и культурных факторов. Главная роль в решении этих проблем принадлежит наднациональным организациям (ООН, Европейский союз, Всемирный банк, МВФ, ВТО), которые существенно изменили способы международного сотрудничества, несмотря на все сохраняющиеся провалы и неудачи. Необходимы международные

правила для обеспечения продовольственной независимости в развивающихся странах. При этом деятельность гражданского общества и неправительственных организаций не должна быть игнорирована, ибо они могут представлять значимый голос в выработке решений.

Риски продовольственной независимости и захвата сельскохозяйственной земли

В государственных комиссиях и документах международных организаций сегодня часто встречается концепция права на еду. В течение последних двадцати лет доминировала другая концепция – продовольственная независимость, включающая в себя продовольственную безопасность, а также заостряющая внимание на праве каждого народа владеть своей землей, выращивать и распространять продукты местного производства. Недавно концепция продовольственной независимости была закреплена в конституциях Эквадора и Боливии. Не случайно это произошло в этих двух южноамериканских странах, в которых вопрос владения землей породил важные политические и социальные перемены, связанные с тяжёлым и сложным преодолением исторической несправедливости.

Многие ассоциации и неправительственные организации поддерживают концепцию продовольственной независимости. Наиболее значимым среди них является *Vía Campesina* («Крестьянский путь») – международное движение, объединившее миллионы крестьян, фермеров, женщин, коренных жителей, мигрантов и сельскохозяйственных рабочих по всему миру. Сегодня оно состоит из 150-ти местных и государственных организаций в 70-ти странах Африки, представляющих 200 млн человек. Это движение выступает за устойчивое развитие сельского хозяйства как средства достижения социальной справедливости и достоинства. Оно решительно противостоит агропромышленному комплексу, за которым стоят международные монополии, и борется за свободный доступ людей к воде и земле.

У *Vía Campesina* и других организаций есть также иные цели: обеспечение справедливых цен путём защиты внутренних рынков от дешёвых импортных товаров (коммерческий демпинг); признание и поощрение роли женщин в контроле и производстве продуктов питания; поддержка общественных инвестиций, способствующих бизнесу семей и общин в сфере устойчивого возделывания земель; обеспечение защиты семян, являющихся основой продовольствия и жизни, запрещая их патентирование; введение моратория, препятствующего выращиванию генетически модифицированных организмов, что ведёт к генетической порче и тем самым подвергает биологическое разнообразие опасности.

Ключевым элементом является распространение долгосрочного, биоэффективного земледелия. Переход от промышленного к органическому производству отнюдь не прост в силу ряда экономических, коммерческих и культурных причин. Во всяком случае мировой рынок органических продуктов повсюду расширяет

свои границы. Рачительное отношение к сельскохозяйственной экосистеме позволяет защитить биологическое разнообразие. Устойчивое сельское хозяйство должно улучшить и сохранить экологические богатства и сократить зависимость от невозобновляемых ресурсов; сохранить или улучшить экосистемное разнообразие для обеспечения адекватного восстановления; сохранить или улучшить органический состав почвы; предотвратить эрозию почвы; ввести запрет на использование пестицидов и искусственных удобрений; охранять здоровье человека и животных; применять и развивать технологии, основанные на знаниях о биосистемах; продвигать сельскохозяйственную культуру, её жизнеспособность и социальную организацию; увеличить количество ферм, особенно семейных; производить еду с высокой пищевой ценностью и в достаточном количестве; позволить фермерам жить на своём наделе и развивать свой человеческий потенциал; разработать децентрализованные системы преобразования, распределения и реализации продуктов; создавать привлекательные с этической точки зрения системы фермерского хозяйства; содержать и сохранять формы жизни, присутствующие на возделываемой территории и в местах их обитания [5]. Эти принципы позволяют достичь полифункциональности в сельском хозяйстве, учитывая как потребности различных производственных процессов, так и достойное вознаграждение для небольших фермерских хозяйств.

Эти цели кажутся реалистичными как минимум в среднесрочной перспективе, но нужны такие движения как *Vía Campesina* и помощь политиков в поддержании принципов продовольственной независимости на государственном уровне, как это произошло в Эквадоре и Боливии. Есть много препятствий на пути от реализации принципов честной социальной справедливости к полной экономической демократии.

Глобализация не улучшила судьбу сельского хозяйства развивающихся стран, потому что мировые рынки поощряют формальный экономизм и режим интенсивной эксплуатации земельных ресурсов [13]. Во многих странах объёмы сельскохозяйственного производства достигли максимума (китайский рис и пшеница в Китае, кукуруза в США), поэтому почва истощается и в ближайшем будущем данные страны не смогут выйти на те же показатели. В некоторых развивающихся странах с целью создания сельскохозяйственных комплексов фермеры были лишены права на их земельные наделы.

Вода также чрезмерно используется в сельском хозяйстве и животноводстве, в результате чего постоянно сокращаются водные ресурсы. Там, где вода является ограниченным ресурсом, происходят серьёзные массовые волнения [23]. Вода – ценный актив, считающийся голубым золотом, но в настоящий момент на международном уровне не предусмотрено ни одной процедуры для того, чтобы использовать её для нужд общества, освободив её из-под влияния динамики рынка [24]. В будущем существует риск коммерческих баталий за доступ к воде, особенно в тех местах, где реки и озера являются границами нескольких государств.

На данный момент большой спрос на биотопливо привёл к изменению выращиваемых видов в сторону предпочтения монокультуре, что существенно снижает биологическое разнообразие. Помимо потери важных для человека продуктов, мы должны добавить утрату технических знаний, искусства выращивания растений, средств, предполагающих традиционное производство. Есть риск того, что передаваемые из уст в уста знания о земледелии могут исчезнуть, что приведёт к изменению идентичности людей и народов [7]. Биоразнообразие во всех своих проявлениях – культурном, социальном, сельскохозяйственном – исчезает вместе с громадным наследием.

Мы должны принять во внимание значительный рост потребления мяса в ряде развивающихся стран, что повлечёт за собой потребность в достаточно обширных территориях для животноводства. Становится очевидным, почему в последнее десятилетие идёт столь интенсивный захват земли [8]. Иногда этот процесс прикрывался откровенно умозрительными финансовыми соображениями. Основными жертвами этой жажды приобретения земли являются африканские страны, в частности Судан и Южный Судан, Конго, Мозамбик, Либерия, Сьерра-Леоне, которые с политической и организационно-правовой точек зрения являются наиболее уязвимыми. К странам, постоянно подвергающимся захватам сельскохозяйственной земли, относятся также Папуа – Новая Гвинея, Индонезия, Бразилия и Украина. Это своего рода неокOLONиализм, с которым борются фермеры и активисты, принадлежащие к движениям землепользователей, но их успехи невелики. Соглашения между местным правительством и крупными промышленными компаниями, суверенными фондами национального благосостояния, западными и развивающимися странами зачастую обсуждаются в тайне. Протесты, исходящие от местной власти, как правило, являются запоздалыми и беспомощными. Правами поступаются ради прибыли; настоящая продовольственная демократия, предполагающая приоритет экологии над экономикой, просто исчезает. Причём захват сельскохозяйственных земель не стал дорогостоящим предприятием, даже учитывая то, что покупатели соглашаются построить необходимую инфраструктуру в обмен на приобретение или аренду земельного участка. Эта инфраструктура приносит выгоду только тем, кто управляет землей, а прибыль от экономического роста в основном достаётся иностранным предприятиям. Только в редких случаях интервенция со стороны государства, приобретающего землю, действительно способствует социально-экономическому развитию территории [10]. Вероятно осведомлённость по данному вопросу увеличится лишь тогда, когда эффект захвата сельскохозяйственной земли более существенно затронет глобальный Север. Приобретение земельных участков международными компаниями и иностранными инвестиционными фондами уже произошло в Испании, Италии, Греции, Португалии и совсем недавно во Франции, Австрии и Швейцарии. Необходима солидарность среди всех стран, испытывающих потери от земли и сократившихся возможностей фермерского хозяйствования. Право на продовольственную независимость

является критически важным, особенно для развивающихся странах, в которых фермерское хозяйство всё ещё является важным сектором экономики [14; 10]. Уважительное отношение к достоинству фермеров позволяет осуществлять социальное и экономическое развитие территории, создавать программы профессиональной подготовки и обучения, внедрять структуры и услуги, отвечающие местным потребностям, модернизировать технику в соответствии с перспективой устойчивого развития.

Достижение оптимального баланса между традицией и инновацией, технологией и естественностью жизни позволит полностью реализовать сельскохозяйственные возможности в южных странах мира, 70% которых являются импортерами сельскохозяйственных продуктов.

Таким образом, мировая политика, проводимая продовольственными транснациональными корпорациями, способствует как распространению новых продуктов питания и формированию вкусовых предпочтений, так и влечёт за собой появление латентных угроз, связанных с распространением «мёртвой почвы» и «мёртвой воды», что естественно порождает новые риски питания для всего населения планеты.

Список литературы

1. Beck U. Riskante Freiheiten. Individualisierung in modernen Gesellschaften. Frankfurt an Mein, Suhrkamp, 1994. 480 S.
2. Belasco W. Food. The key concepts. Oxford-New York, Berg, 2008. 224 p.
3. Bourdieu P. Distinction. London: Routledge and Kegan Paul, 1984. 613 p.
4. Brown L.R. Full planet, Empty Plates. The New Geopolitics of Food Scarcity. Washington: Earth Policy Institute, 2012. 160 p.
5. Carducci A., Ciurli A., Giorgi I. Alimentazione e qualità della vita. Donne e cibo: risorsa, salute, immagine. Pisa: Plus, Pisa University Press, 2012. 218 P.
6. Carolan M. The Real Cost of Cheap Food. London: Earthscan, 2011. 288 p.
7. Carolan M. The Sociology of Food and Agriculture. Abingdon: Routledge, 2012. 336 p.
8. Clapp J. Food. Cambridge: Polity Press, 2011. 200 p.
9. Coveney J. Food, Morals and Meaning: The Pleasure and Anxiety of Eating. Abingdon: Routledge, 2013. 208 p.
10. De Castro P. Corsa alla terra. Cibo e agricoltura nell'era della nuova scarsità. Roma: Donzelli, 2011. 196 P.
11. Gupta A.E., Copelton D.A., Lucal B. Food & Society. Principles and Paradoxes. Cambridge: Polity Press, 2012. 224 p.
12. Kjaernes U., Harvey M., Warde A. Trust in Food. A comparative and institutional Analysis. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 240 p.
13. Marsden T. Contemporary Food Systems: Managing the Capitalist Conundrum of Food Security and Sustainability'. The handbook of Food Research. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson P. London - New York: Bloomsbury, 2013. Pp. 135-147.
14. Morin E. La voie. Paris: Librairie Arthème Fayard, 2011. 320 p.
15. Ogden J. Eating Disorder and Obesity: Symptoms of a Modern World. The handbook of Food Research. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson P. London-New York: Bloomsbury, 2013. Pp. 455-470.
16. Pérez-Vitoria S. La Riposte des paysans. Arles: ActesSud, 2010. 292 p.
17. Pollan M. The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals. New York: Penguin Press, 2007. 450 p.
18. Pollan M. In Defense of Food: An Eater's Manifesto. New York: Penny Press, 2008. 256 p.
19. Poulain J.P. Sociologies de l'alimentation. Les mangeurs et l'espace social alimentaire. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 287 p.
20. Prescott J. Taste Matters: Why We Like the Foods We Do. London: Reaktion Books, 2012. 208 p.
21. Pritchard B. 'Food Chains'. The handbook of Food Research. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson

- P. London - New York: Bloomsbury, 2013. Pp. 167-176.
22. Schlosser E. *Fast Food Nation: The Dark Side of the All American Meal*. Glasgow: HarperCollins, 2001. 384 p.
 23. Shiva V. *Water Wars. Privatization, Pollution, and Profit*. Cambridge, Massachusetts: South End Press, 2002. 192 p.
 24. Shiva V. *Making Peace with The Earth*. London: Pluto Press, 2013. 288 p.
 25. Stuart T. *Waste: Uncovering the Global Food Scandal*. New York: Norton, 2009. 480 p.
 26. *Universal Declaration of Human Rights*. New York: United Nations, 1948. URL: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/> (дата обращения: 05.03.2016).
 27. Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.

Об авторе:

Паоло Корво – директор социологической лаборатории Университета гастрономических наук г. Полленцо (Италия). 12042 Piazza Vittorio Emanuele 9, Pollenzo –Bra (Cn). E-mail: p.corvo@unisg.it.

BIOSOCIAL RISKS OF FOOD: INTERNATIONAL ASPECTS

Paolo Corvo
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-67-82

The University of Gastronomic Sciences

Food consumption is influenced by a series of issues that affect both individuals, and people and cultures of the different parts of the world. It studies biosocial risks that have dramatic implications: obesity, anorexia and bulimia; malnutrition and hunger, involving more than 800 million people; the waste food, a real paradox of the global world; the land grabbing. These are very different problems because of causes and dynamics, but all of them require a profound change to be affected: a greater awareness of eating behaviour, an educational action on food topics, an intervention of regulatory institutions, local and international, which guarantees a fair market for products and food sovereignty.

Key words: Dietary wellness, biosocial risks, obesity, anorexia, bulimia, hunger, waste, food sovereignty, land grabbing.

References

1. Beck U. *Riskante Freiheiten. Individualisierung in modernen Gesellschaften*. Frankfurt an Mein, Suhrkamp Publ., 1994. 480 p.
2. Belasco W. *Food. The key concepts*. Oxford-New York, Berg Publ., 2008. 224 p.
3. Bourdieu P. *Distinction*. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1984. 613 p.
4. Brown L.R. *Full planet, Empty Plates. The New Geopolitics of Food Scarcity*. Washington, Earth Policy Institute Publ., 2012. 160 p.
5. Carducci A., Ciurli A., Giorgi I. *Alimentazione e qualità della vita. Donne e cibo: risorsa, salute, immagine*. Pisa, Plus, Pisa University Press Publ., 2012. 218 p.
6. Carolan M. *The Real Cost of Cheap Food*. London, Earthscan Publ., 2011. 288 p.
7. Carolan M. *The Sociology of Food and Agriculture*. Abingdon, Routledge Publ., 2012. 336 p.
8. Clapp J. *Food*. Cambridge, Polity Press Publ., 2011. 200 p.

9. Coveney J. *Food, Morals and Meaning: The Pleasure and Anxiety of Eating*. Abingdon, Routledge Publ., 2013. 208 p.
10. De Castro P. *Corsa alla terra. Cibo e agricoltura nell'era della nuova scarsità*. Roma, Donzelli Publ., 2011. 196 p.
11. Guptill A.E., Copelton D.A., Lucal B. *Food & Society. Principles and Paradoxes*. Cambridge, Polity Press Publ., 2012. 224 p.
12. Kjaernes U., Harvey M., Warde A. *Trust in Food. A comparative and institutional Analysis*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2013. 240 p.
13. Marsden T. Contemporary Food Systems: Managing the Capitalist Conundrum of Food Security and Sustainability. *The handbook of Food Research*. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson P. London - New York: Bloomsbury Publ., 2013. Pp. 135-147.
14. Morin E. *La voie*. Paris, Librairie Arthème Fayard Publ., 2011. 320 p.
15. Ogden J. Eating Disorder and Obesity: Symptoms of a Modern World. *The handbook of Food Research*. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson P. London-New York, Bloomsbury Publ., 2013. Pp.455-470.
16. Pérez-Vitoria S. *La Riposte des paysans*. Arles, ActesSud Publ., 2010. 292 p.
17. Pollan M. *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York, Penguin Press Publ., 2007. 450 p.
18. Pollan M. *In Defense of Food: An Eater's Manifesto*. New York, Penny Press Publ., 2008. 256 p.
19. Poulain J.P. *Sociologies de l'alimentation. Les mangeurs et l'espace social alimentaire*. Paris, Presses Universitaires de France Publ., 2005. 287 p.
20. Prescott J. *Taste Matters: Why We Like the Foods We Do*. London, Reaktion Books Publ., 2012. 208 p.
21. Pritchard B. 'Food Chains'. *The handbook of Food Research*. Ed. by Murcott A., Belasco W., Jackson P. London - New York, Bloomsbury Publ., 2013. Pp. 167-176.
22. Schlosser E. *Fast Food Nation: The Dark Side of the All American Meal*. Glasgow, HarperCollins Publ., 2001. 384 p.
23. Shiva V. *Water Wars. Privatization, Pollution, and Profit*. Cambridge, Massachusetts, South End Press Publ., 2002. 192 p.
24. Shiva V. *Making Peace with The Earth*. London, Pluto Press Publ., 2013. 288 p.
25. Stuart T. *Waste: Uncovering the Global Food Scandal*. New York, Norton Publ., 2009. 480 p.
26. *Universal Declaration of Human Rights*. New York: United Nations, 1948. Available at: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/> (Accessed 05.03.2016).
27. Urry J. *What is the Future?* Cambridge, Polity Press Publ., 2016. 200 p.

About the author:

Paolo Corvo – Director of the sociological laboratory of the University of Gastronomic Sciences, Pollenzo (Italy). 12042 Piazza Vittorio Emanuele 9, Pollenzo –Bra (Cn) , Italy.
E-mail p.corvo@unisg.it.

АРАБСКИЙ МИР: ВОЗМОЖЕН ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС?

А.В. Федорченко

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-83-100

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена проблеме экономического отставания арабских стран, поиску путей возрождения их национальных экономик. К концу прошлого столетия прежняя модель развития себя исчерпала, отчётливо проявились признаки политического и социально-экономического застоя. В сфере экономики возросшее демографическое давление на рынок труда сочеталось с начавшимся исчерпанием финансовых и материальных ресурсов для динамичного экстенсивного роста, а современные наукоёмкие производства так и не были созданы.

Автор полагает, что оживление и модернизация арабской экономики будут происходить в три этапа: восстановление разрушенных военными действиями производственных мощностей, инфраструктуры, жилого фонда в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и Судане; стабилизация (или экономическая реабилитация); структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства. Представлены прогнозные сценарии изменения экономической ситуации на третьем этапе.

После изменения системы политической и государственной власти в этом регионе для России могут возникнуть новые возможности для расширения многостороннего сотрудничества с арабскими государствами. Подготовка и осуществление в этом регионе при содействии мирового сообщества, включая РФ, экономических, образовательных, социальных и иных проектов как эффективного противовеса планам военно-силового навязывания демократии представляются необходимыми и вполне реальными.

Ключевые слова: арабский мир, экономическая безопасность, макроэкономические реформы, структурная перестройка, хозяйственный механизм, этатизация, частный сектор, исламская экономика, зарубежная помощь, внешнеэкономическая политика России.

УДК 339.92 JEL O53

Поступила в редакцию 07.12.2016 г.

Принята к публикации 19.02.2017 г.

Ближний Восток вступил в длительный период нестабильности, множественных конфликтов, перекройки государственных границ, социальных и экономических кризисов. Его ждут серьёзные социально-экономические и политические потрясения, причиной которых может стать обострение экологической ситуации, связанное в первую очередь с истощением природных ресурсов, соперничество за которые будет иметь глобальные последствия. Всё это накладывается на острые противоречия в политической и конфессиональной сферах. Доминирующую тенденцию в нынешних обсуждениях проблем Ближнего Востока как на Западе, так и в России можно обозначить как триумф пессимизма [3].

Арабский мир, состоящий из 18 государств (десять в Азии и восемь в Африке) и палестинских территорий, неоднороден по уровню социально-экономического развития. Экономисты придерживаются классификации этих стран, сложившейся во второй половине XX в.: 1) капиталоизбыточные экспортёры нефти и газа – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); 2) страны с относительно диверсифицированной экономикой – Египет, Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Марокко, Тунис и Алжир; 3) наименее развитые страны – Йемен, Судан, Мавритания. Подконтрольные Палестинской Национальной Автономии (ПНА) территории не обладают хозяйственной самостоятельностью, и их экономическое будущее напрямую связано с решением проблемы ближневосточного урегулирования. До начала «арабской весны» к первой группе стран примыкала Ливия. Настоящий прогноз содержит различные оценки стран региона, что, однако, не исключает определённого сходства хозяйственных перспектив этих групп по ряду направлений.

Второе методологическое пояснение состоит в том, что в силу инертности социально-экономических моделей арабских государств, а также наличия в этих моделях многочисленных проблем, системные преобразования будут, скорее всего, отнесены на долгосрочную перспективу.

Как отметил президент Российского совета по международным делам И.С. Иванов, «формат «трёх корзин» (безопасность, экономика и гуманитарное сотрудничество), который стал основой хельсинкского процесса в Европе 40 лет назад, мог бы – с очевидными поправками на региональную специфику – лечь в фундамент и новой системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке» [3].

Достижение экономической безопасности – одна из основных целей всех арабских государств, хотя между ними существуют большие различия в возможностях продвижения к этой цели. «Безопасность» имеет несколько измерений: безопасность военная, информационная, экономическая, энергетическая, продовольственная и т.д. В макроэкономике экономическая безопасность – такое состояние, или уровень развития средств производства в стране, при котором процесс устойчивого развития экономики и социально-экономическая стабильность общества обеспечивается практически независимо от наличия и действия внешних

факторов. Для определения уровня экономической безопасности применяются пороговые значения множества индикаторов, оцениваются внутренние и внешние угрозы.

В условиях нестабильности, пока не развеялся пороховой дым над Сирией, Ираком, Ливией и Йеменом, создаётся иллюзия, будто экономическая безопасность сейчас не актуальна. Это заблуждение. Было бы наивно отделять политику от экономики. Проблема дисбаланса в сегодняшней системе международных отношений имеет и экономическую основу. В конце XX в. США приложили все усилия для формирования однополярного мира, основанного на своём глобальном экономическом доминировании.

Современные концепции формирования новой, многополярной системы международных отношений (МО) включают:

- абсолютизацию значения экономических факторов;
- приоритет различиям в этнической, конфессиональной, социальной структурах восточных обществ в выборе ими пути развития.

Однако и этот подход нуждается в более детальной проработке.

Среди проблем, требующих скорейшего решения на общерегиональном уровне – реформирование экономики. В научных публикациях и материалах СМИ по текущим событиям на Ближнем Востоке редко рассматривается экономическая составляющая кризисной обстановки в этом регионе, что не вполне обоснованно. Конечно, главная цель сегодня – остановить кровопролитие, достичь мира в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза и на другой вызов – системное отставание экономическое региона. Материальная основа цивилизации во многом определяет характер политической системы, конфликтный потенциал общества, степень удовлетворённости или неудовлетворённости населения условиями жизни и, наконец, характер международных отношений.

Отметим, что связь между уровнем доходов населения и перспективами политической модернизации неоднозначна, она не является линейной. В соответствии с упрощённым подходом здесь существует прямая корреляция: при показателях ВВП на душу населения от 5 до примерно 20 тыс. долл. страна нуждается в реформировании политической системы и/или государственного устройства. Выше этого необходимость в проведении реформ снижается. Комплексный, многофакторный подход к определению уровня и перспектив развития – даже на примере относительно благополучных на общеарабском фоне стран первой группы – позволяет увидеть более рельефное изображение арабского мира.

Ещё до начала «арабской весны» экономический рост и несбалансированность хозяйственной структуры оставались острейшими проблемами в стратегии рыночных реформ в большинстве стран региона. Незавершённость затянувшегося процесса структурной адаптации региональной экономики к изменившейся мирохозяйственной ситуации проистекает из высокого уровня этатизации хозяйственного механизма ближневосточных стран, что типологически

сближает их подобно тому, как географическое положение определяет сходство их природно-климатических условий.

Проблемы, с которыми сегодня сталкивается Ближний Восток – недостаточно высокий профиль участия в международном разделении труда; ослабление сравнительных преимуществ промышленности на мировых рынках вследствие неравномерности распространения в мире научно-технических достижений (по высокотехнологичной продукции у подавляющего большинства ближневосточных стран практически отсутствуют сравнительные преимущества); негибкость хозяйственного механизма, чрезмерное огосударствление которого не позволяет оперативно реагировать на частые изменения внешнего спроса; нарастание внешней задолженности. Вследствие демографического бума экономика не в состоянии абсорбировать миллионы выходящих на рынок труда новых работников, что создаёт питательную среду для международного терроризма. Особо стоит отметить неразвитость финансовой системы в целом в большинстве стран второй и третьей групп [9, с. 424].

Лишь странам, специализирующимся на добыче углеводородов, удавалось избежать резкого обострения внутриэкономической ситуации и минимизировать экономическую составляющую оппозиционных настроений. Вместе с тем, происходившие в последние годы существенные колебания мировых цен на энергоносители дестабилизировали финансовую основу даже таких относительно благополучных арабских стран как члены ССАГПЗ. Ближний Восток и Северная Африка остаются мировым резервуаром энергетического сырья (на регион приходится свыше 60% мировых поставок нефти), за доступ к которому идёт жёсткая конкурентная борьба между основными центрами экономической силы и Запада, и Востока.

Но если капиталоизбыточные страны пока держатся «на плаву», то основная часть арабского мира в своём социально-экономическом развитии зашла в тупик. Отрыв от развитых стран усугубляется последствиями «арабской весны», что видно на примере Египта. Его роль бывшего лидера арабского мира в политическом и, особенно, в экономическом плане упала: сократились темпы прироста ВВП (до 2–4%), обнажились застарелые проблемы, связанные с безработицей, социальным обеспечением и государственным долгом.

Так ли всё безнадежно? Надо ли откладывать хозяйственные преобразования? Напротив, где-то их возможно и даже необходимо проводить уже сейчас. В других странах – после завершения активной части военных действий и восстановления разрушенных войной производственных мощностей. Как отметил на заседании Валдайского клуба В.В. Путин (22 октября 2015 г.), нужна дорожная карта по экономическому и социальному возрождению. В этом направлении предстоит большая созидательная работа [2].

Составляя прогнозы, нельзя не вспомнить о славном, пусть и далёком, экономическом прошлом арабского мира. Его расцвет пришёлся на средние века. Тогда динамично развивалась экономика, внутренняя и внешняя торговля Арабского

халифата, раскинувшегося на широких просторах от Индостана до Атлантики. Во время средневекового упадка европейской науки различные её отрасли переживали бурное развитие в халифате и оказали заметное влияние на европейцев. Так, первый крупный математик средневековой Европы Фибоначчи, изучавший математику в Алжире, Египте и Сирии, способствовал распространению на европейском континенте простых и удобных правил сложения и вычитания чисел, записанных в позиционной десятичной системе счисления, применявшейся в процветавшей тогда арабской торговле. За много веков до того «Благодатный или плодородный полумесяц» (Месопотамия, Левант, долина Нила) стали колыбелью современной цивилизации.

Тактика навязывания политических и экономических моделей извне сейчас не работает. Стала ещё очевиднее нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке (БВ). США и их союзники пытались применить в нужном для себя направлении следующую схему «модернизации» БВ. Если абстрагироваться от деталей, она состоит из трёх звеньев: сначала обеспечить смену режима, по тем или иным причинам не устраивающего Запад; затем «построить» на данной территории «новую нацию», лояльную США и их союзникам; на заключительном этапе начать здесь экономические и социальные преобразования. Любому, кто хотя бы в общих чертах знаком с историей и современностью ближневосточного региона, ясна контрпродуктивность, иллюзорность такого подхода. Обострение внутренних и международных конфликтов на Ближнем Востоке это подтверждает.

Экспертное сообщество в отдельных странах и в международных экономических организациях занимается проработкой возможных сценариев преодоления отсталости многих ближневосточных стран, создания в них эффективных моделей рыночных реформ с учётом национальной специфики. Суть этих планов состоит в восстановлении жизнеспособной экономики.

В современных условиях можно выделить три этапа грядущего хозяйственного ренессанса арабского мира. Хронологически они могут накладываться один на другой в силу имеющихся страновых различий, в частности разных масштабов ущерба, нанесённого военными и политическими конфликтами.

На первом этапе – после завершения военных действий и установления мира – предстоит восстановить разрушенные военными действиями производственные мощности, инфраструктуру, жилой фонд в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и Судане. В одной только Сирии экономический ущерб от пятилетней войны составляет по последним данным более 200 млрд долл. Восстановительный период займёт несколько лет и потребует упорной систематической работы. Если Ирак и Ливия потенциально способны мобилизовать на эти цели выручку от экспорта энергоносителей (в дополнение к иностранной помощи и заёмным средствам), то остальным странам придётся опираться на приток иностранного капитала, источники которого весьма неопределённые. Вместе с тем наличие необходимых ресурсов и эффективного менеджмента позволили бы извлечь, пожа-

луй, единственную чисто экономическую выгоду из самого факта разрушений: создать новые высокопроизводительные мощности зачастую на месте пустом, не перегруженном устаревшими производственными сооружениями, машинами и оборудованием. Было бы полезно предоставлять существенную часть иностранной помощи в форме элементов современного основного капитала.

Второй этап – стабилизация (или экономическая реабилитация).

Как показывает мировой опыт, назревшим системным экономическим реформам предшествует период продолжительностью от одного года до пяти лет, в течение которого государство осуществляет неотложные меры по экономическому и финансовому оздоровлению страны. Успех таких мер создаёт возможность – в форме возросших доходов населения и госбюджета, повышения инвестиционной привлекательности и даже улучшения морально-психологического климата в стране – продвигаться к более глубокому реформированию экономики. Среди разнообразных программ в этой области следует выделить:

- решение проблемы трудоустройства и повышения жизненного уровня широких масс населения путём организации общественных работ с высокой трудоёмкостью;
- осуществление инфраструктурных проектов – развитие транспортной сети, землеустройство, орошение и т.д.;
- ликвидация городских трущоб и широкое жилищное строительство; в качестве успешного примера реализации подобных проектов можно использовать опыт Турции;
- повышение экономической активности молодёжи путём совершенствования системы отношений между бизнесом с одной стороны, и высшей школой, средним специальным образованием – с другой, облегчения условий открытия новых предприятий молодыми людьми, повышение степени доступности для них заёмных финансовых ресурсов и субсидий;
- наведение порядка в бюджетном процессе и денежно-кредитной системе в целом.

И на этом этапе предстоит решать проблему финансирования проектов. Целесообразно обратить внимание на реструктуризацию расходной части госбюджета в направлении увеличения удельного веса ассигнований на выверенные, эффективные в экономическом плане и социально ориентированные проекты, развитие государственно-частного партнёрства, всемерное стимулирование частного предпринимательства в приоритетных областях экономики. Что касается внешних финансовых ресурсов, то в условиях стагнации на мировых рынках потребуется обеспечить максимально возможную отдачу на вложенные капиталы. Инфраструктурные проекты и жилищное строительство должны приносить иностранным и национальным инвесторам приемлемый доход. С экономической точки зрения это вполне реально.

Необходимо пересмотреть саму концепцию зарубежной финансово-экономической помощи арабским странам. Во-первых, надо изменить схему

привлечения иностранных ресурсов по государственным каналам и интегрировать в цепочку, связывающую доноров и реципиентов, как можно больше частных предпринимателей и независимых экспертов. Во-вторых, значительный положительный эффект дала бы либерализация развитыми странами своего импорта продукции обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства из арабских стран. Тем самым повышение доходов от экспорта стало бы формой косвенной поддержки хозяйственных преобразований в арабских странах, причём на всех трёх этапах.

Должна измениться роль международных финансовых институтов. Для повышения эффективности работы в арабском мире им лучше отойти от навязывания своего курса и сосредоточиться на предоставлении рекомендаций и экспертных наработок, учитывающих местные условия.

В целом должна поменяться сама концепция взаимодействия развитого мира с арабскими странами. Инструментарий «благотворительного колониализма» (термин антрополога Р. Пейна) уже не работает. Норвежский экономист Э. Райнерт называет такую политику «скандинавским заблуждением»: «вместо того, чтобы атаковать источники бедности изнутри, через производственную систему, вместо того, чтобы эту систему развивать, внимание концентрируется на симптомах бедности, которые облегчаются денежными вливаниями извне» [6, с. 271].

Третий этап – структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства. Переходить к решению третьей группы задач можно ещё до завершения второго этапа.

Данный этап представляется наиболее сложным и продолжительным, но от его успеха зависит, без преувеличения, судьба арабского мира. Его условно можно разделить на два периода: разработка концепции и программы преобразований и осуществление реальных реформ. Большие трудности ждут на стыке этих периодов. Как отмечает известный египетский исследователь экономики арабских стран Т. Хегги, «переход от стадии планирования к конкретным действиям чрезвычайно сложен и обычно происходит в условиях открытого противоборства настроенных в противоположных концептуальных направлениях центров силы, часть из которых твёрдо придерживаются идеалов прошлого, другие нацелены на новые возможности, открывающиеся в будущем» [11, с. 118].

Реформирование хозяйственного механизма представляется наиболее сложной задачей. Сама концепция этих преобразований разработана недостаточно и в силу этого пока может быть представлена в самом общем виде. В арабском мире всё явственнее осознают неизбежность фундаментальной переоценки роли государства в экономике. Роль государства не будет укладываться ни в концепции либерализации, которые с завидным упорством навязываются Западом, ни в традиции этатизма восточного типа, обладающие на Ближнем Востоке большой инерцией. Новая модель смешанной экономики наверняка будет включать в себя повышенный по сравнению с развитыми странами уровень госрегулиру-

вания и более высокий удельный вес государственного сектора в ВВП и занятости. Государство по-прежнему сохранит присутствие в не утратившем свою актуальность «ромбе национальных конкурентных преимуществ» М. Портера в качестве своего рода внешней детерминанты, способной оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Без жёсткого государственного регулирования не обойтись, по крайней мере на начальном этапе реформ. Но симбиоз государства и рынка уже не предполагает всеохватывающего участия первого в основных сферах экономической жизни.

Особая роль в арабском экономическом ренессансе отводится большинством экспертов в их прогнозах частному предпринимательству [1, 9]. Успех реформ в конечном счёте зависит от степени вовлечённости в их проведение частного капитала. Однако государство, отказавшись от всеохватывающего регулирования и контроля, оставит за собой выполнение функций координатора и силы, мобилизующей ресурсы на национальном и международном уровнях. Ему же придётся создавать и поддерживать управленческий механизм, обеспечивающий баланс между краткосрочными интересами частных предпринимателей, ориентированными на максимизацию прибылей, и долгосрочными целями общества в целом. Здесь понадобится повысить прозрачность, управляемость государственных институтов, качество их услуг.

Одна только реформа государственных и частных экономических институтов способна дать впечатляющие результаты. Ещё в апреле 2003 г. эксперты МВФ подсчитали, что достижение этими институтами государств БВСА качественного уровня развитых стран приведёт к 20-ти кратному увеличению реального ВВП на душу населения, а годовых темпов прироста этого показателя – на три процентных пункта [13].

Как было отмечено выше, бюджетный процесс нуждается в перестройке во всех странах региона. В этой связи можно привести прогноз турецкого экономиста О. Чолака, рассматривающего Арабский мир со стороны, но в то же время из того же ближневосточного региона. «В целом страны с дефицитом бюджета, - отмечает он, - обречены на дефицит текущего платежного баланса. А это значит недостаток сбережений. Эти два вида дефицита экономисты окрестили понятием «дефициты-близнецы». Это ловушка, и чтобы выбраться из нее, понадобится время. Сегодня в этой западне оказалась значительная часть стран MENA» [8]. С этим можно согласиться, но автор данной статьи не разделяет пессимизм этого турецкого исследователя относительно начала в среднесрочной перспективе новой «арабской весны» в связи с нарастанием бюджетного дефицита.

Специфика аравийских нефтяных монархий состоит в том, что здесь предстоит снизить зависимость госбюджета от колебаний мировых цен на энергоносители. Речь идёт о расширении доходной части бюджета за счёт налоговой реформы, призванной ввести налогообложение ранее свободных от этой «повинности» секторов экономики, юридических и физических лиц. Даже при невысоких налоговых ставках это даст государству возможность стабильно осуществлять стра-

тегию поступательных хозяйственных преобразований без постоянной оглядки на уровень и динамику нефтяных и газовых цен. Вместе с тем ослабление патерналистской политики чревато усилением социальной напряжённости. Пока недовольство населения дефицитом демократии и равенства компенсируется разнообразной по формам социальной поддержкой коренных аравийцев.

Среди других направлений трансформации хозяйственного механизма выделяются либерализация рынков капитала и труда, системы внешнеэкономических связей, создание современных финансовых институтов, принятие регулирующих экономическую жизнь законов, отвечающих требованиям начала XXI в.

В более отдалённой перспективе каждой из арабских стран придётся реформировать или создать заново свой отраслевой хозяйственный профиль. Экспортёры энергоносителей, скорее всего, продолжат курс на диверсификацию своих экономик, увеличение удельного веса и усиление экспортной направленности химической промышленности, металлургии, нарождающегося производства наукоёмкой продукции, а также сферы современных услуг. Государствам второй группы предстоит выбрать специализацию, ориентируясь на самые конкурентоспособные отрасли из имеющегося относительно диверсифицированного спектра. Страны третьей группы будут заниматься импортозамещением и отбором экспортных производств, конкурентоспособность которых базируется на традиционных национальных преимуществах в сельском хозяйстве, рыболовстве и добывающей промышленности.

Концепция отраслевых структурных сдвигов как в развивающемся мире в целом, так и в арабских странах в частности должна быть изменена. Во-первых, пора отойти от одного из принципов Вашингтонского консенсуса, в соответствии с которым следует открыть внутренний рынок для внешней конкуренции и помогать тем отраслям обрабатывающей промышленности, которые сравнимы по эффективности с аналогичным производством в развитых странах, отказавшись от остальных. Путь к экономическому возрождению необходимо прокладывать через формирование перспективных, но пока ещё недостаточно конкурентоспособных отраслей обрабатывающей индустрии, а также услуг с последующим подтягиванием национального производства по показателям эффективности до уровня развитого мира.

Отдельно стоит вопрос о выделении и расширении высокотехнологичного кластера. На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что научно-технический потенциал арабского мира не способен в перспективе справиться с этой задачей. Исследования, проводимые арабскими экономистами, показывают, что Китай и Индия, обладая сравнимым с арабскими странами потенциалом в этой области (в относительном измерении), смогли совершить рывок в развитии наукоёмкого производства. За период с 1967 по 2010 г. продукт национальных НТК арабских стран увеличился в стоимостном выражении примерно в 50 раз (лидировали Египет, члены ССАГПЗ и Магриб). И это при доле ассигнований на НИОКР в среднем в 0,2% от ВВП [14, с. 190], когда научные достижения концентрировались

в ограниченном количестве направлений – преимущественно в здравоохранении и сельском хозяйстве. Успех экономических реформ в ближайшие десять лет напрямую зависит от готовности и способности государств заново выстроить и обеспечить устойчивое развитие научно-технической инфраструктуры.

В последнее время активизировались арабские исследования перспектив формирования и развития научно-технологических комплексов в странах региона. Так в 2016 г. крупным аналитическим центром Orient Planet Research был опубликован «Доклад об арабской экономике знаний» [12]. В нём отмечается, что в период падения нефтяных цен возникли стимулы к диверсификации региональной экономики с особым акцентом на культивировании экономики знаний как альтернативы нефтяной зависимости. Это подтверждается увеличением доли инвестиций в сферу НИОКР. Эта тенденция продолжится. Однако нельзя не заметить, что авторы этого и ряда других прогнозов концентрируют внимание на перспективах развития, прежде всего, стран ССАГПЗ, а также Египта. Безусловно, это – научно-технологические лидеры арабского мира, однако в случае реализации такого прогноза лишь в названных государствах вполне вероятно увеличение их отрыва в этой области от остальных стран региона и консервация стагнации остальных арабских стран, что негативно скажется на хозяйственной и социально-политической ситуации последних.

Во-вторых, неизбежен период усиления протекционизма для взращивания и обеспечения жизнеспособности пока ещё неконкурентоспособных отраслей. При дальнейшем ускорении процесса глобализации свободная торговля между государствами с разными уровнями развития будет по-прежнему приводить к уничтожению наиболее эффективных промышленных секторов наименее эффективных стран. Это явление получило название «эффекта Ванека-Райнерта» [6, с. 282]. Если развитые страны с пониманием отнесутся к необходимости обеспечить арабским государствам на определённое время преференциальные условия в международной торговле, то для последних станет возможным и приемлемым продолжение интеграции по линии Север-Юг, но уже в модифицированной форме: их внутренний рынок должен открываться постепенно. Опыт вовлечения в ЕЭС Испании в 1980-е гг., Израиля в 1970-1990-е гг. продемонстрировал успешность такого подхода. Региональная экономическая интеграция на Ближнем Востоке, призванная содействовать хозяйственному возрождению региона, может развиваться в первую очередь в двух направлениях – через реанимацию «Барселонского процесса» и раскрытие потенциала ближневосточной интеграции [подробнее см. 7].

Трудно рассчитывать на то, что экономическое возрождение будет проходить равномерно во всех странах региона. Здесь нужны яркие примеры успешных преобразований, за которыми могли бы последовать остальные страны – ими вполне могут стать Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Тунис. Если удастся политическое урегулирование в Сирии, она сможет реализовать модель по урегулированию экономических и социальных проблем. По крайней мере,

стать своего рода образцом модернизации для среднеразвитых арабских стран с диверсифицированной и относительно развитой по меркам этой части мира экономикой. До 2011 г. такие предпосылки существовали. Инициированные Б. Асадом реформы начали приносить свои плоды и в то же время вызвали резкое раздражение внутренних и внешних противников сирийского режима.

Оценивая долгосрочные экономические перспективы арабских стран и возможность достижения целей третьего этапа преобразований, следует выделить три вероятных сценария развития событий.

Умеренно оптимистичный – продолжение начавшихся накануне «арабской весны» экономических реформ (приватизация, либерализация рынков капитала, труда, системы внешнеэкономических связей, модернизация финансовых институтов); усиление роли государства в стимулировании прогрессивных структурных сдвигов; углубление экспортной ориентации обрабатывающей промышленности и услуг; социальные реформы (переориентация национальных систем образования на удовлетворение кадрового спроса отраслей с повышенным технологическим уровнем, совершенствование сферы медицинских услуг, переориентация гранто-ориентированной системы социального обеспечения на стимулирование участия в производственной деятельности, увеличение экономической активности женщин).

Решению основных социально-экономических проблем будет способствовать изменение стратегии развития с фокусировки на экономическом росте на достижение триединой цели – экономический рост при более равномерном распределении национального дохода, кардинальный сдвиг в решении проблемы занятости, преодоление бедности. Такая увязка в модели экономического роста экономических и социальных ориентиров не только будет способствовать демократизации и понижению уровня конфликтности в обществе, но и ускорит хозяйственное развитие региона.

Ограничителями подобных преобразований, очевидно, останутся: инерционность государственного бюрократического аппарата, сильный демографический пресс, проблемы с трудовой этикой, «расслабляющее» влияние притока валютных ресурсов из-за рубежа, объективные и субъективные препятствия в формировании благоприятного инвестиционного климата.

Оценивая перспективы хозяйственного развития и поддержания социальной стабильности в регионе, нельзя не учитывать наличие на Ближнем Востоке серьёзного ограничителя социально-экономических преобразований. Речь идёт о проблеме обеспечения региона пресной водой.

Во внешнеэкономической области наиболее вероятным представляется усиление ориентации арабских стран на государства Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, а также Евросоюз. Азиатские регионы будут предъявлять повышенный спрос на энергоносители и станут одним из основных источников импорта технологий, ЕС заинтересован в экономическом возрождении Северной Африки и арабского Машрика для сокращения иммиграции из этих стран в Европу. В более отдалённой перспективе в ходе набирающей темпы четвёртой

промышленной революции у стран первой и второй групп есть шансы принять часть морально устаревающих производственных мощностей, перемещаемых из более развитых частей мира на периферию мировой экономики. Однако для реализации такого сравнительно благоприятного, особенно для диверсифицированных арабских экономик, сценария необходима мощная государственная поддержка принимающей стороны и создание для западных и азиатских ТНК инвестиционного климата как минимум не менее благоприятного, чем в остальных развивающихся странах.

В будущем геополитические сдвиги могут стимулировать создание региональных полюсов относительно сбалансированного роста: саудовско-египетский альянс, Курдистан, Иран, представители развитого мира – Израиль и Турция.

В отличие от стран второй и третьей групп, государства-экспортёры энергоносителей в среднесрочном плане менее заинтересованы в реформировании своей экономики. Руководители стран ССАГПЗ вынуждены ускорить преобразования, в том числе в упреждающем режиме, для предотвращения «арабской весны» на своих территориях. Однако изменения происходят медленнее, чем во многих других арабских странах. Разведанных запасов углеводородов здесь хватит на многие десятилетия. Преобразования, скорее всего, будут проводиться по иранскому сценарию (несмотря на сохранение острых противоречий между странами аравийского и иранского побережий Персидского залива). На уровне государственного руководства разрабатываются планы будущих реформ, но их реализация начнётся, скорее всего, только в случае крайне сложной ситуации в хозяйственной и социально-экономической сферах. Коренное население нефтяных монархий, не привыкшее к экономическим тяготам и известное своими иждивенческими настроениями, пока не хочет поддержать действия, направленные против своего благополучия [4, с. 43]. А такие шаги неизбежны в ходе структурных преобразований и уменьшения этатизации национальных экономик этой части арабского региона.

При условии возникновения благоприятной для производителей энергоресурсов ситуации на мировых рынках можно согласиться с прогнозом, подготовленным недавно в Институте востоковедения РАН. В соответствии с его выводами будет возрастать роль аравийских нефтяных монархий в качестве одного из мировых финансовых центров. Ключевыми инвестиционными секторами здесь станут нефтехимический сектор, металлургия, алюминиевая и цементная промышленность, производство строительных материалов, горнодобывающая и пищевая промышленность, объекты инфраструктуры, сфера услуг. Саудовская Аравия и ОАЭ уже стремительно улучшают инвестиционный климат, что является важной предпосылкой для устойчивого экономического роста на ближайшую перспективу [1].

Производителям углеводородов предстоит:

- ускорить перестройку хозяйственной жизни в направлении диверсификации источников дохода и расширения экономической базы народного хозяй-

ства, основой которого пока остаётся производство нефти и нефтепродуктов. Особая цель Саудовской Аравии – сокращение потребления в королевстве нефтепродуктов и газа, поскольку относительно высокие показатели удельного потребления этих энергоносителей оказывают отрицательное воздействие на экспорт саудовской продукции;

- вести поиск альтернативных и возобновляемых источников энергии, включая «чистую энергию» – солнце, ветер или ядерные реакторы;
- расширить возможности труда для молодёжи, углубить взаимодействие между правительством и частным сектором с целью содействия росту капиталовложений национального частного капитала, а также капитала из государств Персидского залива и других стран мира в создание промышленных городов.

Сохранение статус-кво. Велика инерция сложившихся за многие годы экономических моделей. Откладывание реформ на отдалённое будущее, пребывание в состоянии структурного дрейфа неизбежно приведут к экономической стагнации и обострению социально-экономических проблем во всех трёх группах стран арабского мира, хотя глубина спада и степень дальнейшего отставания от развитых и новых индустриальных стран будет различной. В наибольшей степени пострадают страны третьей группы.

Экстраполяция текущих тенденций позволяет предположить, что реализация этого сценария вплотную подведёт большинство арабских стран к осуществлению наименее благоприятного – пессимистичного варианта развития. В этом случае затянувшаяся смена власти и медленная трансформация политической системы могут затормозить экономические преобразования и усилить социальную напряжённость; возможное усиление радикального исламизма приведёт к восстановлению централизованной госэкономики, хотя и с иным – религиозным оттенком; обострение внешнеполитической ситуации вызовет разбухание госрасходов, бюджетного и внешнеторгового дефицитов, ухудшит инвестиционный климат. Всё это ухудшит социальную и внутривнутриполитическую ситуацию, дестабилизирует формирование новых государственных и политических институтов.

В такой ситуации неизбежны новые конфликты, питаемые отставанием от развитых стран и производимым ими демонстрационным эффектом высокого уровня жизни. Мы живём в начале XXI в. На рубеже первого и второго тысячелетий Западная Европа в 1,5–2 раза отставала от стран Востока по уровню развития (в вывозе европейских государств на Восток преобладали рабы, серебро, меха, древесина, в то время как с Востока поступали в основном готовые изделия). Маловероятно, что европейцы протестовали по этому поводу – государства ещё долго были по современным понятиям изолированы друг от друга.

При неблагоприятном варианте развития политических событий (хаос, гражданская война, военные конфликты с соседними странами) высока вероятность ухудшения внутриэкономической ситуации в ближневосточных странах, повышение мировых цен на энергоносители, нарушение их поставок зарубеж-

ным потребителям. В последнем случае энергетические транспортные потоки будут переориентированы на Персидский залив, возможно, на Алжир.

Альтернативные варианты экономического развития и возрождения региона, основанные исключительно на местной специфике и чрезмерно идеологизированные, не внушают оптимизма.

В теории исламская экономика – это социально-ориентированная хозяйственная модель, в которой согласно нормам шариата запрещены эксплуатация работников собственниками капиталов, спекулятивная деятельность, не обусловленное собственным трудом извлечение прибыли, финансирование незаконных по нормам ислама видов производства.

Исламская экономика выростала из хозяйственного опыта общины времён Мухаммеда и первых халифов. На практике в условиях глобализирующегося мира хозяйственная автаркия на основе на исламских принципов скорее всего будет контрпродуктивной, хотя на уровне отдельных общин исламские хозяйственные принципы могут применяться. Сегодня исламизацию экономической жизни сделали своей официальной политикой Иран, Пакистан и Судан. Это зачастую имело разочаровывающие результаты, несмотря на впечатляющие частные достижения. На определённом этапе во всех трёх странах началось переосмысление полученного опыта.

Несколько наивной представляется продвигаемая руководителями ИГ идея возврата к «золотому стандарту» – чеканке металлических, в том числе золотых, монет. Был выпущен в обращение золотой динар (курс 139 долл. за динар).

На наш взгляд, в отношении стран, где в последнее время произошла смена государственного и политического руководства, российская политика должна проводить твёрдый курс на восстановление заключённых ранее контрактов с нашей страной, прежде всего в инвестиционной сфере, а также в поставках сложного промышленного оборудования и военной техники. Без возобновления и расширения нашего экономического присутствия в этих странах значительная часть арабского Востока окажется вне сферы российского влияния. Важно, что в настоящее время «Москва воспринимается в качестве внешнего игрока, кооперация с которым способствует повышению самостоятельности государств Ближнего и Среднего Востока во внутренней и международной политике» [5, с. 130].

В сложившейся ситуации продвижение интересов России в регионе должно проходить на фоне смены прежних способов влияния. Имеет смысл увеличивать качество и количество инструментов мягкой силы, особенно посредством укрепления торгово-экономических контактов. Необходимо осуществить прорыв в хозяйственных связях с регионом, что вполне реально, учитывая стремление многих ближневосточных государств диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Длительная экономическая ориентация стран региона на Запад, Юго-Восточную и Восточную Азию, насыщенность местного рынка потребительских

и инвестиционных товаров вносят свои коррективы в стратегию российских предпринимателей и органов государственного экономического управления. В этой связи правомерно высказать гипотезу о том, что «стартовой площадкой» обновления всего комплекса делового партнёрства станет не торговый обмен, на приоритете которого настаивает ряд известных российских арабистов, а производственное кооперирование на основе взаимного перетока прямых инвестиций, технологий, квалифицированной рабочей силы. Проникновение на Ближний Восток через «инвестиционные ворота» представляется более реалистичным.

Эффективное использование Россией современных видов оружия против террористов в Сирии произвело огромное впечатление. Целый ряд государств региона обратились с просьбами о поставке им некоторых видов российского вооружения. Помимо традиционных партнёров в военно-техническом сотрудничестве (Алжир, Судан, Ирак, Йемен), растущий интерес к российским образцам вооружений проявляют страны Персидского залива, Иордания и Ливан.

В дополнение к традиционным направлениям торгово-инвестиционного сотрудничества (ВТС, химия, машиностроение, энергетика, транспорт) имеет смысл обратить внимание на отрасли, в которых наша страна имеет весомые конкурентные преимущества: водоснабжение, сельское хозяйство. При всех сценариях развития региона Россия будет иметь в нём потенциально растущий рынок сбыта своей сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна. В настоящее время основным направлением российского зернового экспорта является Ближний Восток и Северная Африка, и экспорт в этот регион имеет потенциал роста. Здесь имеют перспективы как товарный экспорт, так и производственное сотрудничество, которое возможно в форме привлечения инвестиций из арабских стран в российские проекты с их ориентацией на экспорт. Увеличение экспорта потребует расширения пропускной способности железных дорог и морских портов, и эти области также могут стать объектами инвестиционного сотрудничества [1].

Как показывает опыт развитых стран, упрочению позиций внерегиональной державы в этой части мира очень способствует так называемая «помощь развитию». Здесь необходимо оптимизировать приток российских финансовых ресурсов: выделять деньги на хорошо выверенные проекты, имеющие социальную отдачу – в первую очередь в водоснабжении, добыче энергоносителей, строительстве, на транспорте, а также на масштабные образовательные программы. Особое значение имеют проекты, направленные на решение проблемы трудоустройства и создание «социальных лифтов» в молодёжной среде. Тем самым наша страна внесёт свой вклад в противодействие распространению идеологии ИГ.

Список литературы

1. Акимов А., Наумкин В. Перспективы развития ситуации в странах Ближнего Востока до 2020 года. // РСМД, 29.04.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1777#top-content (дата обращения: 08.09.2016).
2. Выступление Путина В.В. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России, 22.10.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Иванов И. Три корзины для Ближнего Востока. // РСМД, 01.02.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7183#top-content (дата обращения: 03.03.2016).
4. Исаев В.А. Проблемы модернизации экономики нефтедобывающих стран Персидского залива на современном этапе // Ближний Восток и современность. Вып. 50. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. С. 9-50.
5. Неожиданные партнеры России на Ближнем Востоке / отв. ред. А. Байков, И. Истомин // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2(33). С. 115-134.
6. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. 384 с.
7. Федорченко А.В. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 10. С. 266-275.
8. Чолак О. Экономика арабских стран падает. // Иносми.ру, 30.04.2016. URL: <http://inosmi.ru/economic/20160430/236371168.html> (дата обращения: 28.11.2016).
9. Balamoune-Lutz M. Financial Development and Income in North Africa // International Advances in Economic Research. 2008. Iss. 4. Vol. 14. Pp. 422-432.
10. Emerging Order in the Middle East. Policy Outlook. Carnegie Endowment for International Peace, 2012. 24 p.
11. Heggy T. The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress. Cairo, 2009. 330 p.
12. The Arab Knowledge Economy Report 2015 – 2016 // Inbusiness.ae, 29.03.2016. URL: <http://inbusiness.ae/2016/03/29/arab-knowledge-economy-report-2015-2016-forecasts-arab-world-internet-users-to-reach-around-226-million-by-2018/> (дата обращения: 28.11.2016).
13. World Economic Outlook. Washington, IMF. April 2003. 49 p.
14. Zahlan A. Science and the Arabs: opportunities and challenges // Contemporary Arab Affairs. 2011. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 190-207.

Об авторе:

Андрей Васильевич Федорченко – д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru.

THE ARAB WORLD: IS THE ECONOMIC RENAISSANCE POSSIBLE?

A.V. Fedorchenko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-83-100

Moscow State Institute of International Relations (University)

The structural change of international relations system at the end of the Cold war has resulted in US becoming the sole superpower or hyperpower. The US took advantage of this

position and strived to build a hegemonic world order based on US military-strategic superiority and soft-power. Implementation of this strategy results in "imperial overstrain" a serious revision of US strategic planning in 2010 and 2015. In the context of the continuing decline in the power of the United States (economic, technological and military) relative to other centers of power, it is nonmilitary political methods and instruments that, together with "soft power" and military pressure, increasingly come to the fore in US realizing global geopolitical aspirations. The new imperative of US strategy is deterrence of Russia and China, which could result only in the crisis of global hegemony and the rise of conflicts in world politics.

Key words: The Arab world, economic security, macroeconomic reforms, structural adjustment, economic mechanism, etatization, the private sector, Islamic economy, foreign aid, foreign policy of Russia.

References

1. Akimov A., Naumkin V. Perspektivy razvitiia situatsii v stranakh Blizhnego Vostoka do 2020 goda [Prospects for the development of the situation in the Middle East until 2020]. *Russian International Affairs Council*, 29.04.2013. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1777#top-content (Accessed 08.09.2016). (In Russian).
2. Vystuplenie Putina V.V. na zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». [Vladimir Putin's speech at a meeting of "Valdai" International Discussion Club]. *President of Russia*, 22.10.2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548> (Accessed 28.11.2016). (In Russian).
3. Ivanov I. Tri korziny dlia Blizhnego Vostoka. [Thee Baskets for the Middle East]. *Russian International Affairs Council*, 01.02.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7183#top-content (Accessed 03.03.2016). (In Russian).
4. Isaev V.A. Problemy modernizatsii ekonomiki neftedobyvaiushchikh stran Persidskogo zaliva na sovremennom etape. // Blizhnii Vostok i sovremenost'. [Problems of modernization of the economy oil-producing countries of the Persian Gulf at the present stage]. *Middle East and modernity*. Vol. 50. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2016. Pp. 9-50. (In Russian).
5. Neozhidannye partnerny Rossii na Blizhnem Vostoke. Otv. red. Baikov A., Is-tomin I. [Unexpected Russian partners in the Middle East]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, vol. 11, no. 2 (33), pp. 115-134.
6. Reinert E.S. *How Rich Countries Got Rich... And Why Poor Countries Stay Poor*. London, PublicAffairs, 2008. 400 p. (Russ. ed.: Rainert E. Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016. 384 p.)
7. Fedorchenko A.V. Ekonomicheskaia integratsiia na Blizhnem Vostoke: dostizheniia ili upushchennye vozmozhnosti? [Economic integration in the Middle East: to achieve or missed opportunities?]. *MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 10, pp. 266-275. (In Russian)
8. Cholak O. Ekonomika arabskikh stran padaet [The Arab economy is falling]. *Inosmi.ru*, 30.04.2016. Available at: <http://inosmi.ru/economic/20160430/236371168.html> (Accessed 28.11.2016). (In Russian)
9. Balamoune-Lutz M. Financial Development and Income in North Africa. *International Advances in Economic Research*, 2008, iss. 4, vol. 14, pp. 422-432.
10. *Emerging Order in the Middle East. Policy Outlook*. Carnegie Endowment for International Peace, 2012. 24 p.
11. Heggy T. *The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress*. Cairo, Merit Publ., 2009. 330 p.
12. The Arab Knowledge Economy Report 2015 – 2016. *Inbusiness.ae*, 29.03.2016.

Available at: <http://inbusiness.ae/2016/03/29/arab-knowledge-economy-report-2015-2016-forecasts-arab-world-internet-users-to-reach-around-226-million-by-2018/> (Accessed 28.11.2016).

13. *World Economic Outlook*. IMF. Washington, April 2003. 49 p.
14. Zahlan A. Science and the Arabs: opportunities and challenges. *Contemporary Arab Affairs*, 2011, vol. 4, iss. 2, pp. 190-207.

About the author:

Andrey V. Fedorchenko – D. of Sc. (Economics), Professor, Director of Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru.

«НОВАЯ ПЕРИФЕРИЙНАЯ СТРАТЕГИЯ» ИЗРАИЛЯ

Ю.И. Костенко

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-101-118

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена изучению нового вектора внешней политики Израиля, мусульманским государствам Центральной Азии, бывшим республикам Советского Союза. Побудительные мотивы его появления рассматриваются в аспекте «новой периферийной стратегии» Израиля.

Автор сравнивает «периферийную стратегию» Израиля 1950-1970 гг. с «новой периферийной стратегией», находя общее и отличное. Общие угрозы со стороны арабского национализма стали одним из решающих факторов сближения Израиля, Турции и Ирана в 1950-х гг. Фактор общей угрозы, на этот раз со стороны радикального ислама, определяет и современную внешнюю политику Израиля. Исходя из него, Израиль пытается строить отношения с мусульманскими государствами Центральной Азии, руководство которых опасается экспорта исламской революции из Ирана, перетекания на свои территории хаоса, терроризма и войны из Ирака, Афганистана и Сирии.

Негативные тенденции развития политической ситуации в ближневосточном регионе, обозначившиеся в ходе «арабской весны», повлияли на актуализацию вектора израильской политики, направленного на Центральную Азию и Кавказ.

Значимым фактором «новой периферийной стратегии» является экономическая заинтересованность сторон в сотрудничестве. Партнёры Израиля по периферии хотят получать от него новые технологии, привлечь инвестиции. Со своей стороны крупный израильский бизнес предпринимал попытки закрепиться в стратегических отраслях экономик данных государств, учитывая неразработанную сырьевую базу и огромные запасы углеводородов в некоторых из них. Политическая нестабильность в части мусульманских государств сдерживает экономическое сотрудничество.

В отличие от прежних партнеров Израиля по «периферийному альянсу» центральноазиатские государства не скрывают своего сотрудничества с ним.

Существенным мотивом к сближению сторон представляется желание партнёров Израиля путём сотрудничества с ним получить благосклонное расположение США. Автор согласен с мнением, что «новая периферийная стратегия» может быть успешной при условии прозападной ориентации руководства мусульманских стран-партнёров Израиля.

Ключевые слова: «новая «периферийная стратегия», мусульманские государства Центральной Азии, отношения Израиля с мусульманскими государствами, нейтрализация Ирана, замена Турции, политическая составляющая, экономическая составляющая.

УДК 327

Поступила в редакцию 18.01.2017 г.

Принята к публикации 30.01.2017 г.

Аспекты внешней политики Израиля, связанные с «периферийной стратегией» и «новой периферийной стратегией», не удостоились должного внимания и изучения в российской науке. К числу научных работ обобщающего характера по теме можно отнести работы И.Д. Звягельской [3, 4]. Из работ иностранных авторов следует упомянуть книгу Й. Альфера [14], работы Дж. Абади [12], Й. Гужански и Г. Линденштраус [18].

«Периферийная стратегия», которой Израиль следовал в своей политике в 1950–1970 гг., была ориентирована на «второй круг» мусульманских государств, т.е. находящихся за непосредственными соседями Израиля, – на Турцию и Иран, а также на национальные меньшинства в арабских странах. Основанием для сотрудничества явились общие угрозы безопасности со стороны арабского национализма. В лице Турции, Ирана и национальных меньшинств Израиль нашёл союзников в погашении его наступательной волны. Израилю было важно доказать, что Ближний Восток не является исключительно арабо-мусульманским, а, значит, у него есть право на место в регионе. Бывший руководитель Моссад М. Амит так обозначил одну из целей «периферийной стратегии»: «Наш интерес состоит в том, чтобы разрушить тезис о том, что мы являемся инородным телом в (ближневосточном) регионе. Будет хорошо, если мы докажем, что Ближний Восток не является монолитным» [15, с. 165].

Ещё одной жизненно важной для Израиля целью было преодоление региональной изоляции и блокады со стороны арабских государств. Израиль решил «перескочить» через соседние арабские страны, установить отношения с Турцией и Ираном и представить их в качестве модели сосуществования и эффективного сотрудничества еврейского государства с мусульманскими.

Сотрудничество начиналось и концентрировалось в области безопасности: обмен разведывательной информацией, военная помощь. По мере укрепления доверия между сторонами оно распространялось на торгово-экономические отношения, включая продажу оружия, модернизацию военной техники, поставки энергоносителей. Со временем экономическое сотрудничество достигло больших объёмов, особенно с Ираном, который израильтяне называли жемчужиной в «Короне» – тройственном союзе между Израилем, Турцией и Ираном. Существенным моментом являлось то, что партнёры Израиля стремились не афишировать сотрудничество и по возможности понижать его уровень.

Исламская революция 1979 г. в Иране и свержение шаха М.Р. Пехлеви символизировали распад «Короны». Какое-то время Израиль продолжал сотрудничать с Турцией. Пик этой активности пришёлся на 1990-е гг. Между двумя странами были подписаны многочисленные соглашения о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, разведывательной, военной и гражданской областях [4, с.315]. Израиль говорил об отношениях с Турцией как возможной модели отношений Израиля с мусульманскими государствами. Со временем отношения между ними подверглись серьёзной эрозии.

«Классическая «периферийная стратегия» была одной из мегастратегий, рассчитанных на длительную перспективу. Исходя из соотношения цена – польза и с учётом некоторых побочных явлений, можно с уверенностью утверждать, что «периферийная стратегия» была успешной» [14, с. 22]. Израиль доказал своё право на существование на политической карте Ближнего Востока. Израиль зарекомендовал себя сильной страной, способной контролировать ситуацию в регионе и противостоять угрозам. Он показал, что он не одинок, у него есть союзники среди мусульманских государств [14, с. 29]. Арабо-мусульманский мир принял этот факт, но не согласился и до сих пор не соглашается на экономическое сотрудничество с Израилем.

В конце XX – начале XXI вв. на региональном уровне начали проявляться неблагоприятные для Израиля тенденции. «Иран и Турция, влиятельные региональные игроки, стали оказывать непосредственное воздействие на развитие арабо-израильского конфликта... В нём всё большую роль стала играть мусульманская солидарность в противовес этнической» [4, с.315]. Сначала Иран после революции 1979 г., а затем Турция после прихода к власти в стране в 2002 г. исламской партии «Справедливости и развития» стали актуализировать палестинскую проблему и резко критиковать Израиль.

События «арабской весны» и усиление радикального ислама в арабских странах, включая соседние, заставили многих в Израиле говорить о новом кольце враждебности и угроз. На этот раз со стороны радикального ислама в лице негосударственных образований, таких как ХАМАС, ИГИЛ, «Хизбалла», а также Ирана.

Поиск путей противодействия угрозам вернул к жизни «периферийную стратегию» [18], которая предстаёт в обновлённом виде. «Новая периферийная стратегия» отличается от своей предшественницы по числу и мотивации её акторов, целям, которые перед ней ставятся, и способам их достижения. Она направлена на «третий и четвертый круг» государств – Центральную Азию, Кавказ, умеренные арабские государства Ближнего Востока, Северной Африки и немусульманские страны Средиземноморья.

Наряду с общими для всех акторов угрозами важную роль стала играть заинтересованность сторон в экономическом сотрудничестве. «Уроки классической периферии обязывают нас строить наши отношения с новой периферией на интересах... В наших отношениях с партнёрами по новой периферии экономический аспект является гораздо более существенным, нежели это было в классической периферии» [14, с. 23].

Значительно возросла роль личных контактов и доверительных отношений между руководителями мусульманских республик Центральной Азии и Израиля для налаживания, поддержания и развития сотрудничества.

Представляется, что Израиль придаёт большое значение новым связям, заглядывая на перспективу, с учётом последствий тех изменений, которые происходят в регионе и мире, с учётом хронической нестабильности в арабском мире

и усиления компоненты радикального ислама. «Новая периферийная стратегия» призвана способствовать достижению вполне определённых политических и экономических целей.

Политическая составляющая «новой периферийной стратегии» Израиля в Центральной Азии

Одними из самых заметных внешнеполитических шагов Израиля в последние годы являются попытки наладить сотрудничество с мусульманскими государствами Центральной Азии – бывшими республиками СССР. Сближение с ними происходит на фоне продолжающегося разрыва с арабским миром и относительной изоляции в ближневосточном регионе.

В Израиле понимают, что установление связей и налаживание сотрудничества с данными государствами может способствовать решению актуальных для Израиля проблем. По меткому замечанию Д. Пайпса «Все, как правило, хотят наладить отношения с другими государствами. Израильцы же в первую очередь стремились обзавестись хорошими и тесными связями с мусульманскими странами» [19, с. 83].

Нынешнее положение Израиля отличается от его положения в первые годы существования как с военной, так и с экономической точки зрения. Изменился характер угроз, с которыми сталкивается Израиль. Раньше главной угрозой была угроза войны, а также опасение образования широкой арабской коалиции против Израиля. Сегодня характер угроз другой. Это угрозы со стороны терроризма с применением оружия массового уничтожения, борьба с попытками делегитимации Израиля. Огромное значение приобретают связи со странами, граничащими с враждебными государствами или находящимися вблизи них.

Стремление Израиля окружить «проблемные» государства, такие как Иран, Ирак, Сирия, представляющие угрозу его безопасности, дружественными или нейтральными государствами, создать «защитный пояс» от терроризма, хаоса и войны совпадает с интересами центральноазиатских республик [17, с. 927]. Оно также соответствует планам США.

В свете новой расстановки сил в мире делается попытка повлиять на состояние и решение наиболее актуальных для Израиля проблем опосредованным путём. Можно с уверенностью говорить о том, что Израиль взял курс на сотрудничество с умеренными мусульманскими государствами. Акцент переносится с военного аспекта обеспечения национальной безопасности на дипломатию сотрудничества – военно-техническое и экономическое сотрудничество.

В Израиле хотят на примере конкретных мусульманских государств Центральной Азии показать, что дружеские отношения и сотрудничество между Израилем и мусульманскими странами возможны. Тем самым Израиль стремится доказать, что конфликта Израиль – исламский мир или евреи – мусульмане в действительности не существует.

Эксперты отмечают перемещение центра мировой активности в Азию. По их мнению, будущее человечества всё в большей степени определяется на Востоке [3, с. 6.]. Азия – регион, в котором активно образуются новые блоки. Сюда смещается политическое и экономическое лидерство. Этот факт не может не привлекать внимание тех, кто принимает решения в Израиле.

В 2016 г. министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер посетил Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Накануне поездки он заявил: «Центральная Азия является регионом стратегического значения, в большинстве случаев находясь в тени международного внимания. Здесь сталкиваются интересы крупных региональных держав – России, Китая и Ирана» [11]. Германия была автором так называемой «Центральноазиатской стратегии» ЕС, принятой в 2007 г. Цель стратегии состоит в координации действий в рамках ЕС и содействии развитию двусторонних связей с государствами региона. Помимо Германии повышенный интерес к этому проявляет Франция. США и лидеры Евросоюза не скрывают, что их интерес к Центральной Азии обусловлен также стремлением оказать противодействие российскому влиянию.

В декабре 2016 г. состоялись визиты премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху в Азербайджан и Казахстан. В Израиле они были названы «экономико-политическими визитами» [16] и явились свидетельством той важности, которую Израиль отводит этим государствам в своей стратегии. На встрече с Н. Назарбаевым Б. Нетаньяху сказал: «Отношения между нами и нашими арабомусульманскими соседями резко меняются. Не всё пока ещё публично... Я рассматриваю наши отношения с Казахстаном частью тех огромных изменений, которые ожидает мир» [16]. В ходе визита Б.Нетаньяху обратился к Н. Назарбаеву с просьбой поддержать кандидатуру Израиля на членство в Совете Безопасности ООН. Данная просьба последовала после того, как Израиль поддержал кандидатуру Казахстана на членство в Совбезе.

Государства мира, включая мусульманские, действуют на международной арене не в одиночку. Они образуют и вступают в блоки. Для Израиля очень важно иметь хорошие отношения с мусульманскими государствами, входящими в международные организации, включая международные мусульманские организации.

Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. принесло Израилю ощутимые дивиденды. Казахстан, играя всёвозрастающую роль в региональных организациях Евразии и мусульманского мира, таких как СВМДА, ШОС, ОИС, способствовал смягчению критики Израиля на различных международных форумах, особенно после инцидента с судном «Мави Мармара» в 2010 г. На саммите Совета глав дипломатических ведомств ОБСЕ в декабре 2009 г. при передаче Грецией председательства в этой организации Казахстану израильтяне предприняли попытку преодолеть кризис в отношениях с Узбекистаном. На совещании министров иностранных дел ОБСЕ, которое состоялось в Алматы в июле 2010 г., тогдашний министр иностранных дел Израиля А. Либерман впервые

встретился со своим туркменским коллегой Р. Мередовым и обсудил с ним вопросы сотрудничества. Председательство Казахстана в ОБСЕ способствовало усилению евразийского вектора во внешней политике Израиля.

В определённом смысле интерес Израиля к мусульманским государствам Центральной Азии – это реакция на мировые процессы и политику США и России в азиатском регионе. Образование ШОС, настойчивые инициативы России по усилению сотрудничества между членами организации, проводимые военные учения – любая страна учитывает в своей внешней политике образование подобных блоков государств.

Ослабление позиций России в исламском мире и образование определённого идеологического и политического вакуума на постсоветском пространстве после распада СССР подталкивают другие государства к активным действиям. Этот вакуум притягивает также и Израиль. Он проявляет повышенный интерес к этой части исламского мира. Наибольший интерес для Израиля представляют Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, исламская политическая составляющая которых является пока умеренной.

Одним из основных конкурентов Израиля в борьбе за влияние в Центральной Азии выступает Иран. В Израиле считают, что налаживание диалога между Ираном и новыми государствами Центральной Азии таит в себе опасность втягивания этих государств в орбиту идеологического влияния Ирана. Для Израиля важно уменьшить влияние Ирана на них и максимально диверсифицировать связи с ними. Израильское руководство считает, что нужно дать понять странам Центральной Азии, что Израиль может дать им больше, чем Иран.

Борьба с терроризмом – беспроигрышная карта в израильской внешней политике. Учитывая, что большинство стран мира так или иначе страдают от проявлений терроризма и хотели бы обезопасить себя, предлагаемое израильтянами сотрудничество и их опыт в этой области являются востребованными. Именно это направление зачастую бывает определяющим при установлении первичных контактов между Израилем и потенциальным кандидатом к сотрудничеству. Израильским опытом и методами борьбы с терроризмом интересуются и мусульманские государства Центральной Азии.

При определении направлений внешнеполитического и экономического сотрудничества учитывается наличие в той или иной стране больших еврейских общин. В процессе сотрудничества решается одна из важных задач – стимулирование репатриации евреев из этих стран. За период 1989-2005 гг. в Израиле оказалось 80000 евреев – выходцев из Узбекистана. В 1990-1994 гг. из Таджикистана в Израиль репатриировалось более 16.000 евреев, в последующие десять лет – ещё 1200 человек, практически исчерпав потенциал алии. К 2005 г. из Казахстана в Израиль приехало около 17000 человек. Из Киргизии к 2005 г. в Израиль приехало порядка 5600 евреев. Из Туркменистана, где еврейская община была малочисленной, до 1994 г. репатриировалось 229 евреев, в 1995 г. – ещё 359 человек, а за последующее десятилетие – примерно 1800 человек [6, с. 56].

Экономическая составляющая политики Израиля в отношении мусульманских государств Центральной Азии

На пути нормализации отношений с арабо-мусульманским миром Израиль сталкивался с трудностями. На экономических форумах в Марокко в 1994 г. и Аммане в 1995 г. Израиль предлагал многочисленные проекты соединения инфраструктур Израиля с соседними арабскими странами. Ш. Перес в порыве воодушевления сказал тогда, что следующей целью Израиля является вступление в ЛАГ [14, с. 132]. В своё время Ш. Перес обращался к арабским соседям с предложением создать особую экономическую зону в Араве, на территории от Мертвого моря до Эйлата. Но почти все экономические инициативы Израиля были отвергнуты. Арабо-мусульманский мир не хотел впускать внутрь себя израильское экономическое присутствие.

Мусульманский мир состоит не только из арабов. Проникновение Израиля в мусульманские страны ведётся, в основном, через военно-техническое и торгово-экономическое сотрудничество.

Одной из характерных особенностей внешнеполитической деятельности Израиля является гораздо более активная, по сравнению с другими странами, роль военных в реализации внешнеполитических задач. Как правило, первичное налаживание отношений происходит по линии военных ведомств. Именно военные становятся проводниками государственных интересов в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений.

Районы конфликтов и молодые государства всегда притягивали внимание Израиля как потенциальные рынки сбыта оружия. Израиль занимает третье место среди экспортёров вооружений в республике бывшего СССР. Основным импортёром израильской военной продукции является Азербайджан [2].

Продажа военной техники и оборудования является очень прибыльным для израильтян направлением партнёрства с бывшими советскими республиками. Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан считаются одними из наиболее перспективных для наращивания израильского военного экспорта. В значительной мере они способны компенсировать израильтянам утрату турецкого рынка.

Интерес Израиля к государствам Центральной Азии вызван и тем, что в Азию смещается центр мировой торгово-экономической активности. В Азии находятся две крупные быстро развивающиеся страны: Китай и Индия. Отношения с ними Израиль наладил давно. Достаточно сказать, что в 2008 г. Израиль обогнал Россию и стал лидирующим поставщиком военной продукции для Индии [5].

Бесприоритетной картой, которую Израиль готов предложить мусульманским государствам, является технологическое сотрудничество. Израилю есть, что предложить другим странам. Он является признанным лидером в области капельного орошения. Широко известны достижения израильтян в сфере по-

вышения урожайности сельскохозяйственных культур, увеличения эффективности производства в животноводстве, новейшие технологии ведения сельского хозяйства и водопользования. К этому можно добавить достижения в медицине, фармакологии, хай-теке.

Желание мусульманских государств Центральной Азии сотрудничать с Израилем в значительной мере обусловлено экономическими причинами – их интересует доступ к новым технологиям. Для самого Израиля они также играют существенную роль, но под другим углом зрения. Эти страны рассматриваются как объекты для капиталовложений в стратегические отрасли экономики и объекты инфраструктуры, как поставщики энергоносителей и потенциальные покупатели израильского оружия и, в меньшей мере, как источники сырья для израильской промышленности.

Вес экономической компоненты в политике Израиля в отношении мусульманских государств Центральной Азии значительно возрос. Это стало очевидным после первых же шагов по выстраиванию отношений с ними.

Некоторые исследователи отмечают, что в течение всей своей истории Израиль практиковал «дипломатию гарнизонного государства» [12]. Окруженный враждебными соседями, он стремился «перескочить» через них и установить отношения с неарабскими государствами на Ближнем Востоке, Африке и Азии.

Сравнение политики Израиля в отношении развивающихся стран Азии и Африки в 1950 – 1960 гг. с «периферийной стратегией» 1950 – 1970 гг. и с его нынешней политикой в отношении центральноазиатских мусульманских государств указывает на значительно возросший удельный вес экономической составляющей. В первые годы существования Израиля одним из основных мотивов его сотрудничества с развивающимися странами был политический. Израилю были нужны их голоса в международных организациях. Размеры экономического сотрудничества были незначительными. Предприятия почти не создавались, так как у самого Израиля не было для этого достаточного количества средств. Помимо нехватки финансовых средств на низкий уровень экономического сотрудничества влияло то, что рынки развивающихся стран и Израиля были несбалансированны и не соответствовали друг другу. «Периферийный альянс» с Турцией и Ираном способствовал выживанию Израиля в условиях прямых угроз со стороны армий арабских стран.

Установление контактов между Израилем и центрально-азиатскими государствами проходило совсем по другому сценарию. Отличительной особенностью «новой периферийной стратегии» Израиля применительно к мусульманским государствам Центральной Азии явилась возросшая роль экономической компоненты в лице крупного бизнеса, представители которого появились в регионе в считанные месяцы после распада Советского Союза. Предпринимались попытки проникнуть в стратегические отрасли экономик этих государств: в энергетику, нефте- и газодобывающие отрасли, добычу и переработку природных ресурсов. Первопроходцами в этих направлениях оказались израильские

миллиардеры Ш. Айзенберг, Б. Штейнмец и Й. Мейман. Центрально-азиатский вектор израильской внешней политики не был ещё чётко определён. Потребовавшиеся для этого два десятилетия отрицательно сказались на темпах экономического сотрудничества и судьбе некоторых проектов. Негативную роль сыграла и внутренняя политическая нестабильность в некоторых государствах региона. Не будучи подкреплён политическими решениями, сталкиваясь с многочисленными внутренними трудностями, израильский бизнес стал буксовать. Хотя очень многое ему удалось. Ему удалось закрепиться в экономиках Казахстана и Туркменистана.

Ш. Айзенберг «сделал» большие деньги на поставках израильского оружия Китаю. В Центральной Азии он развернул бурную деятельность в Казахстане и Таджикистане. Важно отметить, что компании Ш. Айзенберга начали работать в центрально-азиатском регионе ещё до установления дипотношений между Израилем и мусульманскими государствами этого региона.

Б. Штейнмец является одним из крупнейших иностранных инвесторов на всём постсоветском пространстве. Основные направления деятельности подконтрольных ему компаний: алмазная промышленность, добыча и переработка природных ресурсов, энергетика, недвижимость. В сферу его интересов входят Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Уже через полгода после распада Советского Союза компании Б. Штейнмеца проявились в регионе, начав со строительства золотодобывающего предприятия в Узбекистане.

Бывший сотрудник «Моссад» президент компании «Мерхав» Й. Мейман занимался крупными нефтегазовыми проектами в Туркменистане и Азербайджане, нефтехимией в Казахстане. Особых успехов компания «Мерхав» добилась в Туркменистане во время правления президента С. Ниязова (1990-2006 гг.). «Мерхав» занималась в Туркменистане реализацией крупных инфраструктурных проектов в сфере энергетики. В течение более десяти лет «Мерхав» являлась одной из самых влиятельных иностранных компаний в этой стране.

Следует отметить, что рынки Израиля и государств Центральной Азии несбалансированны. С экономической точки зрения данные государства представляют интерес для Израиля как объекты для больших инфраструктурных капиталовложений и источники сырья. Наличие у некоторых из них огромных запасов углеводородов и их экспорт приобрели геополитическую значимость.

Долгое время регион находился на задворках экономического прогресса. В государствах региона сохранилась неразработанная сырьевая база. Учитывая ограниченность сырьевых ресурсов в мире и спрос на них, возможность реализации большого числа проектов является весьма привлекательной.

Важным для Израиля фактом является то, что его партнёры по новой периферии не скрывают своего сотрудничества с ним.

Большую роль в налаживании и развитии сотрудничества играют личные контакты и дружеские отношения руководителей мусульманских республик Центральной Азии и Израиля. В подтверждение тезиса можно привести сле-

дующий факт. Из всех центральноазиатских государств наиболее тесные отношения сложились у Израиля с Казахстаном, который представители израильской элиты посещали чаще других республик. В Казахстане побывали бывшие премьер-министры Э. Барак и Э. Ольмерт, дважды посетил действующий премьер-министр Б. Нетаньяху, бывал в нём и президент Ш. Перес. У всех у них сложились дружеские отношения с президентом Н. Назарбаевым. Некоторые из них, например Э. Барак, после завершения политической карьеры ушли в бизнес, связанный с Казахстаном [13].

Попытки перезапустить периферийный вектор внешней политики Израиля, включая его центральноазиатское направление, предпринимались ещё во времена СССР [1]. Об этом говорят некоторые факты тайной дипломатии Израиля. И как во многих случаях установления доверительных отношений первопроходцами выступали израильские бизнесмены из числа отставных и действующих сотрудников спецслужб, военных, бывших и действующих дипломатов, проникавшие в эти страны и строившие в них бизнес, главным образом, на основе личных контактов с представителями элит данных стран.

Значительную роль в проникновении израильского бизнеса на центральноазиатский рынок сыграл бывший заместитель руководителя «Моссад» Дэвид Кимхе. Д. Кимхе имел обширные связи в России и мусульманских республиках ещё до распада Советского Союза. В самом начале 1990-х, являясь уже частным лицом, Д. Кимхе обеспечил выход на истеблишмент мусульманских республик СНГ израильскому миллиардеру Ш. Айзенбергу. При содействии Д. Кимхе Ш. Айзенберг развернул бурную деятельность в Таджикистане, ещё до начала там гражданской войны, и в Казахстане [10]. Он стал первым израильским бизнесменом, появившимся в Центральной Азии. Это было ещё до установления дипотношений между Израилем и странами региона [9].

Со временем отношения Д. Кимхе с Ш. Айзенбергом испортились. Он предложил свои услуги другому израильскому магнату – владельцу компании «Мерхав» Й. Мейману, бывшему высокопоставленному сотруднику «Моссад». Одну из руководящих должностей в компании «Мерхав» занимал Н. Новик, знавший Д. Кимхе по совместной службе в «Моссад».

Во многом благодаря Н. Новику и Д. Кимхе Й. Мейман со временем стал одним из самых влиятельных иностранных бизнесменов в Центрально-Азиатском регионе, в первую очередь, в Туркменистане во времена правления С. Ниязова.

Автор данного исследования был лично знаком с Д. Кимхе и выступал переводчиком на его переговорах в Москве.

В марте 1994 г. газета «Гаарец» опубликовала один из первых обширных материалов, посвящённых деятельности компании «Мерхав» в мусульманских республиках СНГ и её владельцу Й. Мейману. «Три года назад Й. Мейман сосредоточил своё внимание на области сельского хозяйства. Первые связи наладил Д. Кимхе, бывший приближенный Ш. Айзенберга. Ш. Айзенберг с тех пор с ним не разговаривает. Когда Й. Мейман слышит фамилию Айзенберг, он напрягает-

ся. (Далее «Гаарец» цитирует самого Й. Меймана.) «Чтобы не было неясностей, Д. Кимхе работал для кого-то и ушёл. По прошествии года он обратился ко мне через общих знакомых и сказал: «У меня есть просто необыкновенные связи в Казахстане, хочешь подскочить туда?» Это было в начале 1992 г. Его предложение вызвало у меня любопытство, и я ответил, что пошлю группу. Идея Д. Кимхе состояла в том, чтобы повысить в республике урожайность путём изменения способов выращивания. Сезон уже должен был начаться, когда вернулась моя группа и доложила, что времени мало, но если быстро развернуться, можно успеть. Я встретился с премьером, посмотрел сам и сказал, что не прочь рискнуть. Так началось мое казахское приключение» [9].

В публикации отмечалось: «Оборот Й. Меймана в Казахстане составляет 120 млн долл. Урожайность хлопка на его фермах на 60% превзошла казахскую, добавились фермы по выращиванию картошки и помидоров. Почти всё предприятие – израильское: техника, технология, планирование, орошение, управление. Кроме того, Й. Мейман совместно с казахами разрабатывает проекты в смежных отраслях промышленности: переработка помидоров, детское питание, прохладительные напитки, искусственные сладости, строительство и нефтехимия». «Гаарец» подчеркивала: «До того, как в Казахстане появился Й. Мейман, Ш. Айзенберг был там единственным израильтянином» [9].

Автор публикации отмечал: «Молодые республики Центральной Азии притягивают Й. Меймана как магнит. По казахской модели он уже реализует сельскохозяйственные и промышленные проекты в Туркменистане, Узбекистане (30 проектов), внедряет новые методы выращивания скота и дойки в Азербайджане» [9].

Так зарождалось экономическое партнёрство израильтян с южными республиками СНГ, в частности с Казахстаном и Азербайджаном, которые теперь занимают ведущие позиции в мусульманском мире по объёмам товарооборота с Израилем.

Ещё в 1997 г. А. Либерман, занимавший пост генерального директора канцелярии премьер-министра, совершив турне по южной периферии бывшего СССР, призывал Б. Нетаньяху не упустить шанс для распространения израильского влияния в этом регионе. В отчёте для премьер-министра он отмечал: «...Сегодня существуют крупные мусульманские государства, желающие установить связи с Израилем в сфере торговли и безопасности, а также готовые открыто принимать у себя израильских высокопоставленных представителей. Если мы не воспользуемся этими возможностями, то в будущем сильно пожалеем об этом» [7]. А. Либерман предлагал начать оказывать этим государствам массированную помощь в сфере экономики, сельского хозяйства, медицины. Потребовалось целое десятилетие, чтобы политическое руководство Израиля, проанализировав складывающиеся тенденции мирового развития, пришло к выводу о важности центрально-азиатского вектора внешней политики.

В 2000–2008 гг. высокопоставленные представители Израиля редко наведывались в Центральную Азию. Отношения с Узбекистаном переживали кризис. Относительно ровно развивались лишь связи с Казахстаном и Азербайджаном. В них наблюдался крен в сторону энергетики, при заметном отставании других сфер бизнеса и политического диалога.

Центрально-азиатский вектор внешней политики Израиля стал приобретать четкие очертания в 2009 г. после того, как во внешней политике Израиля на постсоветском пространстве возник тандем президента Ш. Переса и министра иностранных дел А. Либермана. Их совместные усилия в этом направлении характеризовались комплексным подходом с точки зрения израильских интересов в СНГ и мусульманском мире. До этого времени государства СНГ и Центральной Азии не рассматривались приоритетными направлениями внешней политики Израиля.

Спустя почти два десятилетия после распада СССР и установления дипломатических отношений с бывшими союзными республиками в МИД Израиля были созданы профильные подразделения, которые начали целенаправленно работать на этих треках. До этого работа со странами СНГ находилась в ведении департамента Центральной Европы и Евразии МИД Израиля. Руководил департаментом П. Авиви. В составе департамента действовали два отдела – Центральной Европы и Евразии.

В середине 2008 г. руководство МИД Израиля приняло решение активизировать связи со странами южной периферии СНГ, включая республики Центральной Азии. Отдел Евразии был поделен на две профильные структуры: Евразия-1, занимающийся республиками европейской части СССР, и Евразия-2, специализирующийся на государствах Центральной Азии и Южного Кавказа. Исполняющим обязанности главы отдела Евразия-2 был назначен Ш. Цур.

В 2008 г. в течение нескольких месяцев сменились почти все аккредитованные в странах СНГ послы Израиля. Поменялись послы во всех пяти центрально-азиатских республиках. В Казахстане и по совместительству в Кыргызстане послом был назначен уроженец Казахстана И. Мей-Ами, в Узбекистане – советник министра иностранных дел Израиля Х. Ньюман. Послом-нерезидентом в Армении, Туркменистане и Таджикистане был назначен Ш. Цур.

С апреля 2008 г. израильские официальные лица зачастили с визитами в Центральную Азию. Вначале директор «Натив» Н. Бен-Ами посетила Узбекистан. Затем в Казахстане побывала парламентская делегация во главе с заместителем председателя Кнессета А. Козном. Одновременно М. Миркин, вице-президент компании «Мерхав», фактически представляющей интересы Иерусалима в Ашхабаде, объявил, что уже трижды встречался с новым лидером Туркменистана Г. Бердымухамедовым. В июне 2008 г. замминистра иностранных дел Израиля М. Вахабе посетил Кыргызстан и Узбекистан. В это же время были запланированы визиты президента Израиля Ш. Переса в Казахстан, Узбекистан и Азербайджан. За всю историю отношений с государствами региона Израиль ещё ни

разу не проявлял к нему столь повышенного интереса. Серия визитов израильтян в центральноазиатские столицы свидетельствовала о целенаправленной активизации политики Израиля в региональном масштабе.

Вступив в должность министра иностранных дел Израиля в 2009 г., А. Либерман зафиксировал приоритетные направления внешней политики Израиля: многовекторная внешняя политика, включая углубление и укрепление отношений со странами СНГ, Россией и центрально-азиатскими государствами, давление на Иран во внешнеполитической плоскости. А. Либерман назвал важнейшей задачей формирование политического диалога с мусульманскими государствами Центрально-Азиатского региона и сосредоточение сил на развитии сотрудничества с ними в сфере торговли, экономики и туризма.

Обозначились приоритеты израильской политики в этом регионе. Они включают три прикаспийские государства: Азербайджан, Туркменистан и Казахстан. Два из них, Азербайджан и Туркменистан, граничат с Ираном. Казахстан является крупнейшим мусульманским государством СНГ. Кроме стратегического расположения, все они представляют интерес для Израиля, так как позволяют ему повысить уровень собственной энергетической безопасности. Азербайджан и Казахстан поставляют почти 90% нефти, потребляемой Израилем.

На центрально-азиатском треке израильтяне стремятся одновременно достичь несколько стратегических целей. Одна из них состоит в том, чтобы найти в мусульманском мире одного или нескольких партнёров, которых можно было бы представить в качестве модели сотрудничества между евреями и мусульманами. Долгое время Турция служила примером того, что возможно существование нормальных взаимоотношений между Израилем и мусульманским государством. В данном контексте альтернативой могут стать Казахстан и Узбекистан. Они уступают Турции по экономическому развитию, но суммарно приближаются к ней по численности населения. Учитывая их место и роль в добыче и транспортировке нефти и газа, они не отстают от Турции в глобальном весе на мировом рынке. Их геополитическое положение и тот факт, что, будучи мусульманскими государствами, они являются светскими и открытыми к сотрудничеству с Израилем, делают их чрезвычайно привлекательными и важными для него.

Значимым является и тот факт, что мусульманскому населению центральноазиатских республик, в целом, несвойственны элементы антисемитизма. Настораживающим и сдерживающим фактором является появление в последнее время в Центральной Азии радикальных исламистских организаций, в том числе прибегающих к террористическим действиям. Появление таких организаций обусловлено, в основном, внутренними причинами. Автор данного исследования разделяет экспертное мнение о том, что «в настоящее время местные исламистские организации, хотя и укрепляют своё влияние на общество, едва ли станут в обозримой перспективе могильщиками светских режимов в Центральной Азии» [3, с. 6]. Значит, они не смогут серьёзно повлиять на становление сотрудничества Израиля с государствами этого региона.

Ещё одной стратегической задачей, способствующей обеспечению безопасности Израиля, является нейтрализация Ирана путём создания вокруг него защитного «пояса безопасности» из умеренных мусульманских государств. Эта задача созвучна американскому плану купирования угроз.

При разработке своей внешнеполитической стратегии Израиль исходит из того, что иранская ядерная угроза – это реальность, и что Израиль является мишенью для Ирана. Нейтрализацию иранской ядерной угрозы Израиль считает важнейшей задачей своей внешней политики. Следует обратить внимание на разность в оценке иранской угрозы в самом Израиле.

Представители политического истеблишмента Израиля на всевозможных встречах и саммитах утверждают, что Израиль – цель номер один для возможной ядерной атаки со стороны Ирана. Израильские военные, руководители спецслужб не так однозначны. Интересно, что сами они отводят дипломатии решающую роль в урегулировании иранской ядерной угрозы. «Для нейтрализации ядерной программы Ирана следует отдавать предпочтение дипломатическим каналам. У России может быть очень важная роль, и необходимо подключить её к этому процессу [8]», – заявил на конференции, организованной в мае 2009 г. Центром иранских исследований Тель-Авивского университета А. Зеэви-Фаркаш, возглавлявший в 2001-2006 гг. военную разведку АМАН. У него «нет уверенности в том, что Израиль – мишень номер один иранской ядерной программы» [8]. А. Зеэви-Фаркаш подчеркнул, что «формирование коалиции с окружающими Иран умеренными суннитскими государствами, которые также остерегаются иранской ядерной угрозы, имеет чрезвычайно важное значение» [8]. На той же конференции заместитель директора вышеупомянутого Центра иранских исследований, бывший сотрудник военной разведки, ирановед У. Раби подчёркивал, что Израиль должен развивать дипломатическую активность со странами, окружающими Иран. В то же время У. Раби отметил, что «для борьбы с иранской угрозой необходимо создавать различные коалиции в регионе» [8].

Для государств Центральной Азии Израиль представляет интерес в политическом плане как государство, позиционирующее себя как единственная реальная демократия ближневосточного региона, имеющая отлаженные связи с Западом. Экономический интерес к Израилю со стороны центральноазиатских государств, как уже отмечено, определяется наличием у него серьёзных и неоспоримых достижений в сферах экономики, которые имеют для них первостепенное значение. Следует учитывать наличие в Израиле еврейских общин выходцев из центральноазиатских государств, сохраняющих связи со странами исхода.

Весьма важным является факт восприятия Израиля лидерами постсоветских государств. Чрезмерное внимание к Израилю со стороны СМИ бывшего СССР, создали иллюзию его огромной важности, его влияния на мировые процессы. Тесные связи с США ещё более усиливали такое восприятие. Израиль

представлялся частью западного мира. Неслучайно поэтому лидеры центральноазиатских государств, например, Узбекистана и Туркменистана, обращались к Израилю с просьбами о посредничестве в налаживании отношений с США.

В регионе Центральной Азии активно действуют четыре крупных игрока – Россия, США, Китай и Евросоюз. Этот же регион считают зоной своих интересов менее крупные, но не менее важные игроки. В Центральной Азии Израиль столкнулся с конкуренцией со стороны Турции, Ирана и монархий Персидского залива.

Позиции России в этом регионе недостаточно сильны и уступают американскому влиянию. Политический вакуум не может существовать долго, он притягивает к себе ведущих игроков на политической арене. И Израиль среди них, подыгрывая в чём-то американцам, ведёт свою игру. Представляется, что для израильтян здесь почти идеально экономические интересы совпадают с политическими.

Появление на карте мира новой геополитической реальности в лице молодых центральноазиатских мусульманских государств – бывших республик СССР, образование определённого политического вакуума на значительной части территории Азии, глобальные мировые политические процессы, приведшие к необратимым изменениям, как во всём мире, так и в его арабо-мусульманской части, угрозы со стороны радикального ислама, смещение центра мировой политической и экономической активности в Азию – все эти факторы повлияли на появление «новой периферийной стратегии» Израиля и актуализацию её центрально-азиатского вектора.

«Новая периферийная стратегия» Израиля носит комплексный характер. Она направлена на широкий круг государств, включая мусульманские неарабские государства Центральной Азии. Стратегия призвана обеспечить безопасность и экономические интересы Израиля в долгосрочной перспективе с учётом тенденций в мировой политике.

Гораздо более важную роль в «новой периферийной стратегии», по сравнению с её предшественницей, играет экономическая компонента.

Стратегия может быть успешной при условии прозападной ориентации лидеров стран–партнёров Израиля.

Список литературы

1. Баучек К. Политика Израиля в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №4. С. 76-89.
2. Гантман И. Израиль третий на рынке вооружений бывшего СССР - ключевые игроки // IZRUS, 21.10.2011. Режим доступа: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2011-10-21/15875.html> (дата обращения: 15.11.2016).
3. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 207 с.
4. Звягельская И.Д. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.
5. Израиль стал для Индии поставщиком военной техники № 1 // MIGNEWS.com, 08.11.2009. URL: mignews.com/news/politic/world/081109_155347_93065.html (дата обращения: 19.11.2016).

6. Месамед В.И. Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность. М.: Институт Ближнего Востока, 2012. 240 с.
7. Фальков М. Кнессет взялся за «советских» мусульман // IZRUS, 17.06.2008. URL: <http://izrus.co.il/article/1015.html> (дата обращения: 16.11.2016).
8. Фальков М. Экс-глава военной разведки: Россию нужно подключить к нейтрализации Ирана // IZRUS, 03.05.2009. URL: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-05-03/4458.html> (дата обращения: 19.11.2016).
9. Фальков М. Умер ас шпионажа, открывший Израилю мусульман СНГ // IZRUS, 10.03.2010. URL: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-03-10/8969.html> (дата обращения: 19.11.2016).
10. Халеви Э. Бывший шеф разведки: Моссад никогда не устраивал государственных переворотов // IZRUS, 07.04.2011. URL: http://dev.izrus.co.il/obshie_novosti/news/2011-04-07/35724.html (дата обращения: 09.09.2016).
11. Шгайнмайер пояснил, почему Средняя Азия важна для Германии // REGNUM, 30.03.2016. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2107924.html> (дата обращения: 26.11.2016).
12. Abadi J. Israel's Quest for Recognition and Acceptance in Asia: Garrison State Diplomacy. London: Frank Cass, 2004. 504 p.
13. [Эхуд Барак встретился с президентом Казахстана в его дворце]. URL: <http://news.walla.co.il/item/2722835> (дата обращения: 21.01.2017).
14. רחא לארשי לש יאשחא שופיחה. החדוד הנדמ. תפלא יסוי. רמט, 2015, מ'ע 132 [Альфер Й. Одинокая страна. Тайный поиск Израилем союзников в регионе. Матар, 2015. с. 132.]
15. צרא דה, שארב שאר, תימע ריאמ 165 'מע, 1999 [Амит М. Абсолютно точно. Ор Йехуда: Гед арци, 1999, с.165]
16. וטסחוקבו ו'גיברחאב והינתנ מ"הר הוקיב [Визит премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Азербайджан и Казахстан]. URL: <http://www.netanyahu.org.il> (дата обращения: 21.01.2017)
17. Bishku M.B. The Relations of the Central Asian Republics of Kazakhstan and Uzbekistan with Israel // Middle Eastern Studies. Vol. 48. No. 6. P. 927.
18. סוארטשנדניל הילנו יקסנ'זוג לאוי, זמואל ווחטיב ירקחמל וזכמה? תילארשיה יוחה תוינדמב, 2 ויליג, 15 ררב, גטרסטסא וכדע, 2012 ילי, 2 [Гужански Й, Линденштраус Г. Возрождение концепта «периферия» во внешней политике Израиля? // Стратегический вестник. 2012. Т. 15. № 2. Тель-Авив: Институт исследования проблем национальной безопасности].
19. Pipes D. The Event of Our Era: Former Soviet Muslim Republics Change the Middle East // Central Asia and the World: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan / ed. by M. Mandelbaum. New York, 1994, 83 p.

Об авторе:

Юрий Ильич Костенко – доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: kostenko_jouri56@mail.ru.

“NEW PERIPHERY STRATEGY” OF ISRAEL

Y.I. Kostenko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-101-118

Moscow State Institute of International Relations (University)

Israel's strategy of the “periphery Doctrine” served as a way to enhance security and economic ties and reduce isolation. Following the deterioration of the regional situation Israel

had begun to consolidate new relations with peripheral nations. The post-Arab Spring regional order has largely transformed the Central Asia-Israel potential partnership. New regional order has jeopardized Israel's geostrategic balance, and so that country is looking to deepen alliances in the Muslim world. Central Asian states can fill that role. The basis for this partnership is the understanding by the involved parties that they share certain security and economic interests that can provide benefits. The relationships between Israel and Central Asian countries are long-established and cordial in the political, economic and strategic realms, and based on shared views of world order and intense person-to-person relations. All of the Central Asian governments cultivated their secular traditions and stepped up their anti-Islamic stance for fear of the development of domestic, Islamic-oriented opposition. Islam has no specific legal status in any of the five states in the region, and the fight against alleged Islamic extremism has become a mainstay of domestic and foreign policies.

This article surveys the constellation of bilateral ties that has formed between Israel and the Muslim states of Central Asia and draws a comparison to Israel's previous relations with peripheral countries Turkey and Iran.

Person-to-person relations between Israel and Central Asia are probably Tel-Aviv's leading means of influence in the region. Israeli investments have strengthened the political partnership.

Key words: Central Asian states, regional orientation, "new periphery strategy", potential allies of Israel, Israel's new allies in the Muslim world, Israel's image, Israeli cooperation with Central Asia.

References

1. Bauchek K. Politika Izrailia v T'Sentral'noi Azii [Israel Policy in Central Asia]. *Central Asia and Caucasus*, 2004, no.4, pp.76-89. (In Russian).
2. Gantman I. Izrail' tretii na rynke vooruzhenii byvshego SSSR - kliuchevye igroki [Gantman Israel third in the arms market of the former Soviet Union - the key players]. *IZRUS*, 21.10.2011. Available at: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2011-10-21/15875.html> (Accessed: 15.11.2016). (In Russian).
3. Zviagel'skaia I.D. *Blizhnevostochnyi klinch. Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [Middle East clinch. Conflicts in the Middle East and Russia policy]. Moscow, Aspect Press Publ., 2014. 207 p. (In Russian).
4. Zviagel'skaia I.D. *Istoriia Gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 360 p. (In Russian).
5. Izrail' stal dlia Indii postavshchikom voennoi tekhniki no. 1 [Israel has become a supplier to India's military hardware no. 1]. *MIGNEWS.com*, 08.11.2009. Available at: mignews.com/news/politic/world/081109_155347_93065.html (Accessed: 19.11.2016). (In Russian).
6. Mesamed V.I. *Izrail' v T'Sentral'noi Azii: grezy i real'nost'*. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2012. 240 p. (In Russian).
7. Fal'kov M. Knesset vziatsia za sovetskikh musul'man. *IZRUS*, 17.06.2008. Available at: <http://izrus.co.il/article/1015.html> (Accessed: 16.11.2016). (In Russian).
8. Fal'kov M. Èks-glava voennoi razvedki: Rossiiu nuzhno podkliuchit' k neitralizatsii Irana. *IZRUS*, 03.05.2009. Available at: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-05-03/> (Accessed: 19.11.2016). (In Russian).
9. Fal'kov M. Umer as shpionazha, otkryvshii Izrailiu musul'man SNG. *IZRUS*, 10.03.2010. Available at: <http://izrus.co.il/history/article/2010-03-10/> (Accessed: 19.11.2016). (In Russian)
10. Khalevi È. Byvshii shef razvedki: Mossad nikogda ne ustraival gosudarstvennykh perevorotov. *IZRUS*, 07.04.2011. Available at: http://izrus.co.il/obshie_novosti/news/2011-04-07/ (Accessed: 09.09.2016). (In Russian).
11. Shtainmaier poiasnil, pochemu Sredniaia Aziia vazhna dlia Germanii. *REGNUM*, 30.03.2016. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/2107924.html> (Accessed:

- 26.11.2016) (in Russian)
12. Abadi J. *Israel's Quest for Recognition and Acceptance in Asia: Garrison State Diplomacy*. London, Frank Cass Publ., 2004. 504 p.
 13. *Ahevd berq neqgesh 'em nesheya qezhesten baremvenv* [Ehud Barak met with the President of Kazakhstan in his palace]. Available at: <http://news.walla.co.il/item/2722835> (Accessed: 21.01.2017). (In Hebrew).
 14. Yevsey alepr. *medyenh bevdedh. hhepevsh hsheshay shel yesheral aher belevt beryet bazevr*. metr, 2015, 'em' 132 [Alpher J. Lonely country. Secret Israel find allies in the region. Matar, 2015. 132 p.]. (In Hebrew).
 15. 'Em' 165 mayer 'emeyt, *rash berash, hed aretsey*, 1999 [Amit M. Abesoluteley. Or Yehuda: Ged Aretzi, 1999, 165 p.]. (In Hebrew).
 16. *beyqevr rh"m netneyhev bazerbeyyeg'n vebqezhesten* [The visit of Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu in Azerbaijan and Kazakhstan]. Available at: <http://www.netanyahu.org.il> (Accessed: 24.12.2016) (in Hebrew).
 17. Bishku M.B. The Relations of the Central Asian Republics of Kazakhstan and Uzbekistan with Israel. *Middle Eastern Studies*, vol. 48, no. 6, p. 927.
 18. *Yeval gevz'nesqey vegleyh leynedneshet-raves. theyyet qevnespet hepreyperyeyh bemdeynevyet hhevtes heysheraley? hemkevn lemheqrey beythevn lavemy, 'edekn asetretgey, kerk 15, geyleyven 2, yevley 2012* [Guzhanski NY, Lindenstrauss G. Revival of the concept "periphery" in the foreign policy of Israel? *Strategic Gazette*, vol. 15, no. 2, July 2012. Tel Aviv, Institute for the Study of National Security.].
 19. Pipes D. The Event of Our Era: Former Soviet Muslim Republics Change the Middle East. *Central Asia and the World: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan*. Ed. by M. Mandelbaum. New York, 1994, 83 p.

About the author:

Yury I. Kostenko – Associate Professor, Department of Middle East Languages of the Moscow State Institute of International Relations (University). 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: kostenko_jouri56@mail.ru.

«ТАНЦУЮЩИЕ» КУПЦЫ ВНЕ ИМПЕРИЙ НА ШЁЛКОВОМ ПУТИ

Н.Т. Нурулла-Ходжаева
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-119-139

Институт Востоковедения РАН

*Слышны они отовсюду
И арабский, и римский, а также персидский,
Согдийский, китайский, и пехлеви¹.
Фирдоуси (935–1020 гг.)*

В представленной статье речь идёт о согдийцах («купцах вне империй»). Это центральноазиатский народ, живший приблизительно с VI в. до н.э. до почти середины средних веков, и затем «развеявшийся» на просторах Хорасана. На протяжении своей истории согдийцы оставались одними из основных торговых посредников на Шёлковом пути, поэтому большинство современных исследователей признают синонимами «наземный Шёлковый путь» и «согдийскую торговую сеть». Такая аналогия объясняется склонностью согдийцев не только к освоению новых товаров, но и к распространению в собственной интерпретации новых, преимущественно привнесённых извне идей. Это особенно заметно в отношениях с китайцами, включая период правления династии Тан (618–907), т.е. «золотого века» в истории Китая.

В настоящей работе впервые в отечественной историографии согдийцы представлены как народ, которому удалось повлиять на евразийскую культурную динамику, введя в отношения с близкими и далекими соседями принцип детерриторизации.

Отчасти под влиянием согдийцев суфийские философы (Аль Газали, Ибн Араби) выдвинули нелинейные интерпретации феномена посредничества. Однако современность вносит свои коррективы. Большинство современных историков стран Центральной Азии склонны игнорировать вклад в «свою» историю «чужих», будь то посредников или соседей. По мнению автора статьи, обращение к интеллектуальному наследию согдийцев (и тех, кто был задействован в превращении региона в перекрёсток культур) открыло бы возможность развития интеллектуального плюрализма для каждой из республик и позволило бы ускорить креативную модернизацию региона в целом.

Ключевые слова: согдийцы, Согд, Китай, суфизм, Аль Газали, Ибн Араби, Шёлковый путь, Центральная Азия, династия Тан, Аббасиды, Самарканд, Бухара.

УДК 94

Поступила в редакцию 11.11.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

¹ Здесь и ниже стихотворные переводы автора.

Границы «перекрёстка цивилизаций», каким всегда была Центральная Азия (далее ЦА), оставались отчасти мобильными почти до XVI в. Такой режим способствовал сохранению циркуляции населения, и интенсивному обмену идеями/товарами. Народы этого перекрёстка часто представлялись как посредники [64; 307] в передаче и умножении идей. Одними из первых, такую платформу для посредничества (коммерческого, интеллектуального, культурного) в регионе спроектировали согдийцы.

В представленной статье предпринята попытка рассмотреть вклад Центральной Азии в мировую историю через согдийское наследие. Работа состоит из трёх частей:

- согдийская культура в Центральной Азии через суфийскую призму;
- согдийский «вклад» в историю региона;
- «Революционирующие» купцы Согда.

Согдийцы смогли выстроить свою историю/культуру на посредничестве, без ущерба для «другого», не теряя своего «универсума» на протяжении почти десяти веков. В этой статье я предлагаю обсудить согдийское наследие в менее привычных рамках. Акцент на согдийцах не означает желание соорудить пьедестал исторического почёта для них.

Сложившаяся в ЦА ситуация всё глубже утверждает зависимость между государствами, народами и индивидами. Возникает необходимость инициировать альтернативный вариант дискурса, основанного на вполне понимаемой идее: в любом человеческом сообществе необходимо уметь сосуществовать. Сосуществование в таком полиэтническом контексте как ЦА делает обязательным уважение к соседям, далёким и близким.

Смею надеяться, что краткий экскурс по согдийской истории, позволит снять налёт субалтернизации с системы исторических знаний, связанный с желанием исследователей подогнать историю народов к определённым дисциплинарным/национальным стандартам. Это позволит задуматься о совете Дж. Руми, говорившего о гетерогенности *другого*, когда поиски «себя» идут через «тебя». Возможно так, мы сможем приблизиться к философии всеобщего, заметив «другого» в своей культуре.

Согдийская культура посредничества в ЦА через суфийскую призму

Для ЦА характерным на протяжении истории оставалась межкультурная взаимосвязь (внутри и вне региона). Блокирование диалога внутри региона лежит всецело на перманентной европоцентристской зависимости «между текстом и контекстом» [49, с. 538]. С этой точки зрения высвечиваются два подхода к изучению региона:

1. С подачи Х. Маккиндера [31] ЦА рассматривается как регион кочующих племен. При этом отодвигается в тень тот факт, что здесь на основе синтеза осёд-

лых народов и кочевников издревле возник огромный, ныне отчасти мифологизированный Шёлковый путь.

2. Исследователям сложно предположить, что сама концепция «нациостроительства» – это всего лишь «идеологическое алиби территориального государства» [45, с. 796].

С подачи большевиков центральноазиатский регион был разделён на национальные республики, и поэтому сегодня в порядке вещей эмоциональные споры о принадлежности давних предков, включая согдийцев, бактрийцев и т.д., не говоря уже о национальности отдельных личностей. Возможно, некоторым «спорщикам» полезно вспомнить совет суфия Хайдара Амули (1320–1380) «развивать зрение, чтобы видеть саму реальность чернил во всех буквах, а затем видеть буквы как многообразную сущность чернил» [44, с. 404]. Иными словами, тем, кто верит в национальный миф, нужно научиться расшифровывать засекреченный реальный образ под пластами условностей, которые современные историки зачастую создают по идеологическому заказу. История согдийцев не принадлежит исключительно таджикам или узбекам. Она принадлежит всем, кто считает себя связанным с этим регионом, вне зависимости от современной национальной принадлежности.

Согдийцы, жившие в Центральной Азии между VI в. до н.э. до середины средних веков, едва ли не первыми использовали во благо географическое положение региона. Это был один из многочисленных ираноязычных этносов Согдианы (тадж. Суғд, узб. Sogd); ныне это часть территории Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Этот народ (наряду с другими), удержавшись на границе огромного кочевого мира, сумел повлиять на становление евразийской динамики, сохраняя в отношениях с близкими и далёкими соседями принцип детерриторизации [36].

Парадокс заключается в том, что схожий принцип открытости действовал и при построении евразийских империй (Китая, Персии, Аббасидов, Византии, Монголов). Именно поэтому исследователи выдвигают понятие «универсальной» империи как «иерархической концепции правителей и государственности» [85; 11]. В ней внутренний миропорядок закладывался на основе «братства», причём речь не шла о равенстве (или единообразии) [85; 47] (яркий пример тому – титул персидского императора «царь царей», *шахиншах*). Император возвышался над этнической и религиозной мозаикой, одновременно поощряя имбрикацию категорий «культура», «религия», «власть».

Согдийские коммерческие сети логично вписывались в такое переплетение.

Согдийские купцы приняли ислам ещё до завоевания ЦА мусульманами в VII в. – сразу после того, как арабы взяли под контроль земли, связывающие Средиземноморье с ЦА. Желая сохранить свои торговые привилегии, они стали первыми в регионе мусульманами. Следует понимать, что ранний ислам формировался как универсальная идентичность: религиозная, социально-политическая, коммерческая (разумеется, с оговоркой об относительности древних «универ-

сализмов») [85, с. 151]. На фундаменте универсализма закладывались и первые суфийские общины. Кроме того, суфии нередко путешествовали в составе торговых караванов, распространяя своё мистическое учение и практики. Вероятно, именно от согдийцев феномен посредничества, в синтезе с особым значением триадного комплекса древних восточных этико-религиозных систем, высветился в суфийской философии.

Великий суфий Ал Газали о своей концепции трёх миров писал, что её «основной особенностью ... представляется противопоставление двух миров и посредническая (выделено нами – Н.Х), связующая роль третьего» [3, 60]. И далее: «идея посредничества призвана разрешить противоречие, возводящее непреодолимую преграду между двумя началами в мире и в человеке» [61].

Такая идея воплощается в понятии *дахлез* [61] (или мир посредника – *джабарут* [3; 61]), т.е. в соединении внутреннего и внешнего миров как места «действий двух вторжений: *извне и вовнутрь*» [61]. На таджикском, фарси и на арабском языках *дахлез* – это парадная часть дома, соединяющая внутренние покои с улицей, т.е. с внешним миром. О синтезе двух сфер, абсолютного бытия и абсолютного небытия, соединяемых «перешейком» – *барзак* (*барзах*), писал также философ Ибн Араби [54; 87].

Названные мыслители, жившие в разных частях огромного исламского мира, одинаково стремились через преодоление разного рода барьеров и противоречий проложить курс к конструктивному взаимодействию, основанному на преемственности между людьми, поколениями и культурами. В Бартольд писал, что в селении Кушании на Зеравшане (к западу от Самарканда) было здание, на одной из стен которого были изображены китайские императоры, на другой — турецкие ханы и индийские брахманы, на третьей — персидские цари и римские императоры [8, 216]. Так согдийцы мастерски проиллюстрировали, как они сохраняли себя, давая одновременно пространство *другому*.

Согдийский вклад в историю ЦА

До монгольского завоевания XIII в. Центральная Азия была заселена преимущественно ираноязычными народностями [23, 261]. И согдийцы были в их числе. Впервые о них, их торговой сети и государстве Согдиана упоминается в Бехистунской надписи Дария I.

К территории Согда относят всю долину Зеравшана, с Бухарой и Самаркандом, а также долину Кашкадарьи с городами Кеш и Несеф (древнее название) [10, с. 487–488]. Некоторые княжества не входили в Согд, однако их население было согдийским, например, Уструшана (сегодняшний Истравшан, Таджикистан) [32]. Эксперты высказывают также иные мнения относительно географии Согда [2].

Шёлковый путь идентифицировать не менее сложно. Принято выделять два ключевых направления: северное и южное. Северный путь шёл от Аральского моря к устью Дона (земли сарматов), далее через Волгу к Уралу и к Европе. Юж-

ный путь, имевший многочисленные ответвления, вёл из Сианя в Дуньхуан, затем часть караванов шла в Фергану через Турфан; другая часть направлялась в обход пустыни Такла-Макан в согдийские города, а оттуда или на Ближний Восток [84, 18]. В обоих «южных» маршрутах караваны пересекали Среднюю Азию, и вели их в основном согдийцы [23, 64]. На трассе от Семиречья до Внутреннего Китая в V–VI вв. также главенствовали согдийцы со своими тюркскими союзниками [156].

По данным археологов, торговые связи согдийцев с Китаем ведут отсчёт примерно со II в. до н. э. [7, 343]. Тогда же в связи с оттоком населения из-за вторжения Александра Македонского возникли первые согдийские колонии в приграничных районах Китая.

Известно, что в караване знаменитого первооткрывателя Шёлкового пути Чжан Цяня (張騫, ум. в 114 г. до н.э.), отправленного в ЦА, было около 200–300 человек, и что император «каждому дал по 2 лошади, быков и баранов счётом 10 000. Нагрузил золотом, деньгами и шёлковыми тканями стоимостью в несколько тысяч, даже больше 10 000» [26]. Это путешествие положило начало конкуренции между «сыновьями из бедных семей» за участие в торговых миссиях на Запад [90]. Но в тот период китайцам не удалось вытеснить с торговых путей согдийцев.

Так же издревле и активно согдийцы торговали с Индией. До нас дошли граффити, которые они оставляли на скалах и в пещерах по пути в Индию, в верхних истоках Инда [72, 149]. Расшифрованная часть этих записей позволяет историкам делать вывод об интенсивной торговой циркуляции между ЦА, Китаем и Индией во II–V вв. н.э.

Приблизительно к тому же периоду относится уникальная коллекция документов из Дуньхуана (включая знаменитые Согдийские письма) [50, 19]. В одном из домов Афрасиаба обнаружена фреска с изображением подношения согдийскому царю даров и свитка послами китайского императора [4]. К тому же времени относится архив из крепости на горе Муг (в 120 км к востоку от Самарканда) [15].

Такого рода находок было бы в ЦА значительно больше, если бы не высокий уровень кислотности почвы, препятствующий сохранению бумаги и пергамента. Поэтому невероятно важны свидетельства о согдийцах их соседей, китайцев и византийцев [87]. Китайская хроника IX в. описывала согдийцев как успешных купцов, которые устремлялись туда, «где намечалась выгода» [58].

Согдийские общины, колонии и купеческие гильдии возникали на всём протяжении южного Шёлкового пути, от Крыма до Маньчжурии [53; 102]. К IV в. многочисленные согдийские торговые диаспоры возникли в Китае, преимущественно в северных провинциях Ганьсу и Нинся, в городах Дуньхуан и Янчжоу, и в политических центрах империй Чанъань (современный Сиань) и Лоян [87]. Печальное доказательство многочисленности согдийской диаспоры в Китае – это документ, свидетельствующий, что во время восстания солдат в

Лояне в 760 г. (восстание Ан Лушаня) было убито несколько тысяч согдийских купцов [78; 18].

Согласно В.В. Бартольд, по роли в торговле согдийцев можно уподобить финикийцам [9, 276]. По словам Франца Грене, именно согдийский приток стал основным фактором культурной истории Китая в V–VIII вв. [62]. Такой вывод основан на растущем объёме археологических находок. Об этом детально пишет Э. Вессьер в недавно опубликованной монографии «История согдийских купцов» [86]. Согдийцы были известны не только как торговцы, но и как «переводчики, скотоводы, ремесленники, а также те, кто умножал и транспортировал идеи» [46].

Символом имперского могущества Китая были знаменитые «небесные кони» из Центральной Азии. Около VIII в. именно кони были основной статьёй поставок согдийцев в Китай [74; с. 331]. Согдийцы разводили и продавали их на границе империи, в южном Ордосе (север Шаньси). Масштаб торговли был столь велик, что в 679 г. в этой местности были учреждены «шесть согдийских округов» («шесть округов ху») [74; с. 317]. С.Г. Кляшторный ссылается на сообщение летописи о том, что «главы согдийцев за успешную поставку лошадей по китайскому правительственному заказу в 714 г. были награждены почётными титулами» [25]. В 718 г. согдийцы прислали в дар императорскому двору кольчугу. Она была принята в качестве образца для китайской армии [18].

Известно также, что согдийцы были хорошими дипломатами. Перехватив инициативу у парфян и бактрийцев, в V–VI вв. при поддержке тюркских племён согдийцы начали участвовать в политических играх империй. Это качество особенно ярко обнаружилось в эпоху первого Тюркского каганата – империи, объединившей евразийские земли. Будучи в 576 г. завоёванными этой империей, согдийцы сумели оставить за собой льготы [39], предлагая быть посредниками в решении политических споров. «К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени – Византии, сасанидского Ирана, Китая – и ведёт борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья» [23, 61]. Считается, что дипломаты, в 567 г. заключившие военное соглашение Византии и Каганата против персов, были согдийцами [23, 65].

Приблизительно в то же время в источниках появляется термин «тюрк». «Согдийцы передавали его как турк (мн.ч. туркут) — «тюрки». Последнюю форму заимствовали китайцы (туцзюе-тюркют), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма» [23, 61]. Творческий, военный и коммерческий симбиоз согдийцев и тюрков отражался во многих начинаниях.

Престиж и благосостояние согдийцев особенно выросли в Китае в эпоху династии Тан. Не случайно на обложку монографии «Космополитизм династии Тан» [88] помещена фотография керамической статуэтки согдийского вино торговца. Автор монографии доказывает, что эта статуэтка, как и несколько аналогичных произведений искусства, относится к раннему периоду династии Тан и

изображает этнических согдийцев. Согдийцев изображали с вьющимися волосами, густой бородой, крупным носом и глубоко посаженными глазами [88].

Образ согдийца дополняют восхитительные терракотовые статуэтки танцовщиков и танцовщиц из коллекций лучших музеев мира [65]. Техническая утонченность согдийского танца вписывалась в высокий уровень искусства и танца династии Тан. Согдийских танцовщиков приветствовали и во дворцах императоров, и на городских площадях.

Среди знати популярностью пользовались и войлочные юрты, в которых звучала согдийская музыка, танцы, и было вино (тоже согдийское). В обеих столицах империи, Чанъань и Лоян, поэты посвящали оды согдийской Терпсихоре. Согдийцев в Китае чаще всего называли Ху (胡人). В летописях Тан зафиксировано: «Еда аристократов была Ху, их музыка была музыкой Ху, и их женщины предпочитали одеваться в дорогие экзотические одеяния Ху» [83]. Японский путешественник писал, что столица Тан Чанъань «раскрашена красками Ху» [83].

В китайских источниках перед именем иностранца было принято указывать место, откуда он приехал в Поднебесную. Перед именами согдийцев по числу городов-государств Согда ставился один из девяти иероглифов, но особенно распространены были: Кан (Самарканд), Ань (Бухара), Ши (Чач), Ши (Кеш – иной иероглиф), Ми (Маймург), Цао (Кабудан), Хэ (Кушания) [25].

Из Китая согдийские купцы везли не только ткани, но также ковры, парфюмерию, мускус, рисовое вино, камфару, лекарства и другие товары [64]. Влияние китайской материальной культуры на земледельческие оазисы центральноазиатского региона происходило не только путём взаимного товарообмена; оно было многовекторным. «Для земледельческих оазисов Средней Азии прежде всего назовём внедрение шелководства и шелкоткачества (Согд); технологий выплавки железа (Фергана) и изготовления бумаги; культивирование риса, персиков, абрикосов, корицы.... Усвоение лучшего в культуре других стран, в частности достижений китайской цивилизации, стало одним из факторов развития культур народов Средней Азии» [7; с. 342]. В таких связях отчётливо прорисовывался феномен посредничества.

Разумеется, в списке коммерческих интересов согдийцев особое место занимал шёлк. Немецкий географ Ф. Рихтгофен справедливо назвал огромный «транснациональный» торговый путь из Китая Шёлковым (в 1877 г.). Согдийцы отчасти реформировали отношение китайцев к шёлку: они перенесли шёлк из сферы дипломатии в мир коммерции, которая всегда активнее внедряет модификации в технологические процессы. Известно, что со времён легендарного «жёлтого императора» Хуан-Ди (около 2600 г. до н.э.) в Китае хранили секрет производства шёлка, и неукоснительно соблюдался имперский запрет на вывоз шелкопряда. Во второй половине I в. монополия начала рушиться. Технология производства шёлка достигла Хотана (на юго-востоке современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая), а оттуда проникла в ЦА. Ткани, обнаруженные среди прочего на горе Муг, были как импортными (китайскими), так и местного про-

изводства [22, 14]. Позднее согдийцы научились ткать шёлковые гобелены *кэсы*, в которых в качестве челнока использовалась игла [71, 13]). Такой гобелен очень ценили и использовали, главным образом, на книжные обложки [30, 97].

Самым востребованным видом среднеазиатского шёлка считалась согдийская красно-белая и зелёная парча *занданечи*, которую изготавливали недалеко от Бухары, в местечке Зандан [12]. Такой тканью украшали как европейские храмы, так и буддийские пещеры Могао недалеко от Дуньхуана [89, 83]. Хубилай, основоположник династии Юань, также ценил согдийские шелка. Утвердив своей столицей Даду (сегодняшний Пекин), он приказал привезти бухарских ткачей для производства *занданечи* [89, 123].

Многие полезные инициативы согдийцев возникали и реализовывались благодаря городской культуре. Этот народ основал многие города, такие как Самарканд, Бухара, Ташкент (Чач Ыаъ), Суяб (руины этого древнего города находятся в 6 км к юго-западу от Токмака, Киргизия), Невакет (развалины города находятся в 30 км от Бишкека, Киргизия) и т.д. Все они возникли на основе согдийской общины *наф*. О таких общинах писал Б. Гафуров: «Эти агнатические группы имели, по-видимому, коллективную собственность на пахотную землю, пастбища и другое имущество, причём входившие в группу лица были связаны солидарностью и порукой» [18]. Посредничеству согдийцы учились в общинах с детства, с 5 лет. Достигнув 20-летнего возраста, большинство юношей начинали заниматься торговлей.

Согдийцы были восприимчивы к различным религиозным течениям. Среди них были зороастрийцы, буддисты, манихейцы, несториане, иудеи, мусульмане, язычники и т.д. [11]. Всё это, в синтезе с коммерческим духом, стимулировало активное религиозное миссионерство. Есть предположение, что именно благодаря согдийским купцам перечисленные выше религии распространялись вдоль Шёлкового пути [60]. При этом особая роль принадлежала буддийским институтам. Например, самый почитаемый патриарх буддийской школы Хуайян 華嚴 (Гирлянда цветов) Фазанг 法藏 (643–712) был внуком иммигрантов из Согда [38] (или, возможно, из Хорезма) [38]. Правомерно считать, что «буддийская эпоха» длилась в ЦА с IV по VIII вв. Тогда эта религия связала культурным единством весь азиатский континент, за исключением Сибири и Ближнего Востока [76; с. 147]. Особую роль в расширении буддийских учений играл шёлк. Его использовали в буддийских церемониях, что стимулировало торговлю и одновременно облегчало распространение буддизма [60].

В IV–V вв. часть согдийцев перешли к манихейскому и несторианскому течениям христианства; от них переняли это учение жители некоторых частей китаянской империи, а также некоторые тюркские племена.

Революционирующие купцы Согда

Определение «революционирующие» мы относим к согдийским купцам в VIII в. Кристофер Беквит описал это столетие следующим образом: «В сере-

дине VIII в. ... мир пережил фундаментальные изменения, обычно связанные с успешными политическими династиями и восстаниями ... Каролингов, Аббасидов, уйгурских тюрок и антитанское восстание, каждое из этих событий определяется как основное в национальной истории» [47, с. 192]. Эти события повлияли на ход истории центре Евразии и отчасти всего мира, причём в трёх последних союдаицы сыграли заметную роль.

Ниже мы анализируем два из них: восстание 742 г., свергнувшее династию Омейядов, и мятеж 755 г., ознаменовавший закат империи Тан. Наш анализ нацелен на выявление некоторых парадоксальных закономерностей на основе известных исторических фактов.

Прежде всего, поражает скорость, с которой регион восстановился после первого этапа арабского нашествия (710–712 гг.) и готовность народов к участию в военных действиях за пределами собственной земли.

Предполагаю, что такая «внешняя» направленность подводит к «внутреннему» снижению значимости согдийской культуры в регионе, и именно с того времени согдийцы начинают постепенно растворяться на просторах Хорасана. Абу Райхан Бируни (973–1048) упоминал о встречах с людьми, которые умели читать по-согдийски; вероятно, он сам знал согдийскую письменность, так как несколько раз ссылался в своих работах на согдийцев [79]. Махмуд Кашгарский (1028 или 1029 –?) дал ценную информацию об ассимиляции согдийцев, сообщив, что часть народа перенимает «одежду и нравы тюрок» [25], другая часть переходит с согдийского языка на *дари*.

Однако «заключительным аккордом» согдийцы, вместе со всеми народами региона, представили ещё один парадокс: «расшатыванием» двух империй они словно добились льгот по созданию собственных государств: так возникли Тахириды (821–873) и Саманиды (819–999).

В 751 г., в период между упомянутыми выше восстаниями, состоялось Таласское сражение (иначе Атлахская битва, на территории нынешнего Манасского района Киргизии) – единственное в истории столкновение арабской и китайской армий. Победа досталась военной коалиции арабов, тюрок и согдийцев под командованием Зияда ибн Салиха [14, с. 133]. Эта битва была знаменательна не столько масштабом, сколько последствиями для региона, новой династии Аббасидов и всего мира:

- Во-первых, в результате этого столкновения мир получил бумагу. Как известно, бумага – это китайское изобретение. Однако доступной (именно массовой) бумага стала благодаря согдийским мастерам Самарканда, которые усовершенствовали технологии, полученные после Таласского боя у военнопленных китайцев, оказавшихся мастерами по изготовлению бумаги [80, с. 171].

С того времени благодаря самаркандской бумаге идеи начали фиксироваться огромным потоком. Согдийское «ноу-хау» передалось в крупные города Аббасидов (750–1258 гг.), и на такой «бумажной» основе возник Центр науки исламского мира: Дом мудрости (*Баит-ал-Хикма* и позднее *Дар-ал-Хикма*) в

Багдаде [33]. Книжные базары и лавки стали привычной деталью городского пейзажа Востока. В X в. под патронажем элиты была создана сеть библиотек. Я предполагаю, что знаменитая плеяда мудрецов Центральной Азии также воспитывалась на «согдийской» бумаге.

- Таласская битва – это не только начало поражения Омейядов и становления сети огромных космополитических городов Аббасидской империи. Исход этого сражения ускорил процесс интеграции региона в политическую и культурную сферу ислама.

Вероятнее всего, оба восстания планировались в Мерве (на территории нынешней Туркмении) – важном торговом центре Востока, где перекрещивались многочисленные караванные пути. В Мерве было много купеческих ассоциаций, в т.ч. и согдийские. Некоторые согдийцы проживали в престижном городском квартале – «бухарском», находившимся рядом с дворцом правителя [80, с. 282].

- Свержение Омейядов

Восстание, в результате которого к власти пришла династия Аббасидов, началось в 742 г. Большинство исследователей считают его причиной недовольство мусульман-неарабов и «хищнический характер омейядского господства» [23, с. 263]. Я предполагаю, что это верно лишь отчасти. Скорее, люди были вдохновлены перспективами перемен, обещанных потомками Аббаса. Но восстание стало набирать силу только после того, как харизматичный Абу Муслим (718 (или 719)–755) привлёк огромное число сподвижников со всего Хорасана.

Для реализации планов по смене династии все «общественные движения» (используя современный жаргон) Мерва «Негзат Ни-зак», «Негзат Согдиан», «Аббасидское движение» по призыву Абу Муслима начали агитацию под лозунгом «Во имя спасения детей Мухаммеда!» [42, 6]. В городе была объявлена мобилизация, которую впоследствии арабы называли «Хурасания» [64]. Большинство частей возглавляли согдийские купцы, но основной рядовой состав комплектовался тюрками. Революционная армия, вдохновлённая перспективами свободы и смены режима, смела Омейядов и провозгласила новую династию Аббасидов. Как и большинство тех, кто привёл к власти нового халифа, т.е. прибывшие с ним из Хорасана, согдийцы получили многочисленные льготы. «Влияние культуры Центральной Азии на новый халифат можно сравнить с триумфом греческой цивилизации над Римом. Однако есть важное отличие: греки влияли на культурную жизнь Рима, но не контролировали ни его армию, ни экономику. В халифате центральноазиаты были доминирующим интеллектуальным классом, одновременно контролируя как армию, так и экономику» [80, с. 128].

- Восстание второе: против династии Тан

Мультиэтничность была глубоко имплантирована в реалии китайской империи Тан (618–907). В столицах Чанъань (современный Сиань) и Лоян имелись огромные и влиятельные общины иностранцев из Ближнего Востока, Центральной и Южной Азий [51, с. 17]. В городах действовали мечети, иудейские, манихейские и зороастрийские храмы, несторианские церкви, буддийские монастыри

самых разных школ. Разнообразию удивляет ещё сильнее, если учесть «разворот», который произошёл в Китае в последующие столетия.

На волне культурного плюрализма был воспитан один из талантливейших представителей согдийской диаспоры Китая – генерал Ань Лушань (703–757). Его имя представляет собой китайскую транскрипцию согдийского имени Равшан [51, с. 290] (имя остаётся популярным в ЦА и переводится как «светлый»).

Вдохновлённые начальным успехом восстания, согдийские купцы поддержали Ань Лушана, но восстание было подавлено. По империи Тан пронеслась волна репрессий против всех, кто не был похож на китайцев [51]. Но дефицит многоцветия сделал великую империю шаткой, и династия, которую историки признают блистательной, вскоре утратила былую роскошь и престиж.

Переждав репрессии, согдийцы продолжили использовать свои сети, пусть и менее масштабно. Потомки согдийцев прослеживаются в документах шести китайских провинций. Для восстановления социального статуса согдийцы использовали уйгурские племена, получившие ряд привилегий в период реставрации порядка после восстания Ань Лушана [59]. Уйгуры в оазисах Аксу и Синьцзян находились под влиянием согдийцев, от которых они переняли манихейство, а позднее ислам [69; 37].

Вместо заключения

Считается, что в современной ЦА неформальных барьеров в три раза больше, чем на Ближнем Востоке, Северной Африке, и в два раза больше, чем в Южной Азии. Это крайне неблагоприятно для развития торговли [55]. Прибавьте сюда фундаменталистскую интерпретацию ислама с ксенофобией, ненавистью к искусству и музыке. Эту печальную картину необходимо менять. Например, взяв за образец согдийскую модель посредничества. В культуре центральноазиатского региона традиционно прослеживалось стремление сохранить скорее «онтику и горизонталь, нежели онтологию и вертикаль» [43, с. 124]. Иными словами, если научиться жертвовать «вертикалью» и не увлекаться национальным и государственным разделением, то очень скоро согдийский посреднический потенциал будет восстановлен.

В истории региона часто улавливается переходность (дахлез – барзак). Один из первых российских востоковедов Н.Я. Бичурин ещё в 1823 г. писал: «...замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь Ибо с значением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно, с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь» [41, с. 282]. Если видеть такие «связи» в контексте евразийского Шёлкового пути, то мы сможем представить культуру ЦА стремящейся быть «открытой». Так как эта культура:

- обладает органичностью;

- демонстрирует уникальность (особую «пестроту»).

На такой базе синтезировалось общество, где индивидуум, группы и общины использовали несколько языков, культурных стилей и религий. В моём представлении, это также характеризует «согдийское посредничество». Отметим, что до недавнего времени в ЦА билингвизм воспринимался как норма (например, узбекский/таджикский; казахский/узбекский). Теперь общины, которые отличаются языками, изолируются друг от друга. Важно осознать, что «посредничество» – это не ассимиляция, а своего рода готовность общин придерживаться универсальных ценностей, и признавать право индивидуума быть в составе одной или нескольких общин одновременно.

На такой основе народы региона однажды уже стали движущей силой глобальной программы, каким был древний «Шёлковый путь»; и им удалось через дахлез создать общность взаимозависимости. Именно над этим «бьётся» пост-модернистское общество в ходе реализации современных вариантов Шёлкового пути, китайского и американского. Предлагаемый нами подход влечёт за собой реальное переосмысление, о чём пишет Миноло: «Недостаточно изменить содержание обсуждений ... важно изменить условия обсуждений» [56]. Лишь таким образом можно сохранить прагматизм в концептуализируемых теориях истории и культуры ЦА, не поддаваясь при этом искушению обобщения, или же, наоборот, не пытаясь усилить границы между нациями и дисциплинами.

Список литературы

1. Абаев В. И. Текст Большой или Бехистунской надписи // Хрестоматия по истории Древнего мира / под ред. В. В. Струве. 2-е изд. Т. 1. М.: УЧПЕДГИЗ, 1956. С. 255 - 263.
2. Абдуллоев С.А. Чугрофияи таърихи Давлаги Сомониен. Худжанд: Матбааи ДДХ ба номи академик Б.Гафуров, 2000. 374 с. (на тадж.яз.)
3. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере. Избранные главы / пер. В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 376 с.
4. Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасиаба // Страны и народы Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 83-89.
5. Анашина М.В. Философия эпохи Хань: учеб. пос. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2013. 101 с.
6. Ахмад ибн Йахйя ибн Джабир ал-Балазури. Завоевание Хорасана / пер. и ком. Г. Гоибова. Душанбе: Дониш, 1987. 119 с.
7. Баринаева Е.Б. Китайский импорт в Парфии, Бактрии, Маргиане, Согдиане и Устуншане в домонгольский период // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 3. С. 338 - 347.
8. Бартольд В.В. Сочинения в 9 тт. Т. 6. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. 785 с.
9. Бартольд В.В. К вопросу об языках согдийском и тохарском // Сочинения в 9 тт. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 461-470.
10. Бартольд В.В. Согд // Сочинения в 9 тт. Т. 3. М.: Наука, 1965. 487 с.
11. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с.
12. Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи») // Советская археология. 1961. №2. С. 66-78.
13. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 471 с.
14. Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны народов Востока. Т. XXII. М.: Наука, 1980. С. 132-135.
15. Васильев А.И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 18–32.

16. Фрейман А.А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане // Согдийский сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 7–17.
17. Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент: Главнаука, 1927. 64 с.
18. Воробьева-Десятковская М.И. Из истории российского востоковедения. «Великие географические открытия» русских ученых в Центральной Азии. Материалы вторых востоковедных чтений памяти О.О. Розенберга (РХГА, 11–12 ноября 2008 г.). СПб.: Изд-во русской христианской гуманитарной академии; Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 3. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/a_vorobyova-desyatovskaya_2009.pdf (дата обращения: 02.03.2017).
19. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. 664 с.
20. Государственный историко-культурный парк Древний Мерв. URL: <http://whc.unesco.org/ru/list/886> (дата обращения: 08.11.2016).
21. Дамдамаев М.А. Бехистунская надпись Дария I URL: <http://rec.gerodot.ru/behistun/dandamaev01.htm#3> (дата обращения: 12.11.2016).
22. Зарифи Х. Хазиана тиллои тоҷикон. Нашри чорум, бо тахриру иловаҳои нав. Душанбе: Ирфон, 2011. 386 с.
23. Иерусалимская А.А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.: [б. и.], 1972. 14 с.
24. История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков и др.; отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Вост. лит., 2002. 716 с.
25. Кара-тепе - буддийский пещерный монастырь в старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961 1962 гг. и индийские надписи на керамике. Вып. I. М.: Институт востоковедения, 1964. 110 с.
26. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
27. Кюннер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. Издательство восточной литературы, 1961. 587 с.
28. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 347 – 514.
29. Лившиц В.А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 131-158.
30. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. Archaeological Varia. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. Т.К. Мкрытчева. СПб.: Нестор-История, 2010. 320 с.
31. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и ранне-средневекового Китая). М.: Восточная литература, 1994. 326 с.
32. Маккиндрер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. №4. С. 162 - 169.
33. Негматов Н.Н., Рахимов Н.Т. Уструшано-Ходжентский узел Великого шёлкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шёлкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, ТДК, 1990. С. 118 – 121.
34. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Один из фрагментов истории передачи знаний: Дом мудрости Аббасидов и о чернилах в реке Тигр. URL: http://www.mgl.ru/www/www/library/177/The_Abbasids.html (дата обращения: 03.04.2016).
35. Поляков А.С. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане // Согдийский сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934. 103 с.
36. Лившиц В.А. Юридические документы и письма / пер. и коммент. В. А. Лившица // Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Л.: Изд. АН СССР, 1962. 121 с.
37. Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.: Наука – Восточная литература, 1971. С. 147 - 156.
38. Соловьева А.Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 126 – 129.
39. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 1. Описание, публикация и исследование А.А. Фреймана. Л.: Изд. АН СССР, 1962. 90 с.
40. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. Юридические документы и письма / пер. и коммент. В.А. Лившица. М.: Наука, 1962. 222 с.
41. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы / пер. и коммент. О.И. Смирновой и М.Н. Боголюбова. М.: Наука, 1963. 132 с.
42. Синология.Ру: история и культура Китая. URL: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения: 27.12.2016).

43. Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/pigul/03.php (дата обращения: 27.11.2016).
44. Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1980. 183 с.
45. Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин // Учёные записки Ленинградского государственного университета. 1954. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. С. 282-283.
46. Хакназаров А. Борьба таджикского народа против Арабского Халифата: Автореф. дисс. ... д. ист. наук: 07.00.02. Душанбе, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/borba-tadzhikskogo-naroda-protiv-arabskogo-halifata> (дата обращения: 27.08.2016).
47. Шукуров Ш.М. Хорасан. Территория искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 400 с.
48. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. 2-е изд., исп. и доп. М.: Садра, 2012. 536 с.
49. Appadurai A. The Heart of Whiteness // Callaloo, On "Post-Colonial Discourse": A Special Issue. 1993. No. 16 (4). Pp. 796 - 807.
50. Asia Society «Monks and merchants: Silk Road treasures from northwest China, Gansu and Ningxia, 4th – 7th century». URL: <http://sites.asiasociety.org/arts/monksandmerchants> (дата обращения: 01.05.2016).
51. Beckwith C. Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009. 472 p.
52. Laufer B. Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products; 1874-1934. URL: <https://archive.org/details/sinoiranicachine00laufrich> (дата обращения: 01.09.2016).
53. Carolyn J. Dean Rethinking History // Intellectual History and the Prominence of 'Things That Matter'. 2004. Vol. 8. No. 4. Pp. 537–547.
54. Cave Temples of Dunhuang: Buddhist Art on China's Silk Road / ed. by N.Agnew, M.Reed and T.Ball. Getty Conservation Institute, 2016. 302 p.
55. Chamney L. The An Shi Rebellion and Rejection of the Other in Tang China: Master of Arts thesis. University of Alberta. Faculty of Graduate Studies and Research. URL: <https://era.library.ualberta.ca/downloads/k930bz21s> (дата обращения: 10.04.2016).
56. Clark B.R. The HE System: Academic Organization in Cross-National Perspective. Berkeley: University of California Press, 1986. 315 p.
57. Chen S. Multicultural China in the Early Middle Ages (Encounters with Asia). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 320 p.
58. Chittick W.C. The Sufi Path of Knowledge: Ibn al-'Arabi's Metaphysics of Imagination. Albany, NY: State University of New York Press, 1989. 478 p.
59. Cooley Al. One Belt, One Road, Many Headaches: The Economic, Political, and Social Challenges of OBOR in Central Asia. The Central Asia Security Workshop 08.03.2016. URL: <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2016/04/CAP-Papers-159-April-2016-Security-Workshop.pdf> (дата обращения: 19.03.2016).
60. Cowden St., Gurnam S. Acts of Knowing: Critical Pedagogy in, Against and Beyond the University. Bloomsbury Publishing USA, 28.03.2013. 240 p.
61. Dawn M.M. Landmarks of the Persian Renaissance: Monumental Funerary Architecture in Iran and Central Asia in the Tenth and Eleventh Centuries: Ph. D. diss. Massachusetts Institute of Technology, 2007. 414 p.
62. Dien A.E. The Glories of Sogdiana. URL: <http://www.silk-road.com/artl/sogdian.shtml> (дата обращения: 29.09.2016).
63. Sogdiana iii. History and archeology // Encyclopedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/sogdiana-iii-history-and-archeology> (дата обращения: 18.03.2016).
64. Foltz R. The Role of the Sogdians in the Spread of World Religions. Papers in Honour of Professor Z. Zarshenas. URL: http://www.cais-soas.com/CAIS/Religions/iranian/role_central_asian_spread_religion.htm (дата обращения: 19.09.2016).
65. Moosa E. Ghazali and the Poetics of Imagination. University of North Carolina Press, 2005. 349 p.
66. Grenet F.T. Pre-Islamic civilization of the Sogdians. URL: <http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/december/pre-islamic.htm> (дата обращения: 29.09.2016).
67. Harmatta J. Royal Power and Immortality. The Myth of the two Eagles in Iranian Royal Ideology // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1979. No. 27. Pp. 305-319.
68. History of Civilizations of Central Asia: The crossroads of civilizations. Vol. III.: The crossroads of civilizations: a. d. 250 to 750 / ed. by A.H. Dani, B.A.Litvinsky. UNESCO, 1996. 558 p.
69. Housel J. Dance at Dunhuang. Part 3. The Sogdian Whirl. URL: <http://www.buddhistdoor.org>.

- net/features/dance-at-dunhuang-part-three-the-sogdian-whirl (дата обращения: 19.04.2016).
70. Iqbal A., Khandan-I Nawbakhi. Tehran 1311/1933. 3d. ed. 1978. 154 p.
 71. Kotkin S. Mongol Commonwealth. Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. No. 8. Pp. 487-531.
 72. Lane J.E., Redrissi H. *Riyā aydāwī Religion and Politics: Islam and Muslim Civilisation*. Routledge, 2016. 336 p.
 73. Megill A. *Intellectual History and History // Rethinking History*. 2004. Vol. 8, No. 4. Pp. 549-557.
 74. Nabhan G.C. *Camels, and Caravans: A Spice Odyssey*. Univ of California Press, 2014. 332 p.
 75. Nolan P. *Understanding China: The Silk Road and the Communist Manifesto*. London: Routledge, 2016. 174 p.
 76. *The Oxford Handbook of Late Antiquity* / ed. by S. Johnson. Oxford University Press, 2012. 1247 p.
 77. Procopius On the Wars, Internet Medieval Sourcebook, Procopius: the Roman Silk Industry. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/550byzsilk.html> (дата обращения: 12.11.2016).
 78. Pulleyblank E.G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // *T'oung Pao*. 1952. No. 41. Pp. 319-52.
 79. Silk Road Project. Program Overview. URL: www.silkroadproject.org/tabid/144/Default.aspx (дата обращения: 15.11.2016).
 80. Reischauer E. and Fairbank J.K. *East Asia, the Great Tradition*. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1958. 739 p.
 81. Schafer H. *The Golden Peaches of Samarkand*. Univ. of California Press, 1963. 399 p.
 82. Schafer E.H. *Iranian Merchants in T'ang Dynasty Tales*. *Semitic and Oriental Studies. A Volume Presented to William Popper // Semitic Philology*. 1951. Vol. XI. Pp. 414-415.
 83. Sogdiana. URL: <http://www.podgorski.com/main/sogdiana.html> (дата обращения: 15.01.2017).
 84. Starr F. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton: Princeton University Press, 2013. 634 p.
 85. Stavisky B. Once more about Peculiarities of the Sogdian Civilization of the 4th-10th centuries. URL: http://www.cais-soas.com/CAIS/Culture/peculiarities_sogdian.htm (дата обращения: 30.10.2016).
 86. Sullivan M. *Art and Artists of Twentieth Century China*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1996. 392 p.
 87. Tang Dynasty Days. URL: <http://www.tangdynastytimes.com/tang-dynasty-days/> (дата обращения: 26.11.2016).
 88. Tryjarski E. The Geographic and Linguistic Status of the Silk Roads // *Diogenes*. Vol. 43. No. 171. Pp. 15-24.
 89. Fibiger Bang P., Kolodziejczyk D. *Universal Empire: A Comparative Approach to Imperial Culture*. Cambridge University Press, 2012. 399 p.
 90. Vaissière É. *Sogdian Traders: A History*. Transl. by J. Ward. Leiden: Brill, 2005. 420 p.
 91. Vaissiere E. *Sogdians in China: A Short History and Some New Discoveries*. URL: http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/december/new_discoveries.htm (дата обращения: 09.11.2016).
 92. Valenstein S.G. *Cosmopolitanism in the Tang Dynasty. A Chinese Ceramic Figure of Sogdian Wine-Merchant*. N-Y: Bridge21 Publ., 2014. 104 p.
 93. Xinru L. *The Silk Road in World History*. New York: Oxford University Press, 2010. 169 p.
 94. Yu Y. *Trade and expansion in Han China*. Berkeley, CA: University of California Press, 1967. 251 p.

Об авторе:

Наргис Талатовна Нурулла-Ходжаева – д.филос.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

“DANCING” MERCHANTS BEYOND THE EMPIRES ON THE SILK ROAD

N.T. Nurulla-Khodjaeva

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-119-139

Center for Central Asian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to political and cultural heritage of Sogdians (“merchants outside empires”). This is the Central Asian people, who lived in a period from around the 6th century BC. until the middle of the Middle Ages, and then were dispersed in the vastness of Khorasan region. Throughout its history the Sogdians played the role of the most important trade intermediaries on some segments of the Silk Road, many researchers today consider “Silk Road” and “Sogdian Trade Network” as synonyms notions. Sogdians were unique in their inclination not only to develop new products, but also to proliferate their own reinterpretation of new, mostly imported ideas. This is especially evident in their relations with the Chinese, including the period of the Tang dynasty (618-907), i.e., “Golden age” in the history of China.

The article for the first time in Russian research literature represents Sogdians as a people who managed to influence the Eurasian cultural dynamics by introducing the principle of deterritorialization into relations with close and far neighbors.

Most modern historians in Central Asia tend to ignore the contribution to “their” history from “strangers”, neither mediators, nor neighbors. The appeal to the intellectual heritage of Sogdians as a people who promoted the transformation of the region into a crossroads of cultures would open the possibility of developing intellectual pluralism in each of the Central Asian countries today and would allow accelerating the creative modernization of the region as a whole.

Key words: Sogdians, Sogd, China, Al-Gazali, Ibn Arabi, Silk Road, Tang, Abbasids, Samarkand, Bukhara.

References

1. Abaev V.I. *Tekst Bol'shoi ili Bekhistunskoi nadpisi* [Behistan recording]. *Khrestomatiia po istorii Drevnego mira* [Anthology on the history of the Ancient World]. Ed. by V.V. Struve. 2d ed. Vol. 1. Moscow, UChPEDGIZ Publ., 1956. Pp. 255-263. (In Russian).
2. Abdulloev S.A. *Chugrofiiai ta'rikhii Davlati Somonien* [Historical Geography of Samani State]. Khijand, B.Gafurov's University publ., 2000. 374 p. (In Tajik).
3. Abu Khamid Al Gazali. *Voskreshenie nauk o vere. Izbrannye glavy* [Revival of Science on faith Selected chapters.]. Transl. by Naumkin V.V. Moscow, Nauka Publ., 1980. 376 p. (In Russian).
4. Albaum L.I. *Novye rospisi Afrasiaba* [New Afrasian paintings]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and people of the East]. Moscow, Nauka Publ., GRVL, 1971. 88 p.
5. Anashina M.V. *Filosofiya epohi Tan* [Philosophy of Han time] Moscow, Russian Academy of sciences, Institute of philosophy Publ., 2013. 101 p.
6. Ahmad ibn Yihya. *Zavoevanie Khorasana* [Invasion of Khorasan]. Transl. by Goibov G. Dushanbe, Donish Publ., 1987. 119 p.
7. Barinova R.B. *Kitaiskii import v Parfii, Baktrii, Margiane, Sogdiane i Ustushane v domongol'skii period* [Chinese import to Parthia, Bactria, Margiane, Sogdiane and Ustrishane before Mongol]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledo-*

- vaniia, 2013, no. 3, pp.338-347.
8. Bartol'd V.V. K voprosu o yazykah sogdijskom i toharskom [On the question of Sogdian and Toharian languages]. *Sochineniia v 9 tomakh*. [Collection of works in 9 vol.]. Vol. 2, part 2. Moscow, Nauka Publ., 1964. 467 p.
 9. Bartol'd V.V. *Sochineniia v 9 tomakh*. [Collection of works in 9 vol.]. Vol. 6. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1966. 785 p.
 10. Bartol'd V.V. Sogd [Sogd]. *Sochineniia v 9 tomakh*. [Collection of works in 9 vol.]. Vol. III. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1965. P.487.
 11. Belenitskii A.M. *Monumental'noe iskusstvo Pendzhikenta. Zhivopis', skul'ptura* [Monumental art of Pengikent. Painting, sculpture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973. 68 p.
 12. Belenitskii A.M., Bentovich I.B. Iz istorii sredneaziatskogo shelkotchestva (K identifikatsii tkani «zandanechi») [From the history of Central Asian silk weaving (Towards the identification of the Zandanechi fabric)]. *Sovetskaia arkhologiiia*, 1961, no. 2, pp. 66-78. (In Russian).
 13. Bichurin N.Y. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [The collection of information on people live in Central Asia]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. 471 p. (In Russian).
 14. Bol'shakov O.G. K istorii Talasskoi bitvy, 751 [To the History of Talas battle]. *Strany narodov Vostoka* [Countries of people of the East], XXII: Moscow, Nauka Publ., 1980. Pp. 132-135. (In Russian).
 15. Vasil'ev A.I. Sogdiiskii zamok na gore Mug [Sogdian castle on Mug mountain]. *Sogdiiskii sbornik* [Sogdian textbook]. Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1934. Pp.18–32. (In Russian).
 16. Freiman A.A. Nakhodka sogdiiskikh rukopisei i pamiatnikov material'noi kul'tury v Tadjhikistane [Discovery of Sogdian letters in Tajikistan]. *Sogdiiskii sbornik* [Sogdian textbook]. Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1934. Pp. 7–17. (In Russian).
 17. Viatkin V.L. Afrasiab – gorodishche bylo go Samarkanda. Arkheologicheskii ocherk [Afrasiab, as a place of old Samarkand. Archeological research]. Tashkent, Glavnauka Publ., 1927. 64 p. (In Russian).
 18. Vorob'eva-Desiatovskaia M.I. Iz istorii rossiiskogo vostokovedeniia. «Velikie geograficheskie otkrytiia» russkikh uchenykh v Tsentral'noi Azii [From the history of Russian Oriental Studies. Russian scientists "Age of Discovery" in Central Asia]. *Materialy vtorykh vostokovednykh chtenii pamiati O. O. Rosenberga* (RKh-GA, 11–12 noiabria 2008 g.). [Materials of the Second Oriental studies devoted to the memory of O. Rosenberg]. St. Petersburg, Izd-vo russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2009, vol. 10, iss. 3. Available at: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/a_vorobyova-desyatovskaya_2009.pdf (Accessed 02.03.2017). (In Russian).
 19. Gafurov B.G. *Tadjhiki Drevneishaia, drevniaia i srednevekovaia istoriia*. [Tajiks. Ancient, Old and medieval History]. Moscow, Scheince Publ., 1972. 664 p. (In Russian).
 20. *Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi park Drevnii Merv* [State's historical-cultural park of old Merv]. Available at: <http://whc.unesco.org/ru/list/886> (Accessed: 10.03.2016). (In Russian).
 21. Damdamaev M.A. *Bekhistunskaiia nadpis' Dariia I* [Darius Bekhustun inscription]. Available at: <http://rec.gerodot.ru/behistun/damdamaev01.htm#3> (Accessed: 15.05.2016). (In Russian).
 22. Zarifi H. *Hazinai tilloii tojikon* [the golden Heritage of Tajiks]. Addit., new ed. Dushanbe, Irfon Publ., 2011. 386 p. (In Tajik).
 23. Ierusalimskaia A.A. «Velikii Shelkovyi put'» i Severnyi Kavkaz [Great Silk Road and Northern Caucasus]. Leningrad, 1972. 14 p. (In Russian).
 24. *Istoriia Vostoka* [History of the East] in 6 vol. Vol. 2. Vostok v srednie veka [East in the Middle ages]. Ed. by R.B. Rybakov. Moscow, Vost. lit. Publ., 2002. 716 p. (In Russian).
 25. *Kara-tepe - buddiiskii peshchernyi monastyr' v starom Termeze. Osnovnye itogi rabot 1937, 1961 1962 gg. i indiiskie na-*

- dpisi na keramike* [Kara-tepe –The Buddhist cave monastery in the old Termez]. Moscow, Institut vostokovedeniia Publ., 1964. 110 p. (In Russian).
26. Kliashpornyi S.G. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* [Ancient runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 214 p. (In Russian).
 27. Kiuner I.V. *Kitaiskie izvestiia o narodakh Uzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1961. 587 p. (In Russian).
 28. Livshits V.A., Khromov A.L. *Sogdiiskii iazyk* [Sogdian language]. *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Sredneiranskii iazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. Middle Iranian Languages]. Moscow, 1981. Pp. 347 – 514. (In Russian).
 29. Livshits V.A. *Iranskii iazyki narodov Srednei Azii* [Iranian languages of the peoples of Central Asia]. *Narody Srednei Azii i Kazakhstana* [Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. Pp. 131-158. (In Russian).
 30. Litvinskii B.A., Zeimal' T.I. *Buddiiskii monastyr' Adzhina-tepa (Tadzhikistan). Rackopki. Arkhitektura. Iskustvo. Archaeological Varia* [Buddhist monastery of Ajina-tepe (Tajikistan). Excavations. Architecture. Art. Archaeological Varya]. St. Peterburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010. 320 p. (In Russian).
 31. Lubo-Lesnichenko E.I. *Kitai na Shelkovom puti (Shelk i vnesnie sviazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaia)* [China Silk Road (Silk and external links ancient and early medieval China)]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1994. 326 p. (In Russian).
 32. Makkinder H.J. *Geograficheskaia os' istorii* [The geographical pivot of history]. *Polis*, 1995, no. 4, pp. 162 - 169. (In Russian).
 33. Negmatov N.N., Rakhimov H.T. *Ustrushano-Khodzhentskii uzel Velikogo shelkovogo puti* [Ustrushana-Khojent knot of the Silk Road]. *Formirovanie i razvitie trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e* [Formation and development of the routes of the Great Silk Road in Central Asia in ancient times]. Tashkent, TDK Publ., 1990. Pp.118-121. (In Russian).
 34. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Odin iz fragmentov istorii peredachi znani: Dom mudrosti Abbasidov i o chernilakh v reke Tigr* [One of the fragments in history of Knowledge transformation: The House of Wisdom and ink in Tigris River]. Available at: http://www.mgl.ru/www/www/library/177/The_Abbasids.html (Accessed: 19.03.2016). (In Russian).
 35. Poliakov S. *Kitaiskie rukopisi, naidennye v 1933 g. v Tadzhikistane* [Chinese manuscripts, found in 1933 in Tajikistan]. *Sogdiiskii sbornik*. Leningrad, Izd. AN SSSR, 1934. P. 103. (In Russian).
 36. Livshits V.A. *Iuridicheskie dokumenty i pis'ma* [Legal documents and letters]. Transl. by V.A. Livshits. *Sogdiiskie dokumenty s gory Mug* [Sogdian Documents from Mount Mug]. Vol. II. Moscow, Izd. AN SSSR, 1962. P. 121. (In Russian).
 37. Chuguevskii L.I. *Novye materialy k istorii sogdijskoj kolonii v rajone Duxu-aiia* [New materials on sogdian colony in Dunhuan]. *Strany i narody Vostoka*. Iss. 10. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publ., 1971. Pp.147-156. (In Russian).
 38. Solov'eva A.N. *Deterritorizatsiya socialnykh praktik v kontekste etnokulturnykh landshaftov* [Deterritorialization of social practices at the ethno cultural landscape]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2009, no. 5, pp. 126–129. (In Russian).
 39. *Sogdiiskie dokumenty s gory Mug* [Sogdian Documents from Mount Mug]. Iss. 1. *Opisanie, publikatsiia i issledovanie A.A. Freimana* [Description, publication and research by A.A. Freymann]. Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1962. 90 p. (In Russian).
 40. *Sogdiiskie dokumenty s gory Mug* [Sogdian Documents from Mount Mug]. Iss. 2. *Iuridicheskie dokumenty i pis'ma* [Legal documents and letters]. Ed. by V.A. Livshits. Moscow, Nauka Publ., 1962. 222 p. (In Russian).

41. Sogdiiskie dokumenty s gory Mug [Sogdian Documents from Mount Mug]. Iss. 3. *Khoziaistvennye dokumenty* [Household papers]. Transl. by O.I. Smirnova i M.Ya. Bogolubov. Moscow, Nauka Publ., 1963. 132 p. (In Russian).
42. *Sinologiya.Ru: istoriia i kul'tura Kitaia* [Sinologya.Ru: history and culture of China]. Available at: <http://www.synologia.ru/> (In Russian).
43. Pigulevskaia N. *Vizantiia na putiakh v Indiiu. Iz istorii trgovli Vizantii s Vostokom* [Byzantium on the roads to India. From the history of Byzantine trade with the East]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/pigul/03.php. (Accessed: 27.11.2016). (In Russian).
44. Razgoza A.N. Sogdiiskie fragmenty tsentral'noaziatskogo sobraniia Instituta vostokovedeniia AN SSSR [Sogdian fragments of Central Asian collection of AS USSR Institute of Asian Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 183 p. (In Russian).
45. Tikhonov D.I. Russkii kitaevod pervoi poloviny XIX veka Iakinf Bichurin [The Russian sinologist of the first half of XIX century Bichurin I.]. *Uchenue zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1954. No. 179. Iss. 4. Pp. 282-283. (In Russian).
46. Khaknazarov A. *Bor'ba tadzhikskogo naroda protiv Arabskogo Khalifata* [The struggle of Tajik people against of Arabic Khaliphate]. Abstract Phd. Diss. Available at: <http://cheloveknauka.com/borba-tadzhikskogo-naroda-protiv-arabskogo-halifata> (Accessed: 27.03.2016). (In Russian).
47. Shukurov Sh. M. Khorasan: territoria iskusstva [Horasan: The territory of Art]. Moscow, Progress-Tradition, 2016. 400 p. (In Russian).
48. Schimmel A. *Mystical dimension of Islam*. The University of North Carolina Press, 2011. 544 p. (Russ. ed.: Shimmel' A. *Mir islamskogo mistitsizma*. Transl. by N.I. Prigarina. Moscow, OOO Sadra Publ, 2012. 536 p.
49. Appadurai A. *The Heart of Whiteness. Callaloo, On "Post-Colonial Discourse": A Special Issue*, 1993, no. 16 (4), pp. 796-807.
50. Asia Society «Monks and merchants: Silk Road treasures from northwest China, Gansu and Ningxia, 4th – 7th century. Available at: <http://sites.asiasociety.org/arts/monksandmerchants/> (Accessed: 01.05.2016).
51. Beckwith C. *Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 472 p.
52. Laufer B. *Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products. 1874-1934*. Available at: <https://archive.org/details/sinoiranicachine00laufrich>
53. Carolyn J. Dean *Rethinking History, Intellectual History and the Prominence of "Things That Matter"*, 2004, vol. 8, no. 4, pp. 537–547.
54. *Cave Temples of Dunhuang: Buddhist Art on China's Silk Road*. Ed. by Agnew N., Reed M. and Ball T. Getty Conservation Institute Publ., 2016. 302 p.
55. Chamney L. *The An Shi Rebellion and Rejection of the Other in Tang China*. Master of Arts thesis. University of Alberta. Faculty of Graduate Studies and Research. Available at: <https://era.library.ualberta.ca/downloads/k930bz21s> (Accessed: 10.04.2016).
56. Clark B.R. *The HE System: Academic Organization in Cross-National Perspective*. Berkeley: University of California Press Publ., 1986. 315 p.
57. Chen S. *Multicultural China in the Early Middle Ages (Encounters with Asia)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press Publ., 2012. 320 p.
58. Chittick W.C. *The Sufi Path of Knowledge: Ibn al-'Arabi's Metaphysics of Imagination*. Albany, New York, State University of New York Press Publ., 1989. 478 p.
59. Cooley Al. *One Belt, One Road, Many Headaches: The Economic, Political, and Social Challenges of OBOR in Central Asia*. The Central Asia Security Workshop 08.03.2016. Available at: <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2016/04/CAP-Papers-159-April-2016-Security-Workshop.pdf> (Accessed: 19.03.2016).
60. Cowden St., Gurnam S. *Acts of Knowing:*

- Critical Pedagogy in, Against and Beyond the University*. Bloomsbury Publishing USA Publ., 28.03.2013. 240 p.
61. Dawn M.M. *Landmarks of the Persian Renaissance: Monumental Funerary Architecture in Iran and Central Asia in the Tenth and Eleventh Centuries*: Ph. D. diss. Massachusetts Institute of Technology, 2007. 414 p.
 62. Dien A.E. *The Glories of Sogdiana*. Available at: <http://www.silk-road.com/artl/sogdian.shtml> (Accessed: 29.09.2016).
 63. Sogdiana iii. History and archeology. *Encyclopedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/sogdiana-iii-history-and-archeology> (Accessed: 18.03.2016).
 64. Foltz R. *The Role of the Sogdians in the Spread of World Religions. Papers in Honour of Professor Z. Zarshenas*. Available at: http://www.cais-soas.com/CAIS/Religions/iranian/role_central_asian_spread_religion.htm (Accessed: 19.09.2016).
 65. Moosa E. *Ghazali and the Poetics of Imagination*. University of North Carolina Press Publ., 2005. 349 p.
 66. Grenet F.T. *Pre-Islamic civilization of the Sogdians*. Available at: <http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/december/pre-islamic.htm> (Accessed: 29.09.2016).
 67. Harmatta J. Royal Power and Immortality. The Myth of the two Eagles in Iranian Royal Ideology. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1979, no. 27, pp. 305-319.
 68. *History of Civilizations of Central Asia: The crossroads of civilizations. Vol. III.: The crossroads of civilizations: a. d. 250 to 750* / ed. by A.H. Dani, B.A.Litvinsky. UNESCO Publ., 1996. 558 p.
 69. Housel J. *Dance at Dunhuang*. Part 3. The Sogdian Whirl. Available at: <http://www.buddhistdoor.net/features/dance-at-dunhuang-part-three-the-sogdian-whirl> (Available at: 19.04.2016).
 70. Iqbal A., Khandan-I Nawbakhi. *Tehran 1311/1933*. 3d. ed. 1978. 154 p.
 71. Kotkin S. Mongol Commonwealth. Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2007, no. 8, pp. 487-531.
 72. Lane J.E., Redrissi H. *Riyād Saydāwī Religion and Politics: Islam and Muslim Civilisation*. Routledge, 2016. 336 p.
 73. Megill A. Intellectual History and History. *Rethinking History*, 2004, vol. 8, no. 4, pp. 549-557.
 74. Nabhan G.C. *Camels, and Caravans: A Spice Odyssey*. Univ of California Press Publ., 2014. 332 p.
 75. Nolan P. *Understanding China: The Silk Road and the Communist Manifesto*. London, Routledge Publ., 2016. 174 p.
 76. *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Ed. by S. Johnson. Oxford University Press Publ., 2012. 1247 p.
 77. Procopius, *On the Wars, Internet Medieval Sourcebook, Procopius: the Roman Silk Industry*. Available at: <http://www.fordham.edu/halsall/source/550byzsilks.html> (Accessed: 12.11.2016).
 78. Pulleyblank E.G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. *T'oung Pao*, 1952, no. 41, pp. 319-52.
 79. *Silk Road Project. Program Overview*. Available at: www.silkroadproject.org/tabid/144/Default.aspx (Accessed: 15.11.2016).
 80. Reischauer E. and Fairbank J.K. *East Asia, the Great Tradition*. Boston, Houghton, Mufflin Company, 1958. 739 p.
 81. Schafer H. *The Golden Peaches of Samarkand*. Univ. of California Press, 1963. 399 p.
 82. Schafer E.H. Iranian Merchants in T'ang Dynasty Tales. Semitic and Oriental Studies. A Volume Presented to William Popper. *Semitic Philology*, 1951, vol. XI, pp. 414-415.
 83. *Sogdiana*. Available at: <http://www.podgorski.com/main/sogdiana.html> (Accessed: 15.01.2017).
 84. Starr F. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton: Princeton University Press Publ., 2013. 634 p.
 85. Stavisky B. *Once more about Peculiarities of the Sogdian Civilization of the 4th-10th centuries*. Available at: http://www.cais-soas.com/CAIS/Culture/peculiarities_sogdian.htm (Available at: 30.10.2016).
 86. Sullivan M. *Art and Artists of Twentieth Century China*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press Publ.,

1996. 392 p.
87. *Tang Dynasty Days*. Available at: <http://www.tangdynastytimes.com/tang-dynasty-days/> (Accessed: 26.11.2016).
88. Tryjarski E. The Geographic and Linguistic Status of the Silk Roads. *Diogenes*, vol. 43, no. 171, pp. 15-24.
89. Fibiger Bang P., Kolodziejczyk D. *Universal Empire: A Comparative Approach to Imperial Culture*. Cambridge University Press Publ., 2012. 399 p.
90. Vaissière É. *Sogdian Traders: A History*. Transl. by J. Ward. Leiden, Brill Publ., 2005. 420 p.
91. Vaissiere E. *Sogdians in China: A Short History and Some New Discoveries*. Available at: http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/december/new_discoveries.htm (Accessed: 09.11.2016).
92. Valenstein S.G. *Cosmopolitanism in the Tang Dynasty. A Chinese Ceramic Figure of Sogdian Wine-Merchant*. New York, Bridge21 Publ., 2014. 104 p.
93. Xinru L. *The Silk Road in World History*. New York, Oxford University Press Publ., 2010. 169 p.
94. Yu Y. *Trade and expansion in Han China*. Berkeley, California, University of California Press Publ., 1967. 251 p.

About the author:

Nargis Talatovna Nurulla-Khodjaeva – Doctor of philosophy, senior research fellow, Centre for the study of Central Asia, Caucasus, Ural-Volga region and the Institute of Oriental studies. 107031 Moscow, Rojdestvenka-str. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

МОДЕРНИЗМ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

Г.Т. Сардарян

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-140-151

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Предметом исследования является восприятие Католической церковью модернизма как течения внутри церковной структуры и философской мысли, протекавшего в период XIX–XX вв. на фоне всеобщего скепсиса и отказа от традиции, пиритизации индивидуализма, формального равенства, веры в неизбежный социальный, научно-технический прогресс, рационализации и профессионализации. Отличительной чертой данного движения являлось активное участие в нём церковных иерархов, в особенности во Франции и Италии. Объектом исследования является католическая политическая доктрина в период понтификата Пия X.

Движение модернистов в католицизме, по мнению многих учёных оказало решающее воздействие на вектор реформ Второго Ватиканского собора, однако при более детальном рассмотрении дискурса, имевшего место в конце XIX – начале XX вв. становится очевидно, что это не в полной мере соответствует действительности.

В центре внимания статьи – политическая доктрина католицизма, рассматривающая вопросы политического устройства государства, его взаимоотношений с церковными институтами, статус личности в обществе и др. В данной связи приоритетом модернистов являлось стремление его сторонников к секуляризации и полному разделению светской и духовной власти.

В работе широко использованы такие методы как диалектический, логический, сравнительный, системный, а также ряд других.

Основным выводом автора является то, что модернизм следует рассматривать скорее, как неудачную попытку реформирования Католической церкви, способную привести к очередному её расколу, нежели течение, заложившее основу для проведения Второго Ватиканского собора. Стремление к изменению структуры, методов осуществления миссии церковных иерархов и ряд других, формальных элементов – неоднократно реализованные самой церковью шаги. Однако пересмотр основ христианской этики и онтологии, в том числе его политической доктрины, наталкивался на обоснованное сопротивление Святого Престола, вызывая, по сути своей, риторический вопрос – обязательно ли научный и технический прогресс должен вести за собой прогресс этики.

Ключевые слова: католическая политическая доктрина, религия, политика, демократия, модернизм, Пий X.

УДК 261.7

Поступила в редакцию 07.01.2017 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

В конце XIX – начале XX вв. в среде католических мыслителей и священнослужителей начинается т.н. движение модернистов, хотя обозначить его в качестве единой системы взглядов невозможно в виду многообразия течений и групп внутри самого процесса. Католический модернизм складывается примерно в одно время с глобальной модернистской парадигмой и во многом оказывается обусловлен схожими причинами.

Модернизм, ставший в тот период доминирующей концепцией для искусства, философии, общественных наук, естественно, не мог не обойти стороной и католическое общество, стремящееся рационализировать весь окружающий мир в условиях ускоряющегося научного прогресса.

Французский философ, теоретик культуры Мишель Фуко выделил следующие характерные черты модерна: скепсис или отказ от традиции, приоритет индивидуализма, свободы и формального равенства, вера в неизбежный социальный, научно-технический прогресс и человеческое совершенствование, рационализация и профессионализация, движение от феодализма к капитализму и рыночной экономике, индустриализация, урбанизация и секуляризация, развитие национального государства [9]. Все они стали проявляться и в трактатах католических мыслителей. При этом уже сами формулировки проблем модерна подразумевают обострение противоречий, заложенных в церковно-государственных отношениях со времён формирования либерально-демократических общественно-политических движений.

Католический модернизм, в первую очередь, ставил перед собой целью рационализацию послания, содержащегося в священном писании, и христианского мистицизма. Формы проявления данного стремления были различны – от попыток исторического анализа Библии, до попыток представить Иисуса Христа в качестве исторической личности и стремлении сделать больший акцент на рассмотрении учения, как некоего рационального кодекса поведения. Эволюционная теория Дарвина, марксистская теория общественного развития, обретавшие популярность в модернистских кругах того периода, в корне противоречили фундаментальным представлениям христианства о мире [19]. Новые концепции в очередной раз ставили проблему сопряжённости научно-технологического прогресса и этики. Ряд теологов был убеждён, что в условиях всеохватывающего стремления к рационализации Церковь должна пересмотреть подходы к собственному учению и, фактически, отказаться от собственной доктрины. Церковь же отстаивала представление о том, что определённые этические нормы не могут видоизменяться в зависимости от научных открытий или новых концепций познания.

В этот же период с появлением марксистских движений и политических партий расширяется фронт противников Католической церкви, он углубляется и охватывает новую политическую идеологию, в корне противоречащую самым принципиальным вопросам, составляющим основу учения Церкви. Возможно, именно угроза «слева», коммунистическая идеология, с её стремлением, в осо-

бенности в Европе, к уничтожению традиционных общин, собственности, церкви и традиций побудила Святой Престол, в конечном счёте, пойти в дальнейшем на относительный компромисс с либеральными силами, для противостояния левым. Если в случае с либерализмом противоречие Святого Престола и новых политических движений заключалось в источнике прав и свобод, то в случае с коммунизмом Католическая церковь имела дело с отрицанием основы своего существования – Бога, а также целого ряда прав, которым она придавала важное значение, в том числе права собственности.

В науке распространено мнение, что движение модернистов проложило дорогу реформам Второго Ватиканского собора, ставшего поворотным моментом в истории католической политической доктрины. Представляется, что католический модернизм стал неудачной попыткой реформы церковного учения по целому ряду причин и обстоятельств.

Ярким примером восприятия модернизма католицизмом является работа бельгийского кардинала Дезире Фелисьена Франсуа Жозефа Мерсье «Модернизм», в которой он рассматривает одноимённое философское течение в качестве идеи, согласно которой, религиозная душа должна искать предмет и мотив собственной веры в самой себе и ни в чём кроме себя, отвергая все откровения, отрицая доктринальный авторитет Церкви и её право на руководящую роль в христианском обществе [13].

Профессор Даррелл Джодок рассматривает модернизм в Католической церкви как конфликт между концепцией неизменных и вечных христианских доктрин, с одной стороны, и культурно обусловленных истин, с другой, происходивший между 1890 и 1914 гг. Он выделяет три основные угрозы модерну Святому Престолу: эпоха Просвещения, научная революция, а также Великая французская революция, свергнувшая «старый порядок» (*ancien régime*), связанный с Католической церковью, с последующим распространением либеральных идей [12].

Подобный подход вызывает определённые сомнения, во многом из-за хронологического несоответствия указанных процессов самому периоду модернизма, за исключением научной революции. Как известно, реакция Католической церкви на Великую французскую революцию была достаточно острой, однако во многом была исчерпывающе выражена ещё в период до расцвета модерна. При этом она претерпела определённые изменения, и в конечном счёте сама идея невмешательства государства в дела Церкви, республиканская форма правления и прочее, ещё при Льве XIII перестали быть непреодолимым препятствием для отношений между Святым Престолом и новыми политическими режимами в Европе.

То же самое касается Папского Государства, которое прекратило своё существование в 1870 г., после ввода туда войск Королевства Италии. Представляется достаточно сложным обосновать Рисорджименто, или, как утверждают многие зарубежные учёные, успешную экспансию Пьемонта, распространением либеральных ценностей. Более того, процесс присоединения Рима к Италии завер-

шился за 20 лет до начала т.н. движения модернистов, а реакция Католической церкви на объединение Италии была сформулирована еще в 1874 г. принципом *Non Expedit* – не избирать и не избираться.

Таким образом, под модернизмом в Католической церкви можно понимать философское течение, ставившее своей целью попытку рационализации и демистификации западного христианского учения под влиянием научной революции и общественно-политических процессов конца XIX – начала XX в.

Особенностью этого периода является более критическое отношение Святого Престола к модернистам, чем протестантам. Модерн обозначается синтезом всех ересей и подвергается чрезвычайно жёсткому осуждению со стороны Джузеппе Мелькиоре Сарто, папы римского Пия X, по традиции взявшего имя в знак обозначения преемственности политики его предыдущего обладателя – Пия IX, вошедшего в историю, в первую очередь, из-за созыва Первого Ватиканского собора, утвердившего догмат о непогрешимости понтифика, а также борьбой против присоединения Папского Государства к Королевству Италия.

У католических модернистов в действительности есть много общего с протестантами. Отлучённый от церкви священник и профессор Альфред Фирмин Луази, считающийся основателем т.н. библейского модернизма, в своих взглядах зачастую повторял протестантское видение роли церкви в государстве и обществе.

К примеру, он утверждает, что традиции и автономность мышления имеют одинаковую важность и необходимость при сохранении за властью только педагогической функции, которая и оправдывает её существование [11]. Если сравнить это с позицией протестантского теолога Августа Сабатье, заявлявшего, что протестантизм регулирует конфликт между свободой и властью, не подавляя ни одной из сторон, объединяя их, при этом ограничивая власть педагогической ролью и предоставляя свободу христианскому духу [16] – становится очевидно, что они практически дублируют друг друга.

Ряд исследователей ставят знак равенства между модернизмом и либерализмом в Католической церкви, указывая на то, что если доктринальный либерализм был подавлен в начале XX в. Пием X, то сама идея либерального христианства стала популярна среди католиков в США после Второго Ватиканского собора, завершившегося в 1965 г [3]. Подобная позиция представляется неоднозначной, так как ограничивает идейную направленность модернистов исключительно либеральной политической идеологией, что не соответствует действительности, так как сами представители данного движения принадлежали к совершенно разным течениям, и тот круг вопросов, который представлял для них интерес, не всегда вписывается в рамки либеральной доктрины. Тем не менее, либерализм и модернизм тесно связаны, и можно сказать, что в рамках движения модернистов либерализм был одним из наиболее крупных течений.

В контексте политической доктрины Католической церкви модернизм проявляется в стремлении к секуляризации и полному разделению светской и духовной власти. Подобно выделению в христианстве мистической и богословской

частей, модернисты предлагали разделить власть светскую и духовную. Не секрет, что доктрина о светском характере государства возникла задолго до эпохи модерна. Вопрос об отношениях церкви и государства, духовной и светской власти ставился, например, ещё при папе Григории VII, или в ходе обсуждения Вормского конкордата в 1122 г. Со времён фактической утраты галликанством возможности претендовать на роль обособленной доктрины внутри Католической церкви, как в виду формальных (догмат о непогрешимости Папы Римского), так и этических (репрессии французских революционеров против церкви) причин, внутри католицизма стало возможным движение, претендующее на пересмотр отношений между государством и церковью.

Святой Престол традиционно воспринимал данный вопрос в ключе недопустимости вмешательства государства в дела церкви, при необходимости сохранения существенного влияния католицизма на государственную власть. Во многом схожая позиция была выражена и Пием X в отношении модернистского видения государственно-церковных отношений. Модернизм, столь разный в своих проявлениях, включающий в себя учения представителей разных по содержанию течений, как уже было сказано, не представляется единой доктриной, так как его последователи никогда не выступали в виде единого блока. Именно Католическая церковь самостоятельно объединила их в идейную общность, консолидировав и выразив позицию модернистов по наиболее крупным догматическим, в том числе политическим вопросам. В энциклике *Pascendi Dominici Gregis*, посвящённой осуждению модернизма, Пий X формулирует совокупные позиции модернистов, параллельно осуждая их содержание. Модернисты, по мнению понтифика, убеждены, что церковь не занимает весь мир сама, так как есть и другие сообщества, с которыми она обязательно должна иметь дело и налаживать контакты. Если ранее было возможно подчинить временное духовному, потому что Церковь расценивалась как создание самого Бога, то отныне эта доктрина отвергнута как философами, так и историками, следовательно, государство должно быть отделено от церкви, а католик от гражданина [6].

Подобная позиция модернистов осуждается папой Пием X, с указанием недопустимости, чтобы католик не утруждал себя заботой об отношении Церкви к его поведению, поступкам и путям достижения общего блага.

С одной стороны, в условиях современного светского государства подобная позиция может представляться анахронизмом, учитывая добровольность соблюдения церковных предписаний. При этом однако, вполне разумным является императивное требование о беспрекословном соблюдении гражданского законодательства. В большинстве своём, принципы правовых систем европейских государств тесно связаны с христианскими догмами, а потому подобный вопрос и не становился предметом споров. Богатая традиция европейского правового государства уходит корнями в наличие христианских представлений о нормах поведения, контроль за исполнением которых возлагался на Церковь, а её функционеры выступали в роли судебной власти. Подобная практика встречается во

многих религиозных системах, однако сами нормы поведения в христианской системе оказались ключевыми для развития представлений о современном правовом и демократическом государстве в виду самого характера христианского учения.

К наиболее известным представителям модернистского движения в католицизме можно отнести французских священников Альфреда Фирмина Лойзи и Пьера Батиффола, ирландского иезуита Джорджа Тайрелла, английскую монахиню Мод Петре, итальянского историка Эрнесто Буонаути и др.

В борьбе с модернистами Пий X использует метод своего предшественника по имени, Пия IX, и издает Силлабус [6], с осуждением основных положений модернистов. Более того, в 1910 г. издается *motu proprio* (особый папский рескрипт) *Sacrorum antistitum* – клятва против модернизма, которую должны были дать все представители церковной иерархии, вплоть до профессоров духовных семинарий.

В самой клятве и силлабусе не говорится о вопросах, составляющих предмет католического политического учения, однако общий посыл Святого Престола в данном случае однозначен – модернизм, стремление к пересмотру роли христианства и Церкви недопустимы.

Следует отметить, что участие понтифика в политических процессах в данный период не ограничивается только выражением концептуального отношения к новым явлениям социальной жизни. Несмотря на распространенный образ Пия X, как папы, совершенно не интересовавшегося политикой и в большей степени занятого вопросами духовного характера, в период смены парадигм политического мировоззрения, подобных тому, что происходил в конце XIX – начале XX в. это, по всей видимости, было бы просто невозможно.

Как уже было обозначено выше, основной задачей являлось определение позиции по отношению к политике внутри секуляризирующихся государств Европы. Решение Папы Римского о запрете католикам участвовать в итальянской политике вскоре стало сталкиваться с непониманием движений местных христианских демократов, считавших, что комбинация католических взглядов и демократических ценностей позволит выстроить новую матрицу взаимоотношений между властью и католиками в рамках секулярной модели государства. В конечном счёте, понтифик поддерживал различные общественные движения, в том числе достаточно радикальную *Action Francaise* во Франции, занимая при этом жёсткую позицию по недопущению возникновения либеральных католических движений и партий.

Профессор Принстонского университета Джин Бернс полагает, что подход Пия X в данном вопросе привёл к тому, что группы светских католиков, не составлявших части церковной иерархии, оказавшись без поддержки со стороны Пия X, фактически прекращали свою политическую деятельность, либо вели её неэффективно, что, в конечном счёте, лишало саму Церковь возможности продвижения собственных политических целей [2].

В схожем ключе рассматривает ряд учёных и внешнюю политику Святого Престола, отмечая, что назначенный Пием X государственным секретарем кардинал Мерри де Валь предпочитал переговорам и компромиссам прямую конфронтацию с секулярными государствами, что, в конечном счёте, ставило Католическую церковь в таких странах, как Португалия и Франция в затруднительное, а зачастую, ещё более зависимое положение [20].

Действительно ли правление Пия X сопряжено с подобным отрицанием любой формы диалога и возможности взаимодействия со светскими властями? Конечно же, нет.

Фрэнк Коппа, один из ведущих историков-итальянистов периода понтификата Пия X, утверждает, что ещё до того, как стать Папой Римским, Джузеппе Мелкьорре Сарто ставил под вопрос необходимость продолжения позиции *Non expedit*, не позволявшей католикам голосовать на выборах или избираться в органы законодательной власти. Он пришёл к выводу, что подобное самоустранение не идёт на пользу ни вере, ни Церкви, играя на руку её противникам [7].

В своей энциклике *Il fermo proposito* Пий X касается деятельности организации «Католическое действие», рассматривая при этом более общую проблему участия католиков в политике. Он отмечает, что для наибольшей эффективности этой организации недостаточно заниматься лишь решением социальных вопросов. Она также должна использовать те гражданские права и свободы, которые предоставляют современные конституции.

Раскрывая свою позицию, Пий X отмечает, что запрет католикам участвовать в деятельности законодательной власти в Италии может в отдельных случаях допускать исключения. В качестве ответственного органа, определяющего допустимость участия католических партий и политических деятелей в выборах, фактически указываются епархии церкви [4].

В Италии в это время к власти приходит Джованни Джолитти, до назначения премьер-министром в 1903 г. занимавший должность министра внутренних дел, и, несмотря на ярко выраженную либеральную позицию, пользовавшийся относительным доверием католиков. В ходе выборов 1904 г. церковные иерархи, на самом высоком уровне, впервые позволили католикам выставлять свои кандидатуры, однако, в большинстве своём только тогда, когда было необходимо одержать верх над кандидатом-социалистом или радикальным противником Церкви. Избиратели-католики должны были голосовать на выборах за кандидатуру, указываемую епископом [17].

В результате в Парламент прошёл целый ряд умеренных либералов, выступающих за нормализацию отношений с Церковью, а также кандидаты, выступавшие с кардинальных католических позиций. Джолитти стали обвинять в заговоре и сделке со Святым Престолом, доказательств которой предоставлено не было. В среде политической элиты с большей интенсивностью стали говорить о возрастающей активности и участии Католической церкви в политике, что в действительности было правдой. В этот же период между Пием X и Джолитти

заключается соглашение, по которому Италия выплачивает денежную компенсацию за конфискованное до этого у Церкви имущество. Таким образом, говорить о самоизоляции Церкви, и тем более недооценке перспектив политического участия в период борьбы с модернизмом однозначно нельзя.

Жёсткая реакция Святого Престола на модернистское движение, тем не менее, была предсказуема. Существование католицизма и модернизма в полной мере, по всей видимости, было невозможным, и либо очередная попытка реформы должна была быть пресечена строжайшим образом, либо сама Церковь прекратила бы своё существование в том виде, в котором она функционировала на протяжении столетий, постепенно уступив новым идейным веяниям.

При этом исход противостояния Церкви и модернистов рассматривается учёными неоднозначно, в русле двух основных версий его развития – либо модернизм исчез, распавшись под давлением Святого Престола, либо ушёл в подполье, проложив дорогу для будущих реформ Церкви. Модернисты в действительности напоминали протестантов, в том числе за счёт своей разобщенности и многочисленности течений. Их объединяло наличие неких общих принципов, однако при более детальном изучении становится очевидно, что различия между ними были существенными.

Одной из основных угроз модернизма было то, что его последователи рассматривали себя частью Церкви, полагая, что именно они являются истинными католиками. Это грозило Святому Престолу возможностью масштабного раскола [18]. Речь не шла о критике со стороны группы учёных, либо отколовшихся священнослужителей. Именно внутреннее движение могло привести Церковь к опасному для неё противостоянию.

В мае 1912 г. в Риме состоялась конференция, посвящённая католическому модернизму, ставившая своей целью сближение протестантов с католиками-модернистами. Один из видных деятелей движения итальянских католиков-модернистов, Дженнаро Авольо, в своём выступлении утверждал, что модернизм нельзя считать завершившимся только потому, что некоторые из его наиболее прославленных представителей были отлучены от Церкви. Он станет основной тенденцией среди всего современного христианства, являясь чистейшим воплощением христианской веры, не деформированной клерикалами [1]. Авольо, как считает ряд учёных, провозгласил некую форму консенсуса между католиками и евангелистами, сумев сделать ставку на ряд наиболее важных для протестантов вопросов, таких, как требование отмены клерикального celibата [8].

Превалирующей версией судьбы модернизма является его трансформация в движение реформ, имевших место во время Второго Ватиканского собора. В период 1935-1960 гг. в католической среде Франции и Бельгии возникает движение *Nouvelle theologie* «Новая теология», осуждённое папой римским Пием XII в 1946 г. [14]. В конечном счёте, данное направление, предполагающее большую роль историчности в богословской деятельности и критическое отношение к неосхоластике, во многом сформулировало многие направления реформ Второго

Ватиканского собора. Доминиканский богослов и философ Режиаль Гарригу-Лагранж написал труд под названием «Новая теология, куда ты нас ведёшь?», где отстаивал позицию, что она возвращает католицизм к модернизму [10].

Ряд идей, выдвинутых модернистами оказали влияние на ход Второго Ватиканского собора и реформ Церкви, однако не в той степени, чтобы можно было утверждать, о некоем триумфе модернизма после 50 лет подпольного забвения. Второй Ватиканский собор проходил в условиях фактического столкновения двух подходов – консервативного и либерального, где модернизм проявлялся лишь среди определённой части второго крыла. Если предположить, что «Новая теология» и её представители находились под влиянием модернизма, то можно будет утверждать, что модернизм мог оказать влияние на отдельные документы собора. Тем не менее, и консервативное, и либеральное крыло было достаточно «ортодоксальным». Среди перитов (*peritus*) – наиболее уважаемых богословов-экспертов, сопровождавших епископов и принимавших участие в Соборе, лишь несколько представителей либерального крыла были подвержены модернизму в той или иной степени – Едвард Шиллебек из Нидерландов, Ганс Кунг и Карл Рахнер из Германии и др. [15]

Второй Ватиканский собор безусловно привёл к определённой либерализации позиции Святого Престола по многим вопросам, что отторгло наиболее консервативную часть католического сообщества, часть которого оказалась в фактическом расколе с Церковью (Священническое братство святого Пия X), однако она проходила в несколько ином и отличном от модернизма русле. Не вдаваясь в теологические детали, можно отметить, что Собор принял кардинальные изменения в сфере проведения литургии, при этом подтвердив все общехристианские и католические догматы, не допустив новых вероопределений.

Что касается политической доктрины, по ней было принято большое количество документов, которые, однако, несмотря на новые перспективы и взгляды, также не являются отражением модернизма. Святой Престол говорит о том, что уважение и любовь должны распространяться и на тех, кто в вопросах социальных, политических и даже религиозных думает или поступает иным образом, при этом отмечая, что это не должно приводить к равнодушию по отношению к истине и добру. То есть, речь идёт о более терпимом отношении к иным взглядам, но не пересмотру собственных.

В том же русле рассматриваются и отношения между Церковью и государством, где Святой Престол отстаивает право на религиозную свободу всех людей и общин, что должно неизменно приводить к признанию свободы Церкви, как основополагающего принципа отношений между Церковью и гражданскими властями. Католическая церковь утверждает, что общественное благо предполагает свободу Церкви в той мере, в какой это необходимо для спасения людей, вследствие чего, перед лицом любой публичной власти Церковь обладает свободой, являясь духовной властью, установленной Христом Господом. Разве подобная позиция противоречит 300 летнему развитию католической полити-

ческой доктрины? Или содержит в себе революционные изменения, в духе тех, что требовались модернистами – рассмотрение роли Церкви исключительно в рациональном ключе, искоренение мистицизма и пр.?

В отдельных вопросах Церковь, безусловно, пошла на уступки, призвав к диалогу с атеистами, попытке понять причины, побуждающие их к подобной позиции. Но ведь в этом и заключается миссионерская деятельность Церкви, и речь не идёт о пересмотре собственных взглядов, к чему призывали модернисты, а о диалоге и терпимости по отношению к другим воззрениям.

Один из наиболее известных исследователей католического модернизма Аббате Кавалланти утверждал, что модернизм «современен» в ложном смысле этого слова – это болезненное состояние сознания католиков, проповедующее разнообразные идеалы, мнения и тенденции. Время от времени эти тенденции трансформируются в системы, которые ставят перед собой целью пересмотр базиса и надстройки общества, политики, философии, теологии, самой Церкви и христианской религии [5].

В действительности, модернизм, так же как и ряд других движений, ставивших своей целью реформирование Церкви, не учитывал, как представляется, важный фактор. Стремление к изменению структуры, методов осуществления служения церковных иерархов и ряд других формальных вопросов – шаги неоднократно реализованные самой Церковью. Однако пересмотр самой этики христианского учения в том числе его политической доктрины, наталкивался на обоснованное сопротивление Святого Престола, вызывая, по сути своей, риторический вопрос – обязательно ли научный и технический прогресс должен вести за собой прогресс этики?

Список литературы

1. Gennaro Avoglio. *Modernismo Cattolico. Conferenza, 2a edizione con appendice. La Nuova Riforma*, 1913. 7 p.
2. Gene Burns. *The Frontiers of Catholicism: The Politics of Ideology in a Liberal World*. University of California Press, 1994. 34 p.
3. David Carlin. *Decline and Fall of the Catholic Church in America*. Sophia Institute Press, 2013. 12 p.
4. Catholic Church. *Pope (1903-1914 : Pius X). Il fermo proposito*, 1905. Libreria Editrice Vaticana URL: http://w2.vatican.va/content/pius-x/it/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_11061905_il-fermo-proposito.html
5. Abbate Cavallanti. *Modernismo e modernisti*. Tipografia Ven. A. Luzzago, 1907. 15 p.
6. Catholic Church. *Pope (1903-1914 : Pius X). On the Doctrines of the Modernists*, Pascendi Dominici Gregis. St. Paul Editions, 1907. 30 p.
7. Frank J. Coppa. *The Papacy in the Modern World: A Political History*. Reaktion Books, 2014. 115 p.
8. Laura Demofonti. *La riforma nell'Italia del primo Novecento: gruppi e riviste di ispirazione evangelica*. Ed. di Storia e Letteratura, 2003. 106 p.
9. Michel Foucault. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Vintage Books, 1995. Pp. 170-177.
10. Reginald Garrigou-Lagrange. *La nouvelle théologie où va-t-elle ?*. Angelicum, 23, 1946. Pp. 126-45.
11. Harvey Hill. *The Politics of Modernism: Alfred Loisy and the Scientific Study of Religion*. CUA Press, 2002. 160 p.
12. Darrell Jodock. *Catholicism Contending with Modernity: Roman Catholic Modernism and Anti-Modernism in Historical Context*. Cambridge University Press, 2000. 88 p.

13. Cardinal Mercier. *Modernism*. Burns and Oates, 1910. Pp. 23-24.
14. Jürgen Mettepenningen. *Nouvelle Théologie - New Theology: Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II*. Bloomsbury Publishing, 2010. 4 p.
15. Wade St. Onge. *New Things and Old: Re-Implementing Vatican II*. Wade St. Onge, 2012. 72 p.
16. Auguste Sabatier. *The Religions of Authority and the Religion of the Spirit*. Williams & Norgate, 1904. 33 p.
17. Giovanni Sale. «La civiltà cattolica» nella crisi modernista (1900-1907): fra transigentismo politico e integralismo dottrinale. Editoriale Jaca Book, 2001. 181 p.
18. William Frank Smith. *Catholic Church Milestones: People and Events That Shaped the Institutional Church*. Dog Ear Publishing, 2010. 72 p.
19. Michael C. Thomsett. *Heresy in the Roman Catholic Church: A History*. McFarland, 2011. 234 p.
20. Robert Wuthnow. *The Encyclopedia of Politics and Religion*. Routledge, 2013. 592 p.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – к.полит.н., и.о. декана Факультета государственного управления МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

MODERNISM AND CATHOLIC POLITICAL DOCTRINE

G.T. Sardaryan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-140-151

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article studies the perception of Modernism by the Catholic Church as a movement within the clerical structure and philosophy that existed during the 19-20th centuries in the framework of general skepticism and rejection of tradition, prioritization of individualism, formal equality, faith in inevitability of social, scientific and technological progress, rationalization and professionalization. A distinctive feature of this movement is the participation of the priests themselves, especially in France and Italy. The object of research is the Catholic political doctrine during the pontificate of Pius X.

Modernist movement in Catholicism, in opinion of many scientists had a decisive impact on the reform direction during the Second Vatican Council, but on closer study of the discourse that took place in the late 19th - early 20th centuries, it becomes obvious that this is not true.

The focus of the article is the political doctrine of Catholicism - the issue of state political structure, its relationship with church institutions, status of the individual in society. In this regard, the modernists gave priority to necessity of secularization and complete separation of secular and spiritual power.

In the article different scientific methods, are used such as dialectical, logical, comparative, systematic.

The main conclusion of the author is that modernism should be regarded as an unsuccessful attempt to reform the Catholic Church that could have lead to its another schism, rather than a route towards the Second Vatican Council. The desire to change the structure, methods of church mission, its hierarchy and a number of other formal elements – was implemented

by church itself for multiple times before. However, revision of the foundations of Christian ethics and its ontology, including its political doctrine, ran into resistance of the Holy See, causing, in essence, a rhetorical question - whether scientific and technical progress should necessarily lead to the progress of ethics.

Key words: Catholic political doctrine, religion, politics, democracy, modernism, Pope Pius X.

References

1. Avoglio. G. *Modernismo Cattolico*. Conferenza, 2a edizione con appendice. La Nuova Riforma, 1913. 7 p.
2. Burns. G. *The Frontiers of Catholicism: The Politics of Ideology in a Liberal World*. University of California Press, 1994. 34 p.
3. Carlin. D. *Decline and Fall of the Catholic Church in America*. Sophia Institute Press, 2013. 12 p.
4. Catholic Church. Pope (1903-1914: Pius X). *Il fermo proposito*, 11 giugno 1905. Libreria Editrice Vaticana. Available at: http://w2.vatican.va/content/pius-x/it/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_11061905_il-fermo-proposito.html
5. Cavallanti. A. *Modernismo e modernisti*. Tipografia Ven. A. Luzzago, 1907. 15 p.
6. Catholic Church. Pope (1903-1914 : Pius X). *On the Doctrines of the Modernists, Pascendi Dominici Gregis*. St. Paul Editions, 1907. 30 p.
7. Coppa. F.J. *The Papacy in the Modern World: A Political History*. Reaktion Books, 2014. 115 p.
8. Demofonti. L. *La riforma nell'Italia del primo Novecento: gruppi e riviste di ispirazione evangelica*. Ed. di Storia e Letteratura, 2003. 106 p.
9. Foucault. M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Vintage Books, 1995. Pp. 170-177.
10. Garrigou-Lagrange R. La nouvelle théologie où va-t-elle? *Angelicum*, no. 23, 1946, pp. 126-45.
11. Hill. H. *The Politics of Modernism: Alfred Loisy and the Scientific Study of Religion*. CUA Press, 2002. 160 p.
12. Jodock. D. *Catholicism Contending with Modernity: Roman Catholic Modernism and Anti-Modernism in Historical Context*. Cambridge University Press, 2000. 88 p.
13. Mercier. C. *Modernism*. Burns and Oates, 1910. Pp. 23-24.
14. Mettepenningen. J. *Nouvelle Théologie - New Theology: Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II*. Bloomsbury Publishing, 2010. 4 p.
15. Onge. W.St. *New Things and Old: Re-Implementing Vatican II*. Wade St. Onge, 2012. 72 p.
16. Auguste. S. *The Religions of Authority and the Religion of the Spirit*. Williams & Norgate, 1904. 33 p.
17. Sale. G. "La civiltà cattolica" nella crisi modernista (1900-1907): fra transigenzismo politico e integralismo dottrinale. Editoriale Jaca Book, 2001. 181 p.
18. Smith. W.F. *Catholic Church Milestones: People and Events That Shaped the Institutional Church*. Dog Ear Publishing, 2010. 72 p.
19. Thomsett. M.C. *Heresy in the Roman Catholic Church: A History*. McFarland, 2011. 234 p.
20. Wuthnow. R. *The Encyclopedia of Politics and Religion*. Routledge, 2013. 592 p.

About the author:

Henry T. Sardaryan – PhD in Political Science. Acting Dean of Public Administration Faculty, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В ЧИЛИ (XIX-XX ВВ.)

Ю.А. Шелепова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-152-161

Институт Латинской Америки РАН

В статье сделана попытка ответить на вопрос о наличии в Чили школы или какого-либо направления геополитики. Рассматриваются истоки геополитической мысли, а также первые геополитики независимой республики, такие как Б. О'Хиггинс, наметивший дальнейшее развитие страны. Изложены ключевые события двух периодов в истории внешней политики Чили XIX в. – период региональной и континентальной силовой политики. Тихоокеанская война (1879-1883 гг.) континентального периода внешней политики позволила чилийцам расширить границы своего «жизненного пространства» и закрепила за страной превосходство в южной части Тихого океана.

Автор прослеживает формирование различных внешнеполитических концепций в XIX и XX вв., таких как южноамериканский вариант «баланса сил», создателем которого является Д. Порталес, чилийский легализм, сторонником которого был А. Бейо, тихоокеанская стратегия Р.К. Монтальвы, впоследствии доработанная А. Пиночетом. Важным элементом, повлиявшим на формирование и развитие чилийской геополитики в XX в., служит немецкий фактор, и в частности немецкая школа геополитики. Идеи социал-дарвинистов, апробированные и в дальнейшем доработанные, в соответствии с чилийской спецификой, учёными, военными и политиками, сыграли немаловажную, а во многом и ключевую роль в формировании внешней политики Чили. Это касается, например, чилийских интересов в Антарктике. Южный континент – стратегически важный пункт внешней политики страны, составная часть концепции «трёхконтинентального государства», которая была распространена в середине XX в.

Ключевые слова: Чили, внешняя политика, Война за независимость, баланс сил, Тихий океан, геополитика, Антарктида.

УДК 327

Поступила в редакцию 12.09.2016 г.

Принята к публикации 22.01.2017 г.

Геополитика – относительно молодая научная дисциплина, родившаяся в Европе на стыке различных наук. Термин «геополитика» был введён в научный оборот шведским исследователем Рудольфом Челленом в конце XIX в. Согласно его определению, «геополитика является учением о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о территориальном господстве» [3].

Развитие геополитических идей и концепций продолжалось в течение XX в. как в Европе, так и за океаном – в США. Но если о концепциях, разработанных американскими геополитиками, такими как Альфред Мэхэн, Николас Спайкмен, Збигнев Бжезинский и др., написано большое количество литературы на разных языках, то о геополитиках Южной Америки – в разы меньше.

Закономерен вопрос: существует ли в Южной Америке хотя бы одна геополитическая школа или течение? На наш взгляд, самыми крупными, наиболее яркими и проработанными можно назвать концепции, представленные геополитиками трёх южноамериканских стран – Аргентины, Бразилии и Чили. В менее крупных странах, таких как, например, Боливия, Перу и Уругвай, имеют место отдельные труды и разработки [9; 13], правда, в меньшем объёме, чем в трёх вышеперечисленных странах. В рамках данной статьи подробно нам бы хотелось остановиться лишь на одной стране – Чили. В основном автор рассматривает развитие социал-дарвинистского направления в геополитике. Оно было одним (а скорее всего – единственным), получившим широкое распространение и дальнейшее развитие в научных и политических кругах Чили. И если в случае Аргентины и Бразилии мы можем говорить о наличии сформировавшихся геополитических школ разнообразных направлений [7; 8; 9; 10], то в Чили другие направления геополитики прослеживаются нечётко, по крайней мере, в рамках рассматриваемого нами периода времени – с XIX в. до 70-х гг. XX в.

В XIX в. страны Латинской Америки, сбросившие оковы колониализма, вошли в новую для них геополитическую эпоху в качестве отдельных только что родившихся политических единиц. В качестве независимого государства Чили появилось на политической карте мира после окончания Войны за независимость (1810-1826 гг.).

С 1810-х г. общественная мысль в Чили, вдохновлённая чувством патриотизма и резко обострившимся чувством национальной идентичности, пыталась осмыслить факт рождения новой нации, необходимость выбора новой формы государственного управления и государственного строя. Это было непросто и в некоторой степени мучительно: колониальная эпоха была качественно иной по сравнению с вновь наступившей, требовалось определить национальные ориентиры и выстроить новую систему межгосударственных отношений. Наглядным примером в этом отношении служила европейская система.

Американский историк Роберт Н. Бюrr [6] выделяет два периода в истории Южной Америки в течение первого века после обретения независимости:

1) период региональной силовой политики, с 1826 г. до конца 1860-х гг. Историк Говард Питтман назвал период с 1830-х по 1890-е гг. «националистической политикой баланса сил».

2) период континентальной силовой политики, с 1860-х гг. до 1910-х г.

Было бы ошибкой сказать, что в период региональной политики имели место исключительно националистические настроения и видения будущего. Параллельно существовала концепция американизма, сторонником которой был национальный герой, верховный правитель Чили Бернардо О'Хиггинс, выступавший с предложениями о создании международной федерации или конфедерации (вариантов было несколько: один из них включал Перу, Чили и Аргентину, другой – лишь Чили и Аргентину, а третий объединял все независимые республики). Но все предлагаемые варианты подчинялись конкретным целям (военным, политическим, дипломатическим), и в тот момент, когда они достигались, планы по созданию конфедерации были уже неактуальны [12].

Именно Б. О'Хиггинс считается первым чилийским геополитиком. Ещё до начала кампании по освобождению Перу от испанского господства по распоряжению О'Хиггинса и под контролем военного министра Х.И. Зентеньо была построена эскадра первого чилийского флота. Личный и руководящий состав в значительной степени состоял из американских и британских военнослужащих, в т.ч. британцем был и сам командующий новым флотом – известный морской офицер лорд Томас Кохрейн [12; 5]. Таким образом, ещё до старта перуанской экспедиции в 1820 г., новое правительство получило значительное преимущество на море, тем самым заложив прочный фундамент чилийского морского господства.

Бернардо О'Хиггинс одним из первых обращает внимание соотечественников на южные районы Чили: стране следует расширить своё влияние на юг вплоть до Южных Шетландских островов и земель за ними, а также установить контроль над проливом Магеллана. Он отмечает, что чилийцам следует быть более осведомлёнными относительно своего наследия (т.е. колониального наследия), развивать его [8]. О'Хиггинс уполномочил отправить несколько судов для исследования Terra Australis, или южной земли. Считается, что один из этих кораблей – «Дракон», в 1820 г. достиг Антарктического полуострова и одним из первых высадил там человека [8].

В целом период региональной политики характеризуется концентрацией для решения проблем внутри страны, построением внутреннего баланса. Во внешней политике преобладает изоляционизм: страна пытается абстрагироваться от внешних конфликтов, выстраивает торговые и коммерческие отношения и стремится не допустить вмешательства во внутреннюю политику. Этот период включает в себя т.н. «Эру Порталеса». Диего Порталес – министр в правительстве президента Хосе Прието, которого смело можно назвать «серым кардиналом». Д. Порталес по праву относится к геополитикам своего времени: был сторонником национализма, инициатором силовой политики и *Realpolitik* (реальной политики) во взаимоотношениях с другими странами. Являлся по сути

создателем южноамериканского варианта «баланса сил», при котором Чили должна господствовать в Тихом океане и при этом не допустить союза Перу и Боливии [13]. Для Д. Порталеса существование на севере от чилийских границ конфедерации было неприемлемо.

Чили переходит от изоляционизма к взаимодействию в рамках регионально-го треугольника Чили – Перу – Боливия. Сложившийся порядок отвечает чилийским интересам до тех пор, пока в 1835 г. не оформляется перуано-боливийская конфедерация. Этот союз – прямая угроза чилийской безопасности, распределение сил в рамках «треугольника» нарушено. Чили необходимо оказать противодействие и восстановить утраченный региональный баланс. Внутренняя стабильность и устойчивый экономический рост позволили Чили относительно легко выиграть войну против конфедерации Перу и Боливии (1836-1839 гг.) и, по словам Порталеса, «завоевать для Чили вторую независимость». Вскоре после войны «баланс сил» трансформировался в национальную доктрину.

Другой видный чилийский деятель этого периода Андрес Бейо зарекомендовал себя в качестве специалиста по международным отношениям. А. Бейо выступал за международную систему, в которой права государств основаны на законе, а не силе. Его главный труд «Принципы международного права», вышедший в 1844 г., заложил фундамент одного из направлений внешней политики Чили – легализма¹, и оказал огромное влияние на развитие принципов международных отношений в Южной Америке.

Говард Питтман утверждает, что историю внешней политики Чили характеризует битва двух концептов – национализма и американизма. Оба одновременно и противоречат, и дополняют друг друга, а легализм служит в качестве инструмента для реализации и первого, и второго [13].

Следует также упомянуть фактор немецкого влияния. Чилийская армия была сформирована по прусской модели и с помощью немецких инструкторов. Немцы привезли с собой, помимо определенного жизненного уклада, концепции немецких научных школ, в особенности геополитической, которая включала идеи Фридриха Ратцеля о государстве как живом организме, живущем согласно дарвиновскому естественному отбору.

В основе конфликта, Чили, Боливии и Перу позже трансформировавшегося в Тихоокеанскую войну (1879-1883 гг.), лежало стремление чилийцев расширить свое «жизненное пространство» [14; 9] или *Lebensraum*, и захватить территории, богатые полезными ископаемыми. Боливия и Перу обладали природными ресурсами, но были слишком слабы экономически, чтобы их разведывать и использовать. Чили же было экономически сильное и политически стабильное государство, стремилось действовать сообразно своей естественной потребности расти. Имеются два варианта: на север, за счёт территорий Боливии и Перу, и на юг, вплоть до Южного полюса. По итогам тихоокеанской кампании Чили по-

¹ Легализм: а) Точное соблюдение существующих правовых норм. б) Тенденция добиваться своих целей и решать поставленные задачи исключительно в рамках и средствами существующего правопорядка.

лучила территории, богатые залежами селитры и гуано², а также окончательно утвердила своё превосходство в Тихом океане.

Развитие в южном направлении неизбежно влекло за собой конфликт с Аргентиной, отношения с которой никогда не были простыми начиная с первых лет после обретения независимости. Споры по определению границ региона Патагония, принадлежность островов, делимитация морских границ и Антарктического сектора (в XX в.), все эти вопросы решались на протяжении многих лет и решения по ним зависели как от текущей геополитической ситуации в регионе, так и от текущей политической ситуации в каждой из стран. С усилением Аргентины в начале 1870-х гг., Чили понимает, что на континентальной арене появился новый сильный игрок. Таким образом, к началу XX в. окончательно оформляется новый континентальный баланс сил, в котором Чили сохраняет за собой лидерство в Тихом океане.

Следующим этапом развития в истории чилийской геополитики связан с разработками генерала Рамона Каньяса Монтальвы, в 40-50-е гг. XX в. служившего в южных районах Чили. Р.К. Монтальва был первым редактором и создателем, совместно с Пабло И. Клерикусом, географического журнала Чили *Terra Australis*. Выход первого номера журнала был приурочен к поездке президента Г.Г. Виделы на Антарктический полуостров в 1948 г.³

Не исключено, что на взгляды Монтальвы повлияли идеи и работы американского геополитика А. Мэхэна (в частности его самый известный труд «Влияние морской силы на историю», 1890 г.). Генерал верил в «особую роль» своей страны в Тихом океане и сформулировал несколько стратегических тезисов (ставших впоследствии известными как «тезисы Монтальвы»), которые заложили теоретический фундамент для последующих геополитических концепций и разработок на данном направлении. Некоторые из этих тезисов:

- «формирование в стране национального самосознания;
- административное устройство страны с учётом её интересов в данном регионе;
- усиление присутствия Чили в бассейне Тихого океана (укрепление позиций на о. Пасхи, установление связей с Новой Зеландией, Австралией, государствами Юго-Восточной Азии);
- укрепление восточных границ, пока не сформировано национальное самосознание в отношении миссии Чили в Тихом океане и Антарктике;
- обсуждение возможности создания группы стран юга Тихого океана, в которую могли бы войти соседние с Чили латиноамериканские страны» [1; 7].

Совместно с Оскаром Пиночетом-де-ла-Баррой, генерал Монтальва способствовал практическому осуществлению президентского Декрета №1747 от 1940 г., определявшего чилийские требования в Антарктике.

² Гуано (исп. guano) - разложившийся в условиях сухого климата помёт морских птиц, применяемый как азотно-фосфорное удобрение. Также – удобрение из отходов рыбного и зверобойного промыслов.

³ Цель поездки - подтвердить чилийский суверенитет над антарктическими территориями и открыть станцию им. Генерала О'Хиггинса, которая на постоянной основе работает и по сей день.

В середине XX в. получила распространение «трёхконтинентальная концепция», согласно которой территория Чили состоит из материковых земель, островов и Антарктиды. Необходимую целостность и транспортное сообщение между всеми частями страны обеспечивает т.н. «чилийское море» (Mar Chileno). Первыми кто начал разрабатывать концепцию «чилийского моря» были генерал Р.К. Монтальва, П.И. Клерикус и Маруль Бермудез⁴.

Пабло И. Клерикус также разрабатывал теорию Южно-Антильского хребта, согласно которой данный хребет является естественной границей между Атлантическим и Тихим океаном, что подтверждает стратегическую позицию Чили в качестве «смотрителя» перехода из одного океана в другой и притязания Чили на антарктические территории [9].

В период военной диктатуры (1973–1990 гг.) геополитика приобрела совершенно особый статус. Внешнюю политику Чили теперь формировали военные, чья линия шла в фарватере внешней политики Вашингтона. Традиционная гражданско-прагматическая концепция сменилась военно-идеологической. Её основу составляли идеи, разработанные генералом Аугусто Пиночетом и опубликованные им ещё в 1968 г. в книге «Геополитика» [4], где он укрепил и дополнил «тезисы Монтальвы». Пиночет был первым в Южной Америке главой государства теоретиком геополитики.

Пиночет (его как, например, полковник Хулио фон Крисмар) и его сторонники твердо верили в органическую концепцию Фридриха Ротшеля и в существование законов геополитики, которые должны быть сформулированы, проанализированы и включены в концепцию национального развития и внешней политики.

Как генерал понимал геополитику? Согласно его определению, это «инструмент мышления и политического действия; она должна восприниматься в государственно-географическом понимании и направляться на достижение различных внутренних и внешних целей страны». Одной из её целей он называл «соотношение предпосылок к возможному применению и использованию особых законов во внешней политике государства». В связи с этим генерал выделил основные «внешние цели» чилийской геополитики:

- господство в южной части Тихого океана и проливе Дрейка. Пиночет объяснял это исторической традицией, географическим положением, островами в Тихом океане, принадлежащими Чили (о. Сан-Амбросио, Сан-Феликс, Пасхи, Хуан Фернандес, Сала-и-Гомес, зап. часть о. Огненная Земля), и интересами в Антарктике; экспансия на север и юг от границ Чили;

- оккупация и контроль над проливами и островами Южного конуса Латинской Америки;

- препятствовать сближению Перу и Боливии, а также их возможному совместному союзу с Аргентиной. В своих последующих выступлениях и рабо-

⁴ «Чилийское море» тянется с севера, начиная от границы с Перу и до о. Пасхи; отсюда на юго-восток до западной границы чилийского антарктического сектора (900 з.д.). Восточная граница «моря» проходит от пролива Бигль до 530 антарктического сектора.

тах Пиночет подчёркивал важность скорейшего освоения юга Тихого океана для развития торговли и конкурентоспособности страны. В качестве наследия режим оставил несколько геополитических школ, дополненных научно-исследовательскими центрами, журналы и издательства, ориентированные на данную тематику, программы по популяризации геополитики в средствах массовой информации и образовательных учреждениях.

В 1974 г. политика военных не пользовалась популярностью как внутри страны, так и за её пределами, международные организации, такие как ЮНЕСКО, обвиняли правительство в повсеместном нарушении прав человека, а проамериканская направленность и национализм в межрегиональных отношениях также не способствовали улучшению ситуации, страна оказалась в политической изоляции, и военному правительству пришлось ограничить свои геополитические устремления.

Так появился «Конфиденциальный меморандум министерства иностранных дел Чили» [2], определивший цели и новый инструментарий внешней политики. В нём впервые упоминается понятие «функциональной дипломатии», т.е. дипломатии гибкой, меняющейся, подстраивающейся под изменения и действующей в соответствии с ними.

Важным внешнеполитическим партнёром страны были Соединённые Штаты. Чили была участником «шахматной партии» разыгрываемой США, одним из партнёров, реализующих не только свою, сколько американскую геополитическую стратегию. Тихий океан был именно той зоной интересов и местом приложения как геополитической концепции военного правительства Чили, так и океанской стратегии США (являвшейся частью «реалистического устрашения»). 2 августа 1985 г. был подписан договор об использовании острова Пасхи для аварийного приёма или возможной посадки космических кораблей многоцелевого использования, но, по сути - создание новой военно-воздушной базы США в южной части Тихого океана под предлогом научных исследований НАСА. Такое сотрудничество было взаимовыгодным, поскольку американцы улучшили инфраструктуру острова, вместе с тем это не противоречило геополитической стратегии Чили, согласно которой остров Пасхи служил своего рода трамплином в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Одним из ключевых пунктов геополитической концепции военного правительства являлась Антарктика. Этот пункт вытекал из общей концепции «трёхконтинентального государства». Выделялось три геополитических аспекта антарктической политики: морской, аэрокосмический и ресурсный.

Как уже упоминалось, территориальные претензии Чили в Антарктике были официально объявлены Декретом №1747 (1940 г.), подписанным президентом страны Педро Агирре Серда. Согласно Декрету, сектор между 530 и 900 з.д. является чилийской территорией. В качестве доказательств приводились различные документы: папские буллы XV в., Тордесильяский договор

(1494 г.), испанские декреты и проч., чем также пользовалась аргентинская сторона в споре за антарктические территории. Чилийский сектор перекрывал сектор Аргентины (250 – 740), а также сектор Великобритании (200 – 800).

Однако, в 1959 г. в Вашингтоне двенадцать стран⁵ подписали Договор об Антарктике, вступивший в силу в июне 1961 г. Согласно Договору, южный континент объявлялся зоной мира и должен использоваться в мирных целях (запрещены любые ядерные взрывы и захоронения радиоактивных материалов), а все территориальные претензии стран замораживаются. Чили активно поддерживает Договор и его положения, что обусловлено геополитической позицией и ресурсами. Документ об Антарктике является своего рода защитой от посягательств на чилийские антарктические территории.

Развитие внешнеполитических идей и концепций в Чили шло по аналогии с европейским. В процессе своего становления и построения собственной системы межгосударственных отношений, южноамериканские республики ориентировались на европейскую модель. Чили взяла на себя роль некоего «балансира». Концепция «баланса сил» настолько увлекла чилийцев, что добившись стабильного положения внутри страны, они начали использовать и продвигать его в своей региональной, а затем и континентальной политике. Суть концепта одна как в Европе, так и в Южной Америке, но сама система, состав и соотношение её участников, абсолютно разные.

В XX в. Чили входит всё тем же «балансиром» и уверенной хозяйкой Тихого океана. Но вскоре на первый план выйдут другие, более сильные игроки, такие как вечный соперник Чили – Аргентина, и значительно усилившиеся Соединённые Штаты.

XX в. выделит особую роль чилийских военных в развитии внешней политики и внедрении геополитических идей в повседневную практику. Ещё больше внимания, чем раньше, уделяется Тихому океану, как основному геополитическому пространству, и возможностям с ним связанным, как например развитие связей с АТР. Пристального внимания удостоиваются южные острова, проливы и Антарктический регион. Правительство генерала А. Пиночета даст новый импульс чилийской геополитической школе и выведет её на новый уровень.

Список литературы

1. Капустян Е. Тихоокеанская политика Чили // Россия – Латинская Америка: тихоокеанский мост / под ред. А.И. Сизоненко. М.: ИЛА РАН, 1993. 81 с.

⁵ Великобритания, США, СССР, Аргентина, Чили, Бельгия, Франция, Норвегия, Южная Африка, Япония, Австралия и Новая Зеландия.

2. Конфиденциальный меморандум министерства иностранных дел Чили // Латинская Америка. 1975. №6. С. 129-133.
3. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.
4. Чили в международных отношениях // Чили: от диктатуры к демократии. М.: Наука, 1991. 181 с.
5. Black J. Naval power: A history of warfare and the sea from 1500. Palgrave Macmillan, 2009. 266 p.
6. Burr R.N. By reason or force. Chile and the balancing of power in South America, 1830-1905. Berkley and Los Angeles, 1974. 323 p.
7. Cañas Montalva R. Reflexiones geopolíticas sobre el presente y el futuro de América y de Chile // Revista de Seguridad Nacional. 1979. No. 14. Pp. 59-87. URL: <https://www.anep.cl/publicaciones/numeros-antiores-revista-politica-y-estrategia/> (дата обращения: 15.02.2017).
8. Child J. Antarctica and South American geopolitics. Frozen Lebensraum. New York, 1988. 232 p.
9. Child J. Geopolitics and conflict in South America: quarrels among neighbors. New York, 1985. 196 p.
10. Child J. Geopolitical thinking in Latin America // Latin American Research Review. 1979. Vol. 14. No. 2. Pp. 89-111.
11. Child J., Finan J.J. Latin America: International relations: a guide to information sources. Detroit, Michigan, Gale Research Co., 1981. 236 p.
12. Collier S. Ideas and politics of Chilean Independence 1808-1833. Cambridge, 1967. 398 p.
13. Pittman H.T. Chilean foreign policy: the pragmatic pursuit of geopolitical goals / The dynamics of Latin American foreign policies. Challenges for the 1980s. Westview Press, 1984. 325 p.
14. Valencia Vega A. Geopolítica de Bolivia. La Paz, Juventud, 1965. 381 p.

Об авторе:

Юлия Алексеевна Шелепова – аспирантка Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН); секретарь-референт. 115035, г. Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16. E-mail: shelepova_j@mail.ru.

THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF CLASSICAL GEOPOLITICS IN CHILE (19-20 CENTURIES)

Y.A. Shelepova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-152-161

Institute of Latin American studies of RAS, ILA RAS

The article attempts to answer the question if there is a geopolitical school in Chile. It reviews the origins of political thought in Chile as well as first geopoliticians of the new independent republic, such as B. O'Higgins. It analyzes the key events of the two periods in the history of Chile's foreign policy of the nineteenth century – the period of regional and continental power politics. The Pacific War (1879-1883) of the continental period allowed Chileans to expand their «living space» and approved Chile as a key power in South Pacific.

The author studies the formation of various foreign policy concepts in 19-20 centuries, such as the South American version of the «balance of power», whose author was D. Portales; Chilean legalism, whose main supporter was A. Bello; Pacific strategy of R.K. Montalva, sub-

sequently modified by A. Pinochet. An important element that influenced the formation and development of Chilean geopolitics in the twentieth century is the German factor, in particular, German school of geopolitics. The ideas of Social Darwinists, tested and subsequently modified, in accordance with the Chilean specifics, by scientists, military and politicians, played an important role in shaping Chile's foreign policy. It supported, for example, the Chilean interests in Antarctica. The southern continent is a strategic point of the foreign policy and a part of the concept of «tricontinental state», which was promoted in the middle of 20 century.

Key words: Chile, foreign policy, War of Independence, balance of power, Pacific Ocean, geopolitics, Antarctica.

References

1. Kapustian E. Tikhookeanskaia politika Chili [Chilean Pacific policy]. *Rossia – Latinskaia Amerika: tikhookeanskii most* [Russia-Latin America: Pacific bridge]. Moscow, ILA RAS Publ., 1993. 81 p. (In Russian).
2. Konfidentsial'nyi memorandum ministerstva inostrannykh del Chili [A confidential memorandum of the Ministry of Foreign Affairs of Chile]. *Latinskaia Amerika*, 1975, no. 6, pp. 129-133. (In Russian).
3. Chellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [The state as a living form]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 319 p. (In Russian).
4. Chili v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Chile in international relations]. *Chili: ot diktatury k demokratii* [Chile: from dictatorship to democracy]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 181 p. (In Russian).
5. Black J. *Naval power: A history of warfare and the sea from 1500*. Palgrave Macmillan, 2009. 266 p.
6. Burr R.N. *By reason or force. Chile and the balancing of power in South America, 1830-1905*. Berkley and Los Angeles, 1974. 323 p.
7. Cañas Montalva R. Reflexiones geopolíticas sobre el presente y el futuro de América y de Chile. *Revista de Seguridad Nacional*, 1979, no. 14, pp. 59-87. Available at: <https://www.anep.cl/publicaciones/numeros-antiores-revista-politica-y-estrategia/> (Accessed: 15.02.2017).
8. Child J. *Antarctica and South American geopolitics. Frozen Lebensraum*. New York, 1988. 232 p.
9. Child J. *Geopolitics and conflict in South America: quarrels among neighbors*. New York, 1985. 196 p.
10. Child J. Geopolitical thinking in Latin America. *Latin American Research Review*, 1979, vol. 14, no. 2, pp. 89-111.
11. Child J., Finan J.J. *Latin America: International relations: a guide to information sources*. Detroit, Michigan, Gale Research Co., 1981. 236 p.
12. Collier S. *Ideas and politics of Chilean Independence 1808-1833*. Cambridge, 1967. 398 p.
13. Pittman H.T. Chilean foreign policy: the pragmatic pursuit of geopolitical goals / *The dynamics of Latin American foreign policies. Challenges for the 1980s*. Westview Press, 1984. 325 p.
14. Valencia Vega A. *Geopolítica de Bolivia*. La Paz, Juventud, 1965. 381 p.

About the author:

Yulia Alekseevna Shelepova –postgraduate student in Institute of Latin American studies of RAS; administrative assistant. Russia, 115035, Moscow, B. Ordinka, 21/16.
E-mail: shelepova_j@mail.ru

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР» И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД»: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ

А.Ю. Долгова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-162-172

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Экономический кризис 2008-2010 гг. вызвал широкую дискуссию среди ведущих экономистов, представителей финансового мира, политиков о необходимости реформирования глобальной финансовой системы с ведущими финансовыми центрами в Нью-Йорке и Лондоне.

Международные финансовые центры являются сегодня ключевыми площадками глобальной финансовой системы, на которых выстраиваются механизмы привлечения и управления потоками капитала со всего мира. Одновременно, на сегодняшний день в академической литературе и исследованиях ведущих финансовых организаций нет чётко устоявшегося определения понятия «международный финансовый центр». МФЦ рассматривается и как место сосредоточения офисов банков и финансовых компаний, и как площадка для доступа национального бизнеса к глобальному рынку капитала, и как глобальный город с особыми условиями ведения бизнеса.

В статье представлен обзор подходов к определению понятия «международный финансовый центр», распространённых в зарубежной и отечественной академической литературе. Значительное внимание уделено анализу подходов к рассмотрению МФЦ как функции глобального города с точки зрения урбанистики, социологии и географии. Рассмотрение характерных черт МФЦ на современном этапе развития построено на анализе методологических данных индекса глобальных финансовых центров GFCL, который составляется лондонским аналитическим центром Z/Yen Group Limited. Автор приходит к выводу, что большее внимание при определении и характеристики МФЦ сегодня должно быть уделено его роли глобального города, а не площадке финансового посредничества с учётом возрастающей роли таких факторов конкурентоспособности, как городская и деловая среда, человеческий капитал.

Ключевые слова: международные финансы, региональная экономика, финансовая глобализация, глобальная финансовая система, международный финансовый центр, глобальный город, индекс глобальных финансовых центров.

УДК 339.7 JEL F3

Поступила в редакцию 11.01.2017 г.

Принята к публикации 25.01.2017 г.

Важная тенденция развития мировой экономики на современном этапе – обострившееся стремление государств по всему миру превратить свои столицы или крупные города в конкурентоспособный международный финансовый центр для привлечения прямых иностранных инвестиций, талантов и ведущих компаний со всего мира. Однако, как утверждают, в частности, Ч.Киндлебергер, Ю. Кассис, И. Мооз и др., среди исследователей нет единого мнения при определении понятия и ключевых характеристик МФЦ [7, 16, 19]. В 1974 г. в одной из первых научных работ, посвящённых МФЦ, Ч.Киндлебергер отмечал, что вопросы развития МФЦ оказались «между двух стульев» [16, р.1]. С одной стороны, МФЦ рассматривается в экономической науке как важная площадка финансового посредничества, место трансформации финансового капитала из сбережений в инвестиции в отрыве от рассмотрения места расположения центра – конкретного города. С другой стороны, специалисты в области урбанистики, социологии и географии полагают, что МФЦ – это глобальный город, где созданы благоприятные условия для размещения капитала инвесторами со всего мира. Финансовая функция глобального города, таким образом, определяет статус города как финансового центра. В связи с этим возникают вопросы о соотношении понятий «международный финансовый центр» и «глобальный город» и о возможности синтетического определения МФЦ на границе предметных областей экономики, социологии, географии и урбанистики?

Международный финансовый центр: подходы к определению

Впервые понятие «глобальный город» было использовано О. Шпенглером в 1918 г. [5]. Термин обозначал масштабную форму расселения, которая образовывалась при объединении нескольких менее крупных агломераций. Понятие «глобальный город» (global city) тесно связывалось с понятием «мировой город» (world city). В 1927 г. Р. Маккензи отмечал, что мир построен на системе больших городов, которые динамично развиваются и служат местом сосредоточения богатств и предприимчивых людей [17]. П.Холл рассматривал мировые города (Лондон, Париж, Нью-Йорк, Токио, Москву и др.) как центры мира с высоким уровнем развития таких областей, как торговля, финансы, образование, культура и технологии [10]. Он определял мировые города как «место, где происходит значительная часть важных дел мира» [10, с. 156]. В 1986 г., продолжая работу П. Холла и проанализировав процесс развития ряда больших городов, Дж. Фридман предположил, что эти города выступают в роли посредников, предлагая национальным контрагентам доступ к глобальным рынкам [8]. В более поздней работе Дж. Биверштока, П. Тейлора и др., высказано мнение, что мировой город не только обеспечивает доступ к мировым рынкам, но и положительно влияет на качество жизни и труда горожан [6]. В 1991 г. С. Сассен дала наиболее общепринятое сегодня определение глобального города как постиндустриального центра, интегрированного в мировую экономику и существующего за счёт взаи-

модействия с другими большими городами [22]. В центре этого взаимодействия находится капитал, который свободно перемещается по миру и приносит доход.

Понимание МФЦ как глобального города характерно для урбанистики, социологии и географии. Глобальный город отличает высокая концентрация финансового капитала и деловой активности, что выделяет его финансовую функцию на фоне других функций. Они выступают важными драйверами экономического развития для национальной и глобальной экономики благодаря привлечению финансового капитала со всего мира. Большие города берут на себя административные и интеллектуальные функции, становятся центрами образования, развития инноваций и технологий. Для эффективной реализации этих направлений необходим свободный доступ к финансовому рынку, который обеспечивает процесс перетока денежных средств от собственника к заёмщику. Таким образом город приобретает дополнительную функцию и становится площадкой финансового посредничества, то есть выступает в роли финансового центра.

Если изначально исследования глобальных городов вели, в основном, урбанисты, географы и социологи, то под влиянием процессов финансовой глобализации всё большее внимание на финансовую функцию глобального города стала обращать экономическая наука. Эта функция глобального города воплотилась здесь в понятии «международный финансовый центр». С одной стороны, МФЦ рассматривается как часть международного финансового рынка. С другой стороны, макроэкономика ставит важный вопрос о влиянии МФЦ на развитие национальной экономики, вкладе в экономический рост.

При этом во многих экономических исследованиях МФЦ рассматривается без какой-либо привязки к его пространственному расположению [3, 7, 12, 16, 25]. Ч. Киндлебергер отмечает, что литература, посвящённая вопросам развития финансового сектора и МФЦ, уделяет незначительное внимание пространственному расположению финансовых центров, порой и вовсе обходя стороной тот факт, что центр расположен в городе [16].

В области международных финансов МФЦ определяется в самом общем виде как центр сосредоточения банков и специализированных финансово-кредитных институтов [3, 12]. Важную роль для деятельности МФЦ играют представительства транснациональных банков², биржи, аудиторно-консалтинговые компании, государственные регуляторы. Существенной особенностью МФЦ является то, что все эти участники действуют в тесной взаимосвязи. По мнению экономического историка Ю. Кассиса, МФЦ является «важным объединяющим элементом глобальной финансовой архитектуры, которая представляет собой совокупность финансовых институтов, рынков, организаций и профессиональных сообществ» [7, с. 4]. В этой связи финансовые центры становятся «местами, где одновременно могут быть проведены операции по накоплению, переводу, выплате и обмену финансового капитала или валюты» [25, с. 2].

² Транснациональные банки - «универсальные мультинациональные финансово-банковские группы с широкой (глобальной или региональной) географией операций» [1, с. 227].

Данные подходы к определению МФЦ подчёркивают его функцию финансового посредничества. Как отмечает Х. Рид, возникновение финансовых центров связано с необходимостью трансформации финансового капитала из сбережений в инвестиции. Х. Рид отмечает, что финансовые центры существуют благодаря их способности удерживать баланс между сбережениями и инвестициями, а также выступать посредником между инвесторами и заёмщиками [21].

В отечественной литературе под МФЦ часто понимают «центры сосредоточения крупных международных капиталов и масштабного проведения разнообразных международных финансовых операций» [4, с. 545]. При этом в нормативных документах международный финансовый центр определён как «система взаимодействия организаций, нуждающихся в привлечении капитала и инвесторов, стремящихся к размещению своих средств, которая охватывает участников из многих стран» [2].

Обзор подходов к определению понятия «международный финансовый центр», характерный для экономической науки, позволяет сделать вывод, что МФЦ рассматривается в ней как площадка сосредоточения глобальных финансовых институтов, в большей степени с позиции международных финансов, без внимания к пространственному расположению центров. Насколько оправдан такой подход? Какое значение для характеристики современных МФЦ играет факт его расположения в глобальном городе?

Ключевые характеристики МФЦ на современном этапе развития

Рассмотрим характерные черты ведущих МФЦ на основе анализа данных индекса глобальных финансовых центров GFCI. Индекс GFCI публикуется два раза в год с 2007 г. лондонским аналитическим центром Z/Yen Group Limited. В рейтинг GFCI в 2016 г. было включено 87 финансовых центров, играющих значимую роль в мировой финансовой системе [9]. В условиях конкуренции за привлечение иностранных инвесторов успех финансового центра зависит от уровня его конкурентоспособности. Рейтинг GFCI построен на системе следующих взаимосвязанных факторов конкурентоспособности: бизнес-среда, человеческий капитал, система налогообложения, репутация, инфраструктура и развитие финансового сектора.

GFCI рассчитывается на основе модели, состоящей из двух частей – результатов опросов участников финансового сектора и инструментальных факторов. Результаты опроса включают в себя около 23 000 экспертных оценок, полученных от 1800 респондентов с 2007 г. При составлении индекса в 2016 г. использовался 101 инструментальный фактор – ключевые показатели выделенных факторов конкурентоспособности. Лидерами рейтинга GFCI 20 являются Лондон, Нью-Йорк, Сингапур, Гонконг, Токио.

Для классификации МФЦ в рамках индекса GFCI выделяются три ключевые фактора: взаимодействие с другими центрами, специализация, разнообра-

зие предоставляемых услуг. На основе их анализа центру присваивается один из следующих типов – глобальный, региональный и локальный.

Глобальные (Global) финансовые центры – это широко известные в мире, предоставляющие широкий спектр услуг участникам финансового рынка центры. Для глобальных МФЦ характерна высокая концентрация зарубежных и национальных финансовых институтов, значимые масштабы и спектр осуществляемых операций, глобальная география клиентов, высокий уровень развития финансовой и городской инфраструктуры. Глобальным финансовым центрам принадлежит ведущая роль в трансграничном движении капитала. Так, в них осуществляется значительная доля международной торговли валютами, финансовыми производными инструментами, а по общему объёму эмиссии долговых ценных бумаг, управлению активами, первичному размещению акций, глобальные МФЦ являются безусловным лидером. К числу глобальных финансовых центров относится Лондон и Нью-Йорк.

Региональные (Transnational) финансовые центры – это центры, обслуживающие сделки регионального характера. В них заключаются масштабные и сложные трансграничные операции. Данные центры (Сеул, Стамбул, Дубай, Мумбай) играют значимую роль в определённом регионе мира. По определению Дениса Хевью, региональные финансовые центры – города с центральным расположением в регионе, где высока концентрация финансовых институтов и рынков капитала, что позволяет производить финансовые операции с наименьшими издержками [11].

Локальные (Local) финансовые центры (Мельбурн, Сан-Франциско, Осло, Санкт-Петербург) – это центры, обслуживающие локальные сделки. В них сосредоточены значительные обороты национального бизнеса в пределах одной страны. Локальные МФЦ в основном заточены на обслуживание потребностей экономик и финансовых рынков стран нахождения и ограниченного количества стран. Локальные МФЦ обычно берут на себя функцию каналов по привлечению иностранного капитала в экономику своих стран.

В научной литературе при анализе МФЦ также принято выделять специализированные МФЦ. Для них характерна высокая степень специализации на проведении определённого вида финансовых операций – например, торговая сделка

Таблица 1. Инструментальные факторы индекса GFCI 20, 2016 г.

Table 1. Instrumental Factors of index Geci 20, 2016.

Группа факторов	Ключевые показатели, количество
Бизнес-среда	31
Человеческий капитал	20
Инфраструктура	16
Репутация	19
Развитие финансового сектора	15

Источник: GFCI 20, Z/Yen Group Limited, September 2016

с тем или иным активом. Примером специализированного МФЦ может служить Цюрих, который имеет широко признанную специализацию в области управления частными активами, а также Куала-Лумпур, который берёт лидерство в развитии исламского банкинга и финансов.

Из Таблицы 1 видно, что ключевые показатели, используемые при оценке МФЦ, связаны с деловой и городской средой, человеческим капиталом. На группу факторов, связанную с развитием финансового сектора, приходится лишь 15 из 101 используемых инструментальных факторов. Таким образом, характеристики наиболее конкурентоспособных МФЦ складываются из качества среды, инфраструктуры, общей репутации центра и в меньшей степени за счёт уровня развития финансового сектора.

Роль городов в мировой экономике возрастает. По данным Всемирного Банка, 50% населения Земли сегодня живут в городах. К 2045 г. этот показатель увеличится в 1,5 раза и составит 6 млрд. человек. Около 80% мирового ВВП приходится на города. По прогнозам McKinsey Global Institute, в период 2000-2025 гг. около одной трети показателей экономического роста мира будет приходиться на крупнейшие города. ВВП 600 мегаполисов мира увеличится на 30 трлн долларов в период 2010-2025 гг. [18, 24]³.

Наряду с этим, С. Сассен подчёркивает, что современный этап трансформации глобальной финансовой системы в целом снижает значение стран в процессе функционирования финансовых рынков и приводит к переоценке роли глобальных городов, которые берут на себя функции государства [23]. Важность выводов С. Сассен развивает в своих работах П. Ханна, который полагает, что в XXI в. господствующее положение будут занимать не страны, а города, которые будут формировать мировой порядок будущего, привлекая капитал и таланты со всего мира [14, 15]. Уже сегодня на финансовые центры, расположенные, как правило, в столицах, приходится более одной трети национального ВВП. К примеру, 50% ВВП Великобритании приходится на Лондон [26].

Значение расположения МФЦ в глобальном городе

С чем связано то, что финансовые центры находятся в городах? Согласно одной из функциональных теорий развития МФЦ – теории центральных мест В. Кристаллера, крупные города являются «фокусами или ядрами, вокруг которых группируются поселения» [13, с. 63]. Такие города называются центральными местами, так как они обслуживают не только своё население, но и население соседних территорий. В. Кристаллер отмечает, что центральные места не равнозначны по своему весу. Так, места низкого порядка обеспечивают население повседневными товарами и услугами. Места высокого порядка удовлетворяют потребность населения в более специализированных товарах и услугах, которые

³ The World Bank Urban Development Overview – The World Bank, October 2016 Available at: <http://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#1>

уникальны по своей функции, хотя и приобретаются населением реже. В свою очередь, центральные места самого высокого порядка располагают общемировыми связями и являются международными финансовыми центрами.

Одновременно, теория экономии издержек объясняет наличие необходимой комфортной деловой и городской среды в МФЦ. Развивая городскую бизнес-среду, город становится местом сосредоточения крупных национальных и зарубежных компаний, приобретая статус международного финансового центра. Так, переходя на микроуровень анализа, преимущества, которые получают компании, оперирующие в МФЦ, проявляются в возможности получения всех необходимых для развития бизнеса сопутствующих услуг в одном месте. Компания, функционирующая в центре, с течением времени ощущает всё более сильную привязанность собственной деятельности к возможностям и преимуществам, которые представляет финансовый центр своим резидентам.

В данной связи важно заметить, что современный механизм осуществления финансовых операций требует участия специалистов и компаний разного профиля. Если раньше для работы на рынке было достаточно взаимодействия брокера, банка и страховой компании, то сегодня даже в разовой сделке обязательными участниками становятся организации, которые оказывают различные консультативные услуги. Все эти компании наряду с кредитно-финансовыми организациями базируются на площадке МФЦ. Во многом обозначенные тенденции по расширению профиля организаций-резидентов способствует определению МФЦ как глобального города, принимающего на себя административные, деловые, торговые и культурные функции, а не только финансовые.

Ключевое значение для принятия решений на финансовом рынке имеет информация и возможность быстрого доступа к ней. Компании при оценке затрат учитывают уровень и глубину взаимодействия с клиентами, другими компаниями и регулятором. С. Сассен определяет это как социальную инфраструктуру – профессиональное сообщество МФЦ, взаимодействие и коммуникации с которым позволяет принимать решения, вести операционную деятельность [23]. Доступ к социальной инфраструктуре играет важную роль для компаний и не может быть предоставлен удаленно, несмотря на высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий сегодня. Благодаря цифровой революции, инвестор из Нью-Йорка и Бангкока действительно имеют равный доступ к актуальным экономическим новостям со всего мира, но и принципиально неравный доступ к социальной инфраструктуре – профессиональная аналитика и интерпретация событий, к которой традиционно прибегают инвесторы и инвестиционные компании для принятия ключевых инвестиционных решений.

Финансовые центры как элемент глобальной финансовой системы представляют собой высшую форму пространственной концентрации капитала. В условиях финансовой асимметрии капитал концентрируется там, где для этого созданы наиболее благоприятные условия функционирования рынков и институтов в рамках соотношения «риск – доходность». При этом, сово-

купность качественных характеристик места расположения МФЦ – наличие высокопрофессиональных кадров и комфортной городской среды – вносит существенный вклад в уровень конкурентоспособности финансового центра.

Рассмотрение разных подходов к определению понятия «международный финансовый центр» вместе с анализом ключевых характеристик и функций МФЦ позволяет сделать вывод, что уровень развития того или иного финансового центра непосредственно связан с местом его расположения и не может рассматриваться в отрыве от него. Международный финансовый центр – это глобальный город, который наряду с административной, торговой, культурной реализуют функцию финансового посредничества и становится важной площадкой глобальной финансовой системы по привлечению и перераспределению капитала со всего мира. МФЦ обеспечивает взаимодействие между участниками финансового рынка; функционирование кредитно-финансовых и аудиторско-консалтинговых организаций.

Очевидно, что развитие и характерные черты того или иного глобального города серьёзно влияют на конкурентоспособность финансового центра, определяя его сильные и слабые стороны, способствуя формированию специализации и типа центра. Социально-культурная среда города играет важную роль для развития в нём глобально конкурентоспособного МФЦ и сопоставима по значимости с качеством развития финансового сектора.

Список литературы

1. Актуальные проблемы международных финансов: сб. науч. ст. / под ред. В.Д. Миловидова, В.Н. Ткачёва. М.: МГИМО-Университет», 2013. 262 с.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 30.01.2017).
3. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / под ред. Л.Н.Красавиной. М.: Финансы и статистика, 2000. 576 с.
4. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под ред. А.Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2004. 1168 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
6. Beaverstock J.V., Taylor P.G., Smith R.G. A Roster of World Cities // *Cities*. 1999. No. 16. Vol. 6. Pp. 445-458.
7. Cassis Y. Capitals of Capital: The Rise and Fall of International Financial Centres 1780-2009. Cambridge University Press, 2010. 393 p.
8. Friedman J. The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. No. 4. Pp. 12-50.
9. Global Financial Centres Index. Z/Yen Group Limited, September 2016. 53 p.
10. Hall P. World Cities. New York: McGraw-Hill, 1966. 256 p.
11. Hew D. Singapore as a regional financial centre. Institute for South East Asian Studies, 7-8 March 2002. 26 p.
12. Jao Y. Hong Kong as an International Financial Centre, Evolution, Prospects and Policies. Hong Kong City: University of Hong Kong Press, 1997. 170 p.
13. Jarvis D. Race for the Money: International Financial Centres in Asia // *Journal of International Relations and Development*. 2011. No. 12. Pp. 60-95.
14. Khanna P. Beyond City Limits // *Foreign Policy*, September/October 2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/08/06/beyond-city-limits> (дата обращения: 18.11.2016).
15. Khanna P. How much economic growth comes

- from our cities? // WEF Blog, 13.04.2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/04/how-much-economic-growth-comes-from-our-cities> (дата обращения: 18.11.2016).
16. Kindleberger Ch.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History. Princeton Studies in International Finance. No. 36. New Jersey, 1974. 85 p.
 17. McKenzie R. The Concept of Dominance and World-Organization // American Journal of Sociology. 1927. No. 33. Pp. 28-42.
 18. Urban world: Cities and the rise of the consuming class. McKinsey Global Institute, June 2012. 77 p.
 19. Moosa I., Li L., Jiang R. Determinants of the Status of an International Financial Centre // The World Economy. 2015. Vol. 39. Iss. 12. Pp. 2074-2096.
 20. Poon J. Hierarchical Tendencies of Capital Markets among International Financial Centers // Growth and Change. 2003. No. 34. Iss. 2. Pp. 135-156.
 21. Reed H.C. The Ascent of Tokyo as an International Financial Centre // Journal of International Business Studies. 1980. No. 11. Iss. 3. Pp. 19-35.
 22. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton University Press, 1991. 480 p.
 23. Sassen S. Global Financial Centers // Foreign Affairs. 1999. No. 78. Iss. 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/issues/1999/78/> (дата обращения: 18.11.2016).
 24. The World Bank Urban Development Overview // The World Bank, October 2016. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#1> (дата обращения: 18.11.2016).
 25. Tschoegl A.E. International Banking Centers, Geography, and Foreign Banks // Financial Markets, Institutions and Instruments. 2000. No. 9. Iss. 1. Pp. 1-32.
 26. UK Financial and Related Professional Services: Meeting the Challenges and Delivering Opportunities. The CityUK, August 2016. 60 p.

Об авторе:

Алёна Юрьевна Долгова – аспирантка кафедры экономической теории МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: dolgovaalena@gmail.com.

INTERNATIONAL FINANCIAL CENTRE AND GLOBAL CITY

A.Y. Dolgova

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-162-172

Moscow State Institute of International Relations (University)

The economic crisis of 2008-2010 caused extensive discussion among leading economists, financial experts, politicians about the need to reform the global financial system with capitals in New York and London.

Today international financial centres are the key elements of the global financial system, which lined up mechanisms to attract and manage capital flows around the world. At the same time, in the academic literature and studies of leading financial organizations, there isn't an established definition of "international financial center". IFC is regarded as a place of concentration of banks and financial companies' offices, and as a platform for national businesses access to the global capital market and as a global city with the special conditions of doing business.

The article provides an overview of approach to the definition of “international financial centre” in the foreign and domestic academic literature. Considerable attention is paid to the approach of defining IFC as a function of the global city in terms of urban studies, sociology and geography. Research on key features of the IFC is based on the analysis of GFCI methodology, which is compiled by Z / Yen Group Limited. The author concludes that more attention in defining IFC should be given to its role as a global city, rather than its financial intermediary function, taking into account the growing role of such factors of competitiveness as business and city environment, human capital.

Key words: international finance, regional economics, financial globalization, global financial system, international financial centre, global city, The Global Financial Centres Index.

References

1. *Aktual'nye problem mezhdunarodnykh finansov. Sbornik nauchnykh statei* [International Finance. Essay Collection]. Ed. by V.D. Milovidov, V.N. Tkachev. Moscow, MGIMO University Publ., 2013. 262 p.
2. *Kontseptsiiia dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [Strategy of long-term social economic development of Russia till 2020]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 (Accessed: 30.01.2017).
3. *Mezhdunarodnye valiutno-kreditnye i finansovyie otnosheniia* [International finance]. Ed. by L.N. Krasavina. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2000. 576 p.
4. *Finansovo-kreditnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Financial Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A.G. Griaznova. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2004. 1168 p.
5. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. Vol. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. Transl. by I.I. Mahan'kova. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 606 p.
6. Beaverstock J.V., Taylor P.G., Smith R.G. A Roster of World Cities. *Cities*, 1999, no.16, vol.6, pp. 445-458.
7. Cassis Y. *Capitals of Capital: The Rise and Fall of International Financial Centres 1780-2009*. Cambridge University Press, 2010. 393 p.
8. Friedman J. The World City Hypothesis. *Development and Change*, 1986, no. 4, pp. 12-50.
9. *Global Financial Centres Index*. Z/Yen Group Limited, September 2016. 53 p.
10. Hall P. *World Cities*. New York. McGraw-Hill, 1966. 256 p.
11. Hew D. *Singapore as a regional financial centre*. Institute for South East Asian Studies, 7-8 March 2002. 26 p.
12. Jao Y. *Hong Kong as an International Financial Centre, Evolution, Prospects and Policies*. Hong Kong City, University of Hong Kong Press, 1997. 170 p.
13. Jarvis Darryl. Race for the Money: International Financial Centres in Asia. *Journal of International Relations and Development*, 2011, no.12, pp. 60-95.
14. Khanna Parag. Beyond City Limits. *Foreign Policy*, September/October 2010. Available at: <http://foreignpolicy.com/2010/08/06/beyond-city-limits> (Accessed: 30.01.2017).
15. Khanna P. How much economic growth comes from our cities? *WEF Blog*, 13.04.2016. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/04/how-much-economic-growth-comes-from-our-cities> (Accessed: 30.01.2017).
16. Kindleberger Ch.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History. Princeton Studies in International Finance, no.36. New Jersey, 1974. 85 p.
17. McKenzie R. The Concept of Dominance and World-Organization. *American Journal of Sociology*, 1927, no.33, pp. 28-42.
18. *Urban world: Cities and the rise of the consuming class*. McKinsey Global Institute, June 2012. 77 p.
19. Moosa I., Li L., Jiang R. Determinants of the Status of an International Financial Centre. *The World Economy*, 2015, vol.39, iss.12, pp. 2074-2096.

20. Poon J. Hierarchical Tendencies of Capital Markets among International Financial Centers. *Growth and Change*, 2003, no. 34, iss. 2, pp. 135-156.
21. Reed H.C. The Ascent of Tokyo as an International Financial Centre. *Journal of International Business Studies*, 1980, no. 11, iss. 3, pp. 19-35.
22. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press, 1991. 480 p.
23. Sassen S. Global Financial Centers. *Foreign Affairs*, 1999, no. 78, iss. 1. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/issues/1999/78/> (Accessed: 30.01.2017).
24. The World Bank Urban Development Overview. *The World Bank*, October 2016. Available at: <http://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#1> (Accessed: 30.01.2017).
25. Tschoegl A.E. International Banking Centers, Geography, and Foreign Banks. *Financial Markets, Institutions and Instruments*, 2000, no. 9, iss. 1, pp. 1-32.
26. UK Financial and Related Professional Services: Meeting the Challenges and Delivering Opportunities. The CityUK, August 2016. 60 p.

About the author:

Alena Yurievna Dolgova – PhD student at MGIMO Department of Economics. Macroeconomics, international finance. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: dolgovalena@gmail.com.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Н.В. Пахомов

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-173-186

Нью-Йорское консалтинговое бюро (США)

В статье даётся обзор состояния исследований глобальной энергетической безопасности (ГЭБ) и предложены решения некоторых теоретических проблем, актуальных для этих исследований. Дано определение глобальной энергетической безопасности как состояния защищённости международных отношений от кризисов, вызванных односторонними действиями государств по обеспечению их национальной энергетической безопасности. Изложены основные выводы о сути и путях обеспечения ГЭБ, полученные при изучении глобальной энергетической безопасности как глобального общественного блага (ГОБ), а также применения для исследования ГЭБ теории международных режимов.

Подчёркивается, что в условиях взаимозависимости государств в энергетической сфере необходимо такое состояние международных отношений по вопросам обеспечения энергобезопасности, в рамках которого будут созданы условия по предотвращению серьёзных международных кризисов и конфликтов, связанных с добычей, торговлей, транспортировкой и потреблением энергоресурсов, а также по снижению остроты существующих противоречий, возникающих в условиях обострения международной конкуренции за энергоносители. При таком подходе обеспечение ГЭБ оказывается фактором, благоприятствующим обеспечению национальной энергетической безопасности, а сама глобальная энергетическая безопасность обладает основными характеристиками глобального общественного блага, а именно, свойствами неконкурентности в потреблении и неисключаемости в предоставлении с точки зрения участников мировой политико-экономической системы.

В статье сделан вывод, что ГЭБ является конечным глобальным общественным благом, а международные режимы её обеспечения, определённые как наборы правил, процедур и практик по урегулированию кризисов и конфликтов в международной деятельности по обеспечению национальной энергетической безопасности, промежуточным глобальным общественным благом. Отмечено, что одновременно с формированием универсального международного режима обеспечения ГЭБ идёт формирование соответствующих региональных режимов. По мнению автора, процесс формирования этих режимов и перспективы повышения их эффективности являются наиболее перспективным направлением исследований международных аспектов обеспечения энергобезопасности.

Ключевые слова: глобальная энергетическая безопасность, глобальные общественные блага, взаимозависимость, теория международных режимов, международная безопасность, международное сотрудничество.

УДК 339.92; 327 JEL F5

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.

Принята к публикации 14.12.2016 г.

Рост энергопотребления развивающихся стран, начавшийся в конце XX в. и продолжающий определять мировой спрос на энергоресурсы, не только привёл к увеличению глобального энергопотребления, но и серьёзно изменил международную торговлю энергоресурсами. Общий рост числа участников международных отношений в сфере энергетики привёл к усложнению этих отношений, росту конкуренции за поставки энергоносителей и за добываемые активы в государствах, богатых энергоресурсами. В условиях, когда решение проблем обеспечения энергетической безопасности стало всё больше зависеть от явлений и процессов, происходящих по всему миру, повысилось значение обеспечения глобальной энергетической безопасности (ГЭБ).

В то же время среди специалистов продолжается дискуссия как о сути данного понятия, так и о методах обеспечения ГЭБ. Учитывая значение энергоресурсов для экономического развития государств мира и для международной безопасности, очевидно высокое не только научное, но политико-прикладное значение этой дискуссии.

Первые исследования глобальной энергетической безопасности появились лишь в середине 1980-х гг. по мере углубления и расширения процессов глобализации. Основное внимание их авторов было сосредоточено на роли и проблемах международного сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности отдельных государств. Особый интерес к этим исследованиям демонстрировали международные правительственные и неправительственные организации, например, ОПЕК, МЭА и «Гринпис» [18, 24, 28], а среди первых авторов, начавших использовать термин «глобальная энергетическая безопасность», можно выделить Чарльза Эбинжера, представлявшего США при разработке и учреждении МЭА [15]. Имеющиеся на сегодняшний день работы [12, 13, 17, 25, 27] зачастую несвободны от существенных недостатков. В частности, авторы не всегда чётко формулируют и обосновывают определение ГЭБ (порой подменяя его списком угроз и вызовов в энергетической сфере), не полностью разграничивают проблемы обеспечения национальной и глобальной энергетической безопасности, избегают рассмотрения конкретных путей обеспечения ГЭБ, особенно с учётом расхождения национальных приоритетов энергобезопасности.

В данной статье, учитывая существующие проблемы изучения ГЭБ, мы исследуем суть глобальной энергобезопасности, дадим её определение и изучим возможные пути её обеспечения. Для решения этой задачи в статье использованы концепция глобальных общественных благ [21] и теория режимов [30].

На настоящем этапе большинство экспертов придерживается точки зрения, согласно которой государства мира, экспортёры и импортёры энергоресурсов, а также страны энергетического транзита, взаимозависимы в вопросах обеспечения национальной энергетической безопасности. Необходимо отметить, что серьёзная заслуга в обосновании этой точки зрения принадлежит российским специалистам. В частности, академик Е.М. Примаков отметил: «Что вкладывается в понятие энергетической безопасности? Прежде всего, не односторонняя

гарантия поставок, как трактуют энергетическую безопасность многие западные представители. Безопасность должна обеспечиваться «тройственной» гарантией: поставок со стороны стран-производителей; транспортировки со стороны стран, по территории которых она осуществляется; спроса со стороны стран-потребителей. Все они должны делить ответственность и риски за бесперебойное функционирование глобальной энергетики» [9, с. 148].

Однако существование и понимание этой взаимозависимости не гарантируют бескризисного развития мировой энергетики; односторонние действия государств по обеспечению их энергобезопасности могут провоцировать новые серьёзные международные кризисы и конфликты. В связи с этим очевидна необходимость исследовать возможности перехода от односторонних действий государств по обеспечению их энергетической безопасности к международному сотрудничеству по вопросам обеспечения энергобезопасности. Это сотрудничество, прежде всего, позволяет снизить вероятность кризисов, вызванных непредвиденными последствиями реализации политики обеспечения национальной энергобезопасности отдельных государств.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения проблематики обеспечения энергетической безопасности в глобальном контексте. Эта необходимость объясняет всё более активное использование в последние годы термина «глобальная энергетическая безопасность» (ГЭБ). Однако в настоящий момент наблюдается высокая вариативность определений ГЭБ.

Некоторые специалисты при исследовании ГЭБ напрямую переносят в них подходы, используемые при изучении политики обеспечения энергетической безопасности отдельных государств. В частности, С.З. Жизнин пишет: «Под глобальной энергетической безопасностью обычно понимается долгосрочное, надёжное и экономически приемлемое обеспечение оптимальным сочетанием различных видов энергии для устойчивого экономического и социального развития мира, с минимальным ущербом для окружающей среды» [5]. Очевидно, что при таком подходе проблему обеспечения национальной хозяйственной системы необходимыми энергоресурсами заменяет вопрос обеспечения соответствующими ресурсами мировой экономики в целом.

Такой подход к анализу глобальной энергетической безопасности имеет свои ограничения. В частности, известны различия в интересах государств-экспортёров и импортёров энергоресурсов. Очевидно, что подход к глобальной энергетической безопасности как к проблеме обеспечения мировой экономики необходимыми энергоресурсами не отвечает на вопрос, как будет решаться этот конфликт интересов. Сам С.З. Жизнин отмечает серьёзность этого конфликта [4].

С этой точки зрения, для обеспечения национальной энергобезопасности государств мира необходимо такое состояние международных отношений по вопросам обеспечения энергобезопасности, в рамках которого будут созданы условия по предотвращению серьёзных международных кризисов и конфликтов,

связанных с добычей, торговлей, транспортировкой и потреблением энергоресурсов, а также по снижению остроты существующих противоречий, возникающих в условиях обострения международной конкуренции за энергоносители. В случае если конфликтов всё же предотвратить не удастся, задача состоит в минимизации их негативных последствий и восстановлении баланса системы международного взаимодействия по энергетическим вопросам после возможных кризисов. Такая перспектива анализа будет отвечать пониманию энергетической безопасности, как динамической категории [3].

В русле этого подхода было предложено несколько определений ГЭБ. В частности О. Киндыбалюк определила ГЭБ как «гарантию неугрожаемого состояния мировой энергетической системы, связанной с производством, транспортировкой и потреблением энергоносителей, преимущественно нефти и газа» [7, с. 96]. С похожим определением выступает и К.В. Турсунов, который, указывая на общие черты энергетической безопасности всех уровней, пишет, что «энергетическая безопасность – это состояние устойчивости экономических систем различного уровня <...> в условиях воздействия внутренних и внешних шоков» [11, с. 17]. Однако важность вопросов обеспечения энергетической безопасности и их потенциал для провоцирования серьёзных мировых кризисов дают основание расширить эти определения, включив в них не только мировую энергетическую или экономическую системы, но и международные отношения в целом.

С учётом этого можно определить **глобальную энергетическую безопасность как состояние защищённости международных отношений от кризисов, вызванных односторонними действиями государств по обеспечению их национальной энергетической безопасности**. При подобной постановке вопроса обеспечение глобальной энергетической безопасности оказывается фактором, благоприятствующим обеспечению национальной энергетической безопасности. Государства являются основными субъектами глобальной энергетической безопасности, так как они, во-первых, являются субъектами обеспечения национальной энергетической безопасности, во-вторых, в рамках своей внешней политики способны предпринимать действия, повышающие уровень обеспечения ГЭБ, что будет способствовать обеспечению их собственной национальной энергобезопасности.

Если глобальная энергетическая безопасность будет эффективно обеспечена, то плодами ГЭБ¹ сможет пользоваться неограниченное количество жителей планеты без создания дополнительной нагрузки на систему обеспечения ГЭБ. Напротив, если одно из государств современного мира (в наибольшей степени это касается крупных и влиятельных государств) по собственному желанию откажется участвовать в этой системе или будет иметь место попытка участников системы исключить из неё одно или несколько государств, это снизит эффективность обеспечения как ГЭБ, так и национальной энергетической безопасности

¹ Основным таким благом будет предотвращение международных кризисов по энергетической проблематике.

отдельных государств, будь то государства, не участвующие в системе, или её полноценные участники. В силу этого можно говорить, что ГЭБ обладает **основными характеристиками глобального общественного блага (ГОБ)**, а именно, свойствами неконкурентности в потреблении и неисключаемости в предоставлении [22, с. 3]², с точки зрения участников мировой политико-экономической системы.

Лауреат Нобелевской премии Пол Самуэльсон определил общественные блага как «блага, которыми могут пользоваться все в том смысле, что потребление каждого индивида не вызывает уменьшения объёма блага, потребляемого любым другим индивидом» [24, с. 387]. Это и было названо неконкурентностью в потреблении. Вторым признаком такого блага является неисключаемость в предоставлении, то есть, по формулировке С.А. Афонцева, «производитель блага не может воспрепятствовать потреблению блага субъектом, не уплатившим за право потребления» [2, с. 266]. С точки зрения исследования политики обеспечения ГЭБ, проводимой отдельными государствами, важно отметить, что эти два признака объясняют принципиально неконфронтационный характер этой политики. Позитивные результаты этой политики распространяются на все страны мира без роста нагрузки для государств, активных в сфере обеспечения ГЭБ, и без возникновения каких-либо издержек для других стран.

Уильям Нордхаус, один из учеников Пола Самуэльсона, выделил несколько признаков глобального общественного блага. По его оценке, такие блага являются, во-первых, результатом функционирования сложной системы, которую, во-вторых, не может контролировать ни одно из национальных правительств, даже самое могущественное. В-третьих, данная система оказывает влияние на жителей всей планеты [21, с. 2]. Глобальная энергетическая безопасность обладает всеми этими свойствами. Для её обеспечения необходима сложная система взаимоотношений, имеющая глобальное воздействие. Управление этой системой в одиночку не под силу ни одному из акторов современных международных отношений, более того, ни одно из государств не может в одиночку решить задачу обеспечения ГЭБ. При этом обеспечение ГЭБ имеет воздействие на подавляющее большинство людей.

Учитывая, что урегулирование непредвиденных и негативных последствий реализации политики обеспечения национальной энергетической безопасности отдельных стран находится вне сферы возможностей любого из государств, решение этого вопроса возможно лишь на уровне межгосударственного сотрудничества. Это также свидетельствует о том, что обеспечение ГЭБ является глобальным общественным благом. Кроме того, с другими ГОБ обеспечение глобальной энергетической безопасности сближает и тот факт, что результаты текущих решений по вопросам обеспечения национальной энергетической безопасности могут проявляться спустя длительное время [21, с. 4].

² Неисключаемость в предоставлении является признаком не просто глобальных, а любых общественных благ.

Глобальные общественные блага принято подразделять на две большие группы [2]. К первой относятся так называемые **конечные общественные блага**, непосредственно удовлетворяющие те или иные потребности глобального сообщества (например, сохранение мира, защита окружающей среды и культурного наследия человечества). Ко второй – **промежуточные глобальные общественные блага**, являющиеся наборами правил осуществления и регулирования тех или иных видов деятельности на международной арене.

При всех различиях в национальных интересах отдельных государств в вопросах обеспечения национальной энергетической безопасности, сокращение острых международных кризисов по энергетическим вопросам отвечает интересам разных государств. Более того, для обеспечения глобальной энергетической безопасности необходимо решить несколько задач, по которым существует широкий международный консенсус, несмотря на имеющиеся разногласия по другим проблемам обеспечения энергетической безопасности. К этим задачам относятся: обеспечение устойчивого энергопотребления, борьба с энергетической бедностью, охрана окружающей среды и предотвращение изменений климата как условия обеспечения ГЭБ. Данные вопросы признаны в документах Организации Объединённых Наций, других глобальных и региональных организаций, а также отдельных национальных правительств в качестве глобальных проблем человечества, и для их решения ведётся значительная международная деятельность [10]. Общая заинтересованность в бескризисном развитии мировой энергетики и существование глобальных проблем в энергетике позволяют признать ГЭБ конечным ГОБ.

Однако реалии современных международных отношений и глобального энергопользования не позволяют рассчитывать на полное исключение кризисов, связанных с обеспечением энергетической безопасности отдельных государств, фактически речь идёт лишь о сокращении числа и остроты этих кризисов. Этому способствуют международные режимы обеспечения ГЭБ. Стефан Краснер определил международный режим как «совокупность принципов, норм, формализованных или неформального характера соглашений и процедур принятия решений, управляющих особой областью международных отношений» [20, с. 186]. Соответственно, режимы обеспечения ГЭБ – это в первую очередь наборы правил, процедур и практик по урегулированию кризисов и конфликтов в международной деятельности по обеспечению национальной энергетической безопасности. Следовательно, режимы обеспечения ГЭБ является промежуточным ГОБ.

Режимы обеспечения ГЭБ обладают всеми признаками, выделенными специалистами для международных режимов безопасности. В частности согласно определению Роберта Джервиса, в рамках режимов безопасности «принципы, правила и нормы обеспечивают сдержанность действий государств, надеющихся, что другие государства будут вести себя так же. Этот концепт [режимов безопасности] подразумевает не только нормы и ожидания, которые способствуют сотрудничеству, но и такую форму сотрудничества, которая требует

большого, чем преследование участниками своих краткосрочных интересов» [19, с. 357].

Режимы обеспечения ГЭБ дают возможность широкому кругу государств мира обеспечить свою энергетическую безопасность, избегая общей дестабилизации мировой энергетики. Правила режимов обеспечения ГЭБ не могут быть навязаны участникам «сверху». Они являются результатами договорённостей участников режимов, основанных на ясном понимании, что несоблюдение этих правил невыгодно участникам, так как оно может обернуться негативными последствиями для политики обеспечения национальной энергетической безопасности, важность которой сегодня очевидна и общепризнана. Известно, что зачастую без промежуточных общественных благ невозможно создание конечных [1], в данном случае режимы ГЭБ способствует обеспечению ГЭБ.

Возникает вопрос, как происходит формирование международных режимов обеспечения ГЭБ. Джеймс Фирон [16] сформулировал тезис о том, что международное сотрудничество по любому вопросу проходит два этапа – переговоры и реализация заключённых соглашений. Видный американский исследователь Оран Янг конкретизировал общую теорию международного сотрудничества применительно к процессу создания международных режимов [30]. В целом теория возникновения международных режимов Янга согласуется с идеями Фирона. Переговорную стадию применительно к международным режимам Янг фактически разделил на два этапа, выделив определение повестки и непосредственно переговоры, а этап реализации заключённых соглашений для международных режимов Янг назвал «операционализацией», когда режимы функционируют на основе достигнутых ранее договорённостей.

Активные научные и политические дискуссии по проблемам обеспечения ГЭБ свидетельствуют о, как минимум, начале процесса определения повестки ГЭБ. В случае глобальной энергетической безопасности сложность перехода с этапа на этап, а также заключения и исполнения соглашений объясняется исключительной важностью для государств обеспечения национальной энергобезопасности. Однако эта ситуация не даёт оснований недооценивать важность идущего процесса – например, тот же Фирон предполагает, что «режимы заслуживают большего внимания, как форумы для торга (переговоров), а не как главным образом институты, которые способствуют мониторингу и исполнению.» [16, с. 298].

Изучая глобальную энергетическую безопасность с помощью теории международных режимов, необходимо ответить на два вопроса. Во-первых, как формируются международные режимы обеспечения ГЭБ? Во-вторых, какие виды этих режимов можно выделить?

Взаимодействие по вопросам обеспечения энергетической безопасности между отдельными государствами возможно либо в рамках международных организаций, либо напрямую между государствами без участия международных организаций, в том числе в рамках менее формализованных международных инициатив.

В этой связи один из ведущих мировых специалистов, занятых изучением энергетической безопасности, Даниэль Ергин отмечает: «Энергетическая безопасность системна. Это означает, что её составными частями являются национальные политики и международные институты, целью которых является координировано реагировать на сбои, проблемы и чрезвычайные ситуации» [29, с. 74]. Обратим внимание, что, во-первых, Ергин исходит из того, что обеспечение энергетической безопасности невозможно без международного сотрудничества, во-вторых, в этом сотрудничестве он видит основными международные институты.

Другой автор – Уильям Рамсэй – развивает эту мысль, конкретизируя задачи обеспечения ГЭБ, решение которых могли бы взять на себя международные организации: «...Точно так же как международные организации не могут решить эти <энергетические> проблемы XXI в. своими действиями, не могут справиться самостоятельно и национальные правительства. Задачей международных организаций является учреждение рамочных условий для отдельных национальных политик, прояснение их структуры и формулировка правил для того, чтобы участники экономического взаимодействия знали, как им действовать. Это возможно с помощью ясного формулирования политики, регулирующих процедур, написания правил и стандартов, а также общего надзора» [22].

Повышению эффективности международных режимов обеспечения ГЭБ могут способствовать либо действующие международные организации, либо создание новой международной организации. Отметим, что ни одна из существующих сегодня международных организаций сферы энергетики не ставит в качестве своей основной цели обеспечение ГЭБ. Возможно, в будущем это положение изменится, однако даже организации, так или иначе занятые решением проблемы обеспечения энергетической безопасности, не сформулировали свои цели и пути их достижения таким образом, чтобы членство в этих организациях стало возможным и привлекательным для максимального числа государств с разными интересами в сфере энергетики, а без такого универсального, не формального, а эффективного членства ни одна международная организация не может эффективно обеспечивать ГЭБ.

Очевиден парадокс: без широкого участия государств, представляющих разные позиции и обладающих серьёзным влиянием, организации не могут быть эффективными в обеспечении ГЭБ. Однако рост числа членов таких организаций затрудняет выработку компромиссных и действенных решений. Пока эта проблема не решена.

Более того, возвращаясь к вопросу о видах режимов обеспечения ГЭБ, необходимо отметить, что, если бы существовала универсальная международная организация по обеспечению ГЭБ, то она могла бы установить и поддерживать **универсальный режим**³ ГЭБ, охватывающий государства всей планеты. Пока

³ По сути это - режим безопасности глобального уровня, однако представляется уместным использовать прилагательное «универсальный», а не «глобальный». В противном случае пришлось бы использовать термин «глобальный международный режим глобальной энергетической безопасности».

такой организации не существует, процесс формирования такого режима далёк от своего завершения, а на межгосударственной, двусторонней и многосторонней основе идёт формирование **региональных режимов обеспечения ГЭБ**. Складыванию этих режимов способствуют региональные интеграционные объединения, в частности ЕС и ЕАЭС. Данные режимы могут оказаться в будущем полезными для формирования универсального режима обеспечения ГЭБ, так как на их основе такой режим будет выстроить легче, чем с нуля добиваться согласования интересов широкого круга государств. К региональным режимам обеспечения ГЭБ полностью применима общая характеристика комплексов региональной безопасности, данная видным отечественным специалистом В.М. Кулагиным: «Глобальные проблемы международной безопасности всё больше находят своё отражение в комплексах региональной безопасности. Но их проявление в различных регионах не одинаково» [8, с. 93].

Учитывая, что сотрудничество в формате международных организаций до сих пор не позволило значительно продвинуться в деле обеспечения ГЭБ, можно утверждать, что решение этой проблемы пока остаётся главным образом в плоскости межгосударственных отношений. При этом влиятельные государства также способны использовать потенциал существующих международных организаций для решения конкретных проблем глобальной энергетической безопасности. Исследователи предлагают разные пути комбинирования деятельности международных организаций и действий государств для организации международного сотрудничества, необходимого для обеспечения ГЭБ. Например, Линда Юэ предполагает, что отдельные, по её выражению, «основные» государства, используя существующие организации энергетической сферы для диалога, могут предпринять конкретные шаги, направленные на подготовку фундамента соответствующего международного сотрудничества [31, с. 216].

Альберт Брессан допускает, что если при организации международного сотрудничества в энергетике возобладают рыночные механизмы, тогда это сотрудничество окажется в значительной степени включено в сферу деятельности ВТО. При этом исследователь рассматривает и второй вариант организации сотрудничества через достижение необходимых, долгосрочных договорённостей между государствами – потребителями и производителями энергоносителей на основе признания ведущей роли правительств этих государств [14].

Джозеф Станислоу отмечает, что когда сегодня представители государств-потребителей и поставщиков энергоресурсов сосредотачивают свои дипломатические усилия на сфере международных энергетических отношений, этот дипломатический капитал может быть задействован для выстраивания архитектуры международных отношений, базирующейся на взаимозависимости и благоприятной для мира [26, с. 18].

Хотя универсальный режим и большинство региональных режимов обеспечения ГЭБ ещё только формируются, уже очевидно то место, которое они призваны занимать в общей системе международных отношений и обеспечения

международной безопасности. И.С. Иванов [6] отмечает плюсы двусторонних и многосторонних межгосударственных механизмов взаимодействия для решения вопросов обеспечения международной безопасности в рамках соответствующих международных режимов, которые, по его мнению, не обязательно создавать на основе существующих международных организаций: «...глобальный мир, если мы всё-таки придём к глобальному миру, начнёт, по всей видимости, складываться сначала как плотная сеть дополняющих друг друга международных режимов, а уж институты либо будут соответственно реформироваться, либо создаваться новые — там, где в них будет возникать такая необходимость» [6, с.33]. И.С. Иванов называет международное энергетическое сотрудничество в числе таких режимов и перечисляет несколько факторов эффективности режимов, которые полностью применимы к международным режимам обеспечения глобальной энергетической безопасности [6, с. 33-34]. Этими факторами, по мнению И.С. Иванова, являются общность интересов участников режима, участие в работе режима экспертного сообщества, открытость и демократизм режимов по сравнению с жёсткой институциональной системой, эффективность режимов по снижению неопределённости в отношениях между ключевыми игроками и возможность оградить успешные международные режимы от возникающих проблем, кризисов и конфликтов в других областях [6].

Перечисленные И.С. Ивановым факторы в полной мере относятся к международным режимам обеспечения глобальной энергетической безопасности. Ранее мы убедились, что хотя приоритеты государств в вопросе обеспечения национальной энергетической безопасности могут отличаться, общей для всех этих государств будет заинтересованность в отсутствии серьёзных международных кризисов по вопросам энергообеспечения. Что касается экспертного диалога, то применительно к глобальной энергетической безопасности этот диалог уже ведётся по целому ряду вопросов, особенно в этой связи нужно отметить существование отраслевых организаций (ОПЕК, ФСЭГ, Международный энергетический форум и другие), серьёзно способствующих этому процессу. Принцип открытости и демократизма сполна может быть реализован для режимов обеспечения ГЭБ. Этот принцип предусматривает сотрудничество самого широкого спектра государств мира, причём при решении конкретных вопросов определяющее значение может иметь позиция даже небольших государств.

Снижение неопределённости, сокращение рисков в вопросах обеспечения энергетической безопасности составляют главную функцию режимов обеспечения глобальной энергетической безопасности. Если говорить о последнем из предложенных И.С. Ивановым факторов, то можно отметить, что уже сегодня, несмотря на то, что формирование универсального режима и большинства региональных режимов обеспечения ГЭБ находится на начальном этапе, отдельные государства, в том числе наиболее влиятельные участники международных отношений, практически действуют на основе этого принципа, когда не отказываются от сотрудничества в энергетике и обеспечении ГЭБ даже при наличии

существенных политических противоречий, а иногда и конфликтов в других областях.

Подводя итоги краткого исследования глобальной энергобезопасности как глобального общественного блага, проделанного в данной статье, отметим, что такая перспектива исследования открывает значительные возможности для решения целого ряда проблем изучения ГЭБ, существующих сегодня. Прежде всего, она позволяет исследовать взаимное влияние национальных приоритетов энергобезопасности разных государств, проанализировать международный контекст реализации этих приоритетов и перспективы снижения кризисного потенциала международных отношений по вопросам обеспечения энергобезопасности. С точки зрения данных перспектив особо необходимо подчеркнуть, что снижению как вероятности кризисов из-за непредсказуемых последствий действий отдельных государств в сфере обеспечения энергетической безопасности, так и конфликтного потенциала международных отношений по вопросам энергетики будут способствовать международные режимы обеспечения глобальной энергетической безопасности, формирование которых идёт сегодня на принципах межгосударственного сотрудничества. В связи с этим процесс формирования этих режимов и перспективы повышения их эффективности становятся важнейшей сферой исследований международных аспектов обеспечения энергобезопасности.

Список литературы

1. Афонцев С. А. От борьбы к рынку: экономическая кооперативность в мирополитическом взаимодействии // Международные процессы. 2003. Т. 11. № 3-4. С. 16–30.
2. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.
3. Гафуров А. Р. Сущность категории «энергетическая безопасность» и её место в общей структуре безопасности // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. № 1. С. 178-182.
4. Жизнин С. З. В поисках формулы сотрудничества // НГ-Энергия. 10.11.2009. . URL: http://www.ng.ru/energy/2009-11-10/11_cooperation.html (дата обращения: 30.01.2017).
5. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия и модернизация ТЭК России // Международная жизнь. 2012. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/641> (дата обращения: 30.01.2017).
6. Иванов И. С. Неделимость безопасности в глобальном мире // Индекс безопасности. 1999. Т. 17. № 4. С. 29-34.
7. Киндыбалюк О. Зональный фактор как явление пространственного влияния на глобальную энергетическую безопасность // Materialele Conferinței științifice internaționale anuale a doctoranzilor și tinerilor cercetători. Vol. 3. Ediția 6, 12 aprilie 2012, Chișinău.
8. Кулагин В. М. Современная международная безопасность. М.: КноРус, 2012. 432 с.
9. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. 239 с.
10. Сайт Фонда ООН. URL: <http://www.unfoundation.org/what-we-do/issues/> (дата обращения: 30.01.2017).
11. Турсунов К. В. Международная энергетическая безопасность как инструмент обеспечения устойчивого развития мировой экономики: автореф. дисс. ... канд. экон. наук, 08.00.14. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2012. 24 с.
12. Amineh M. P., Houweling H. Global Energy Security and Its Geopolitical Impediments – The Case of the Caspian Region // Perspectives on Global Development & Technology. 2007. Vol. 6, Iss. 1-3. Pp. 365-388.
13. Bradshaw M. J. The Geopolitics of Global Energy Security // Geography Compass. 2009. Vol. 3, Iss.

5. Pp. 1920-1937.
14. Bressand A. The Future of Producer-Customer Cooperation: A Policy Perspective // *Global Energy Governance. The New Rules of the Game / ed. by A. Goldthau & J.M. Witte*. NY: Brookings Institution Press, 2010. Pp. 269-287.
 15. Charles K. Ebinger // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/experts/charles-k-ebinger/> (дата обращения: 30.01.2017).
 16. Fearon J. D. Bargaining, Enforcement, and International Cooperation // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 2. Pp. 269–305.
 17. Goldthau A. A Public Policy Perspective on Global Energy Security // *International Studies Perspectives*. 2012. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 65–84.
 18. Hunter S. T., Ebinger C. K. It is time for a consumer-producer dialogue on oil // *OPEC Review*. 1986. Vol. 10. Iss. 4. Pp. 511–521.
 19. Jervis R. Security Regimes // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 357–378.
 20. Krasner S. D. Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185–205.
 21. Nordhaus W. D. Paul Samuelson and Global Public Goods // *Yale University Website*. URL: <http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/PASandGPG.pdf> (дата обращения: 30.01.2017).
 22. Ramsay W. C. Energy Sector Governance in the 21st Century // *Energy and Security. Strategies for a World in Transition*. Washington, DC - Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press, 2013. Pp. 149-150.
 23. Samuelson P. The Pure Theory of Public Expenditure // *The Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–389.
 24. Semenov B. A., Guthrie D., Tatsuta Y. The future role of nuclear power in the global energy balance // *IAEA Bulletin*. 1991. No. 3. Pp. 20–24.
 25. Sovacool B. K. Energy Policymaking in Denmark: Implications for Global Energy Security and Sustainability // *Energy Policy*. 2013. Vol. 61. Pp. 829–839.
 26. Stanislaw J. A. Power Play — Resource nationalism, the global scramble for energy, and the need for mutual interdependence. Deloitte Center for Energy Solutions, 2009. 32 p.
 27. Umbach F. Global Energy Security and the Implications for the EU // *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. Iss. 3. Pp. 1229–1240.
 28. Waide P. Towards global energy security: the next energy transition: technical report for Greenpeace International, 1992. Tenu Study No. 91–146.
 29. Yergin D. *Energy Security and Markets // Energy and Security. Strategies for a World in Transition*. Washington, DC – Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press. 2013. Pp. 69–87.
 30. Young O. R. *Creating Regimes*. Cornell University Press, 1998. 248 p.
 31. Yueh L. An International Approach to Energy Security // *Global Policy*. 2010. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 216–217.

Об авторе:

Николай Владимирович Пахомов – магистр политологии, президент Нью-Йоркского консалтингового бюро. 10163, Нью Йорк, PO Box 3404. E-mail: Nikolay.pakhomov@gmail.com.

GLOBAL ENERGY SECURITY AS GLOBAL PUBLIC GOOD

N.V. Pakhomov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-173-186

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article reviews the current state of global energy security studies and proposes solutions for theoretical problems presented in those studies. For this purpose the global energy security has been defined as the state of international affairs free from crises, provoked by

unilateral actions by states toward national energy security. Based on the analysis of global energy security as global public good and applying the international regimes theory, the author explores the substance of global energy security and approaches for its provision.

The interdependence of countries in provision of their national energy security calls for a state of international relations on energy security issues, which prevents serious international conflicts and crises on issues of production, trade, transit, and consumption of energy and allows to avoid escalation of international competition for energy resources. Provision of global energy security is instrumental in creating of such state of international relations. Within this approach, provision of global energy security thus becomes a key factor contributing to provision of national energy security for a wide range of countries. In this framework, it exhibits main characteristics of a global public good that are non-rivalry and non-excludability for members of global political and economic system.

Global energy security is a final global public good, while international global energy security regimes, defined as sets of rules, procedures, and practices for resolving international conflicts and crises on national energy security issues, are intermediate global public goods. In the author's opinion, formation of these regimes (both universal and regional) and possible ways to increase their efficiency are the most promising spheres of research in the field of energy security studies.

Key words: Global energy security, global public goods, interdependency, international regimes theory, international security, international cooperation.

References

1. Afontsev S.A. Ot bor'by k rynku: ekonomicheskaya kooperativnost' v miropoliticheskom vzaimodeistvii [From struggle to market: economic cooperation in world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy - Journal of International Relations Theory and World Politics*, 2003, vol.11, no.3-4, pp.16–30. (In Russian).
2. Afontsev S.A. *Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika* [Political markets and economic policy]. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 384 p. (In Russian).
3. Gafurov A. R. Sushchnost' kategorii "energeticheskaya bezopasnost'" i ee mesto v obshchei strukture bezopasnosti [Substance of "energy security" concept and its place in the notion of security]. *Vestnik MGTU - MGTU Newsletter*, 2010, vol. 13, no. 1, pp.178-182. (In Russian).
4. Zhiznin S.Z. V poiskakh formuly sotrudnichestva [In search of cooperation formula]. *NG-Energiia*, 10.11.2009. Available at: http://www.ng.ru/energy/2009-11-10/11_cooperation.html (Accessed 30.01.2017). (In Russian).
5. Zhiznin S.Z. Energeticheskaya diplomatiia i modernizatsiia TEK Rossii [Energy diplomacy and modernization of Russia's energy sector]. *Mezhdunarodnaia zhizn' - International affairs*, 2012, no. 4. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/641> (Accessed 30.01.2017). (In Russian).
6. Ivanov I.S. Nedelimost' bezopasnosti v global'nom mire [Indivisionability of security in global world]. *Indeks bezopasnosti - Security index*, 1999, vol. 17, no. 4, pp. 29–34. (In Russian).
7. Kindyaliuk O. Zonal'nyi faktor kak iavlenie prostranstvennogo vliianiia na global'nuiu energeticheskuiu bezopasnost' [Zonal factor as a phenomenon of spatial influence on global energy security]. *Materiale Conferinței științifice internaționale anuale a doctoranzilor și tinerilor cercetători*, vol. 3, ediția 6, 12 aprilie 2012, Chișinău. (In Russian).
8. Kulagin V.M. *Sovremennaia mezhdunarodnaia bezopasnost'* [Modern international security]. Moscow, KnoRus Publ., 2012. 432 p. (In Russian).
9. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'* [The world without Russia? Where political myopia leads]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2009. 239 p. (In Russian).
10. United Nations official website. Available at: <http://www.unfoundation.org/what-we-do/issues/> (Accessed 30.01.2017). (In

- Russian).
11. Tursunov K.V. *Mezhdunarodnaia energeticheskaia bezopasnost' kak instrument obespecheniia ustoichivogo razvitiia mirovoi ekonomiki* [International energy security as a tool for supporting sustainable development of the world economy]. Abstract Doct. Diss. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg state university of economics and finance Publ., 2012. 24 p. (In Russian).
 12. Amineh M. P., Houweling H. Global Energy Security and Its Geopolitical Impediments – The Case of the Caspian Region. *Perspectives on Global Development & Technology*, 2007, vol. 6, iss. 1–3, pp. 365–388.
 13. Bradshaw M.J. The Geopolitics of Global Energy Security. *Geography Compass*, 2009, vol. 3, iss. 5, pp. 1920–1937.
 14. Bressand A. The Future of Producer-Customer Cooperation: A Policy Perspective. *Global Energy Governance. The New Rules of the Game*. Ed. by A.Goldthau & J.M. Witte. NY: Brookings Institution Press Publ., 2010. Pp. 269–287.
 15. Charles K. Ebinger. *Brooking Institution website*. Available at: <https://www.brookings.edu/experts/charles-k-ebinger/> (Accessed 30.01.2017).
 16. Fearon J.D. Bargaining, Enforcement, and International Cooperation. *International Organization*, 1998, vol. 52, no.2, pp. 269–305.
 17. Goldthau A.A Public Policy Perspective on Global Energy Security. *International Studies Perspectives*, 2012, vol. 13, iss. 1, pp. 65–84.
 18. Hunter S. T., Ebinger C.K. It is time for a consumer-producer dialogue on oil. *OPEC Review*, 1986, vol. 10, iss. 4, pp. 511–521.
 19. Jervis R. Security Regimes. *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 357–378.
 20. Krasner S.D. Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables. *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 185–205.
 21. Nordhaus W.D. Paul Samuelson and Global Public Goods. *Yale University website*. Available at: <http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/PASandGPG.pdf> (Accessed 30.01.2017).
 22. Ramsay W.C. Energy Sector Governance in the 21st Century. *Energy and Security. Strategies for a World in Transition*. Washington, DC, Baltimore, Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press Publ. 2013, pp. 149–150.
 23. Samuelson P. The Pure Theory of Public Expenditure. *The Review of Economics and Statistics*, 1954, vol. 36, no. 4, pp. 387–389.
 24. Semenov B.A., Guthrie D., Tatsuta Y. The future role of nuclear power in the global energy balance. *IAEA Bulletin*, 1991, no. 3, pp. 20–24.
 25. Sovacool B.K. Energy Policymaking in Denmark: Implications for Global Energy Security and Sustainability. *Energy Policy*, 2013, vol. 61, pp. 829–839.
 26. Stanislaw J.A. Power Play — Resource nationalism, the global scramble for energy, and the need for mutual interdependence. Deloitte Center for Energy Solutions Publ., 2009. 32 p.
 27. Umbach F. Global Energy Security and the Implications for the EU. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, iss. 3, pp. 1229–1240.
 28. Waide P. Towards global energy security: the next energy transition. *Technical report for Greenpeace International*, 1992. Tenus Study No. 91–146.
 29. Yergin D. Energy Security and Markets. *Energy and Security. Strategies for a World in Transition*. Washington, DC, Baltimore, Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press Publ., 2013, pp. 69–87.
 30. Young O.R. *Creating Regimes*. Cornell University Press, 1998. 248 p.
 31. Yueh L. An International Approach to Energy Security. *Global Policy*, 2010, vol. 1, iss. 2, pp. 216–217.

About the author:

Nikolay Pakhomov – President of New York Consulting Bureau. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: pakhomov@gmail.com.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ, ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

А.Н. Захаров
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-187-200

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье раскрываются важнейшие аспекты глобальной энергетической проблемы, с акцентом на обеспечение энергетической безопасности. Российской Федерации необходимо осуществить решение трёх взаимосвязанных задач: обеспечения энергетической безопасности, экономического роста и, в экологической сфере, сокращения выбросов парниковых газов, что приведёт к снижению уровня загрязнения атмосферы и будет способствовать глобальному улучшению состояния окружающей среды.

Автором проанализированы состояние и перспективы мировых энергетических рынков и прогноз их развития на период до 2050 г. В качестве главной тенденции выделено развитие малой распределённой генерации, в первую очередь в развивающихся странах.

В статье обоснована значимость повышения энергоэффективности в России. В нашей стране на производство единицы ВВП расходуется в два раза больше энергии, чем в странах-членах МЭА, но добиться заметного улучшения ситуации пока не удаётся. Между тем устаревающая, а зачастую устаревшая инфраструктура в электроэнергетике и централизованном теплоснабжении нуждается в срочных капиталовложениях. Привлечение инвестиций в модернизацию и повышение энергоэффективности может быть обеспечено за счёт следующих ключевых мер: снижение зависимости топливно-энергетического комплекса от импорта оборудования; развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ); разработка наиболее рентабельных нефтегазовых запасов и изменение стратегии экспорта.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Международное энергетическое агентство (МЭА), Мировой энергетический совет (МИРЭС), государственно-частное партнёрство (ГЧП).

УДК 341.1 JEL P48

Поступила в редакцию 01.11.2016 г.

Принята к публикации 09.02.2017 г.

Мировая экономика переживает весьма непростой период, что оказывает самое прямое воздействие на состояние энергетической сферы. Растущий разрыв между темпами роста энергоёмких производств и сменой парадигмы мирового энергетического рынка – снижение роли невозобновимых энергоресурсов (нефть, газ, уголь), сложность политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, миграционный кризис в странах Евросоюза, замедление экономического роста Китая, а также антироссийские санкции отдельных государств Запада вынуждают к изменению энергетических стратегий. Борьба за доступ к источникам энергии приняла критический характер. Государства стремятся обеспечить себя надёжными энергетическими ресурсами как путём установления контроля над традиционными энергоресурсами (в том числе используя меры политического и экономического давления), так и за счёт внедрения передовых технологий освоения и переработки традиционных углеводородных ресурсов, а также промышленного использования возобновляемых источников энергии [19; 24]. На этом направлении активно действуют и транснациональные корпорации (ТНК). Через контроль над глобальными рынками, разработку передовых технологий освоения топливных ресурсов и использования альтернативных источников энергии они ведут незримый бой за будущее мира [24]. В этой ситуации создание глобальной энергетической системы становится одним из важнейших приоритетов устойчивого развития, так как энергетика обеспечивает решение ряда глобальных проблем человечества и предупреждает их возникновение. В настоящее время около 1,2 млрд человек (17% от мирового населения), преимущественно в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Центральной Африки, продолжают жить без электричества. Бесспорно, проблема надёжного обеспечения потребителей конечными видами энергии остаётся более чем актуальной.

Ведущие специализированные организации на основе количественного и качественного анализа показателей развития энергетической системы представляют прогнозы и сценарии развития мировой энергетики [13, с. 197]. По некоторым расчётам, в период до 2050 г. ожидается рост мирового спроса на энергию примерно на 50%, а на электроэнергию – почти на 100%.

Глобальная энергетическая проблема

Глобальная энергетическая проблема заключается в необходимости обеспечения возрастающих потребностей человечества в энергетических ресурсах. Мировой энергетический совет (МИРЭС), одна из самых авторитетных и влиятельных неправительственных организаций на мировом энергетическом рынке, в качестве подхода к решению этой проблемы предложил концепцию так называемой «энергетической трилеммы», которая сводится к поиску баланса между стремлением к энергетической безопасности, ценовой доступности энергоснабжения и экологической устойчивости [16].

В данной концепции под **энергетической безопасностью** понимается эффективная организация поставок первичной энергии из национальных и зарубежных источников, надёжность энергетической инфраструктуры и способность поставщиков энергии удовлетворить текущий и будущий спрос. Необходимое выполнение условия **энергетического равенства** предполагает наличие и доступность энергии для населения. **Экологическая устойчивость** подразумевает рост предложения энергии от возобновляемых и других малоуглеродистых источников [17; 22; 23].

Особенно пристальное внимание в рассматриваемой концепции уделяется энергетической безопасности. Значимость энергобезопасности ярко выявилась в период энергетических кризисов 1970-х гг. До этого почти столетие цена на нефть не менялась, находясь под контролем крупных американских ТНК, нефть добывалась и продавалась по долгосрочным контрактам. Это был в полной мере рынок продавца, характеризовавшийся долгосрочным страхованием позиций и американским доминированием. С 1970-х гг. картина стала меняться: формирование стоимости нефти на мировом энергетическом рынке в большей степени зависит от спекуляций на рынке деривативов, чем от долгосрочных контрактов [14, с. 8–9].

Международное энергетическое агентство (МЭА), созданное с целью защиты интересов стран ОЭСР на энергетическом рынке, определяет энергобезопасность как обеспечение бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам по приемлемым ценам. При этом отличают энергобезопасность в долгосрочном и краткосрочном периодах. В первом случае речь идёт о своевременных вложениях в обеспечение поставок энергоресурсов с учётом задач экономического развития и при условии нанесения вреда окружающей среде. Энергобезопасность в краткосрочном периоде подразумевает способность энергосистемы мгновенно реагировать на любые изменения баланса между предложением и спросом. Угроза энергетической безопасности может быть вызвана экономическими и социальными причинами, а мировом рынке нефти – резкими скачками цен.

Несмотря на увеличение числа негосударственных участников мирового энергетического рынка и роста их активности, наибольшее влияние на национальную и глобальную энергетику по-прежнему оказывают государства [1, с. 93]. Основой рынка остаются отношения между государствами-экспортёрами, импортёрами и транзитёрами энергетических ресурсов.

Усиление конкуренции, углубление противоречий, в том числе геополитических, региональная нестабильность несут в себе угрозу критического разбалансирования рынка энергоресурсов. Энергетическая безопасность государств напрямую зависит от положения на мировых энергетических рынках. Сегодня возрастает роль энергетической дипломатии, механизмов международного взаимодействия в энергетической сфере, направленных на обеспечение энергетической безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Следует отметить, что понятие национальной энергетической безопасности, а значит, и процесс её обеспечения вытекают из особенностей экономического и политического положения конкретного государства, наличия энергетических ресурсов на его территории и т.д.

Мировые энергетические рынки: состояние и перспективы

Вектор развития и трансформации мирового рынка энергетики можно охарактеризовать как движение к регионализации энергетических рынков от общемирового энергетического рынка, что вызвано, в числе прочего, внедрением инновационных технологий добычи ресурсов. Нетрадиционные углеводороды (битумы, матричная нефть, биогаз, газогидраты и др.) более равномерно распределены по планете, чем традиционные [18; 25]. И хотя себестоимость добычи этих ресурсов выше, зато они, как правило, разрабатываются рядом с районами потребления при минимальных затратах на транспортировку и снимают проблему ресурсных ограничений. Энергетическое противостояние смещается в область новых технологий добычи и переработки сырья [4].

В глобальном масштабе производство возобновляемого электричества по-прежнему осуществляется мощными генерирующими установками (мегаваттного класса и выше), принадлежащими крупным электроэнергетическим компаниям и инвесторам. Привлечение частных компаний к развитию возобновляемой энергетики в большинстве случаев происходит при значительной государственной поддержке в рамках проектов государственно-частного партнёрства. В глобальном масштабе производство возобновляемого электричества по-прежнему осуществляется мощными генерирующими установками (мегаваттного класса и выше), принадлежащими крупным электроэнергетическим компаниям и инвесторам. Привлечение частных компаний к развитию возобновляемой энергетики в большинстве случаев происходит при значительной государственной поддержке в рамках проектов государственно-частного партнёрства. Кроме того, развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) способствует их экономичность. Например, приведённая стоимость производства энергии из ветра (без учёта субсидий) составляет в среднем 54,5 долл. за 1 МВт/ч. и солнца - 60 долл. за 1 МВт/ч., а при использовании газотурбинных источников - 84,5 долл. за 1 МВт/ч.¹ Аналитики Программы ООН по окружающей среде отмечают положительный рост инвестиций в ВИЭ с 2011 г. Анализ изучения структуры инвестиций в альтернативную энергетику в мире показывает, что 21,2% приходится на европейские страны. Ввод новых энергетических мощностей в Европе в последнее время осуществляется только за счёт ВИЭ. Однако, европейский альтернативно-энергетический комплекс остаётся дотируемой сферой экономики и существенно зависит от государ-

¹ Сидорович В. Как альтернативная энергетика становится выгодной. Официальный сайт РБК.[Электронный ресурс]. URL: www.rbc.ru/newspaper/2016/06/30/5773ab2d9a794727f46ccaff (дата обращения: 04.03.2016)

ственной политики². В 2015 г. 173 страны мира проводили политику поддержки ВИЭ³. Однако оценить практический вклад разных государств в развитие возобновляемой энергетики сложно, поскольку учтены даже те страны, в которых действует лишь одна политическая мера государственного или местного масштаба.

Динамично растёт малая распределённая генерация, в первую очередь в развивающихся странах. Самым крупным в мире рынком индивидуального солнечного энергообеспечения является Бангладеш [21]. Страна находится почти на экваторе. По данным ООН: Компания Infrastructure Development Company Limited (IDCOL) пропагандирует и распространяет в отдалённых сельских районах домашние солнечные энергосистемы (ДСЭ) при помощи Программы солнечной энергетики, финансовую поддержку которой оказывают Всемирный банк, Глобальный экологический фонд (ГЭФ), Банк развития KfW, Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ), Азиатский банк развития и Исламский банк развития. IDCOL начала эту программу в январе 2003 г. и к июлю 2015 г. успешно профинансировала установку более 3,5 млн ДСЭ, вырабатывающих в целом около 150 МВт электроэнергии. Задачей IDCOL является профинансировать установку 6 млн ДСЭ к концу 2016 г.⁴ В таких странах, как Кения, Уганда, Танзания, Китай, Индия, Непал, Бразилия и Гайана наблюдается быстрое распространение маломасштабных систем на ВИЭ, включая минисети для энергоснабжения населения в отдалённых от централизованного энергоснабжения территориях.

Современная возобновляемая энергетика обеспечивает около 8% конечного энергопотребления для отопления и охлаждения за счёт энергии биомассы и лишь в небольшой степени от солнечной тепловой и геотермальной энергии. Примерно 3/4 мирового потребления тепла обеспечивается органическим топливом. Хотя суммарная мощность и выработка тепла от ВИЭ продолжает расти, в 2015 г. в связи падением цен на нефть темпы роста снизились. Одновременно в Европе происходила широкая интеграция солнечной энергии в ряд систем централизованного отопления [20]. Несмотря на заметный интерес к системам централизованного отопления, использование ВИЭ в них всё ещё довольно редко. Одна из целей устойчивого развития мира состоит в обеспечении всеобщего доступа к недорогим, надёжным и современным энергетическим услугам на основе возобновляемых источников энергии.

К 2030 г. прогнозируется удвоение общемирового потребления энергии. При этом за счёт импорта нефти, газа и угля ЕС, по авторской оценке, удовлетворит свои потребности в энергии на 70%, США – на 40%, Япония – на 90%.

² Официальный сайт Центра маркетинговой компетенции в области чистых технологий маркетинговой группы «Текарт» [Электронный ресурс]. URL: www.cleandex.ru/articles/2015/08/12/270_mlrd_doll_bylo_vlozhenno_v_vozobnovlyaemyu_energetiku_v_2014_godu (дата обращения: 04.03.2016)

³ Состояние возобновляемой энергетики 2016. Основные результаты. Глобальный отчёт, 2016, с. 9 http://www.ren21.net/wpcontent/uploads/2016/10/REN21GSR2016_KeyFindings_RUSSIAN.pdf

⁴ <https://unchronicle.un.org/ru/article/2005>

До 2050 г., по оценке автора, нефть, газ и уголь сохранят доминирующую роль в первичном топливно-энергетическом балансе планеты, на их долю будет приходиться до 70% вырабатываемой энергии, сегодня эта цифра превышает 80%. Однако между этими ресурсами произойдёт перераспределение. Если сегодня первенство за нефтью, далее следуют уголь и газ, то в будущем лидерство перейдёт к газу, сравнительные преимущества которого заключаются в объёме запасов и экологичности.

Значимость углеводородов будет обеспечиваться за счёт более активного освоения их нетрадиционных источников, а именно сланцев и газовых гидратов. И в этом большая роль принадлежит комплексному использованию ресурсов [15]. Уголь останется в тройке лидеров лишь при условии, что будут разработаны эффективные технологии, позволяющие улавливать и хранить углекислые газы, так как одной из серьёзных проблем сегодня считается влияние энергетики на климат.

По авторской оценке, гидроэнергетика сохранит свои позиции на уровне 10% от производства энергии. Доля ВИЭ в странах Европы также будет находиться на уровне 10%. И здесь России для развития альтернативных источников энергии необходимо использовать зарубежный опыт государственно-частного партнёрства (ГЧП) развитых государств [6].

Несмотря на существующее сегодня в некоторых странах негативное восприятие атомной энергетики, её роль, по оценке автора, будет возрастать и составит около 8% от мирового производства энергии. Относительная экологичность и доступность этой энергии позволит решить проблему «энергетического голода» и энергобезопасности.

При сохранении доминантной роли углеводородов критическое значение будут иметь электростанции нового типа, на которых весь углекислый газ улавливается и используется повторно для генерации электроэнергии. Дополнительное преимущество такого рода энергосистем заключается в том, что производство электричества обходится на 30-40% дешевле в сравнении с действующими угольными станциями. Первая подобная установка мощностью 50 мегаватт работает в США весной 2017 г. [12].

Исследования Мирового энергетического совета позволяют сделать вывод о том, что сегодняшние подходы различных государств к решению глобальной энергетической проблемы демонстрируют свою несостоятельность. Хотя многие государственные лидеры и главы компаний с пониманием относятся к мерам по предотвращению политических и институциональных рисков в мировой энергетике, единое видение путей решения этой проблемы отсутствует. По мнению экспертов Мирового энергетического совета, повышение эффективности использования энергоресурсов можно достичь за счёт изменения существующего подхода к взаимодействию факторов энергетического рынка. Следует сосредоточиться на учёте региональных и национальных контекстов, а также дифференцированных потребительских ожиданий.

Согласно исследованию Мирового энергетического совета, в обозримом будущем нехватки ресурсов не ожидается. Открытие всё новых ресурсов и появление новых технологий, которые способствуют извлечению нетрадиционных видов нефти и газа и повышают коэффициенты извлечения с существующих месторождений, по авторской оценке уже привели к четырёхкратному увеличению доступных запасов ископаемого топлива в течение последних 10 лет, и эта тенденция сохраняется. По прогнозам, до конца XXI в. углеводородное топливо останется главным источником энергии в структуре мирового топливно-энергетического баланса. Однако будущее энергетики невозможно без возобновляемых источников энергии и атомной генерации, на которые сейчас, по авторской оценке, приходится лишь 20% мирового потребления.

Вызовы и угрозы на мировом энергетическом рынке

Снижение цен на углеводороды выгодно государствам-импортёрам энергетических ресурсов. Однако при низких ценах добывающие компании вынуждены снижать вложения в поддержание и развитие добывающей и транспортной инфраструктуры. Вследствие этого в среднесрочной перспективе возможно сокращение предложения углеводородов на энергетическом рынке.

В качестве вызовов и угроз в энергетической сфере для стран-импортёров энергоресурсов китайские эксперты выделяют:

- зависимость от стран-экспортёров энергоресурсов;
- киберугрозы, кибератаки на энергетическую инфраструктуру;
- экстремизм, террористические атаки;
- экологические проблемы, последствия глобального потепления;
- нарушение поставок вследствие саботажа, политической или нестабильности, региональных конфликтов;
- использование энергетической дипломатии в целях манипулирования [26].

Готовность коллективно противостоять перебоям поставок нефти в краткосрочном периоде остаётся одним из ключевых аспектов деятельности МЭА. МЭА не менее активно занимается повышением энергетической безопасности в долгосрочном периоде, разрабатывая стратегии диверсификации видов энергии и источников поставок, улучшения функционирования и углубления интеграции энергетических рынков [7].

В целях снижения зависимости ЕС от трубопроводных поставок газа Европейская комиссия представила комплекс мер, включающих «развитие ВИЭ, расширение мощностей по импорту СПГ и регазификации, хранилищ газа, а также новый порядок согласования сделок с третьими странами. Последний аспект может затруднить сотрудничество отдельных стран ЕС с Россией, так как они не смогут заключать внешние контракты без предварительного одобрения национального регулятора. Кроме того, для обеспечения стабильности на газо-

вом рынке Еврокомиссия предлагает ввести «принцип солидарности» между странами-членами ЕС. Согласно ему, требуется обеспечивать соседние страны газом в экстренном порядке в случае возникновения там дефицита поставок для населения» [10, с. 30].

Вызовы и угрозы глобальной энергетической проблемы для Российской Федерации и пути их преодоления

Стремление большинства стран к снижению доли углеводородов в энергобалансе приводит к трансформации мирового энергетического рынка. В этих условиях Российская Федерация, как один из крупнейших экспортёров традиционных энергетических ресурсов, сталкивается с необходимостью перехода от экспортно-сырьевого к ресурсно-инновационному развитию экономики.

ТЭК обеспечивает более четверти ВВП Российской Федерации, более половины доходов федерального бюджета и способен выступить локомотивом развития экономики. Для поддержания нужного уровня развития экономики следует далее стимулировать использование газа на общественном и железнодорожном транспорте, а также в грузовых автомобильных перевозках. Кроме того, как отметил в 2016 г. премьер-министр Российской Федерации Д. Медведев на совещании о проекте Энергетической стратегии России на период до 2035 г., необходимо рациональное природопользование с учётом зарубежного опыта на этом направлении [2].

На мировом энергетическом рынке существует тенденция к принятию политизированных решений, в частности, стремление ряда стран к минимизации энергетических отношений с Россией, даже в ущерб собственным экономическим интересам. Так, например, состав газа из месторождений Западной Сибири значительно превышает по качеству австралийский газ⁵.

На снижение потенциала России по добыче и, как следствие, экспорту энергоресурсов нацелены введённые западными странами ограничения по поставкам в нашу страну оборудования и технологий для развития нефтяной промышленности: освоения ресурсов глубоководного шельфа, Арктики, а также сланцевой нефти [4].

Таким образом, в качестве вызовов и угроз Российской Федерации следует выделить:

- смену мировой энергетической парадигмы (переход к ВИЭ);
- тенденцию к глобальному снижению цен на углеводороды;
- отставание от зарубежных инновационных разработок в сфере энергетики при невысокой инновационной активности в России;

⁵ В Западной Сибири распространены экологически чистые «сухой» и «жирный» газы, содержащие малое количество вредных примесей (CO₂, H₂S). «Сухой» газ наиболее эффективен для поставок в электроэнергетику и «метановую» химию (удобрения и т.д.). Компоненты «жирного» газа востребованы в нефтегазовой химии и как моторное топливо. В то время как «кислые» газы, распространённые в Австралии, требуют специальной технологии подготовки и отделения вредных фракций (CO₂, H₂S и т.п.)» [11].

- политизацию мирового энергетического рынка, которая сопровождается дискриминацией российских энергетических компаний и применением экономических санкций;
- замедление потребления топливно-энергетических ресурсов в сравнении с экономическим ростом;
- снижение доли российских энергетических компаний на мировом энергетическом рынке.

Учитывая географическое расположение собственных газовых месторождений, Россия имеет уникальную возможность увеличения экспорта газа на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. В этих условиях основные рекомендации для развития и модернизации ТЭК России могут состоять в следующем:

- снижение зависимости российского топливно-энергетического комплекса от импорта оборудования, комплектующих и запасных частей, услуг (работ) иностранных компаний и использования иностранного программного обеспечения. Среди мер поддержки российских производителей эффективными, по мнению автора, можно назвать налоговые и финансовые инструменты стимулирования энергетических компаний к использованию российской продукции;
- диверсификация экспорта, предусматривающая максимальное расширение направлений и форматов сотрудничества;
- формирование новой энергетики, основанной на возобновляемых источниках энергии и распространении распределённой генерации с использованием интеллектуальных сетей;
- внедрение инновационных энергетических технологий;
- модернизация отрасли с помощью проектов государственно-частного партнёрства;
- особого внимания заслуживает разработка эффективного регулирования и мониторинговый контроль над применением законодательных и нормативных актов посредством оперативной координации деятельности федеральных и региональных/местных органов власти;
- осуществление заявленного в Энергетической стратегии России на период до 2035 г. перехода от экспортно-сырьевого к ресурсно-инновационному развитию экономики, в том числе создание импортозамещающих технологий;
- формирование и развитие транспортной инфраструктуры ТЭК, в том числе в восточных регионах России, где создание новых логистических возможностей соответствует российским геополитическим интересам;
- создание эффективных внутренних рынков природного газа, нефти и электроэнергии, содействие конкуренции, ужесточение стандартов корпоративного управления;
- повышение уровня защиты инфраструктуры от киберугроз;
- повышение нефтеотдачи. Устаревающая, а зачастую устаревшая инфраструктура в электроэнергетике и централизованном теплоснабжении требует значительных капиталовложений. Привлечение инвестиций в модернизацию и

повышение энергоэффективности может быть обеспечено за счёт разработки наиболее рентабельных нефтегазовых запасов и изменения стратегий экспорта. Объёмы добычи и экспорта российской нефти в долгосрочной перспективе, вероятно, снизятся. Чтобы затормозить спад, связанный с истощением зрелых месторождений Западной Сибири, необходимо начать разработку новых месторождений в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике и месторождений сланцевой нефти, а также увеличить коэффициент извлечения нефти (КИН). Из всего вышечисленного меньше всего внимания уделяется повышению КИН.

Российская экономика по-прежнему остаётся в значительной степени неэффективной. На производство единицы ВВП расходуется в два раза больше энергии, чем в странах-членах МЭА [7, с. 20]. Проводимые меры пока не привели к заметному улучшению ситуации, а инфраструктура электроэнергетики и систем централизованного теплоснабжения устаревает и требует значительных капиталовложений. Решению этой проблемы может способствовать реализация международных проектов с участием российских энергокомпаний. Кроме того, в Российской Федерации важно развивать государственно-частное партнёрство, которое, как показывает зарубежный опыт, служит существенным источником получения частных инвестиций в развитие ТЭК [6, с. 12-24]. При этом необходимо принимать во внимание современные вызовы и угрозы, вызванные глобальной энергетической проблемой.

Список литературы

1. Боровский Ю. Новые участники и тренды глобальной энергетики // Международные процессы. 2014. Т. 12. №3 (38). Июль-сентябрь. С. 93-104.
2. Вступительное слово премьер-министра Российской Федерации Д. Медведева на Совещании о проекте Энергетической стратегии России на период до 2035 года // Правительство Российской Федерации, 22.12.2016. URL: <http://government.ru/news/25812/> (дата обращения: 17.02.2017).
3. Выступление И.И. Сечина на Саммите энергетических компаний ПЭФМ «Мировые рынки углеводородов на развилке: сокращение инвестиций в условиях неопределённости или управление рисками?». 18 с. // Роснефть. URL: <https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/03/Vystuplenie.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир) / под ред. д.э.н. Ю.К. Шафраника. М.: Энергия, 2015. 88 с.
5. Глобальная энергетическая проблема // Учебные материалы для студентов. URL: http://mobile.studme.org/1609081124952/ekonomika/militarizatsiya_ekonomiki_voynny_konflikty (дата обращения: 17.02.2017).
6. Захаров А.Н., Овакимян М.С. Использование зарубежного опыта государственно-частного партнёрства в решении экономических задач России (на примере Франции) // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 6. С. 12-24.
7. Захаров А.Н., Овакимян М.С. Топливо-энергетические комплексы ведущих стран мира (России, США, Франции, Италии): учеб. пособие. 2-е изд., доп. М.: МГИМО-Университет, 2016. 177 с.
8. Захаров А.Н., Зокин А.А. Методы оценки конкурентоспособности // Российский внешнеэкономический вестник. 2002. № 12. С. 59-63.
9. Захаров А.Н. Рациональное природопользование в условиях глобализации: международная практика и российская действительность // Российский внешнеэкономический

- вестник. 2003. № 8. С. 38–45.
10. Метаморфозы на рынках нефтепродуктов. Энергетический бюллетень № 33. Февраль 2016. 32 с. // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7908.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
 11. Презентация к докладу Президента Роснефти, 2013 // Роснефть. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_news/176_785/present.pdf (дата обращения: 17.02.2017).
 12. Развитие мировой энергетики до 2050 года в прогнозах лауреатов и членов Международного комитета энергетической премии «Глобальная энергия». URL: <http://vygon.consulting/pressroom/conferences/191/> (дата обращения: 17.02.2017).
 13. Сальгин В.И., Литвинюк И.И. Обзор сценариев развития мировой энергетики // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 197–206.
 14. Телегина Е.А. Новое измерение глобальной энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 5–16. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2015/5_16_TELEGINA.pdf (дата обращения: 17.02.2017).
 15. Трусов А.Д., Захаров А.Н. Комплексное использование сырьевых ресурсов: пути повышения экономической эффективности в условиях НТП. М.: Экономика, 1986. 110 с.
 16. Cherp A., Jewell J., Vinichenko V., Bauer N., Cian E. Global energy security under different climate policies. GDP growth rates and fossil resource availabilities. // *Climatic Change*. 2016. Vol. 136. Iss. 1. Pp 83–94. DOI 10.1007/s10584-013-0950-x
 17. Goldthau A.A Public Policy Perspective on Global Energy Security // *International Studies Perspectives*. 2012. No. 13. Pp. 65–84.
 18. Smeets E., Faaij A., Lewandowski I., Turkenburg W. A bottom-up assessment and review of global bio-energy potentials to 2050 // *Progress in Energy and Combustion Science*. 2007. No. 33. Pp. 56–106.
 19. Solangi K., Islamb M., Saidur R., Rahimb N., Fayaz H. A review on global solar energy policy. *Renewable and Sustainable // Energy Reviews*. 2011. No. 15. Pp. 2149–2163.
 20. Jacobson M., Delucchi M. Providing all global energy with wind, water, and solar power. Part I: Technologies, energy resources, quantities and areas of infrastructure, and materials // *Energy Policy*. 2011. No. 39. Pp. 1154–1169.
 21. Delucchi M., Jacobson M. Providing all global energy with wind, water, and solar power. Part II: Reliability, system and transmission costs, and policies // *Energy Policy*. 2011. No. 39. Pp. 1170–1190.
 22. Jacobson M. Review of solutions to global warming, air pollution, and energy security // *Energy Environmental Science*. 2009. No. 2. Pp. 148–173.
 23. Mohapatra N. Energy security paradigm, structure of geopolitics and international relations theory: from global south perspectives // *GeoJournal*. DOI 10.1007/s10708-016-9709-z
 24. Della R.M., D.A.J. Randb. Energy storage — a key technology for global energy sustainability // *Journal of Power Sources*. 2001. No. 100. Pp. 2–17.
 25. Fujimori Sh., Dai H., Masui T., Matsuoka Y. Global energy model hind casting // *Energy*. 2016. 114. Pp. 293–301.
 26. Wang W., Y. Liu () Geopolitics of global climate change and energy security // *Chinese Journal of Population Resources and Environment*. 2015, pp. 119–126. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10042857.2015.1017907> (дата обращения: 17.02.2017).

Об авторе:

Александр Николаевич Захаров – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: a.zakharov@mgimo.ru.

THE GLOBAL ENERGY CHALLENGE: NEW CHALLENGES AND THREATS, THE WAYS TO OVERCOME THEM

A.N. Zakharov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-187-200

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article describes key aspects of global energy issues, with an emphasis on energy security. The Russian Federation is to face three inter-related challenges: provide energy security, stimulate economic growth and protect the environment, reducing emissions of greenhouse gases that will reduce the level of air pollution and contribute to the global improvement of the atmosphere.

The author analyzes the status and prospects of world energy markets and the forecast of their development for the period up to 2050. As the main trend the development of small-distributed generation is highlighted, primarily in developing countries.

The article justifies the importance of energy efficiency increase in Russia. In our country per unit of GDP consumes two times more energy than the member countries of the IEA, but a noticeable improvement has not yet been achieved. Meanwhile, aging, and often obsolete infrastructure in the electricity and district heat is in urgent need of investment. Attracting investment in the modernization and improvement of energy efficiency can be provided with the following key measures: reducing the dependence of fuel and energy complex on equipment imports; the research of renewable energy sources (RES); development of the most cost-effective oil and gas reserves and the change in export strategy.

Key words: energy security, International Energy Agency (IEA), World Energy Council (WEC), public-private partnership (PPP).

References

1. Borovskii Iu. Novye uchastniki i trendy global'noi energetiki [New members and trends of the global energy]. *International processes*, 2014, vol. 12, no. 3 (38). July–September. Pp. 93-104.
2. Vstupitel'noe slovo prem'er-ministra Rossiiskoi Federatsii D. Medvedeva na Soveshchanii o proekte Energeticheskoi strategii Rossii na period do 2035 goda [Opening remarks of the Prime Minister of the Russian Federation Dmitry Medvedev at the meeting on the project Energy strategy of Russia for the period up to 2035]. *Government of the Russian Federation*, 22.12.2016. Available at: <http://government.ru/news/25812/> (Accessed 17.02.2017).
3. Vystuplenie I.I. Sechina na Sammite energeticheskikh kompanii PEFM "Mirovye rynki uglevodorodov na razvilke: sokrashchenie investitsii v usloviakh neopredelennosti ili upravlenie riskami?" [Igor Sechin's speech at Summit of energy companies PAFM "World hydrocarbon markets at a crossroads: the reduction of investment in conditions of uncertainty or risk management?"]. 18 p. *Rosneft*. Available at: <https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/03/Vystuplenie.pdf> (Accessed 17.02.2017).
4. *Global'naia energetika i geopolitika (Rossiia i mir)* [Global energy and geopolitics (Russia and world)]. Ed. by Yu. K. Shafranik. Moscow, Energiia Publ., 2015. 88 p.

5. Global'naiia energeticheskaia problema [The global energy problem]. *Uchebnye materialy dlia studentov*. Available at: http://mobile.studme.org/1609081124952/ekonomika/militarizatsiya_ekonomiki_voyny_konflikty (Accessed 17.02.2017).
6. Zakharov A.N., Ovakimian M.S. Ispol'zovanie zarubezhnogo opyta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v reshenii ekonomicheskikh zadach Rossii (na primere Frantsii) [The use of foreign experience of public-private partnerships to address economic challenges of Russia (on the example of France)]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2012, no. 6, pp. 12–24.
7. Zakharov A.N., Hovakimyan M.S. *Toplivno-energeticheskie komplekсы vedushchikh stran mira (Rossii, SShA, Frantsii, Italii)* [Fuel and energy complexes leading countries of the world (Russia, USA, France, Italy)]. 2d ed. Moscow, MGIMO University Publ., 2016. 177 p.
8. Zakharov A.N., Zokin A.A. Metody otsenki konkurentosposobnosti [Methods for assessing competitiveness]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2002, no. 12, pp. 59–63.
9. Zakharov A.N. Ratsional'noe prirodopol'zovanie v usloviakh globalizatsii: mezhdunarodnaia praktika i rossiiskaia deistvitel'nost' [Environmental management in conditions of globalization: international practice and Russian reality]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2003, no. 8, pp. 38–45.
10. Metamorfozy na rynkakh nefteproduktov [Metamorphosis on the petroleum products markets]. *Energy Bulletin*, 2016, no. 33, 32 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7908.pdf> (Accessed 17.02.2017).
11. *Prezentatsiia k dokladu Prezidenta Rosnefti*, 2013 [Presentation for the President of Rosneft, 2013]. Available at: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_news/176_785/present.pdf (Accessed 17.02.2017).
12. *Razvitie mirovoi energetiki do 2050 goda v prognozhakh laureatov i chlenov Mezhdunarodnogo komiteta energeticheskoi premii «Global'naiia energiiia»* [The world's energy development to 2050 in the projections of the winners and the Committee members of the International energy prize “global energy”]. Available at: <http://vygon.consulting/pressroom/conferences/191/> (Accessed 17.02.2017).
13. Salygin V.I., Litviniuk I.I. Obzor stsenariiev razvitiia mirovoi energetiki [Overview of global energy sector development scenarios]. *MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 2 (47), pp. 197–206.
14. Telegina E.A. New dimension of global energy security. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2015, no. 11, pp. 5–16. Available at: http://www.imemo.EN/files/File/magazines/meimo/11_2015/5_16_TELEGINA.pdf (Accessed 17.02.2017).
15. Trusov A.D., Zakharov A.N. *Kompleksnoe ispol'zovanie syr'evykh resursov: puti povysheniia ekonomicheskoi effektivnosti v usloviakh NTP* [Complex use of raw material resources: ways of increase of economic efficiency in terms of NTP]. Moscow, Ekonomika Publ., 1986. 110 p.
16. Cherp A., Jewell J., Vinichenko V., Bauer N., Cian E. Global energy security under different climate policies: GDP growth rates and fossil resource availabilities. *Climatic Change*, 2016, vol. 136, iss. 1, pp. 83–94. DOI 10.1007/s10584-013-0950-x
17. Goldthau A. A Public Policy Perspective on Global Energy Security. *International Studies Perspectives*, 2012, no. 13, pp. 65–84.
18. Smeets E., Faaij A., Lewandowski I., Turkenburg W. A bottom-up assessment and review of global bio-energy potentials to 2050. *Progress in Energy and Combustion Science*, 2007, no. 33, pp. 56–106.
19. Solangi K., Islamb M., Saidur R., Rahimb N., Fayaz H. A review on global solar energy policy. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2011, no. 15, pp. 2149–2163.
20. Jacobson M., Delucchi M. Providing all global energy with wind, water, and solar power. Part I: Technologies, energy resources, quantities and areas of infrastructure, and materials. *Energy Policy*, 2011, 39, pp. 1154–1169.

21. Delucchi M., Jacobson M. Providing all global energy with wind, water, and solar power, Part II: Reliability, system and transmission costs, and policies. *Energy Policy*, 2011, no. 39, pp. 1170–1190.
22. Jacobson M. Review of solutions to global warming, air pollution, and energy security. *Energy Environmental Science*, 2009, no. 2, pp. 148–173.
23. Mohapatra N. Energy security paradigm, structure of geopolitics and international relations theory: from global south perspectives. *GeoJournal*. DOI 10.1007/s10708-016-9709-z
24. Della R.M., Randb D.A.J. Energy storage — a key technology for global energy sustainability. *Journal of Power Sources*, 2001, no. 100, pp. 2–17.
25. Fujimori Sh., Dai H., Masui T., Matsuoka Y. Global energy model hind casting. *Energy*, 2016, no. 114, pp. 293–301.
26. Wang W., Liu Y. Geopolitics of global climate change and energy security. *Chinese Journal of Population Resources and Environment*, 2015, pp. 119–126. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10042857.2015.1017907/> (Accessed: 17.02.2017).

About the author:

Alexandr N. Zakharov – Doctor of Economic Sciences, Professor of World Economy Department, MGIMO–University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E–mail: a.zakharov@mgimo.ru.

ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ ДЛЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Я.Н. Зубкова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-201-211
ПАО «Лукойл»

В статье рассматривается современное состояние российской электроэнергетики и основные проблемы её развития в перспективе мировой энергетической революции, которая приведёт к значительному увеличению доли ВИЭ в глобальном производстве и потреблении энергии, а также к использованию промышленных накопителей, что сможет изменить структуру отрасли и значительно снизить цены на электроэнергию. Вытеснение возобновляемыми источниками традиционных видов генерации связано с появлением новых, более экономически эффективных технологий. Производители «прорывных технологий» получают преимущества перед импортёрами инноваций, которые особенно заметны в период формирования нового технологического уклада. Рассматривая возможности эффективного развития электроэнергетики России, важно учитывать её реалии, в числе которых высокий уровень износа оборудования, дефицит капитала и собственных технологий.

В настоящее время в области технологий в электроэнергетике лидируют инновационные экономики Японии, США, Великобритании, Канады, а также динамично развивающаяся экономика Китая. Высокий уровень патентной активности в этих странах обусловлен наличием инфраструктуры, которая способствует коммерциализации новых технологий и свободного доступа к инвестиционному капиталу. В России технологичный экспорт в электроэнергетике происходит в основном за счёт иностранных проектов Росатома.

Эксплуатация оборудования иностранного производства, на которое приходится значительная доля основных фондов, и проблемы с разработкой и внедрением конкурентоспособных технологий осложняются дефицитом инвестиций на внутреннем рынке. Для обслуживания импортного оборудования российские компании вынуждены закупать запчасти за границей и заключать сервисные контракты с иностранными поставщиками. Высокий износ основных фондов также предопределяет необходимость новых инвестиционных вливаний в отрасль. Таким образом, существующая зависимость от иностранных инвесторов будет увеличиваться. В ближайшей перспективе отсутствие отечественных технологий, способных конкурировать на мировом рынке, потребует рассмотрения возможностей для более эффективного привлечения ПИИ и технологического партнёрства с иностранными инвесторами.

Ключевые слова: электроэнергетика, иностранные инвестиции, технологии, энергетическая революция, возобновляемая энергетика, хранение электроэнергии, инвестиции, патент.

УДК 339.727.22 JEL F21

Поступила в редакцию 23.12.2016 г.

Принята к публикации 17.02.2017 г.

Состояние электроэнергетической отрасли оказывает влияние, как на системы жизнеобеспечения общества, так и на уровень и качество экономического развития страны. Для развития национальной экономики важен не только уровень цен на электроэнергию, отражающийся в себестоимости товаров, но и бесперебойное энергоснабжение, которое укладывается в понятие энергетической безопасности. Относительно низкие цены на электроэнергию и её доступность (процесс подключения к сетям, территориальная близость, строительство распределённой генерации) прямо и косвенно влияют на стоимость производимых в стране товаров, а, следовательно, и на их конкурентоспособность на мировом рынке, уровень привлекательности страны для инвесторов и, как следствие, на экономику страны в целом.

В условиях стремительного роста популярности возобновляемой энергетики, успеха американских и азиатских проектов по производству электродвигателей и разработок в сфере малой распределённой генерации мировая электроэнергетика приобретает новые перспективы развития [10].

По мнению многих экспертов, новый технологический уклад, совпадающий с повышательной волной шестого большого цикла Кондратьева (2018-2040 гг.) [1], будет отчасти связан с инновационными разработками в области хранения электроэнергии, которые позволят осуществить переход от традиционных ископаемых энергоносителей к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) и устранить проблемы, связанные с содержанием резервных мощностей.

Именно значительное увеличение доли ВИЭ в глобальном производстве электроэнергии, а также промышленное хранение электроэнергии могут стать основными причинами энергетической революции [7], которая позволит странам, имеющим конкурентоспособные технологии в этой области, занять лидирующие позиции в мировой экономике. К 2010 г. на мировом рынке сложился сектор «экологически чистых технологий» [9], что свидетельствует о развитии энергетики, основанной на использовании ВИЭ, и наличии спроса на новые технологии, как со стороны промышленности, так и домашних хозяйств. При этом важно отметить, что прогнозируемый рост спроса на технологии ВИЭ основан как на пересмотре политики по поддержке ВИЭ во многих странах, например в США, Китае, Индии, Мексике, так и на росте конкуренции в секторе, что способствует снижению стоимости альтернативной генерации. В соответствии с пятилетним прогнозом развития возобновляемой энергетики Международного энергетического агентства (МЭА), к 2021 г. средние затраты в солнечной электроэнергетике снизятся на 25%, а в производстве наземной ветряной энергии — на 15%, повысив её экономическую эффективность¹.

Являясь одной из ведущих стран мира, Россия не может оставаться в стороне от глобальных энергетических изменений, поэтому на данном этапе важной

¹ Medium-Term Renewable Energy Market Report 2016 / IEA. Paris, 2016. pp. 16-17.

является объективная оценка современного состояния электроэнергетической отрасли страны и возможностей её наиболее эффективного развития.

К настоящему времени степень износа инфраструктуры российской электроэнергетики составляет примерно 65% (износ оборудования магистрального сетевого комплекса – 50%, генерации – 65-70%, распределительных электрических сетей – до 70%) [6, с. 32], что говорит о необходимости инвестирования в реконструкцию существующих станций и сетей, а также в строительство новых основных фондов. При этом доля основного оборудования иностранного производства, эксплуатируемого на объектах электроэнергетики, на 2016 г. составила 82% от установленной мощности газовых турбин, 30% от общего количества гидравлических турбин, 62% от общего количества трансформаторов тока и 49% от общего количества автотрансформаторов².

К началу 2016 г. доля ВИЭ без учёта гидроэлектростанций (ГЭС) в установленной мощности электроэнергетики России составила только 0,3% (см. рис.1).

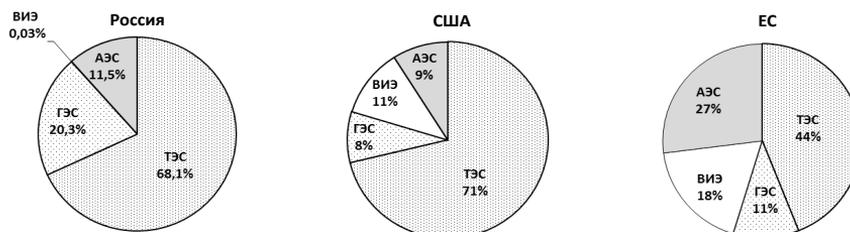

Рис. 1. Структура установленной мощности электростанций России, США и ЕС (на конец 2015 г.)

Fig. 1. Structure of power sources in electrical power plants (Russia, USA, EU)

Источник: данные Министерства энергетики РФ; U.S. Energy Information Administration (EIA); Eurostat.

Несмотря на сравнительно высокую долю ГЭС в общем объёме выработки электроэнергии российскими электростанциями, масштабы и уровень надёжности гидрогенерации существенно ограничивают высокий износ оборудования и маловодность. Так, в связи с уменьшением запасов воды в водохранилищах в 2015 г., выработка гидроэнергии снизилась по сравнению с 2014 г. на 2,6%³.

В рамках комплексной модернизации ГЭС (замена до 50% общего парка турбин, 40% генераторов и 60% трансформаторов), рассчитанной на период до 2025 г., ПАО «РусГидро» стремится привлечь помимо отечественных (ПАО «Силовые машины») иностранных поставщиков. В этих целях с австрийской компанией Voith Hydro было создано совместное предприятие (СП) по производству гидротурбинного оборудования ООО «ВолгаГидро»⁴. СП должно стать одним из центров формирования инновационной среды, способствовать развитию от-

² Министерство энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/5291> (дата обращения: 09.08.2016)

³ Министерство энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1161> (дата обращения: 09.08.2016)

⁴ Годовой отчёт ПАО «РусГидро» за 2015 г. URL: http://www.rushydro.ru/upload/iblock/f8f/ar_2015_rus.pdf

ественной науки и машиностроения. С 2011 г. ПАО «РусГидро» и Voith Hydro успешно сотрудничают по нескольким проектам, крупнейшим из которых является модернизация гидротурбин Саратовской ГЭС, позволяющая увеличить установленную мощность ГЭС на 10% (в 2015-2016 гг. на ГЭС были заменены четыре гидротурбины из 22)⁵. В сентябре 2016 г. ПАО «РусГидро», Voith Hydro и ООО «ВолгаГидро» подписали соглашение, предусматривающее оптимизацию в 10% от договорной стоимости производственных операций, которые будут выполняться на предприятии ООО «ВолгаГидро», и заказ на новые турбины.

ПАО «РусГидро» уже предпринимало попытки создания СП с иностранным партнёром, однако подобный опыт с французской компанией Alstom не стал таким успешным. Созданное в 2011 г. СП ООО «АльстомРусгидроЭнерджи» отказалось от строительства завода по производству гидроэнергетического оборудования из-за низкой привлекательности российского рынка и нестабильной экономической ситуации. Так как падение курса рубля и отсутствие заказов стали основными факторами, повлиявшими на это решение, то обеспеченность ООО «ВолгаГидро» заказами на 10 лет и планы по расширению продуктовой линейки СП даёт возможность ожидать его эффективной работы в долгосрочной перспективе.

Ещё одним примером успешной работы СП является СП ОАО «Силовые машины» и Toshiba Corporation ООО «Силовые машины – Тошиба. Высоковольтные трансформаторы» (доля «Силовых машин» в СП составляет 50,01%, доля Toshiba Corporation – 49,99%). СП принадлежит завод на территории России по производству и поставке силовых трансформаторов. В 2016 г. СП изготовило трансформаторы в рамках проектов по комплектации электротехнического оборудования Усть-Среднеканской ГЭС и реконструкции Волжской ГЭС компании «РусГидро». Создание СП с Toshiba Corporation соответствует стратегическим планам «Силовых машин» по расширению номенклатуры выпускаемой продукции и созданию энергоэффективных и наукоёмких продуктов для отрасли.

Импорт оборудования и привлечение иностранных инвесторов в отрасль энергетического машиностроения свидетельствуют о потребности России в инновационных технологиях. Относительно длительные сроки модернизации и капитального строительства электроэнергетической инфраструктуры, а также большая доля импортного оборудования в функционирующих фондах осложняет переход на российские аналоги. Отсутствие собственных конкурентоспособных технологий усиливает зависимость от иностранных поставщиков, связи с которыми подкреплены сервисными контрактами. Так как ситуация с недостатком «длинных денег» внутри страны усугубилась экономическими санкциями в отношении России, ограничившими доступ к долгосрочным кредитам за границей, привлечение стратегических иностранных инвесторов в электроэнергетическую отрасль стало особенно актуальным.

На рис.1 видно, что доля ВИЭ в установленной мощности США и ЕС значительно выше доли альтернативной генерации в России. Доля ВИЭ в выработке

электроэнергии в мире в 2014 г. составила 22,8% (или 5353 млрд кВт·ч): 16,6% – гидрогенерация, 3,1% – ветрогенерация; 1,8% – генерация на биомассе; 1% – солнечная генерация, 0,5% – геотермальная генерация⁶. По прогнозам МЭА, производство электроэнергии ВИЭ увеличится на 35,5%: с 5660 млрд кВт·ч в 2015 г. до 7672 млрд кВт·ч в 2021 г. (что составит 42% от мирового потребления электроэнергии)⁷.

На конец 2015 г. суммарная установленная мощность ВИЭ в мире составила 1970 ГВт, а к концу 2021 г. ожидается рост данного показателя в 1,4 раза до 2795 ГВт⁸.

В 2015 г. более половины новых энергетических мощностей, введённых в 2015 г. (153 ГВт), составили станции на альтернативных видах топлива, прежде всего, солнца и ветра, что на 15% выше показателя 2014 г. При этом объёмы новой ветряной и солнечной энергетики компенсировали более медленный рост гидрогенерации — по итогам 2015 г. их доля составила около 2/3 от общего объёма ВИЭ.

В ЕС, где развитие альтернативной энергетики является одним из приоритетных направлений энергетической политики, целевой уровень ВИЭ в поставках электроэнергии к 2020 г. был установлен в размере 20% (без учёта ГЭС). Для сравнения: в Энергетической стратегии России на период до 2030 г. аналогичный показатель составляет 4,5%. Важно отметить, что при формировании энергостратегий ЕС учитывалась экономическая эффективность перехода на ВИЭ⁹. Эффективность использования ВИЭ подтверждается удешевлением технологий альтернативной генерации: по данным на ноябрь 2015 г. приведённая стоимость производства электроэнергии в ветроэнергетике составила 32–77 долл./МВт·ч, солнечными электростанциями – 50–70 долл./МВт·ч, что сопоставимо с показателями для парогазовой генерации – 52–78 долл./МВт·ч и газотурбинных электростанций 68–101 долл./МВт·ч.¹⁰

Многие современные экономисты и бизнесмены склонны видеть в переходе от углеводородов к «зелёной экономике» перспективное направление для инвестиций. Facebook, Microsoft и ещё 60 американских транснациональных корпораций (ТНК) создали Альянс потребителей возобновляемой энергии (Renewable Energy Buyers Alliance), целью которого заявлено содействие вводу к 2025 г. в США 60 ГВт генерации, работающей на ВИЭ. General Motors (GM) подписала с EDP Renewables North America контракт на закупку электроэнергии, для которого EDF построит ветроэлектростанцию мощностью 250 МВт [4].

⁵ ПАО «РусГидро». URL: <http://www.rushydro.ru/press/news/101521.html> (дата обращения: 24.09.2016)

⁶ World Energy Perspectives Renewables Integration 2016 / World Energy Council. URL: http://www.worldenergy.org/wp-content/uploads/2016/09/Variable-Renewables-Integration-in-Electricity-Systems-2016-How-to-get-it-right_-Full-Report-1.pdf

⁷ Medium-Term Renewable Energy Market Report 2016 / IEA Paris, 2016. P. 19.

⁸ Ibid.

⁹ Energy 2020. A strategy for competitive, sustainable and secure energy; A policy framework for climate and energy in the period from 2020 to 2030; Energy Roadmap 2050; European Energy Security Strategy

¹⁰ Lazard's Levelized Cost of Energy Analysis — Version 9.0. URL: <https://www.lazard.com/media/2390/lazards-levelized-cost-of-energy-analysis-90.pdf>

Если в России в ближайшее время тема целесообразности увеличения доли ВИЭ в общем объеме выработки остаётся дискуссионной, то текущий и планируемый рост объемов «зелёной генерации» в большинстве развитых и развивающихся стран стал драйвером создания новых технологий и инвестиций в эти проекты. В 2015 г. мировой объём инвестиций в технологии хранения электроэнергии составил 10 млрд долл., в ВИЭ – 290 млрд долл.¹¹ Ожидается, что Парижское соглашение по климату, подписанное в апреле 2016 г., приведёт к увеличению инвестиций в альтернативную энергетику как в развитых, так и в развивающихся странах, в том числе в энергодефицитных регионах Африки и Южной Азии, где планируется реализация крупных проектов по вводу новых мощностей ВИЭ. Такие перспективы, безусловно, стимулируют развитие технологий альтернативной генерации, давая возможность передовым компаниям в этой области диверсифицировать рынки присутствия.

На разработке технологий ВИЭ сосредоточены в первую очередь страны с инновационной экономикой: Япония, США, Австралия, Канада, наиболее экономически развитые страны ЕС, Великобритания, а также Китай¹².

По количеству выданных патентов в области электроэнергетики (генерация, передача, сбыт) и накопителей электроэнергии, мировым лидером выступает Япония¹³. Высокая патентная активность в этой области наблюдается также в США и Китае. Названные страны обладают высоким инвестиционным потенциалом. Совокупность стабильного экономического развития, инвестиционной привлекательности при наличии доступа к долгосрочному капиталу ставит их в положение «инновационных лидеров» в электроэнергетике [3].

Производство оборудования определяет инновационное развитие электроэнергетической отрасли. Владение принципиально новыми технологиями, которые имеют потенциал стать локомотивом нового уклада, даёт неоспоримое преимущество компаниям-производителям и их странам базирования (англ. home country). Напротив, отсутствие собственных технологий делает проекты, компании и, как следствие, экономику страны очень уязвимыми. В качестве яркого примера можно привести отсутствие в России, одной из основных стран-экспортёров сжиженного природного газа (СПГ), собственных технологий по сжижению газа на момент введения санкций, что привело к сильной зависимости от иностранных поставщиков оборудования и дополнительным инвестициям (около 4 млрд руб.) в аналогичные разработки [5]. Подобная ситуация наблюдается и в электроэнергетике, где основными поставщиками оборудования выступают иностранные компании General Electric, Siemens, Alstom, Mitsubishi и др.

¹¹ World Energy Investment 2016 / IEA. Paris, 2016. P. 17.

¹² Patent-based Technology Analysis Report – Alternative Energy Technology / World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/patentscope/en/programs/patent_landscapes/documents/landscape_alternative_energy.pdf

¹³ Eight Great Technologies. Energy Storage. A patent overview / Intellectual Property Office. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/359299/informatics-energy.pdf

Высокая доля импортного оборудования предполагает долгосрочную зависимость от его производителей. Прежде всего, это выражается через сервисное обслуживание, договоры на которое заключаются, как правило, в иностранной валюте, что невыгодно в условиях экономической и финансовой нестабильности. Частая необходимость замены отдельных частей оборудования, вызванная, в том числе и высоким износом (доля основного энергооборудования иностранного производства, эксплуатируемого за пределами срока службы, составляет около 10%¹⁴), также является причиной значительных объёмов затрат и внеплановых остановок на станциях, обрывов в электросетях. Доля иностранных запасных частей для проведения текущих, средних и капитальных ремонтов составляет по разным категориям оборудования объектов генерации от 5 до 83%, на объектах электросетевого хозяйства – от 75 до 95% [2].

В Прогнозе научно-технологического развития отраслей ТЭК России на период до 2035 года к числу перспективных технологических направлений отнесены водородная энергетика, малая распределённая генерация с использованием возобновляемых источников энергии, фотоэлектрические преобразователи и сетевые накопители. Однако для создания конкурентоспособных технологий России придётся искать пути преодоления экономических санкций и недостатка во внутренних инвестициях. Скорее всего, процесс формирования инновационного потенциала потребует привлечения иностранного опыта и капитала, что также оправдано необходимостью поддержания интеграции с мировым рынком технологий.

Единственное направление электроэнергетики, в котором Россия сохраняет позиции крупного производителя и экспортёра «прорывных технологий» – это атомная энергетика. В настоящее время экспорт электроэнергетических технологий из России осуществляет государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», которая строит 36 энергоблоков в иностранных государствах (данные компании по итогам 2015 г.)¹⁵. Ядерное и энергетическое машиностроение в составе «Росатома» сосредоточено в холдинге «Атомэнергомаш».

В большинстве прогнозов развития электроэнергетики российские и зарубежные эксперты придерживаются мнения, что быстрое развитие технологий, в первую очередь касающихся использования ВИЭ, «умных сетей» (технологии Smart¹⁶ Grid) и промышленных аккумуляторов для хранения электроэнергии, смогут привести к структурным изменениям в отрасли [8]. Прежде всего, трансформация мировой электроэнергетики коснётся структуры производства электроэнергии, в которой значительно увеличится доля ВИЭ [13]. Технологии «умных сетей» позволят обеспечить стабильность работы энергосистемы с большой долей генерации ВИЭ и малой распределённой генерации даже при децен-

¹⁴ Министерство энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/5291> (дата обращения: 09.08.2016)

¹⁵ Итоги деятельности государственной корпорации «Росатом» за 2015 г. URL: <http://www.rosatom.ru/upload/iblock/e21/e21ced22b2cc8d7fed8d83cadab6d0b8.pdf>

¹⁶ Self Monitoring Analysis and Reporting Technology – технология самодиагностики, анализа и отчёта.

трализации энергоснабжения [12]. Использование энергонакопителей переведёт электроэнергию в разряд товаров, исключив необходимость содержания резервных мощностей. Внедрение экономически эффективных новых технологий должно также способствовать снижению цен на электроэнергию.

Инвестиции в такие «подрывные инновации» (англ. disruptive innovations) включены в стратегии развития ведущих энергетических компаний, в частности Fortum, Enel, E.ON, EDF.

В перспективе энергетической революции у России появляется возможность преодолеть технологическое отставание, производя собственные инновации. В этом случае приток долгосрочного капитала и трансфера технологий может быть обеспечен за счёт стратегических инвесторов в смежной отрасли энергетического машиностроения (например, через создание СП).

Исходя из общих соображений, электроэнергетическая отрасль в целом привлекательна для иностранных инвесторов. В частности, для ТНК такие вложения позволяют диверсифицировать бизнес, одновременно получив доступ к более дешёвой энергии, а значит, уменьшить себестоимость выпускаемой продукции. Инвесторы получают возможность строительства собственных энергоблоков, вход на новые рынки, перспективные проекты ВИЭ и в большинстве случаев государственную поддержку принимающей страны.

В странах с развитой экономикой присутствие иностранных инвесторов приводит к повышению уровня конкуренции, тем самым создаётся более совершенный рынок потребителя (это касается как энергокомпаний, так и производителей энергооборудования). Странам с развивающейся экономикой внешние инвестиции предоставляют шанс получить не только капитал, но и новые технологии производства и ведения бизнеса.

Фокус российской электроэнергетики на углеводородное топливо, при наличии крупнейших запасов на территории страны, оправдывает себя в условиях сохранения конкурентной цены электроэнергии, вырабатываемой традиционной генерацией, по сравнению с ВИЭ. Однако в противном случае быстрое повышение экономической эффективности ВИЭ совместно с использованием «умных сетей» и масштабного внедрения энергонакопителей сможет спровоцировать уход иностранных инвесторов в новые более перспективные и прибыльные проекты. Очевидно, что при владении уникальными технологиями ТНК будут стремиться войти на рынки, где данные инновации будут востребованы.

Рассматривая мировую и национальную электроэнергетику в перспективе энергетической революции важно отметить, что на этапе формирования нового технологического уклада особую роль наравне с капиталом приобретают инновационные технологии [11]. Страны, которые будут владеть новыми технологиями, смогут получить абсолютное преимущество в этих отраслях.

На текущем этапе в России объективно существует потребность в новых технологиях и инвестициях в существующую инфраструктуру отрасли, поэтому в обозримой перспективе необходимость привлечения прямых иностранных

инвестиций (ПИИ) в энергетическое машиностроение и в электроэнергетическую отрасль будет оставаться высокой. Если в странах, специализирующихся в инновациях в области электроэнергетики, высока доля частных инвестиций местных ТНК, то в России преобладают государственные инвестиции. Инвестиционные вливания в разработку и производство новых технологий в России могут осуществляться благодаря инициативе и поддержке государства (например, проекты «Роснано»)¹⁷, а не в силу их экономической привлекательности.

Использование импортных технологий при отсутствии собственных конкурентоспособных инноваций в будущем усилит зависимость от иностранных инвесторов. Поэтому для постепенного развития собственной технологической базы отрасли необходимо поддерживать долгосрочное сотрудничество с иностранными партнёрами по трансферу технологий, совместному производству и НИОКР. Проводимая в этом отношении политика должна быть ориентирована на глобальные тенденции в мировой энергетике, поддерживая конкурентоспособность российских технологий на мировом рынке, обеспечивая интенсивное развитие электроэнергетической отрасли и высокий уровень энергобезопасности страны.

Список литературы

1. Акаев А., Коротаев А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу // Полит.ру. 14.06.2016. URL: <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/> (дата обращения: 17.02.2017).
2. Грабчак Е.П., Медведева Е.А., Голованов К.П. Импортозамещение – драйвер развития или вынужденная мера // Энергетическая политика. 2016. №3. С. 74-85.
3. Зубкова Я.Н. Концепция «инновационного лидерства» // Горизонты экономики. 2016. № 6. С. 85-91.
4. Ланьшина Т. Зелёная революция: Возобновляемая экономика // Ведомости. Июнь 2016. № 4087. С. 9.
5. Махнева А. «Газпром» и Газпромбанк закажут разработку российской технологии СПГ // Ведомости. 2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/05/31/643011-gazprom-gazprombank> (дата обращения: 17.02.2017).
6. Новиков А.А. Повышение инвестиционной привлекательности электроэнергетической отрасли Российской Федерации // Экономика и управление народным хозяйством. 2016. № 10. С. 29-34.
7. Сидорович В. Мировая энергетическая революция. Как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. М.: Альпина Паблишер, 2015. 208 с.
8. Auer H., Haas R. On integrating large shares of variable renewables into the electricity system // Energy. 2016. Vol. 115, Part 3. Pp. 1592-1601.
9. Caprotti F. Defining a new sector in the green economy: Tracking the techno-cultural emergence of the cleantech sector, 1990–2010. / Technology in Society. 2016. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/303833031_Defining_a_new_sector_in_the_green_economy_Tracking_the techno-cultural_emergence_of_the_cleantech_sector_1990-2010 (дата обращения: 17.02.2017).
10. Forrest K.E., Tarroja B., Zhang L., Shaffer B. et al. Charging a renewable future: The impact of electric vehicle charging intelligence on energy storage requirements to meet renewable portfolio standards // Journal of Power Sources. 2016. Vol. 336. Pp. 63-74.
11. Clark W., Cooke G. Renewable Technologies // Energy, Engineering and Economics. 2015. Pp. 123-148.
12. Günter N., Marinopoulos A. Energy storage for grid services and applications: Classification, market review, metrics, and methodology for evaluation of deployment cases // Journal of

¹⁷ В том числе и в рамках планируемого отраслевого фонда «Электроэнергетика»

Energy Storage. 2016. Vol. 8. Pp. 226-234.
13. Zoua C., Zhao Q. Energy revolution: From a

fossil energy era to a new energy era // Natural Gas Industry B. 2016. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 1-11.

Об авторе:

Ярослава Николаевна Зубкова – специалист Департамента координации энергосбытовой и операционной деятельности Блока энергетики ПАО «Лукойл». 101 000, Россия, Москва, Сретенский бульвар, 11. E-mail: yaroslavazubkova@yandex.ru.

IMPORTANCE OF FOREIGN INVESTORS FOR RUSSIAN POWER INDUSTRY IN PROSPECT OF ENERGY REVOLUTION

Y.N. Zubkova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-201-211

PJSC «Lukoil»

The article discusses current state of Russian electric power industry and the main problems of its development in the future of global energy revolution, which will lead to a significant increase in share of renewable energy in global production and consumption of energy and use of industrial energy storage, and will make it possible to change the structure of the industry and significantly reduce electricity prices.

Traditional energy generation displacement by renewables associated with emergence of new, more cost effective technologies. Producers of “disruptive technologies” receive advantages over importers of innovations, which are especially noticeable during the formation of the new technological wave. Considering possibilities of effective development of Russian power industry, it is important to take into account the realities, including high level of depreciation of equipment, lack of capital and technologies.

Currently, in the field of technology in the power industry innovative economies of Japan, USA, UK, Canada, as well as dynamically developing economy of China are leading. The high level of patent activity in these countries is caused by presence of infrastructure which promotes the commercialization of new technologies and free access to investment capital. In Russia technological exports in power sector occurs mainly due to foreign projects of Rosatom.

Operation of foreign-made equipment which accounts for a significant proportion of fixed assets and problems with the development and introduction of competitive technologies are complicated by the lack of investment in domestic market. For maintenance of imported equipment Russian companies have to buy spare parts abroad and to enter into service contracts with foreign suppliers. High depreciation of fixed assets also determines the need for new investment inflows into the sector. Thus the existing dependence on foreign investors is supposed to increase. In the short term the lack of domestic technologies that can compete on the world market will require consideration of opportunities of more effectively attracting FDI and technological partnerships with foreign investors.

Key words: electric power industry, foreign investments, technologies, energy revolution, renewables, energy storage, investments, patent.

References

1. Akaev A. Shestoi bol'shoitsikl Kondrat'eva v razvitiu mirovoi ekonomiki vstupat v silu [Sixth big Kondratiev cycle in the development of the world economy takes effect]. *Polit.ru*. 2016 (In Russian) Available at: <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/> (Accessed 17.02.2017).
2. Grabchak E.P. Importozameshchenie – draiver razvitiia ili vynuždennaia mera [Import substitution is a development driver, or a necessary measure]. *Energeticheskaia politika — Energy Policy*, 2016, no. 3, pp. 74-85. (In Russian)
3. Zubkova Ia.N. Kontseptsia «innovatsionnogo liderstva» [The concept of «Innovative Leadership»]. *Gorizonty ekonomiki — Economy Horizons*, 2016, no. 6, pp. 85-91. (In Russian)
4. Lan'shina T. Zelenaiia revoliutsiia: Vozobnovliaemaia ekonomiiia [Green Revolution: Renewable savings]. *Vedomosti*, 2016, no. 4087, p. 9. (In Russian)
5. Makhneva A. «Gazprom» i Gazprombank zakazhut razrabotku rossiiskoi tekhnologii SPG [“Gazprom” and Gazprombank will order development of Russian LNG technology]. *Vedomosti*, 2016 (In Russian) Available at: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/05/31/643011-gazprom-gazprombank> (Accessed 17.02.2017).
6. Novikov A.A. El'bakian A.M. Povyshenie investitsionnoi privlekatel'nosti elektroenergeticheskoi otrasli Rossiiskoi Federatsii [Increase of investment attractiveness of power industry of the Russian Federation] *Ekonomika i upravlenie narodnym khoziaistvom – Economics and national economy management*, 2016, no. 10, pp. 29-34. (In Russian)
7. Sidorovich.V. *Mirovaia energeticheskaia revoliutsiia. Kak vozobnovliaemye istochniki energii izmeniat nash mir* [The global energy revolution. As renewables will change our world]. Moscow, Al'pina Publ., 2015. 208 p.
8. Auer H., Haas R. On integrating large shares of variable renewables into the electricity system. *Energy*, 2016, vol. 115, part 3, pp. 1592-1601.
9. Caprotti F. Defining a new sector in the green economy: Tracking the techno-cultural emergence of the cleantech sector, 1990–2010. *Technology in Society*, 2016. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303833031_Defining_a_new_sector_in_the_green_economy_Tracking_the techno-cultural_emergence_of_the_cleantech_sector_1990-2010 (Accessed 17.02.2017).
10. Forrest K.E., Tarroja B., Zhang L., Shaffer B. Charging a renewable future: The impact of electric vehicle charging intelligence on energy storage requirements to meet renewable portfolio standards. *Journal of Power Sources*, 2016, vol. 336, pp. 63-74.
11. Clark W., Cooke G. Renewable Technologies. *Energy, Engineering and Economics*, 2015, pp. 123-148.
12. Günter N., Marinopoulos A. Energy storage for grid services and applications: Classification, market review, metrics, and methodology for evaluation of deployment cases. *Journal of Energy Storage*, 2016, vol. 8, pp. 226-234.
13. Zoua C., Zhao Q. Energy revolution: From a fossil energy era to a new energy era. *Natural Gas Industry B*, 2016, vol. 3, iss. 1, pp. 1-11.

About the author:

Yaroslava N. Zubkova – Specialist at Energy Sales and Operations Department of PJSC “Lukoil” Energy Block. 11 Sretensky Boulevard, Moscow, 101000, Russia.
E-mail: yaroslavazubkova@yandex.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРОДВИЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОВ НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ

Л.С. Ревенко

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-212-226

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рынки сельскохозяйственного сырья и продовольствия подвержены высокой степени государственного регулирования. Выделяют международный, региональный и национальный уровни регулирования аграрных рынков. Наиболее эффективным считается национальный уровень.

Национальное регулирование импорта и экспорта сельскохозяйственных товаров и продовольствия нацелено на обеспечение населения страны продуктами питания и на достижение конкурентных преимуществ отечественных производителей. Практически все страны мира активно регулируют как импорт, так и экспорт аграрной продукции, однако этот процесс является весьма конфликтным из-за острых противоречий на рынке. Они связаны с меняющимися условиями производства, повышением внимания мирового сообщества к состоянию продовольственной безопасности, изменением уровня эффективности используемых ресурсов, обострением конкуренции.

Для России важные внутренние и внешние компоненты поддержки сельхозпроизводителей, то есть регулирование должно быть нацелено на удовлетворение потребностей отечественного рынка и на повышение конкурентоспособности российской продукции за рубежом. Актуальным является вопрос разработки российской стратегии экспорта сельскохозяйственных товаров. Эта проблема тесно связана с общей тематикой развития агропроизводства, однако имеет свою явно выраженную специфику. В этом контексте интересен опыт зарубежных стран.

В зарубежной практике регулирования экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия используются практически все существующие в мировой практике инструменты регулирования экспорта. По охвату товарных позиций, числу эпизодов применения мер регулирования экспорта аграрной продукции, по эффективности влияния на национальный сельскохозяйственный сектор преобладают меры стимулирования.

Целостные стратегии развития экспорта сельскохозяйственных товаров на современном этапе развития мировой экономики не являются распространенным явлением за рубежом. Их наличие характерно для стран с высоким уровнем са-

УДК 338.43, 339.54 JEL F13, N50

Поступила в редакцию 08.08.2016 г.

Принята к публикации 08.12.2016 г.

мообеспечения продовольствием. Большее распространение получили специальные программы, в которых экспортная составляющая является гармонично встроенным элементом.

В развитых странах программы развития экспорта включают в себя комплекс мер по поддержанию целевого уровня доходов товаропроизводителей и по поддержанию закупочных и потребительских цен.

В развивающихся странах экспортная политика имеет подчиненное значение и рассматривается как один из рычагов развития национального сельского хозяйства через использование преимуществ международного разделения труда.

Ключевые слова: экспортная стратегия, агропродовольственная политика, регулирование сельскохозяйственных рынков.

Рынки сельскохозяйственного сырья и продовольствия традиционно являются объектами активного государственного регулирования в силу высокой значимости аграрной продукции для жизни человечества. При этом на каждом этапе развития агропродовольственного сектора происходят изменения в интенсивности такого регулирования, выборе его инструментов, мотивации и нацеленности на решение определенных экономических и социальных задач.

Современный этап развития сельского хозяйства России, как показала практика двух лет функционирования в условиях санкций со стороны ряда стран мира, характеризуется не только остротой решаемых проблем, но и возросшими возможностями по совершенствованию всех элементов сельскохозяйственной системы. Причём в настоящий момент актуальным является комплексный подход к регулированию агропродовольственной сферы страны. По мнению академика А.В. Петрикова, «...сельское хозяйство является наиболее динамично развивающейся отраслью российской экономики. Если в промышленности индекс производства за период 2005–2014 гг. составил 121,3%, то в аграрном секторе 136,2%, в то время как в период 1999–2005 гг. промышленность росла быстрее сельского хозяйства» [6, с. 694]. Соответственно сложившимся условиям формирования мирового рынка сельскохозяйственных товаров, геополитическим изменениям, внутренним факторам возникает необходимость корректировки направлений государственного регулирования не только внутреннего аграрного рынка, но и внешнеторговой политики.

Одной из движущих сил развития сектора, безусловно, является государственная поддержка в рамках принятых Россией обязательств при присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО). Поддержка российских сельхозпроизводителей должна иметь как внутренние, так и внешние компоненты, то есть быть нацеленной на удовлетворение потребностей отечественного рынка и на повышение конкурентоспособности российской продукции за рубежом.

Экспорт сельскохозяйственных товаров приобрёл особое значение в последние годы как объект государственного регулирования в связи с возросшей ро-

лью отрасли в экономической жизни страны. На повестку дня выдвинута задача формирования комплексной стратегии экспорта сельскохозяйственных товаров. Вопрос разработки этой стратегии тесно связан с тематикой развития агропроизводства, однако имеет свою явно выраженную специфику. В этом контексте интересен опыт зарубежных стран.

Целью данного исследования является рассмотрение опыта поддержки аграрного экспорта за рубежом для последующего определения возможного диапазона и параметров российской экспортной стратегии на современном этапе экономического развития мира.

В современных условиях развития мировой экономики внешнеторговое регулирование рынков сельскохозяйственных товаров и продовольствия можно считать не только разветвленным, нацеленным на решение комплекса задач, но и весьма конфликтным из-за меняющихся условий производства, повышения внимания мирового сообщества к состоянию продовольственной безопасности, изменения уровня эффективности используемых ресурсов, обострения конкуренции. При этом практически все страны мира активно регулируют как импорт, так и экспорт аграрной продукции.

Регулирование экспорта сельскохозяйственных товаров и продовольствия является, с одной стороны, элементом системы внешнеторговой политики страны, с другой стороны, – аграрной и промышленной политик. В рамках этого комплексного процесса решаются задачи развития национального сельского и рыбного хозяйства, пищевой промышленности и одновременно расширения присутствия хозяйствующих субъектов страны на зарубежных рынках через увеличение экспорта соответствующей продукции. Справедливо утверждение о том, что «если раньше стимулирование экспорта использовалось, прежде всего, для антикризисного регулирования хозяйства, для борьбы с усиливающейся безработицей или выхода из экономической депрессии, то в настоящее время оно подчинено в первую очередь целям захвата рынков, т.е. перманентной цели, не имеющей каких-либо видимых экономических пределов» [1, с. 217].

Меры торговой политики, которыми регулируется экспорт аграрной продукции, нацелены, с одной стороны, на создание максимально возможных в рамках международных «правил игры» преимуществ национальным производителям на внешних рынках, с другой – на обеспечение продовольственной безопасности страны. Таким образом, по воздействию на объём и по направлению экспорта определённых товаров они могут иметь как стимулирующий, так и сдерживающий характер. Мировая торговля весьма чувствительна к обеим группам мер.

Ограничения аграрного экспорта, как правило, вводятся в условиях нестабильного или кризисного положения на рынках. Автор отмечала ранее, что «в системе конъюнктурообразующих факторов на мировых аграрных рынках в рассматриваемый период особая роль принадлежит регуляторному элементу. Прежде всего, необходимо отметить влияние «гуманизации» на регулирование. Это проявляется в том, что мотивацией введения ряда мер воздействия на ры-

нок сельскохозяйственных товаров на национальном уровне является необходимостью обеспечения продовольственной безопасности либо решения социальных проблем населения» [7, с. 40].

В исследовании Международного центра по торговле и устойчивому развитию отмечается: «Беспокойство о продовольственной безопасности всегда является причиной ограничения странами экспорта. Таким образом, они предотвращают рост цен или ограничивают их рост, лимитируя влияние на цены внутреннего рынка беспорядочного инфляционного давления на международных рынках» [11, с. 131].

По охвату товарных позиций, числу эпизодов применения мер регулирования экспорта аграрной продукции, по эффективности влияния на национальный аграрный сектор в мире преобладают меры стимулирования.

В отраслевом разрезе стимулирование экспорта сельскохозяйственных товаров относится к приоритетным в программах государственной поддержки внешней торговли в развитых странах, а средства стимулирования – преимущественно к нетарифным ограничениям. Меры, нацеленные на сдерживание, могут быть как нетарифными, так и тарифными.

Зарубежный опыт регулирования экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия отличается наличием довольно широкого спектра целеполаганий и, соответственно, многообразием методов и инструментов. В основе этого лежит комплекс причин: от общих условий развития мировой и национальной экономик, состояния сельского хозяйства, глобального регулирования торговли до конкретных факторов экономического, политического, научно-технического, природно-климатического характера.

В агропродовольственном секторе мира используются практически все существующие в мировой практике инструменты регулирования экспорта.

Наиболее часто используются экспортные субсидии (экспортные премии), которые определяются как набор льгот экономического или финансового характера, получаемых компаниями-экспортёрами при вывозе своей продукции за рубеж. Набор льгот повышает конкурентоспособность национальных производителей за счёт снижения издержек и возможности изменения их структуры. Эта группа мер стимулирования экспорта часто связана непосредственно с производством сельскохозяйственной продукции, таким образом, оказывает комплексное воздействие на внутренние и внешние факторы предложения в целом.

Разделяют прямые экспортные субсидии, которые предоставляются непосредственно экспортёру за вывоз товаров за рубеж, и косвенные, включающие в себя набор льгот в отраслях по производству экспортной продукции. Ответной мерой можно считать компенсационные пошлины в странах-импортёрах.

В мировой практике стимулирования экспортной продукции широко используются льготное кредитование, предоставление гарантий по кредитам, налогообложение, страхование и другие меры.

Для сдерживания экспорта сельскохозяйственных товаров в мировой практике используется такая тарифная мера, как экспортная пошлина, применение которой в других отраслях довольно редко. За счёт искусственного повышения цены товара из-за включения экспортной пошлины в издержки достигается ограничение объёма вывоза, поскольку резко снижается конкурентоспособность продукта на внешнем рынке, а его реализация внутри страны становится экономически более выгодной. В теории экспортные пошлины могут взиматься также с фискальными целями, однако для аграрных рынков это нехарактерно.

Из нетарифных мер сдерживания экспорта сельскохозяйственных товаров за рубежом можно выделить количественные ограничения (контингентирование и лицензирование), а также весьма радикальный способ регулирования – эмбарго или полный запрет экспорта. В практике мировой торговли сельскохозяйственным сырьём и продовольствием экспортное эмбарго вводится в случаях резкого ухудшения состояния продовольственной безопасности в стране, снижения степени самообеспеченности продовольствием ниже установленных пороговых уровней, преимущественно под влиянием природно-климатических факторов. Кроме того, может быть политический мотив.

Применение комбинации мер регулирования поставок за рубеж сельскохозяйственной сырьевой продукции и готового продовольствия в зависимости от целей и задач конкретного этапа развития агропродовольственной сферы страны можно рассматривать как стратегию развития экспорта. Однако в зарубежной практике этот термин практически не употребляется. Чаще используется слово «программа». Программный подход позволяет повысить конкретизацию процесса регулирования экспорта и гибкость в использовании инструментов.

Практически во всех странах практикуется такая форма стимулирования вывоза сельскохозяйственных товаров, как создание центров развития экспорта (универсальных и специализированных), которые оказывают производителям и поставщикам организационную, информационную поддержку, помогают устанавливать связи с потенциальными покупателями.

Более общий характер, то есть нацеленность не только на повышение экспортного потенциала, но и на расширение производства сельскохозяйственных товаров и продовольствия, имеют центры или другие структуры инновационного развития. Такие подразделения представляют собой фактически научно-исследовательские структуры, где результаты прикладных исследований доводятся до коммерческой стадии инновационного каскада. Чаще всего это селекционно-генетические центры в растениеводстве, животноводстве и птицеводстве.

Экспортная политика в агропродовольственной сфере, как и внешнеэкономическая политика в целом, имеет явно выраженную хронологическую компоненту. Периодизация этапов развития такой политики для каждой страны индивидуальна. В данном исследовании под современным этапом развития экспортной аграрной политики понимается период после Уругвайского раунда

ГАТТ, на котором был подписан пакет соглашений, регулирующих мировую торговлю сельскохозяйственными и рыбными товарами.

Регулирование аграрного сектора является самой противоречивой и конфликтной темой для всех участников сначала ГАТТ, а затем и ВТО, поскольку в торговлю сельскохозяйственными товарами вовлечены все страны мира.

На Уругвайском раунде были приняты новые правила международной торговли, согласно которым все разногласия между государствами по вопросам доступа на рынки должны разрешаться в рамках ВТО на основании подписанных соглашений. Регулирования сельскохозяйственных товаров касались следующие из них:

- Соглашение по сельскому хозяйству (по торговле сельскохозяйственными товарами);
- Соглашение по техническим барьерам в торговле;
- Соглашение по санитарным и фитосанитарным мерам;
- Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности;
- Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам.

Эти соглашения обязательны для всех присоединившихся стран. Подписанные тогда же Международное соглашение по молочным продуктам и Международное соглашение по говядине носили добровольный характер для заинтересованных сторон, и их действие было ограничено во времени.

Пакет соглашений Уругвайского раунда явился достижением на пути либерализации международной торговли сельскохозяйственными товарами и продовольствием. Эти соглашения во многом упорядочили меры регулирования аграрных рынков, создали базу для выравнивания условий доступа к рынкам развивающихся стран, снизили общий уровень протекционизма, позволили тарифицировать многие нетарифные барьеры. Однако, разногласия между странами-членами ВТО по вопросам торговли сельскохозяйственными товарами обостряются. Аграрная проблематика лежит в основе неудач Дохийского раунда ВТО.

В прогнозе развития сельского хозяйства мира, составленном ОЭСР и ФАО на период до 2025 г., подчёркивается необходимость приведения мер торговой политики в соответствие с потребностями современного этапа развития экономики. Эксперты этих авторитетных организаций считают, что на национальном уровне необходимо дальнейшее снижение экспортных субсидий и оптимизация экспортного кредитования [18].

Всё многообразие современной национальной политики регулирования экспорта данных товаров определяется перечисленными выше соглашениями. При этом на теоретическом уровне наблюдается определённая модификация подходов к обоснованию необходимости активного регулирования аграрного экспорта. Намечившееся изменение принципов регулирования экспорта сельскохозяйственных товаров, основанное на новой мотивации, явно проявляется в русле

общего перехода от биполярности к многополярности (или полицентризма) в международных экономических отношениях.

Эта тенденция отмечалась как российскими, так и зарубежными исследователями. Так, ещё на этапе, предшествующем пику агропродовольственного кризиса 2004–2011 годов, в исследовании Ф. Смит модификация тенденций регулирования сельскохозяйственного сектора в рамках ВТО увязывалась с концепциями полицентризма [19]. Через эту призму обосновывалась необходимость дифференцированного подхода стран с разным состоянием аграрного сектора и продовольственной безопасности к регулированию экспорта сельскохозяйственных товаров в целом и к использованию инструментов экспортной поддержки.

Ещё более чётко этот общий подход к регулированию был обозначен в труде норвежских исследователей С.К. Вегрена, Ф. Нильсена и К. Элвстад, посвящённом продовольственной безопасности России. Авторы прямо говорят о том, что «...мантра свободной торговли не является больше универсально применимой» [21].

Опыт зарубежных стран по регулированию экспорта необходимо рассматривать в контексте современных целей и задач развития их национального сельского и рыбного хозяйства. При этом представляется целесообразным остановиться на соответствующих программах стран, во-первых, с традиционно высокой степенью самообеспечения продовольствием и сельскохозяйственным сырьём, во-вторых, достигших успехов в расширении сельскохозяйственного экспорта в последние годы и, в-третьих, предпринимающих в настоящее время активные усилия по развитию экспорта аграрной продукции.

Для агропромышленного комплекса США экспорт на протяжении десятилетий был и остаётся одним из главных факторов роста и расширения масштабов производственной деятельности.

В стране сложилась система комплексной государственной поддержки сельского хозяйства, оформленная институционально в стратегию, реализация которой возложена на Министерство сельского хозяйства (МСХ). Парадигмой этой стратегии является поддержка национальных производителей аграрной продукции.

Основными элементами стратегии, нацеленными, в том числе на развитие экспорта, являются национальные программы, многообразие которых может быть сведено к нескольким направлениям:

- стабилизация цен;
- повышение доходов фермеров и других хозяйствующих субъектов;
- экологизация производства и потребления;
- продовольственная помощь внутри страны и в рамках международных проектов;
- льготное кредитование;
- специальные меры страхования;
- научные исследования;

- продвижения американской аграрной продукции на внешние рынки через государственные институциональные структуры и другие.

В последние годы всё более чётко прослеживается связь этих программ с проектами социального развития села [10, с. 253].

Из общего объёма бюджетных расходов МСХСША на 2017 г. в 155 млрд долларов 71% приходится на программы продовольственной помощи, 16% – на поддержку сельхозпроизводителей и экспортёров, 7% – на экологические программы, 6% – на социальные цели [20, с. 118].

В США достаточно эффективно функционирует система институтов, которые отвечают за реализацию перечисленных стратегических направлений поддержки производства и экспорта сельскохозяйственной продукции. Более 20 лет действует Агентство обслуживания фермеров (Farm Service Agency), имеющее более двух тысяч региональных подразделений. Непосредственно финансированием программ поддержки занимается Товарно-кредитная корпорация (Commodity Credit Corporation).

Кроме финансирования общих программ поддержки аграрного сектора, Товарно-кредитная корпорация осуществляет финансирование программ по поддержке сельскохозяйственного экспорта. Сами экспортные программы разрабатываются Службой сельского хозяйства зарубежных стран (Foreign Agricultural Service; FAS). К числу таких проектов можно отнести Программу развития рынков (Market Development Program), Программу упрощения доступа на внешние рынки (Market Access Program), Программу рынков стран с переходной экономикой (Emerging Markets Program), Программу предоставления кредитных гарантий в рамках экспортных контрактов (Export Credit Guarantee Programs). К примеру, в рамках последней программы на предоставление гарантий по кредитам экспортёров сельскохозяйственной продукции в бюджете на 2017 год выделено 5,5 млрд долларов США [20, с. 118].

Существуют также краткосрочные программы и проекты, направленные на преодоление торговых барьеров.

В Канаде кроме общенациональных программ поддержки аграрного сектора существуют также региональные с экспортными разделами [14].

В ЕС проблема поддержки экспортёров сельскохозяйственной продукции была актуальной с момента образования интеграционной группировки и остаётся таковой до настоящего времени, несмотря на то, что уровень развития аграрных отраслей стран-членов по-прежнему остаётся различным. Этот факт делает весьма конфликтным процесс выработки решений в ЕС по данному вопросу.

На всех этапах развития Единой аграрной политики (ЕАП) ЕС расширение рынков сбыта сельскохозяйственной продукции за пределами группировки было одним из приоритетов. Однако официальная парадигма при этом, как и в США, – поддержка внутренних сельхозпроизводителей. Экспортные стратегии и программы служили ранее и служат сейчас средством для достижения главной цели.

Ядром ЕАП можно считать политику регулирования цен, а именно установление научно обоснованных пределов колебаний цен внутреннего рынка и связи этих изменений с конъюнктурой мировых рынков и выработку на этой основе механизма их поддержания на уровне, обеспечивающем доходы внутренним производителям. Соответственно главной целью, одним из важных инструментов поддержки экспорта являются «реституционные платежи», то есть экспортные субсидии.

В новой ЕАП ЕС на 2014-2020 гг., утвержденной в 2013 г., сохранены существующие ранее принципиальные подходы к регулированию. Однако эта версия нацелена на снижение уровня субсидирования аграрного сектора в целом и экспорта в частности, на повышение эффективности агропроизводства, степени его экологизации [17, с. 7-8]. В ЕАП предусмотрено также активное использование тарифных и нетарифных мер регулирования рынка.

К числу особых случаев поддержки экспортеров ЕС можно отнести финансовую помощь сельхозпроизводителям, пострадавшим от ответных мер, введенных Россией в ответ на санкции ЕС. За один год после введения этих мер из бюджета ЕС аграриям было выплачено 155 млн евро, после сентября 2015 г. – ещё 500 млн евро [2, с. 72].

В условиях обмена санкциями и сокращения экспорта сельскохозяйственной продукции из ЕС в Россию сохранилась возможность поставок аграрных технологий и заинтересованность в этом некоторых европейских партнеров [3, с. 138].

Бразилия в настоящее время, в отличие от автаркических и урбанистских программ конца прошлого века, проводит в аграрном секторе политику повышения уровня самообеспечения продовольствием, реализацию программы «нулевого голода» при одновременном расширении экспортного потенциала. Определённую роль в этом сыграло присоединение страны к интеграционной группировке «Меркосур» и участие в БРИКС.

Специальных программ по развитию экспорта сельскохозяйственной продукции в Бразилии нет, однако практически все программы стимулирования отдельных аграрных отраслей содержат внешнеторговые компоненты. Существуют программы развития животноводства, помощи семейным фермам, инновационного развития. В совокупности эти программы стимулирования сельского хозяйства не только способствовали улучшению показателей сырьевого и перерабатывающего секторов, но и активизировали производство сельскохозяйственных машин, удобрений, создание объектов инфраструктуры и сбытовой сети. Производство сельскохозяйственной техники в Бразилии выросло в 4 раза за 30 лет [9, с. 21].

Одним из важнейших локомотивов повышения эффективности аграрного сектора Бразилии и стимулирования экспорта сельскохозяйственной продукции является государственная поддержка аграрной науки и внедрения высоких технологий. В стране более сорока лет работает государственная корпорация по разработке и внедрению аграрных биотехнологий и других современных мето-

дов ведения сельского хозяйства, осуществляющая исследования в рамках национальных и международных проектов.

В Китае реализация аграрной политики расщеплена по 16 ведомствам [5, с. 144], которые используют весь существующий в мире арсенал торгово-политических мер поддержки сектора, включая внешние компоненты, однако цельной стратегии стимулирования экспорта не существует. После присоединения к ВТО общий уровень поддержки аграрного сектора вырос. В последние годы целью поддержки является, с одной стороны, обеспечение предложения и, с другой стороны, снижение диспаритета цен и доходов товаропроизводителей, но не нацеленность на расширение экспорта [13].

Более того, в отдельные неблагоприятные по урожаю годы Китай практикует ограничения экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

В Индии до настоящего времени программы развития аграрного экспорта не разрабатывались, несмотря на то, что сельское хозяйство рассматривается как один из драйверов экономического роста на период до 2030 г. Основными причинами можно считать низкий уровень национальной продовольственной безопасности и, как следствие, выделение в системе приоритетов на одно из первых мест необходимость обеспечения населения страны продовольствием, а не вывоз его за границу. При этом Индия экспортировала в 2012 - 2014 гг. 42 млн тонн зерна, одновременно заняв жёсткую позицию на Балийской министерской конференции ВТО по вопросу регулирования рынка. В большей степени эта позиция касалась создания запасов по администрируемым ценам по соображениям продовольственной безопасности, то есть для поддержания низких цен на зерно для снижения уровня голода в стране [15].

Показатели производительности в аграрных отраслях Индии ниже, чем в соседних странах. Это создает объективные препятствия для экспорта сельскохозяйственной продукции из Индии в другие страны из-за её низкой конкурентоспособности. Однако в стране наметились подходы к изменению ситуации за счёт внедрения аграрных биотехнологий нового поколения.

В ЮАР сельское хозяйство рассматривается как одна из отраслей, способных обеспечить устойчивость экономического роста. При этом важнейшим фактором роста самого сельского хозяйства является внешний спрос. Предпосылки для его расширения имеются как на региональном (за счёт роста потребления продовольствия в соседних африканских странах), так и на кросс-региональном уровнях. Эксперты высоко оценивают потенциал южно-африканского аграрного сектора, отмечая его высокую конкурентоспособность и инновационность, а также широко диверсифицированный по товарному принципу экспорт [16]. Однако одновременно в качестве сдерживающего фактора экспорта сельскохозяйственной продукции из ЮАР отмечается отсутствие соответствующей программы или стратегии. Более того, для ЮАР характерно дерегулирование экспорта сельскохозяйственной продукции, отказ от его субсидирования практически во всех отраслях.

Можно сделать вывод, что целостные стратегии развития экспорта сельскохозяйственных товаров на современном этапе развития мировой экономики не являются распространённым явлением за рубежом. Большее распространение получили специальные программы, в которых экспортная составляющая является гармонично встроенным элементом. Необходимо отметить также связь этих программ с импортной составляющей, которая для многих стран является более значимым элементом.

В развитых странах с высокой долей самообеспечения продовольствием и сельскохозяйственным сырьём программы развития экспорта включают в себя комплекс мер по поддержанию целевого уровня доходов товаропроизводителей и по поддержанию закупочных и потребительских цен.

В развивающихся странах используется весь арсенал методов торговой политики, нацеленный на решение общих задач развития агропродовольственного сектора при приоритетном обеспечении интересов внутренних потребителей. Экспортная политика имеет при этом подчиненное значение и рассматривается как один из рычагов развития национального сельского хозяйства через использование преимуществ международного разделения труда.

Практически во всех странах из этой группы реализуются программы или мероприятия по гарантированию сельхозпроизводителям минимальных цен или по их администрированию, практикуются выравнивающие платежи, рыночные интервенции, создание гуманитарных и даже буферных запасов по базовым видам продовольствия, активно используются тарифные ограничения импорта и даже экспорта. Показательным является тот факт, что «в период агропродовольственного кризиса первого десятилетия нынешнего века 43 развивающиеся страны снизили импортные пошлины на сельскохозяйственные товары, а 25 – запретили экспорт базовых товаров или увеличили экспортные пошлины до уровня запретительных» [4, с. 77-78].

После агропродовольственного кризиса 2006-2011 гг. в этих странах обострилось противоречие в рамках развития сельскохозяйственных отраслей между необходимостью обеспечивать продовольственную безопасность через рост поставок на внутренний рынок и потребностью расширения экспорта для повышения конкурентоспособности национальных сельхозпроизводителей, встраивания их в международные цепочки добавленной стоимости.

Оба направления требуют государственной поддержки, однако инструментарий такой поддержки различен. Более того, изменение направлений поддержки осуществляется с учётом реальной ситуации на внутренних и внешних рынках в краткосрочном и среднесрочном периодах. Это не позволяет говорить о возможности формирования в этих странах стратегии стимулирования экспорта, предполагающей долгосрочные ориентиры и векторы поддержки.

Исследование показало, что в агропродовольственном секторе мира, даже при наличии общих «правил игры» в виде соглашений ВТО на рынках сельскохозяйственных товаров, не существует универсальных моделей экспортных стра-

тегий. В существующих стратегиях и программах развития агропродовольственной сферы прослеживается явно выраженная индивидуальность, отражающая состояние соответствующих отраслей и цели их развития.

При высокой степени вариативности способов поддержки экспорта в странах мира использование зарубежного опыта при разработке соответствующей российской стратегии не должно носить механического характера, как это бывало не раз в истории страны.

В России наращивание экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия будет идти по мере насыщения внутреннего рынка. Соответственно этому специализированная поддержка аграрного экспорта должна непременно увязываться со спецификой производственной деятельности в сельском хозяйстве и рыболовстве и с особенностями формирования и развития конъюнктуры мировых рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия. При широкой товарной диверсификации российского агропроизводства и региональных отличиях в условиях хозяйственной деятельности для нашей страны объединение экспортной компоненты развития сельскохозяйственного сектора в единую стратегию является целесообразным. Такой подход позволит синхронизировать существующие государственные программы и создать условия для экспорта тех сельскохозяйственных товаров, по которым будет достигнута целевая степень самообеспечения.

Список литературы

1. Бабин Э.П. Внешнеэкономическая политика: учебное пособие. М.: Экономика, 2006. 463 с.
2. Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2015. № 3. С. 72.
3. Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2015. № 4. С. 138.
4. Клинов В.Г. Мировые товарные рынки и цены. М., МГИМО-Университет, 2012. 498 с.
5. Мальцева В.А. Государственная поддержка сельского хозяйства в зарубежных странах: эволюция теории и практики реализации. Екатеринбург, УМЦ УПИ, 2015. 228 с.
6. Петриков А.В. Тенденции развития сельского хозяйства и направления современной агропродовольственной политики России // Труды Вольного экономического общества России. Юбилейное издание. М., Вольное экономическое общество России, 2015. 1115 с.
7. Ревенко Л.С. Мировые товарные рынки: тенденции XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. С. 5. Экономика. 2015. Вып. 3. С. 27-45.
8. Сабельников Л.В. Риски применения мер субсидирования промышленности и опыт рассмотрения соответствующих споров в рамках ВТО // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2015. № 2. С. 4-12.
9. Смирнова Е.В. О состоянии и перспективах развития экономики Бразилии // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2015. № 2. С. 13-26.
10. Супян В.Б. Экономика США: ресурсы, структура и динамика. М.: Магистр Инфра-М, 2014. 480 с.
11. Экспортные ограничения сельскохозяйственной продукции, продовольственная безопасность и ВТО // Торговая политика. 2015. № 2/2. С. 130-144.
12. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011: OECD Countries and Emerging Economies. Paris, OECD, 2011. 352 p.
13. China's New Agricultural Policy: Securing Domestic Supply while Increasing Farm Income. International Centre for Trade and Sustainable Development. Geneva. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ictsd.org/sites/default/files/ChinaNewAgriculturalPolicy-SecuringDomesticSupplywhileIncreasingFarmIncome.pdf> (дата обращения: 12.12.2016).

14. Growing Forward 2: BC Agrifood and Seafood export Program / B.C. Investment Agricultural Foundation. Canada. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://iafbc.ca/funding-opportunities/export/> (дата обращения: 12.12.2016).
15. India's Farm Policies: Supporting Small Farmers while Providing Cheap Food for Consumers / International Centre for Trade and Sustainable Development. Geneva. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ictsd.org/sites/default/files/India%20Farm%20Policies%20-%20Supporting%20Small%20Farmers%20while%20Providing%20Cheap%20Food%20for%20Consumers.pdf> (дата обращения: 12.12.2016).
16. Mohale B. Why South Africa must get real. McKinsey Global Institute. June 2015 [Электронный ресурс] URL: http://www.mckinsey.com/insights/africa/why_south_africa_must_get_real (дата обращения: 12.12.2016).
17. Overview of CAP Reform 2014-2020. Agricultural Policy Perspectives Brief. Brussels, the European Commission, DG Agricultural and Rural Development, 2013. 10 p.
18. Outlook 2016-2025 / OECD-FAO, Rome. 2016. P. 3. [Электронный ресурс] URL: http://OECD-FAO_Agricultural_www.fao.org/3/a-i5778e.pdf (Дата посещения: 12.12.2016).
19. Smith F. Agriculture and WTO. Towards a New Theory of International Agricultural Trade Regulation. Cheltenham, UK, Northampton, USA. 2009. 184 p.
20. USDA Financial Year 2017 Budget Summary. Washington, USDA, 2016. 124 p.
21. Wegren S. K., Nilssen F., Elvestad Ch. The impact of Russian food security policy on the performance of the food system // Eurasian Geography and Economics 2016. Pp. 1 – 29.

Об авторе:

Лилия Сергеевна Ревенко – д.э.н., профессор кафедры международных экономических отношений и внешних экономических связей МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: liliarevenko@yandex.ru.

IMPLEMENTING INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PROMOTING AGRICULTURAL PRODUCTS TO FOREIGN MARKETS: THE RUSSIAN EXPORT STRATEGY

L.S. Revenko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-212-226

Moscow State Institute of International Relations (University)

Almost all countries in the world actively regulate both import and export of agricultural products, however this process is very conflictful because of acute contradictions on the market. They are associated with the changing conditions of production, increase of attention of the world community to the food security situation, change of the used resources efficiency level, competition enhancement.

Both internal and external components of agricultural producers support are important for Russia. That means the regulation should be aimed at meeting the needs of the domestic

market and at increasing competitiveness of Russian products abroad. The development of the Russian export strategy for agricultural products is currently very important. This problem is closely related to the general subject of the agricultural production development, but it has an explicit specific character. In this context experience of foreign countries is interesting. Almost all tools of export regulation existing in the world practice are used in the foreign practice of export regulation of agricultural raw materials and food. Stimulation measures prevail in regards to the coverage of commodity items, number of episodes involving the use of agricultural export regulation measures, effectiveness of impact to the national agricultural sector.

Holistic strategies of agricultural export development are not a widespread phenomenon abroad at the present stage of the world economy development. Their existence is typical for countries with a high level of food self-sufficiency. Special programs where export component is a harmonically built-in element are now more widely spread.

Export development programs of the developed countries include a range of measures to maintain the target income level of producers and to maintain procurement and consumer prices.

Export policy of the developing countries has a subordinated importance and is considered as one of the levels to develop national agriculture through the use of advantages of international division of labor.

Key words: export strategy, agro-food policy, agricultural market regulation.

References

1. Babin E.P. *Vneshneekonomicheskaya politika* [Foreign economic policy]. Moscow, Ekonomika. 2006, 463 p. (In Russian).
2. *Bulletin of foreign commercial information*. 2015, no. 3, p. 72. (In Russian).
3. *Bulletin of foreign commercial information*. 2015, no. 4, p. 138. (In Russian).
4. Klinov V.G., Revenko L.S., Ruzhinskaya T.I. *Mirovye tovarnye rynki i tseny* [World commodity markets and prices]. Moscow, MGIMO-University, 2012, 498 p. (In Russian).
5. Maltseva V.A. *Gosudarstvennaya podderzhka sel'skogo khoziaistva v zarubezhnykh stranakh: evoliutsiya teorii i praktiki realizatsii* [Public support for agriculture in foreign countries: theory evolution and implementation practice]. Ekaterinburg, UMTS UPI (UPI Training Center), 2015, 228 p. (In Russian).
6. Petrikov A.V. Tendentsii razvitiya sel'skogo khoziaistva i napravleniya sovremennoy agropodovolstvennoy politiki Rossii [Agricultural development trends and focus of modern agrifood policy in Russia]. *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Iubileinoe izdanie* [Writings of the Free Economic Society. Jubilee edition]. Moscow, Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Rossii. 2015, 1115 p. (In Russian).
7. Revenko L.S. *Mirovyetovarnyerynki: tendentsii XXI veka* [World commodity markets: XXI century trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika*. 2015, no. 3, p. 27-45 (In Russian).
8. Sabel'nikov L.V. Riski primeneniya mer subsidirovaniya promyshlennosti i opyt rassmotreniya sootvetstvuyushchikh sporov v ramkakh VTO [Risks of application of industry subsidies and experience in considering relevant disputes in the WTO framework]. *Bulletin of foreign commercial information*. 2015, no. 2, pp. 4-72. (In Russian).
9. Smirnova E.V. O sostoianii i perspektivakh razvitiya ekonomiki Brazili [State and prospects for Brazil economy development]. *Bulletin of foreign commercial information*. 2015, no. 2, pp. 13-26. (In Russian).
10. Supian V.B. *Ekonomika SShA: resursy, struktura idinamika* [US economy: resources, economic structure]. Moscow, Magistr Infra-M, 2014, 480 p. (In Russian)
11. *Eksportnye ogranicheniya sel'skokhoziaistvennoi produktsii, prodovolstven-*

- naia bezopasnost' i VTO [Export restrictions on agricultural production, food security and WTO]. *Torgovaia politika*. 2015, no 2/2, pp. 130–144. (In Russian)
12. *Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011: OECD Countries and Emerging Economies*. Paris, OECD, 2011, 352 p.
 13. China's New Agricultural Policy: Securing Domestic Supply while Increasing Farm Income. International Centre for Trade and Sustainable Development. Geneva. 2016. Available at: <http://www.ictsd.org/sites/default/files/China%20New%20Agricultural%20Policy%20-%20Securing%20Domestic%20Supply%20while%20Increasing%20Farm%20Income.pdf> (Accessed 12.12.2016).
 14. *Growing Forward 2: BC Agrifood and Seafood export Program*. B.C. Investment Agricultural Foundation. Canada. 2016. Available at: <http://iafbc.ca/funding-opportunities/export> (Accessed 12.12.2016).
 15. *India's Farm Policies: Supporting Small Farmers while Providing Cheap Food for Consumers*. International Centre for Trade and Sustainable Development. Geneva. 2016. Available at: <http://www.ictsd.org/sites/default/files/India%20Farm%20Policies%20-%20Supporting%20Small%20Farmers%20while%20Providing%20Cheap%20Food%20for%20Consumers.pdf> (Accessed 12.12.2016).
 16. Mohale B. Why South Africa must get real. McKinsey Global Institute. June 2015. Available at: http://www.mckinsey.com/insights/africa/why_south_africa_must_get_real (Accessed 12.12.2016).
 17. *Overview of CAP Reform 2014-2020. Agricultural Policy Perspectives Brief*. Brussels, the European Commission, DG Agricultural and Rural Development, 2013. 10 p.
 18. Outlook 2016-2025. OECD-FAO, Rome. 2016. P. 3. Available at: <http://www.oecd-fao.org/3/a-i5778e.pdf> (Accessed 12.12.2016)
 19. Smith F. Agriculture and WTO. Towards a New Theory of International Agricultural Trade Regulation. Cheltenham, UK, Northampton, USA. 2009. 184 p.
 20. USDA Financial Year 2017 Budget Summary [Electronic resource]. Washington, USDA, 2016. 124 p. Available at: <http://www.obpa.usda.gov/budsum/fy17budsum.pdf> (Accessed 12.12.2016).
 21. Wegren S. K., Nilssen F., Elvestad Ch. The impact of Russian food security policy on the performance of the food system. *Eurasian Geography and Economics*, 2016, pp. 1–29.

About the author:

Lilia S. Revenko – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations and External Economic Ties. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: liliarevenko@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ГРАЖДАНСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ

А.И. Афан
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-227-238
ЗАО «ПО «Одинцово»

Рынок гражданского авиастроения – это сложная, многоступенчатая система взаимодействия производителей и потребителей, затрагивающая все без исключения страны мира. Глобализация и мировой рост экономики привели к неизбежному слиянию национальных рынков в одну единую систему, в которой определяющая роль отведена нескольким крупным корпорациям. В данной статье рассматриваются особенности формирования этого глобального рынка гражданского авиастроения. Анализируются причины возникновения авиастроительных центров через призму социально-политического и экономического развития лидеров отрасли. Рассматриваются факторы, определившие национальную специализацию стран-производителей, в том числе особенности формирования пула американских производителей и исторические факторы лидерства среди них Boeing. Показана специфика становления европейских производителей и их слияние в единый многонациональный концерн. Представлены основные этапы формирования мировой отрасли и её периодизации с начала XX в. до настоящего времени. Дается оценка современного состояния рынка посредством сравнительного анализа основных игроков, их конкурентных стратегий и динамики развития.

В качестве основных тенденций отрасли обозначена сегментация рынка и появление новых авиастроительных кластеров. Рассмотрены основные игроки сегмента ближнемагистрального авиастроения – Embraer и Bombardier. Проанализированы причины их возникновения и развития. Обозначены основные страны-претенденты на вход в мировой рынок гражданского авиастроения.

Ключевые слова: мировой рынок, гражданское авиастроение, конкурентные стратегии, конкурентоспособность, экономический рост, национальная специализация, транснациональные корпорации.

Настоящая статья представляет собой изучение особенностей формирования одной из наиболее наукоёмких отраслей мировой промышленности. Целью автора является определить основные факторы, способствующие становлению отрасли в том виде, в котором она развивается сегодня. Исследования по данной проблеме проводились практически параллельно развитию авиастроительной индустрии в основном в странах-лидерах авиастроительной отрасли. Среди отечественных учёных необходимо отметить работы А.А. Велижаева и Д.А. Соболева, в которых однако акцент анализа ставится на военное авиастроение, а исследования отрасли рассматриваются не в связке с тенденциями мирового рынка, а скорее сквозь призму научно-технических достижений мировой инженерной мысли. Ведущими зарубежными исследователями, определившими основы изучения вопросов мирового гражданского авиастроения являются Брукс П., Дешпанд С., Вертез Д., Херик.

Вместе с тем, следует признать, что ряд существенных вопросов в области проблем мирового гражданского авиастроения остаются мало изученными. Кроме того, в настоящее время отсутствует общепризнанный подход в периодизации истории развития гражданского авиастроения. Автор данной статьи стремится исследовать и проанализировать этапы становления гражданского авиастроения, их основные характеристики и представить свое видение хронологии развития отрасли.

История формирования гражданского авиастроения закладывалась в начале 20 в., ещё до начала мировой научно-технической революции. Главным стимулом к развитию авиастроения послужила Первая мировая война. Ещё в начале военных действий стали очевидны все преимущества самолёта как эффективного вида боевой техники. В связи с этим наиболее передовые страны, в том числе и участники войны, стали уделять большое внимание развитию национального авиастроения. В результате за время Первой мировой войны было произведено более 200 тыс. самолётов, при этом в области авиапромышленности работало свыше 700 тыс. человек [1, с. 25]. В большинстве развитых стран авиастроение стало крупной самостоятельной отраслью промышленности. С окончанием большой войны развитие мировой военно-промышленной индустрии получило большой толчок в результате технологической гонки наиболее развитых стран за военно-техническое превосходство на мировой арене.

Развитие военных технологий закономерно отразилось и на зарождении гражданского авиастроения. Идея пересекать большие расстояния на высоких скоростях привлекала не только ведущих конструкторов и военных мыслителей, но и стала актуальной в бизнес-среде. В связи с этим вскоре после окончания мировой войны начались пассажирские перевозки. На этот способ передвижения возлагались большие надежды, т.к. за годы войны удалось существенно улучшить лётно-технические характеристики самолётов, увеличилась их грузоподъёмность. Кроме того, после окончания боевых действий в распоряжении

воюющих стран оказалось большое количество невостребованных боевых летательных аппаратов, которые, считалось, легко можно переоборудовать в гражданские. Дополнительным фактором, побуждающим к развитию гражданских авиаперевозок, стало фактическое наличие персонала, готового к эксплуатации воздушных судов. Как известно, после Первой мировой войны без работы остались тысячи демобилизованных летчиков и инженерно-технического персонала с богатым опытом обслуживания самолётов.

Воздействие указанных и других факторов привели к запуску регулярных пассажирских авиалиний в Европе к 1919 г. (Берлин – Веймар; Париж – Брюссель; Париж – Лондон). В СССР развитие воздушных перевозок задержалось из-за гражданской войны. Первый пассажирский маршрут Москва – Харьков был организован в мае 1921 г. 1 мая 1922 г. начал работу международный маршрут Москва – Кенигсберг, которую обслуживало российско-германское общество воздушных сообщений «Дерулюфт». В том же году были организованы регулярные воздушные перевозки по маршруту Москва – Нижний Новгород, но продолжались они не долго из-за изношенности авиапарка СССР [2, с. 32].

Однако уже при первых попытках организовать регулярные авиасообщения во всех странах выявились значительные проблемы. Сразу после начала эксплуатации бомбардировщиков в гражданских целях выяснилось, что военные самолёты неудобны для перевозки людей. Фюзеляж самолётов был слишком узкий, двигатели, с одной стороны мощные, с другой – слишком энергоёмкие. Кроме того, слабый ресурс не позволял организовать интенсивную эксплуатацию машин. Все эти ограничения закономерно обусловили высокую стоимость авиаперелётов. В 1921 г стоимость перелёта из Лондона в Париж составляла 21 вместо 5 фунтов стерлингов, запланированных перед открытием маршрута [3, с. 35]. Очевидно, что дороговизна авиабилетов вдобавок к страху перед полетом не стимулировали динамичного развития отрасли. Кроме того, для организации воздушных сообщений необходимо наличие сети аэропортов, систем связи, маяков, промежуточных посадочных площадок, организаций технического обслуживания и ремонта и прочее.

Первой страной, начавшей субсидирование развития коммерческой авиации, стала Франция. Благодаря активным инвестициям в отрасль к середине 1920-х гг. по объёму гражданских авиаперевозок Франция далеко обгоняла другие страны. Уже в 1921 г. на финансирование воздушных перевозок решились и в Англии. По результатам Первой мировой войны Германии запрещалось иметь военную авиацию. Однако обильное субсидирование гражданского самолётостроения оказывало существенную поддержку всему немецкому авиапрому [2, с. 45]. Развитие гражданской авиации на американском континенте началось с перевозок почты по воздуху, и к 1927 г. в стране начались первые регулярные пассажирских перевозки.

Началом серийного производства пассажирских самолётов принято считать выпуск в 1919 г. первого биплана французского производства Farman F-60. Вслед

за Францией свои пассажирские самолёты представляют Англия, СССР и США [5].

Наиболее прорывным на тот период времени считается проект Boeing 247. Этот самолёт был достаточно успешным с технической точки зрения, однако рынок авиаперевозок с каждым годом становился всё жёстче и требовал большей вместительности машин. Спроектированный всего на 10 пассажиров, Boeing 247 было суждено проиграть в борьбе с машинами ещё одного крупного американского производителя Douglas.

К началу 1950-х гг. лидерами на рынке авиастроителей оказались английская de Havilland и американская Douglas. Несмотря на первенство Boeing в выпуске цельнометаллических самолётов, именно Douglas смогла в полной мере реализовать серийный выпуск новых машин. Компания довольно долго удерживала неоспоримое лидерство на рынке с начала 1930-х до конца 1950-х гг. За это время были выпущены модели DC-2, DC-3, DC-4, DC-6 и DC7. Успех моделей и мнимое ощущение контроля рынка помешали менеджменту компании увидеть стратегические тенденции в отрасли. Несмотря на всеобщее мнение о скором переходе от поршневых двигателей к более экономичным турбовинтовым, Boeing начал активные разработки реактивного самолёта ещё в 1948 г. Реактивная авиация получила серьёзный имиджевый урон после катастрофы Comet. Однако Boeing уже имел огромный опыт в производстве и обслуживании реактивных бомбардировщиков, что позволило в том числе получить в 1954 г. правительственный тендер на создание 800 реактивных заправщиков для нужд ВВС. Это событие дало ощутимый толчок для разработки реактивных систем в Douglas.

К середине 1950-х гг. на мировом рынке авиастроения развернулась полномасштабная конкурентная борьба за новый рынок реактивных самолётов. После с выпуска DH106 Comet в 1949 г., ежегодно выпускались новые модели от разных производителей. В 1954 г. первый полёт совершил Boeing 707 [14]. В следующем году в воздух поднялся французский конкурент Sud Aviation Caravelle. В том же 1955 г. первый полёт совершил первый советский реактивный пассажирский самолёт Ту-104. Популяризация реактивной авиации, несмотря на очевидные преимущества, развивалась с трудом, чему способствовал ряд объективных коммерческих факторов – возросший расход топлива, увеличение стоимости эксплуатации, страх людей после катастроф в 1953 и 1954 г. Однако ни одна из компаний не могла позволить себе отстать от конкурентов в вопросах модернизации парка самолётов. Так, в 1959 г. одна из крупнейших авиакомпаний мира, американская Pan American, разместила одновременно два заказа на реактивные самолёты в двух компаниях-производителях: двадцать Boeing 707 и двадцать пять DC-8. Эти заказы дали мощный толчок для всех других участников рынка и обозначили начало новой реактивной эпохи в истории авиации.

К концу 1970-х гг. в мире гражданского авиастроения определились основные производители, влияющие на тенденции рынка. При этом доминирующим игроком среди всех, по общему признанию, считался Boeing. Другие два амери-

канских производителя Lockheed и Douglas переживали ощутимые трудности из-за собственных коммерческих просчётов. Четвёртым производителем к этому времени оказалась европейская компания Airbus, которая своим появлением создало существенную угрозу для наиболее слабых производителей. Douglas к этому времени совершил стратегическую ошибку, отказавшись от производства небольшого двухдвигательного широкофюзеляжный самолёта, фактически уступив это преимущество Airbus. Это позволило этому европейскому стартапу получить точку опоры в глобальном рынке гражданской авиации. Первый самолёт Airbus, A300, идеально заполнил ту нишу на рынке, которую видели все производители, но не заполняли по тем или иным причинам.

К 1966 г. Douglas, не выдержав конкуренции с Boeing, стала убыточной. Компания так и не смогла своевременно реагировать на критические веяния рынка даже после слияния в 1967 г. с крупнейшим производителем боевых самолётов в США, McDonnell Aircraft Corporation. Таким образом, когда-то лидирующая компания, пользующаяся доверием авиакомпаний и миллионов пассажиров, в отличие от Boeing, фактически выпала из конкурентной борьбы на рынке гражданского авиастроения.

После банкротства Douglas фактическим лидером в отрасли остался американский Boeing. Несмотря на огромную популярность DC-8 и DC-9 на протяжении 60-х – 70-х гг., именно Boeing сумел наиболее интенсивно и взвешено инвестировать в реактивные самолёты и к середине 1970-х гг. стал контролировать их зарождающийся рынок. К этому времени Boeing по всему миру приобрела известность как лучшая американская компания, которая, во-первых, обеспечивала огромную часть экспорта страны, во-вторых – научилась строить самолёты лучше, быстрее и дешевле всех производителей в мире [13, с. 4].

Формирование дуополии

На пике безусловного лидерства компания не придавала особого внимания новым производителям, рассматривая всех потенциальных конкурентов далеко позади собственного технологического прогресса. По этой причине Airbus рассматривали в Boeing как очередной европейский проект, который будет существовать до тех пор, пока союз европейских правительств не осознает нецелесообразность инвестиций в заведомо убыточный проект. При этом для своих создателей Airbus был воплощением того, как Европа может конкурировать против самой успешной американской индустрии [9].

Airbus начал свою деятельность как консорциум четырёх европейских национальных корпораций. В нём были представлены Великобритания, Франция, Германия и Испания. Появление компании не было обусловлено появлением революционной идеи или технологического прорыва. Его появление отражало сильное желание Великобритании, Германии, Франции и Испании сохранить свою авиастроительную отрасль. Ни одно из этих государств уже не могло кон-

куруировать с американской компанией, и европейцы увидели единственный выход из ситуации в объединении усилий.

В самом начале своей деятельности в Airbus были многочисленные проблемы, связанные с различием корпоративных культур в четырёх странах и различных подходах к созданию самолёта. Это, конечно, отразилось на результатах деятельности компании в первое время. Кроме того, несмотря на добровольный характер союза национальных производителей, в деятельности компании существовала проблема политических амбиций и конфликта интересов. Руководству компании на протяжении всего существования предприятия приходилось искать способы смягчить приоритетную роль Франции и успокоить взволнованную Германию. Кроме того, надо было как-то взаимодействовать с Великобританией, которая традиционно двойственно относилась ко всем европейским проектам. В этом конкретном случае, Великобритания опасалась, что участие в проекте Airbus может нанести ущерб её интересам в США. При этом Boeing в то время считался компанией, олицетворяющей высочайший успех в истории отрасли. В то же время Airbus тогда представлял из себя компанию с бедной продуктовой линейкой, а кооперация оставалась на крайне низком уровне [16, с. 276].

Тем не менее, существовал ряд причинно-следственных связей, способствующих созданию и развитию европейского концерна.

Во-первых, в Airbus была заложена специфика европейской компании с присущей жёсткой социальной защитой сотрудников. Это правило обеспечивало постоянство компетенций и позволяло компании всегда оставаться на высоком технологическом уровне.

Во-вторых, создатели Airbus точно выявили желание авиаперевозчиков сохранить в возможной степени конкуренцию на рынке авиастроения. Это способствовало негласной поддержке Airbus среди авиакомпаний на начальном этапе становления компании.

В-третьих, Boeing мононациональная компания, в то время как в Airbus более 40 национальностей. Национальное разнообразие создает чувство коллегиальности в коллективе, в котором сотрудники вынуждены согласовывать различные стили работы с одной единственной целью – обеспечить выполнение задачи [7].

В-четвертых, Airbus, по историческим причинам отставший от конкурента, был нацелен на пробивание своей ниши на рынке, на всестороннее развитие с целью подтверждения коммерческой эффективности своего существования. При этом в Boeing целеполагание строилось, в первую очередь исходя из приоритетности удовлетворения интересов акционеров.

Основополагающим фактором успеха европейского производителя стала экономическая политика компании. В ранний период деятельности существовала проблема завышенных расходов на производство и обеспечение продаж. Однако руководство компании путём ряда организационных мероприятий обеспечило сокращение расходов на фонд оплаты труда и производство. В результате,

вплоть до середины 1990-х гг. производство одного самолёта для Airbus обходилось дешевле, чем для Boeing. Кроме того, Airbus изначально строила бизнес-модели, которые экономили деньги как для производителя, так и для авиакомпаний. Например, компания стандартизировала кабины экипажа в семействах самолётов. Это черта получила название «общность» и привлекла усиленное внимание заказчиков. При этом Boeing до последнего не желал вводить эту новацию и реализовал столь необходимый элемент управления парком самолётов лишь в семействе 787.

Несмотря на динамичное развитие, Airbus удалось избежать наиболее распространённых ошибок, присущих большинству крупных компаний. Например, бюрократическая система в компании долго оставалась на самом минимальном уровне. Если же говорить об изначальных конкурентных недостатках, то главной проблемой для европейского концерна с самого начала существования была тирания американского доллара. Как известно, все контракты исторически заключаются в долларах. Как только слабеет валюта, Airbus должен сократить расходы, чтобы сохранить рентабельность продукта. Эта проблема наряду с другими конкурентными позициями сделала Airbus высокоэффективной и высокопродуктивной компанией [9].

Сегмент ближнемагистральных самолётов

Успех гражданского авиастроения и его экономический эффект для всей промышленности в США и европейских странах обратил внимание других развивающихся и развитых стран на тему национального авиастроения. Кроме того, рост мировой экономики и динамичное развитие международного бизнеса вызвали необходимость в небольших самолётах для регионального авиасообщения. Использование больших воздушных судов от Boeing и Airbus для этого сегмента оказалось экономически необоснованным для региональных авиакомпаний. В связи с этим выявилась необходимость в создании небольших ближнемагистральных самолётов, способных перевозить небольшое количество людей на относительно короткие расстояния. Эти факторы способствовали появлению новых игроков на рынке, ранее не имевших национальных традиций и инженерных школ авиастроения.

Среди новичков отрасли одним из первых проявило инициативу правительство Бразилии. Начиная с 1950-х гг., власти начали активно инвестировать в новую отрасль, что привело к созданию в 1969 г. национального производителя Embraer в статусе государственной компании. Деятельность предприятия началась с выпуска первого самолёта EMB110, лёгкой и универсальной турбовинтовой машины для ближнемагистральных перевозок 21 пассажира. Как и любой другой новый производитель отрасли, Embraer обеспечивал свою деятельность в начале развития за счёт государственных заказов и всемерной правительственной поддержки. Благодаря усилиям правительства компания оставалась един-

ственным поставщиком самолётов для внутреннего рынка вплоть до 1975 г. [5]. С середины 1970-х гг. компания начала интенсивную кооперацию с американскими поставщиками комплектующих и запасных частей, что сделало продукцию более конкурентоспособной, а деятельность компании более эффективной. При этом к началу 1980-х гг. большинство комплектующих производилось уже в Бразилии. Усилия национального правительства и менеджмента компании привели к развитию продуктовой линейки и появлению экспортных моделей. Так, в 1985 г. был представлен новый самолёт EMB120, который стал наиболее успешным продуктом Embraer на тот период. Кооперация с ведущими производителями комплектующих и авиакомпаний позволила наладить стабильное серийное производство, ориентированное на глобальный экспорт. Всего с 1974 по 2000 гг. компания выпустила более 2,5 тыс. воздушных судов и к 2010 г. получила статус крупного производителя коммерческих пассажирских самолётов, уступая только Boeing и Airbus. В настоящее время в сегменте региональных пассажирских самолётов Embraer считается одним из двух лидеров мирового рынка.

Вторым крупным игроком на рынке регионального авиастроения стала канадская компания Bombardier. Основанная в 1942 г. компания изначально специализировалась на производстве снегоходов. Начиная с середины 1980-х гг. канадское правительство начало активное поглощение мелких авиастроителей для создания национального производителя. В 1986 г. была создана Bombardier Aerospace на базе Canadair, действовавшей с 1944 г. [17]. Эта компания до 1976 г. была одним из структурных подразделений нескольких крупных авиастроительных корпораций. В 1989 г. новый канадский производитель приобрёл Short Brothers в Северной Ирландии. В 1990 г. к компании был присоединён американский Learjet, а в 1992 г. к корпорации перешёл контроль над бывшим подразделением Boeing - компанией De Havilland Aircraft of Canada. К 2003 г. компания выпускала более 300 самолётов в год и создала серьёзное конкурентное поле для бразильской Embraer.

В 2000 г. в России было создано ЗАО «Гражданские самолёты Сухого» для разработок, производства и продаж авиационной техники гражданского назначения. Компания была создана с акционерным участием итальянского промышленного концерна Finmeccanica. Стартовым и основным в настоящее время проектом предприятия является ближнемагистральный пассажирский самолёт SSJ100, выполнивший первый полёт в 2008 г. С начала серийного производства в 2011 г. до 2016 г. было произведено и поставлено заказчикам 94 самолёта [18]. Дальнейшее развитие программы обусловлено финансированием компании на развитие продаж и послепродажного обслуживания.

В 2008 г. в рамках инициативы сокращения зависимости от иностранных производителей начались активные разработки собственного регионального пассажирского самолёта в Китайской Народной Республике. Первым проектом китайской государственной компании COMAC стал региональный пассажирский самолёт ARJ21, рассчитанный на перевозку до 115 чел. Коммерческая экс-

платация самолёта началась в июне 2016 г. Несмотря на технические сложности, сопровождающие реализацию проекта, китайское правительство планирует в будущем полностью обеспечить внутренние перевозки с помощью ARJ21 [19]. В продуктовой линейке компании COMAC на различных этапах разработки находятся другие проекты, призванные заменить американские и европейские самолёты.

Свои намерения о создании собственного самолётостроения выразила также Япония, долгое время остававшаяся надёжным поставщиком разработок и комплектующих для американской Boeing. В рамках концерна Mitsubishi Group создано авиастроительное подразделение Mitsubishi Aircraft Corporation, разрабатывающее национальный региональный турбовентиляторный самолёт MRJ. Поставка первого самолёта стартовому заказчику запланирована на 2018 г. [20].

Таким образом, зарождение и развитие мировой авиастроительной индустрии прошло несколько стадий становления. Условно становление отрасли можно разделить на четыре этапа.

Первый этап начался сразу после Первой мировой войны с попыток применения военных самолётов для пассажирских перевозок. Уже к середине 1920-х гг. в наиболее передовых промышленных странах началось массовое производство специализированных пассажирских самолётов и обозначилась международная специализация Франции, Англии, Германии, США и СССР в области гражданского авиастроения. Этот период характеризуется появлением регулярных авиасообщений, крупных авиакомпаний и интенсивным развитием авиаперевозок.

Второй этап начинается сразу после Второй мировой войны и характеризуется резкой концентрацией наиболее успешных производителей в США. Такие компании, как Douglas, Lockheed, Convair и Boeing выбились в безусловные лидеры авиастроительной индустрии и во многом конкурентная борьба в отрасли фактически была борьбой между этими компаниями. Успешность и своевременность освоения производства новых самолётов в этот период обусловили выход из конкурентной борьбы многих крупных производителей и создали условия для дальнейшей монополизации рынка.

Третий этап начинается с середины 1960-х гг. и характеризуется монополизацией мирового рынка авиастроения. В результате жёсткой конкурентной борьбы сначала между американскими и европейскими производителями, а затем между ведущими игроками на североамериканском континенте, к 1966 г. определяется лидер индустрии в лице американской Boeing. Конкурентные стратегии Boeing придали ей статус лучшей американской компании, которая обеспечивала огромную часть экспорта страны. Другой особенностью этого периода стало появление новых производителей, деятельность которых вначале не получила должного интереса у Boeing. Отсутствие конкурентного давления со стороны лидера отрасли стало одним из преимуществ в первую очередь для Airbus, а впоследствии для Embraer и Bombardier.

Четвёртый этап в развитии мирового гражданского авиастроения начинается с середины 1980-х гг. и продолжается до настоящего времени. Он характеризуется в первую очередь формированием дуополии на рынке авиастроения. Динамика развития Airbus привела к тому, что уже в 2004 г. компания производила больше самолётов, чем Boeing. Начиная с 2000-х гг. идёт жёсткая конкурентная борьба между этими промышленными гигантами, в которой успех каждой из них носит кратковременный характер и часто ограничивается несколькими месяцами.

Второй отличительной чертой нынешнего периода считается появление нового регионального сегмента на рынке авиастроения, который до настоящего времени остаётся вне зоны интересов Boeing и Airbus. Основными участниками этого сегмента по праву считаются бразильская Embraer и канадская Bombardier, которые являются основными поставщиками региональных самолётов в мировом масштабе. При этом, начиная с 2000-х гг., в конкурентную борьбу за рынок ближнемагистральных самолётов включаются производители из России, Китая и Японии.

Список литературы

1. Велижаев А.А. Авиапромышленность в условиях империализма // История авиации. Москва, 1934. Ч. 1. 165 с.
2. Соболев Д.А. История самолетов 1919 – 1945. Российская политическая энциклопедия. Москва, 2005. 453 с.
3. Дементьева А.Г. Современные условия глобализации и роль транснациональных корпораций // Инициативы XXI в. 2010. № 1. 59-64 с.
4. Brooks P.W. The first transport airplanes // Aeronautics. 2015, no 6, pp.40-42.
5. Daniel V., Szirmai A. Brazilian Aerospace Manufacturing in comparative Perspective: A Brazil/USA comparison of output and productivity. United Nations University. Working paper series. January 2010. 82 p.
6. Deshpande S.R. Aerospace Industry. Manas Publications, 2016. 172 p.
7. Hayward K. European Aerospace Industry. Taylor & Francis Group, 2016. 163 p.
8. Herrick G. The Amazing Story of America's Oldest Flying Airliner. Yellowstone Aviation. 2015. 125 p.
9. Jolly C. The Space Economy at a glance. OECD Publishing, 2015. Pp. 120-122.
10. Mocenco D., Dudian M. Management strategies in European aeronautics industry in the 1970-2013 period // Proceedings of the 8th international management conference "Management challenges for sustainable development", November 6th-7th, 2015, Bucharest, Romania. Pp.56-58.
11. Perspective: A Brazil/USA comparison of output and productivity. United nations university. Working paper series. January, 2010. Pp. 62-64.
12. Salvetat D., Géraudel M., d'Armagnac S. Inter-organizational knowledge management in a competitive context in the aeronautic and space industry // Knowledge Management Research & Practice. 2013, vol. 11, no. 3, pp 265–277.
13. Spreen W. International Cooperation in the Aerospace Industry: How Industry and Governments Learned to build a New Generation of Airplanes Across National Boundaries. ADPR Consult. Sdn. Bhd, 2015. 195 p.
14. Thompson L. What Boeing has meant for America. A centennial assessment. Lexington Institute, July 2016. 140 p.
15. Wesley E.S. Marketing in the International Aerospace Industry. Ashgate Publishing, Ltd., 2016. 126 p.

Об авторе:

Арам Ишханович Афын – аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности МГИМО МИД России. Директор по закупкам и логистике ЗАО «ПО «Одинцово» г. Одинцово, ул. Баковская, дом 5. 143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Баковская, дом 5. E-mail: afaram@yandex.ru.

EVOLUTION OF CIVIL AIRCRAFT INDUSTRY DEVELOPMENT

A.I. Afyan

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-227-238

ZAO PO ODINTSOVO

Civil aircraft industry market is a complex multistage system of manufacturers and consumers, which affects countries all over the world. The globalization and world economic growth caused inevitable merger of national markets into one system where the key role belongs to few corporations. In the article the author analyze peculiarities of civil aircraft industry global market shaping. Main reasons of aircraft industry centers appearance are considered through socio political and economic development of the industry. Factors that caused national specialization of manufacturing countries are examined along with peculiarities of Boeing leadership. The main stages of the industry development are described starting from the beginning of the 20th century up to the present day. The author highlights specific characters of European manufacturers development and their merger into one multinational conglomerate.

Besides, modern market status is examined through benchmark study of the main competitors. Main tendencies of the industry are segmentation and new aviation industry clusters appearance. Key actors of regional aviation are described, which are Embraer and Bombardier. Reasons of their appearance and development are analyzed. Main pretenders for the aviation industry global market entrance are outlined.

Key words: world market, civil aircraft industry, competitive strategies, competitiveness, economic growth, national specialization, transnational corporations.

References

1. Velizhaev A.A. Aviapromyshlennost' v usloviakh imperializma [Aviation Industry in the Conditions of Imperialism]. *Istoriia aviatsii*. Moscow, 1934. Ch. 1. 165 p. (In Russian).
2. Dement'eva A.G. Sovremennye usloviia globalizatsii i rol' transnatsional'nykh korporatsii [Modern conditions of globalization and the role of transnational corporations]. *Initsiativy XXI v. 2010*, no 1, pp. 59-64. (In Russian).
3. Sobolev D.A. *Istoriia samoletov 1919 – 1945. Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia* [History of aircraft 1919 – 1945. Russian political encyclopedia]. Moscow, 2005. 453 p. (In Russian).
4. Brooks P.W. The first transport airplanes. *Aeronautics*. 2015, no 6, pp.40-42.
5. Daniel V., Szirmai A. *Brazilian Aerospace Manufacturing in comparative Perspective: A Brazil/USA comparison of output and productivity*. United Nations University. Working paper series. January 2010. 82 p.
6. Deshpande S.R. *Aerospace Industry*. Manas Publications, 2016. 172 p.
7. Hayward K. *European Aerospace Industry*. Taylor & Francis Group, 2016. 163 p.
8. Herrick G. *The Amazing Story of Americas' Oldest Flying Airliner*. Yellowstone Aviation. 2015. 125 p.
9. Jolly C. The Space Economy at a glance. OECD Publishing, 2015. Pp. 120-122.
10. Mocenco D., Dudian M. Management strategies in European aeronautics industry in the 1970-2013 period. *Proceedings of the 8th international management conference "Management challenges for sustainable development"*, November 6th-7th, 2015, Bucharest, Romania. Pp. 56-58.
11. *Perspective: A Brazil/USA comparison of output and productivity*. United nations

- university. Working paper series. January, 2010. Pp. 62-64.
12. Salvetat D., Géraudel M., d'Armagnac S. Inter-organizational knowledge management in a competitive context in the aeronautic and space industry. *Knowledge Management Research & Practice*. 2013, vol. 11, no. 3, pp 265–277.
 13. Spreen W. *International Cooperation in the Aerospace Industry: How Industry and Governments Learned to build a New Generation of Airplanes Across National Boundaries*. ADPR Consult. Sdn. Bhd, 2015. 195 p.
 14. Thompson L. *What Boeing has meant for America. A centennial assessment*. Lexington Institute, July 2016. 140 p.
 15. Wesley E.S. *Marketing in the International Aerospace Industry*. Ashgate Publishing, Ltd., 2016. 126 p.

About the author:

Aram I. Afyan – Procurement and Logistics Director ZAO PO ODINTSOVO. 143000, Moskovskaya oblast, Odintsovo, Bakovskaya str. 5. E-mail: afaram@yandex.ru.

ДИПЛОМАТИЯ МАДРИДА В ПЕРИОД ПОСТФРАНКИЗМА

А.Ю. Сидоров

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-239-242

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на: Анিকেева Н.Е. Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI в.». М.: МГИМО-Университет, 2016. 490 с.

В рецензии произведён анализ того, насколько представленная работа вписывается в общий контекст исследований внешней политики европейских государств и, в частности, Испании. Делается вывод, что исследование основано на широком круге источников и является результатом многолетней работы автора по выбранной тематике. Отличительной чертой данной публикации является её актуальность, что проявляется, например, в проведённом анализе современных процессов формирования внешнеполитического курса Испании в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Автор осуществляет последовательный анализ основных направлений внешней политики Испании и основных уровней принятия внешнеполитических решений.

Ключевые слова: Испания, внешняя политика, Европа, Средиземноморье, интеграция, демократия, постфранкизм.

Новая монография ведущего отечественного испаниста, д.и.н., профессора МГИМО Н.Е. Анিকেевой «Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI в.». М.: МГИМО-Университет, 2016. 490 с. представляет собой очень актуальное и интересное в научном отношении комплексное исследование внешней политики Испании в послефранкистскую эпоху. Она является логичным творческим продолжением предыдущих учебно-методических и научных трудов автора, в числе которых – монографии «Испания в современном мире: 1976-2004 гг. М., 2007, *Politica exterior de Espana en los siglos XX y XXI* М., 2011, а также учебные пособия «Испания в период правления Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004-2011 гг.)». М., 2013, «Политика Испании и ЕС в Средиземноморье в конце XX – начале XXI вв.». М., 2014, и учебник «История внешней политики Испании». М., 2014 (в соавторстве). В своём новом труде Н.Е. Анিকেевой удалось существенно расширить и углубить научные представления о движущих мотивах, целях, приоритетах и особенностях деятельности Испании на международной арене, о скрытой подоплёке принимаемых официальным Мадридом внешнеполитических решений.

Представляется вполне оправданной выверенная структурная композиция книги, которая состоит из пяти глав, раскрывающих в проблемно-хронологическом ключе основные направления испанской внешней политики, а также введения, заключения и библиографического списка. Достоинством рецензируемой монографии является её очевидная актуальность: она охватывает не только постфранкистский период истории Испании конца XX – начала XXI вв., но и новейшую политическую и историю этой страны (2008-2016 гг.), проходящую под знаком преодоления болезненных последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Отличительной чертой предложенного автором методологического подхода к теме исследования является рассмотрение внешней политики Испании на трёх аналитических уровнях: национальном, региональном и глобальном. Национальный уровень подразумевает изучение взаимосвязи и взаимозависимости внутренней и внешней политики этой страны, региональный – её участие в международных делах на Европейском континенте и в Средиземноморье, глобальный – специфику и уровень вовлечённости Испании в многообразные процессы глобализации (С. 10). Анализ испанской внешней политики на региональном и глобальном уровнях убедительно и органично вписан в международный контекст глубоких перемен, связанных с окончанием холодной войны, становлением и эволюцией новой европейской и глобальной систем международных отношений. В свою очередь, на национальном уровне формирование представлений официального Мадрида о роли Испании в мире рассматривается в книге путём изучения деятельности испанской дипломатии в периоды пребывания у власти правительств «Союза демократического центра» (1976-1982 гг.), «Испанской социалистической рабочей партии» (1982-1996 и 2004-2011 гг.) и «Народной партии» (1996-2004 и 2011-2016 гг.). Каждое из этих правительств, исходя из собственных идейных предпочтений, по-своему интерпретировало и реализовывало национальные интересы страны. Так, например, правительству «Народной партии» Х.М. Аснара, позволившему втянуть Испанию в иракскую авантюру Вашингтона, был свойственен явный проамериканский крен, в то время как социалисты во главе Х.Л. Родригесом Сапатеро, напротив, старались позиционировать страну в качестве самостоятельного игрока в мировых делах. Вместе с тем константой ИСРП и «Народной партии» является их приверженность европейской интеграции: серьёзных расхождений во взглядах по вопросам отношений с ЕС между ними никогда не наблюдалось (С. 462-464).

В работе Н.Е. Анিকেевой обстоятельно рассмотрены все основные приоритеты международной деятельности Испании и взаимосвязь её внутренней и внешней политики, зависящая от сложной и порой быстро меняющейся расстановки сил в «кулуарах Мадридского двора». Автором последовательно освещаются важнейшие направления внешней политики этой страны – атлантическое и европейское, средиземноморское и латиноамериканское, ближневосточное.

Читателя заинтересуют и страницы книги, посвящённые взаимоотношениям Испании со странами АТР, прежде всего с Китаем и Южной Кореей, которые заметно интенсифицировались на рубеже XX - начала XXI вв.

Монографическое исследование проф. Н.Е. Аникеевой опирается на солидную источниковую и библиографическую базу. В ходе исследовательских командировок в Университет Комплутенс, в том числе по линии сотрудничества МГИМО – Банк Сантандер, автор плодотворно поработала в Архиве Сената Испании и в крупнейших научных библиотеках Мадрида. В монографии она широко использовала материалы Архива испанского Сената, а также официальные внешнеполитические документы (тексты соглашений и договоров, выступления министров иностранных дел и т.д.). Ценным источником для изучения истории становления и эволюции советско-испанских и российско-испанских отношений стали мемуары дипломатов – Ю.В. Дубинина, Ф. Морана, Х.М. Гарсиа-Маргальо и других, а также воспоминания премьер-министров Испании Ф. Гонсалеса, Х.М. Аснара и М. Рахоя. В числе более чем 200 научных трудов на русском, испанском и английском языках, проштудированных автором в процессе написания книги, следует отметить работы крупных отечественных политологов и международных О.В. Буториной, В.М. Давыдова, Н.С. Константиновой, А.А. Красикова, П.П. Яковлева, А.А. Орлова, С.П. Пожарской, А.В. Шестопала, а также исследования авторитетных испанских учёных Х.М. Армеро, Х.Бакарии, Р. Бассольса, А. Виньяса, И. Гонсалеса, Х.А. Итурьяга де Барберана, Х.К.Карлоса, Р. Котарело, Х.А. Мартинеса.

Монография проф. Н.Е. Аникеевой может быть рекомендована в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся в российских вузах по специальностям «международные отношения» и «регионоведение». Она станет незаменимым подспорьем для студентов МГИМО, углублённо изучающих дисциплины «История Испании» (2 курс факультета МО) и «Международные отношения и внешняя политика Испании» (4 курс факультета МО). Книга проф. Н.Е. Аникеевой представляет несомненный интерес для аспирантов и преподавателей гуманитарных вузов, для российских международных, историков, всех тех, кто любит Испанию и её народ.

Об авторе:

Андрей Юрьевич Сидоров – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

E-mail: asidorov333@yandex.ru.

DIPLOMACY OF MADRID AFTER FRANCO

A.Y. Sidorov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-239-242

Moscow State Institute of International Relations (University)

Book review: Anikeeva N.E. Outside Spain, the policy at the end of XX- beginning of XXI century". Moscow. MGIMO-University 2016. 490 p.

The review analyses whether the work fits into the overall context of foreign policy and European studies in particular Spain. The conclusion is that the study is based on a wide range of sources and is the result of years of work by the author. A distinctive feature of this publication is its current importance, which is manifested, for example, in the analysis of contemporary processes of formation of Spain's foreign policy in the context of the global financial and economic crisis. The author provides a consistent analysis of the main directions of Spain's foreign policy as well as basic levels of foreign policy decisions - making.

Key words: Spain, foreign policy, Europe, the Mediterranean political space, integration, democracy, post-Franco period.

About the author:

Andrey Y. Sidorov – PhD in History, Associate Professor at the Department of International Relations and Russian Foreign Policy, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

СОХРАНЯЯ ТРАДИЦИИ

М.В. Харкевич
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-243-245

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Шестопа́л А.В. МГИМО: лица и поколения. М.: МГИМО-Университет, 2016. 210 с.

В анализируемом издании представлены различные стороны развития научной школы МГИМО. Автором сделан особый акцент на «человеческом» измерении, на раскрытии личностных особенностей героев воспоминаний, которые в силу тех или иных причин оказались связанными с Московским государственным институтом международных отношений. Большое значение имеют детали, которые могут быть доступны только непосредственному участнику событий и которые позволяют погрузить читателя в социальный контекст происшедшего. В рецензии делается вывод о несомненных литературных достоинствах произведения, что только дополняет глубокое содержание книги.

Ключевые слова: МГИМО, история науки, научные традиции, воспоминания.

В конце 2016 г. вышла в свет книга А.В. Шестопа́ла «МГИМО: лица и поколения». В её основе – статьи, посвящённые учёным, выпускникам МГИМО или людям в силу тех или иных причин тесно связанным с институтом. В заключительной же части можно познакомиться с другими материалами автора – обзорами, интервью и воспоминаниями.

Наполненные теплыми деталями, объёмные, живые очерки, из которых составлена книга, как минимум, дают возможность приятного чтения. Может быть, это не художественные произведения в строгом смысле слова, но порой автору удаётся достичь подлинно литературных эффектов – у читателя то возникает чувство замедленного времени, то ощущение уюта, то создается тревога от стремительно нарастающего темпа событий. Из этого складывается впечатление давней и глубокой связи автора (юношеские стихи которого удостоились лестного отзыва Корнея Чуковского – это, пожалуй, самая ироничная из автобиографических зарисовок книги) с русской литературной традицией. И в целом, слово «традиция» можно предложить как ключ к «Лицам и поколениям». Сквозной темой всплывает в них проблема разрыва традиции – её автор переживает и через опыт своих родителей, прошедших революцию 1917 г., и через свою

многолетнюю работу, посвящённую «революционной» Латинской Америке, и через личное столкновение с событиями начала 1990-х. И кажется, что ему удаётся найти решение. Оно складывается из деталей: на страницах книги ректор МГИМО Францев настойчиво называет институт «лицеем», советские учёные и православные священники вместе работают над стратегией сближения с левыми католиками, а незадачливый мгимовец путает ВЦСПС и отдел внешних церковных связей – ОЦВС. Эти и множество других эпизодов образуют тонкую ткань, конечно, не способную затянуть собой разрывы, но как бы лежащую поверх них и создающую, пусть и зыбкое, но всё же чувство единства, непрерывности.

Если же переключиться на исследовательскую точку зрения, то книга безусловно будет интересна для всех изучающих советскую гуманитарную науку 1960–80-х гг. Внимание к этому периоду усиливается буквально на глазах. После бескомпромиссного отказа от практически всего гуманитарного знания, сформированного в советский период, как безнадежно идеологизированного и заведомо ложного, в настоящее время начинается серьёзный разбор накопленного в ту эпоху. Интерес к этому наследию проявляют не только отечественные авторы. На недостаток знаний о советской социологии, психологии, экономике сетуют и ведущие зарубежные специалисты. Как пример можно привести одного из ведущих историков науки Ф. Мировски, полагающего, что полноценное понимание теории игр, ставшей основой экономики второй половины XX в., требует освоения советских исследований по этой теме, остающихся «неизведанной территорией». Нужно заметить, что на теорию игр также возлагались большие надежды, связанные с научным обеспечением внешней политики, и среди героев «Лиц и поколений» встречаются те, кто имел непосредственное отношение к проекту усиления научной составляющей работы МИД – это и Д.В. Ермоленко, и Э.А. Араб-Оглы, и И.Г. Тюлин. И, конечно же, для истории науки интересна не только их исследовательская работа, но и круг связей этих людей, их личные интересы и особенности характеров, профессиональная деятельность как преподавателей и государственных служащих. В центре внимания очерков как раз и лежат эти биографические детали.

И наконец, всем, кто связан или планирует связать себя с МГИМО, «Лица и поколения» дают отличную возможность лучше узнать ту историю, которая лежит за этой аббревиатурой, давно ставшей хорошо узнаваемым символом. Что скрывается за этим символом, кто наполнил его содержанием, почему он продолжает пользоваться признанием и на государственной службе, и среди научного сообщества – ответы на эти вопросы можно найти только у первых поколений мгимовцев и близких им людей, с которыми и предлагает познакомиться книга.

Об авторе:

Максим Владимирович Харкевич – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: kharekvich@mail.ru.

PRESERVING TRADITIONS

M.V. Kharkevich

DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-243-245

Moscow State Institute of International Relations (University)

Book Review: Shestopal A.V. MGIMO: people and generations. Moscow. MGIMO-University 2016. (in Russian). 210 p.

In the analyzed publication the author presents the various aspects of the development of scientific school at MGIMO-University. The author made a special emphasis on the “human” dimension on the disclosure of personal features of the heroes of memories, who were somehow connected with the Moscow State Institute of International Relations. The details that can only be accessed by a direct participant in the events and that allow the reader to plunge into the social context of what was happening are of great significance. The review concludes that the undoubted literary merits of the product complement the deeper content of the book.

Key words: MGIMO, history of science, scientific traditions, memories.

About the author:

Maxim V. Kharkevich – PhD in Political Science, Associate Professor of World Politics, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: kharkevich@mail.ru.